



ДВИЖЕНИЕ Солнца

СЕРИЯ СИГНАЛ БЕНД
КНИГА ПЕРВАЯ

СЬЮЗЕН ФАННЕТТИ

Данная книга предназначена только для предварительного ознакомления!
Просим вас удалить этот файл с жесткого диска после прочтения.
Спасибо.

Сьюзен Фанетти
“Движение солнца”
Серия: Сигнэл Бэнд (книга 1)

Автор: Сьюзен Фанетти
Название на русском: Движение солнца
Серия: Сигнэл Бэнд
Перевод: betty_page
Редактор: Екатерина Лигус
Вычитка: Eva_Ber
Обложка: Алина Зерняева
Оформление: Eva_Ber

“И тут в мой разум грянул блеск с высот,
Неся свершение всех его усилий.
Здесь изнемог высокий духа взлет,
Но страсть и воля мне уже стремилась,
Как если колесу дать ровный ход,
Любовь, что движет солнце и светила”.

«Божественная комедия. Рай» (Данте Алигьери)

ПРОЛОГ
1989 год

Автомобиль Мены стоял на подъездной дорожке, но в доме было темно. Насколько Джонни мог судить, света не было нигде. Он, как правило, работал допоздна, но сейчас было всего лишь 8:30 вечера. Они должны были быть дома. Семейная жизнь была бы вполне сносной, если бы не утомительные семейные будни, но которые, в свою очередь, крайне важны для Мены. Мужчина надеялся увидеть привычный свет телевизора через панорамное окно в гостиной. Припарковав свой седан около машины жены, он направился к входной двери. Джонни дотронулся до неё, и та оказалась не заперта.

Джон Аккардо построил свою карьеру в войсках США, а именно в «зеленых беретах» он совершил три долгие служебные командировки во Вьетнам. Сейчас он на пенсии работал с гребаными бумажками в чертовом офисном здании, но он всё равно сохранил чутье военного и мог запросто ощутить, когда что-то было не так, как, например, в данную минуту. В состоянии повышенной боевой готовности, он открыл дверь и прошел в свой тёмный дом

Везде было тихо, ничто не вызывало подозрений, но его не покидало предчувствие

беды. Когда мужчина осмотрел гостиную и столовую, затем кухню, он мысленно пытался найти безобидную причину, куда могла исчезнуть его семья, ведь завтра нужно было в школу, а машина жены все еще стояла на своем месте. Возможно, Мена взяла Лилли на прогулку, и они потеряли счет времени или заблудились — вполне возможно, если у нее опять случился «эмоционально-насыщенный день». В такие дни у нее просыпалось нестерпимое желание отправиться «на поиски приключений», и тогда ему приходилось искать ее далеко от дома.

Джонни собирался проверить остальную часть дома, а затем ему нужно было зайти к соседям, чтобы узнать, не там ли его семья. Хотя он сомневался, что они были у соседей. Мена не очень жаловала людей, потому что плохо знала английский язык, по этой причине она не сильно общалась с соседями. Но также нельзя было исключать вариант, что они могли бродить по темным улицам. Он мог только представлять, как его крошка Лилли, которая была очень серьезной и взрослой для своих десяти лет, пытается убедить мать отправиться домой или на поиски помощи.

Прямо сейчас в доме все было спокойно, но он все равно не мог избавиться от напряжения. Мужчина направился вниз по коридору и проверил свой рабочий кабинет. Ничего. Он начал выкрикивать имя своей жены, но что-то внутри — должно быть, предчувствие — остановило его. Джон осмотрел комнату дочери. Ее школьный пиджак и рюкзак лежали на кровати, значит, дочь пришла со школы. Но ее комната выглядела нетронутой. Ее любимые мягкие игрушки сидели в ряд над подушками в льющемся через окна тусклом свете, безучастно глядя на него.

Мужчина прикрыл дверь комнаты и спешно устремился в ванную дочери. Чисто, тихо, ни души.

Он направился к двери в их спальню, но внезапно его затопило предчувствие смерти. Вдруг он четко осознал, чего боялся, и следующая мысль, промелькнувшая у него, подсказала, что именно это он и найдет

Сердце громко стучало в груди, когда Джон рванул в спальню, свернул за угол, не мешкая, направляясь сразу в ванную. Он замер на месте. Ванная находилась прямо напротив двери, и он мог разглядеть даже в темной комнате, что бездыханное тело его жены лежало в ванной, на ее запястьях были следы глубоких и длинных порезов, кровь окрасила воду, запеклась на краю ванной и на плиточном полу.

— О, Иисус. Мена, *dolcezza* (Прим. В переводе с итал. — «милая моя»), нет! — мужчина бросился в ванную и упал на колени возле нее, доставая холодное, безжизненное тело из воды и рыдая. Она была мертва на протяжении долгих часов, лежа здесь в ледяной, кровавой воде.

Он точно не мог сказать, сколько времени просидел в таком положении, рыдая над телом Мены, заливая слезами ее слипшиеся от крови волосы, но, в конце концов, его слезы иссякли. Когда первая волна горя схлынула, его мысли вновь вернулись к Лилли. Знала ли она? Где же была она? Может, Мена отправила ее к подруге, перед тем как совершить это?

Он поцеловал жену, такую прекрасную и хрупкую, настолько сильно им любимую, в губы и уложил ее тело обратно в ванную. Ему нужно было позвонить местным властям. Ему нужно было прибраться в комнате. Он должен был найти свою дочь и придумать, что ей сказать. Ему придется научиться жить снова ради неё. У него больше не было времени на горе. Джон поднялся на ноги и повернулся.

Но внезапно он разглядел в тускло освещенной комнате её. Лилли сидела, сжавшись

всем телом между туалетом и стеной, ручками девочка крепко обнимала ноги, и ее голова лежала на коленях. Школьная форма была вся в темных пятнах. Кровь. Дочка даже не повернулась в его сторону.

Тогда Джонни понял. Лилли вернулась со школы домой и нашла свою мать в таком состоянии. Она забилась в угол и сидела там на протяжении долгих часов, одна в крошечной темноте с окровавленным трупом своей матери. Бездыханным, обнаженным телом.

Мена совершила ужасную вещь. Она оставила своих мужа и дочь, которые любили ее без памяти. Но Мена была сломленной и потерянной душой, и Джонни мог простить ей этот поступок. Но оставить все так, чтобы это обнаружила их дочь... Ни в чем неповинная и одинокая девочка. Он никогда не простит жену за это. Никогда. Мужчина с силой захлопнул и закрыл на замок дверь своего невыносимого горя.

Он опустился на корточки рядом со своей маленькой девочкой.

— Лилли? Лиллибел? Это папа. Иди ко мне, сага (Прим. В переводе с итал. — «дорогая»). Иди ко мне.

Она издала крошечный всхлип, но так и не сдвинулась с места. Его сердце сжалось от боли.

— Ох, bella, позволь мне вытащить тебя от туда (Прим. В переводе с итал. — «красавица»). Иди ко мне.

Девочка поняла на него свои глаза, и он увидел, насколько были широко распахнуты они. Она была испугана, шокирована. Затем он услышал едва различимый шепот:

— Папа? Папа, маме больно, — она говорила так, будто была намного младше своего возраста.

Джон вытянул руку и попытался взять ее ладонь в свою. Ее руки были крепко сцеплены, и она не могла или не хотела ослабить свою хватку. Он видел похожую реакцию детей в деревнях Вьетнама после «Вьетконга», когда вместе с другими войсками США они двигались по территории Вьетнама, находя детей под кроватями, за шкафами или в гребанных ямах в земле, слишком напуганных и травмированных, чтобы принять помощь, когда она прибыла (Прим. Вьеткóнг — военно-политическая организация в Южном Вьетнаме в 1960–1977 годах, являвшаяся одной из воюющих сторон во Вьетнамской войне).

— Я все знаю, Лилли. Давай пойдем на кухню и позвоним, чтобы вызвать помощь. Ты мне поможешь сделать это?

Она смотрела на него пару долгих мгновений, ее глаза были широко распахнуты, в них плескался ужас. Затем Лилли медленно кивнула и протянула ему свою крошечную ладошку. Он взял ее в своей руке и притянул девочку в объятия. Джонни взял дочь на руки и унес подальше от чудовищного происшествия. Мужчина прикрыл дверь спальни, когда они выходили из комнаты, и направился с дочерью на руках в кухню, включая свет по всему пути.

Теперь их осталось только двое.

Глава 1

Следуя указаниям электронного голоса GPS-навигатора, который вещал с высокопарным британским акцентом, Лилли свернула с федеральной автомагистрали и повернула налево на светофоре в том месте, где дорога шла под уклон. Еще пятнадцать миль или около того она ехала вниз по старому дорожному полотну, покрытому щебенкой. За окном простирались сельскохозяйственные угодья, затем девушка проехала мимо огромного деревянного знака, на котором было написано «Добро пожаловать в Сигнал Бенд!». Ей

подумалось, что раньше этот знак, скорее всего, был очень даже симпатичным, окрашенным в яркие цвета, с едва заметными скандинавскими мотивами, но, казалось, что прошло уже много времени с тех пор, как велись работы по поддержанию его в надлежащем виде. И теперь приветственный знак казался поистрепавшимся.

Девушка приехала, прислушиваясь к указаниям GPS, в Сигнал Бенд, штат Миссури. Общий вид города был таким же выдавшим виды, как и его потертый приветственный знак. Лилли полагала, что так и должен был выглядеть типичный городок Среднего Запада, удаленный от большого города настолько, чтобы считаться сельской местностью, но, в свою очередь, расположенный достаточно близко к пригородным супермаркетам, многозальным кинотеатрам, галереям, что вытянули жизнь из местной экономики. Географическая неопределенность означала длинную, медленную, тоскливую смерть для многих городов, подобно этому.

Лилли видела, что когда-то это место было оживленным, пару кварталов главной улицы пытались извлечь выгоду из некогда популярной истории города при помощи антикварных магазинов, пары кафе и существующими и по настоящее время несколькими кафе-мороженое, которые располагались по обеим сторонам улицы. Но во всем, что окружало ее, в спокойном облике города проглядывалась мрачность.

Она подъехала к небольшому одноэтажному дому с огромным панорамным окном, которое возвышалось над общим фасадом дома. Дверь была стеклянной, табличка, на которой было написано «Заходите, мы открыты!», висела посередине на присоске. Золотые буквы на панорамном окне гласили: «Риэлтерское агентство. Мак Эванс, агент по недвижимости». Лилли поняла, что прибыла в место назначения раньше, чем портативный GPS ожил и оповестил о ее об этом. Девушка выключила его и убрала в карман своей кожаной куртки.

Когда она закрыла дверь черного Camaro SS 1968 года (Прим. Camaro SS — одна из винтажных спортивных моделей автомобилей марки «Шевроле»), Лилли на мгновение оторопела от громкого рева двигателей позади нее. Три байкера на мощных «Харлеях» свернули на ближайшем перекрестке и направились вниз по главной улице, которая называлась по-простому — Мейн Стрит (Прим. Дословно «Главная улица», традиционное название центральной улицы в небольшом населенном пункте). Они выглядели угрожающе: в черных шлемах, темных солнцезащитных очках, в байкерских кожаных жилетах. Байкер, который ехал впереди всех — большой и широкоплечий, с темной густой бородой и длинным хвостом, спускающимся по его спине — сначала обратил внимание на ее машину, затем на нее саму, кивнув ей и тем самым посылая мурашки, что бежали по ее телу, пока он проезжал мимо.

На верхних рокерах (прим. Цвета (Colours) — эмблема клуба, нашитая на спину кожаного жилета или джинсовой безрукавки, которые байкеры носят поверх косухи. Символ принадлежности их к определенному клубу, который состоит из трех частей (нижний и верхний рокер, центральная мишень), одна с названием байк-клуба, вторая с местом его организации и третья со статусом), что были вышиты на их спинах, говорилось, что они принадлежат МК «Ночная Банда», на нижнем рокере — штат Миссури. На центральной части жилета вышита эмблема в виде бюста лошади, вероятно, жеребца, с объятой пламенем гривой. Лилли усмехнулась. Изящество никогда не лежало в основе мира МК.

Когда они скрылись за перекрестком, она развернулась и направилась в офис агента по недвижимости.

Офис, очевидно, был перестроенным домом, бывшая гостиная, судя по всему, служила ресепшеном и в тоже время главным рабочим местом. Но не смотря ни на что, тут все равно сохранился уют, присущий дому: стены покрывали обои в цветочек, на полу лежал темно-зеленый ковер, которым выглядел довольно старым и потертым. Там был небольшой столик прямо у двери; Лилли убеждена, что он предназначался для секретаря в приёмной или помощника, или кого бы то ни было ещё. Обычно, для этих целей нанимали молодую девушку. Но сейчас там было пусто. Чуть дальше располагались два рабочих стола, но ни за одним из них не было людей.

— Привет, есть кто-нибудь? — прокричала она.

Пройдя чуть дальше, Лилли услышала приглушенный мужской голос:

— Да, да, одну секунду!

Примерно через минуту обладатель голоса предстал перед ней.

— Привет, Лиллиан, так? Я — Мак, — мужчина протянул руку.

Лилли пожала ее.

— Можно просто Лилли, и привет.

Она никогда не встречалась с Мак Эвансом раньше, они познакомились только сейчас. Он был «среднячком» по всем параметрам, в том числе и в умении вести диалог в частности. Ему около сорока лет, ростом примерно с неё — пять футов и девять дюймов, слегка лысеющий, с жидкими светло-каштановыми волосами. Мак Эванс был обладателем классический прически, он во всем придерживался консервативного стиля, который был модным примерно в середине прошлого века. Также мужчина носил очки без оправы, из-за стекол которых за ней наблюдали карие глаза. И плюс ко всему перечисленному, он был гордым обладателем небольшого «пивного животика». Мак облачился в брюки цвета хаки фирмы «Dockers» и розовую оксфордскую рубашку. Лилли заметила, что на спинку большого кресла, что стояло за массивным столом, была наброшена темно-синяя куртка. Но в его внешности была одна особенность, что не могла остаться незамеченной для всех посетителей, это был его нос — длинный, широкий, большой и немного курносый. Его ноздри были примерно в дюйм длинной. Эта особенность в его внешности, определенно, привлекала внимание.

— Так, Лилли. Почему бы нам не присесть? У меня есть пара документов, которые вам необходимо подписать, и затем я смогу, наконец, вручить ключи от дома. Вы уверены, что не хотите, чтобы я съездил вместе с вами в дом и продемонстрировал, что удобства и обстановка соответствуют всему тому, что указано в нашем объявлении, перед тем как вы подпишите бумаги?

Лилли была уверена. Она бы подписала бумаги не смотря ни на что, и ко всему прочему, она хотела получить как можно быстрее ключи и устроиться в доме. Девушка уселась в кресло, которое стояло напротив стола.

— Нет, все в полном порядке, — она мило улыбнулась ему. — Я вам доверяю.

Он улыбнулся в ответ, явно очарованный ей. Парней вроде Мака было легко обольстить.

— Это обоюдно. Если спросите меня, что нужно этому миру, я вам уверенно отвечу, что мир нуждается в доверии. И, кстати, хочу вам сказать, вы не пожалеете, — он передал ей пару бумаг, которые нуждались в ее подписи, чтобы в итоге подтвердить намерение снять этот дом. Когда она поставила на документах свою подпись и передала их обратно, он в ответ вручил ей два ключа, которые висели на кольце с пластиковым брелком, которому полагалось светиться в темноте. — Так. Медный ключ — это ключ от дома, серебристый

ключ от гаража.

Лилли внимательно посмотрела на ключи и поднялась на ноги. Мак проводил ее до дверей.

— Может, я могу еще что-нибудь сделать для вас?

— Хм-м. Вообще-то, думаю да, — она вновь приветливо улыбнулась. — Я была бы признательна, если бы вы порекомендовали хорошее место для завтрака. Когда я въехала в город, не заметила вывески «Макдональдс».

— Нет, никакого «Макдоналдс». В горных городах, таких, как Сигнал Бенд, нет и близко ничего подобного. Но у нас есть «A&W», где подают разнообразный фаст-фуд, почти то же самое, что и «Макдоналдс». О, а так же есть еще мини-маркет «7-Eleven» (Прим. Крупная сеть небольших магазинов, распространена в 18 странах мира), там вы можете заправить машину и купить всякую всячину. А если вам хочется отлично позавтракать и пообедать то, тогда вам следует навестись «У Мэри». Отличные пироги, свежая выпечка каждый день. Ох, и там вы можете полакомиться самыми мягкими вафлями из всех, что вам когда-либо доводилось пробовать! Так, ну, а на ужин я бы посоветовал вам заскочить в «Мясной Ресторанчик». Ну вот, это и все мои рекомендации, — он улыбнулся, как показалось Лилли, самой что ни на есть соблазнительной улыбкой. — А если честно, я был бы счастлив угостить вас ужином в «Мясном ресторанчике» сегодня вечером, чтобы тем самым поприветствовать вас в нашем городе.

— Оу, Мак. Что ж... это замечательно. Но, знаете, я провела за рулем целый день. Мне правда, нужен хороший отдых. Как на счет того, чтобы встретиться в другой раз, okay?

Он воспринял отказ достаточно легко.

— Заметано. Хорошего отдыха сегодня вечером.

На этом они распрощались, и она направилась к своей машине, чтобы поехать напрямик в свой новый дом.

оОо

Это был огромный панельной совмещенный мобильный дом, который не принадлежал к трейлерному парку только потому, что стоял на фундаменте. Лилли сняла его даже не посетив, потому что по выставленным в интернете фотографиям было очевидно, что он расположен в лесу и в округе в радиусе нескольких миль не было соседей. Плюс, также упоминалось, что дом меблирован. Он был большим, и к нему был пристроен гараж. Но, что самое главное, дом был отлично расположен.

Девушка припарковала свой Камаро напротив дверей гаража, который не был оснащен дистанционной системой управления замком. Поэтому ей пришлось выбираться из машины, открывать дверь, поднимать ее и затем заезжать в гараж. Она достала сумки из багажника и направилась осматривать свой будущий дом.

В доме было чисто и пахло так, словно стены недавно окрасили. Мак подготовил дом к ее приезду. Признаться, её это впечатлило. Дом был немного пустоват, но там имелся необходимый набор мебели, как и предполагала Лилли, он был обставлен в смешанном стиле. Ей сразу подумалось, что это вполне в стиле гаражной распродажи 1970-х годов. Девушка отнесла свои сумки в самую большую спальню. Там была небольшая ванная, примыкающая к спальне. Должно быть, «хозяйская ванная». Забавно.

Простыни и одеяла были аккуратно сложены в изножье кровати на огромном

незастеленном матрасе. Ни за что на свете. Лилли никогда не стала бы использовать простыни, которыми кто-то пользовался до нее. Она убрала простыни, но вот с одеялами у нее была явная проблема. Она достала из машины сумку с постельными принадлежностями, которые выручат её сегодня, а завтра она найдет, где купить парочку простыней и одеяла. Ей все равно нужно было купить много чего для кухни.

А на сегодня её планы были просты: она планировала немного прокатиться по округе, найти закусочную — только, разумеется, не «Мясной ресторанчик» — и начать потихоньку знакомиться с городом и его жителями. Возможно, ей посчастливится найти бар. Даже в самых захолустных городишках всегда имеется бар. Чем дряннее город, тем оживленнее бар, она знала это по собственному опыту. Даже люди с дерьмовой жизнью любили разливное пиво.

Лилли зашла в смежную ванную и быстро ополоснула лицо, затем пристально изучила свое отражение в зеркале. Она готова.

оОо

GPS-навигатор совершенно не помогал в поиске местных забегаловок. Если бы это устройство могло снисходительно пожать плечами, оно бы обязательно так и сделало. Поэтому Лилли бесцельно колесила по округе, довольствуясь тем, что ей пришлось узнавать окрестности старым проверенным способом. Но это было даже к лучшему, потому что так она могла быстрее начать ориентироваться в городке.

Девушка обнаружила несколько закусочных и кафе, но в 9:30 вечера они уже все были закрыты. Она нашла «Мясной ресторанчик», но решила держаться подальше от этого места, потому что Мак Эванс рекомендовал именно его, ориентируясь на собственный вкус, даже не смотря на то, что она вежливо отклонила его предложение о ужине.

На дорогах было мало машин. Этот город был одним из тех, где светофоры продолжали работать от электрических проводов, что были натянуты на перекрестках. Здесь придерживались сельского режима дня. В 9:30 вечера в этом городишке была уже глубокая ночь. Создавалось впечатление, что даже уличные фонари были тусклыми и сонными.

В конце концов, она наткнулась на ярко освещенное здание, которое так и кричало своим видом, что было старинным провинциальным борделем. У него было соответствующее название «Лучшее место в городе». Гравийная стоянка была наполовину заполнена и это-то в будний вечер. У входа в бар гордо выстроились в одну линию черные мощные Харлеи. Когда Лилли выбралась из Камаро, она могла слышать музыку, что доносилась сквозь стены бара — веселое кантри. Это ее совершенно не удивило, кантри и города Запада были неразрывно связаны между собой. Музыка была не в живом исполнении, что, опять же, её несколько не удивило, так как дело было в будний день в глухой глубинке.

Девушка пригладила ладонью свои темные волосы, собранные в высокий конский хвост, и направилась в заведение. Хвала Господу, у них оставалась открытой кухня, чтобы кормить голодных пьяниц, но именно поэтому Лилли с удовольствием бы довольствовалась тарелкой залежалого арахиса.

Музыка звучала из музыкального автомата, огромного «Вурлитцера», который стоял в дальнем углу бара (Прим. Вурлитцер — электромеханический аппарат для автоматического воспроизведения музыкальных граммофонных пластинок. Приводится в действие монетой или жетоном). Лилли впечатлило качество звука, как будто кто-то узнал тайный способ,

чтобы улучшить его. Гарт Брукс исполнял один из своих музыкальных синглов про друзей из низших слоев (Прим. Троял Гарт Брукс (англ. Troyal Garth Brooks) — американский исполнитель кантри-музыки. Брукс привнёс элементы рок-музыки в свои записи и концертные выступления, что принесло ему огромную популярность).

Обстановка вполне обычная: деревянные полы, обшитые деревом стены, столики из дерева в кантри стиле и под стать им стулья. Длинный, темный, L-образной формы бар, на поцарапанном и потертом деревянном покрытии которого виднелись темные пятна от пролитого алкоголя. Позади бара располагалось огромное зеркало. Разнокалиберные бутылки с алкоголем аккуратно расставлены на стеклянных полках зеркального бара, который словно перекочевал сюда прямиком из павильонов киностудии «Юниверсал». Добавьте сюда покачивание туда сюда створчатых дверей на пружинах и плевательницы, и пошел нахрен «Вутрлицер», хотелось усесться на барный стул и ожидать Уайатт Эрпа, который вот-вот пройдет через створки дверей (прим. Уайатт Берри Стэпп Эрп — американский страж закона и картёжник времён освоения американского Запада. Получил широкую известность благодаря книгам и кинофильмам в жанре вестерн).

За исключением огромного знака, что красовался на зеркале и гласил: «Принимаем только наличку. Правило бара: оставьте свою гребанную пластиковую карточку для супермаркета».

Место было оживленным, но не переполненным посетителями. Больше количество столиков было занято, в основном, фермерами с покрасневшими захмелевшими лицами и в засаленных кепках с надписью «Джон Дир» (Прим. Компания «Джон Дир» — мировой лидер по производству сельскохозяйственной продукции, названа именем знаменитого американского кузнеца, изобретателя стального плуга Джона Дира). Лилли отметила, что женщин в баре было мало. А те немногие, кто присутствовал, отличались избыточным весом и крашенными волосами. Много клетчатой фланелевой ткани и джинсы. Много разливного пива. Определенно, это не то место, где можно снять кого-то, чтобы поразвлечься. Это был бар для работающих мужчин, у которых было единственное желание — надраться вечером после тяжелого дня. Лилли заметила сэндвичи и небольшие корзиночки с картошкой фри на столах. Десять из десяти, что ей удастся поесть.

Она подошла к бару, где тусили владельцы «Харлеев», что стояли снаружи — шестеро мужчин в байкерских жилетах с одинаковыми рокерами «МК «Ночная Банда». Трое из них опирались локтями о барную стойку; оставшиеся прислонились к ней спиной, зорко наблюдая за обстановкой в баре. Один из них был мужчина, которого она заметила ранее, когда днем он проезжал по главной улице с двумя его братьями.

Он наблюдал за ней.

Девушка встретила с ним взглядом, он лениво кивнул ей и салютовал бутылкой пива, чуть приподняв ее. Хм, он не пил разливное пиво. Она не была точно уверена: он поприветствовал ее, потому что узнал, или он сделал это, потому что просто проявлял свое внимание к ней таким образом. Лилли понимала, что немного выделялась в этой толпе. Она прошла до конца бара, где было сводное место. Барменша, обладательница соблазнительных форм, с явно крашенными рыжими волосами, показалась из-за бара, гордо демонстрируя свое пышное декольте, направилась к ней, чтобы поинтересоваться принести ли ей что-нибудь.

— А кухня еще открыта? — опередила ее вопросом Лилли.

Барменша бросила взгляд на анимационный пивной знак на стене. Может, разливное

пиво и подразумевалось, как марочное, но явно не являлось таковым. В знаке она заметила встроенные часы.

— Будет еще примерно минут пятнадцать. Что могу предложить тебе?

— Мне чизбургер и фри. И бутылку «Будвайзера». Спасибо.

Грудастая барменша кивнула в знак того, что приняла заказ, откручивая крышку и ставя перед ней бутылку «Будвайзера», прежде чем направиться на кухню и прокричать заказ.

Лилли сделала большой глоток охлажденной, ласкающей горло приятным вкусом, жидкости. «Будвайзер», может, и не был в здешнем баре самым популярным пивом, но несмотря ни на что, это пиво было королем американского пива. Внезапно девушка ощутила холодок, что тонкой змейкой скользнул по ее спине, она резко развернулась и увидела, что тот самый байкер, который наблюдал за ней, направлялся в ее сторону. Несмотря на его мрачное выражение лица, она не чувствовала от него исходящей опасности и ауры агрессии, поэтому Лилли откинулась спиной на барную стойку и спокойно ждала его приближения. На его запястьях были одеты кожаные браслеты и по три массивных серебряных кольца на обеих его руках: начиная с большого пальца, затем на среднем и на мизинце.

Он высокий — очень высокий, примерно шесть футов и пять дюймов или, может, даже выше. У него широкие плечи, твердые рельефные мышцы отчетливо выделялись под байкерским жилетом — на передней части жилета было несколько нашивок, на правом борту жилета нашивка, определяющая его статус в клубе, она гласила «Президент». Значит, он был во главе всего.

Его борода была темной и густой, но не длинной, волосы были закреплены широкой резинкой, спускаясь до середины спины, темные и густые. Яркие зеленые глаза. На левой стороне его лица виднелся длинный шрам, который начинался под носом и тянулся до виска.

Он определенно завладел ее вниманием.

— Ты уже заказала выпить? — его голос был глубоким и громким. Ну, естественно, а каким еще он должен был быть?

Лилли подняла бутылку и слегка отсалютовала ему.

— Ага. Но спасибо.

Он подмигнул ей.

— Ну, значит, следующая за мной.

Он сделал еще один большой глоток, допивая свое пиво. Подаваясь вперед своим мощным телом, чтобы поставить пустую бутылку на бар, он проговорил:

— Я Исаак, — Лилли могла ощущать приятный запах кожи от его жилета.

Когда он делал шаг назад, она улыбнулась ему.

— Привет, Исаак, — не говоря больше ни слова, она сделала глоток.

Исак хитро усмехнулся. Улыбка была односторонней: правый уголок рта приподнялся в улыбке. Лилли определенно понравилась эта кривая улыбка.

— Ты знаешь, девочка, когда кто-то говорит тебе свое имя, это обязывает тебя оказать ответную любезность, — сказал он, все еще улыбаясь

Её брови приподнялись, но она не проговорила ни слова.

— Значит, вот как ты планируешь вести себя, м? Тогда, наверное, буду называть тебя Спорти. Это же была ты на том Комаро, так? Конечно ты.

Да. Было бы глупо даже пытаться лгать: город был не таким уж и большим, чтобы не попасть под пристальное внимание окружающих. Но Лилли не собиралась отвечать ему больше, чем просто односложными ответами, пока не выяснит, что он представляет из себя.

С такими парнями нужно держать ухо востро.

— Крутая тачка. Но не слишком ли крутая для девушки? — он усмехнулся, явно провоцируя ее. — Ты была у Мака? Перебралась в наш город?

Теперь Лилли поняла, в чем тут было дело, это не просто ничего не значащая болтовня. Он не просто пытался забраться к ней в трусики, хотя она была уверена на сто процентов, что он сделал бы и это, если бы ему представился шанс. Этот мужчина прощупывал ее. Это его город. Новый житель. Он пытался понять, почему она здесь, где она остановилась, была ли она угрозой ему.

Исаак был совсем не прост.

— Ага.

— Не так много людей заносит в Сигнал Бенд. Если ты здесь в поисках работы — забей, ничего не выйдет, работу тут не найдешь.

— Не заинтересована.

— Черт, крошка. У тебя что, что-то вроде лимита на предложения длиннее двух слов или что-то вроде этого? — сразу после его слов принесли ее бургер и картошку фри.

— А тебе принести что-нибудь еще?

— Так, принеси девушке еще один Буд, Роуз. Ну и мне. И запиши все на мой счет, сладкая.

Роуз — грудастая барменша, с большой объемной татуировкой розы на груди — бросила на Исаака понимающий взгляд.

— Конечно, Айк.

Что-что, Айк? Лилли вновь повернулась к нему.

— Спасибо, Айк.

Он прищурился и ухмыльнулся.

— Айк — это Исаак (Прим. второй вариант произношения имени Исаак — Айзек). Некоторые называют меня Айк. Но мне никогда это не нравилось, но привязалось ко мне еще с детства. Ты меня называй Исаак.

Роуз принесла им еще порцию пива, в то время как Исаак поставил барный стул рядом с ее, поперчил, посолил и полил кетчупом ее фри. Когда она подняла на него ошеломленный взгляд, он только усмехнулся своей необычной улыбкой.

— Эй, крошка, прими к сведению, если я плачу — ты делишься.

Лилли согласилась с ним, кивая в ответ, и продолжила делиться своим ужином с высоким и немного пугающим байкером, что угостил ее ужином.

— Так это твой вариант рекламного фургона для только что переехавших в город? (Прим. рекламный автофургон — фургон с буклетами, подарками, образцами местной продукции и т. п., раздаваемыми приезжим или новым поселенцам). Ты покупаешь и делишься фри с новыми жителями города? Или новыми кисками, кому хочешь залезть в трусики? — она откусила кусочек бургера. Оу, черт, он был по-настоящему вкусным. Котлета была средней прожарки и невероятно сочная. Булочка была мягкая и свежая.

Исаак ухмыльнулся с набитым ртом фри.

— Да ну, она, мать вашу, даже умеет говорить законченными предложениями! — он прожевал еду. — Нет, Спортс. Моя щедрость исключительно для тебя.

— А я удостоилась особенного отношения потому...

— Потому что мне нравится... как выглядит твоя тачка.

Пожав плечами, мужчина легко забрал бургер у нее из рук и откусил кусок.

Лилли перевела взгляд на его братьев, что сидели за баром, они наблюдали с интересом за разыгрываемым перед ними представлением. Определенно, то, что их Президент делит ужин с только что переехавшей девушкой, было достаточно примечательным. Лилли знала, что теперь избавиться от нежелательного внимания будет невозможно, а она так надеялась остаться незамеченной.

Похоже, ей придется немного изменить правила игры.

Глава 2

Исаак был заинтересован.

Женщина, что сидела рядом с ним, с которой он делил бургер и картошку фри, была сногшибательна, но он не думал, что это было главной причиной, почему она завладела его вниманием. Конечно, он пристально рассматривал ее, стараясь не упустить ни одной детали, она была лакомым кусочком — высокая, с блестящими шелковистыми темными волосами, которые, вероятно, обрамляли её красивое лицо как занавес и спускались по спине, когда она распускала хвост. Прекрасные светлые глаза, оттенка, которых он не мог разобрать. Отличные сиськи, которые виднелись под тканью футболки. Ее одежда выглядела достаточно просто, так же, как и у него — джинсы, ботинки на низкой подошве, белая футболка и кожаная куртка. Ее единственным украшением было массивное серебряное кольцо на среднем пальце и пара сережек в форме колец, достаточно крупных, чтобы ложиться ей на шею, когда девушка слегка наклоняла голову. Он был готов поспорить, что нежная кожа ее шеи источала восхитительный аромат.

На левой руке на безымянном пальце не наблюдалось ни кольца, ни следа от него; он проверил это в первую очередь и не раз.

Ему нравилось, когда его женщины не носили большого количества украшений. Эта девушка была поистине потрясающей, но она не была из разряда тех, на кого нужно было тратить пару часов, уговаривая перепихнуться. Она относилось к тому типу женщин, от которых он не боялся услышать дебильных слов, что напрочь убивали любой стояк, таких как: «Малыш, поаккуратнее с моими волосами!». Бл*ть, он презирал всей душой таких женщин. Ему нравилось трахаться грязно и жестко. Поэтому, определено, он мог расслабиться, откинувшись на спинку барного стула и наслаждаться её красотой на протяжении всего вечера. Но это не совсем то, что привлекло его внимание.

Он заприметил ее тачку раньше, чем заметил её саму, когда он, Лэн и Шоу держали путь на выезд из города ранее днем. «Камаро» 1968 года был почти новым. Эта крошка стоила кучу бабок, и непривычно было увидеть такую дорогую тачку в Сигнал Бенд. Даже приезжие, которые забредали в город по выходным, чтобы прошвырнуться по магазинчикам на Главной улице, которые, к слову, не были бутиками и роскошными антикварными магазинами. Площадь на главной улице была названа самым скучным чуваком, из всех существующих, а небольшие торговые лавки были ни чем иным, как магазинами подержанных вещей, которые прославились своими регулярными гаражными распродажами. В общем, все тут было мрачно и тускло, до сегодняшнего утра.

Исаак догадался, что горячая крошка была совершенно одна у риэлтора в Сигнал Бенд. Она заслуживала внимания. Когда он проезжал мимо нее, то решил, что хочет разузнать о ней побольше; он намеревался расспросить Бартапоподробней о его клиентке. Но теперь она собственной персоной появилась в баре, так может ему удастся получить ответы из этого сексуального ротика без сторонней помощи?

Но красотка держала свой соблазнительный ротик с потрясающими розовыми губками на замке. Она не говорила ничего лишнего, всё больше слушала. Он даже не смог вытянуть из неё имя. Девушка улыбалась, её глаза заинтересованно блестели, и в данный момент она сидела и спокойно делила с ним еду — ее молчание не было враждебным. Оно было... просто молчанием. Она пыталась, как и он, получить ответы на свои вопросы. Более того, ему казалось, что она была бы не прочь поразвлечься с ним в постели сегодня вечером.

Так почему же она такая отстранённая? Он не был болтуном, но на его десять слов приходилось лишь одно её. Скрывалось ли что-то за этими прекрасными голубыми глазами? Женщина была умна и тщательно следила за тем, что делала и говорила. И это обострило его чутье.

Ее имя и адрес будут у него через пять минут после того, как он обратится с просьбой к Барту. Даже, возможно, быстрее. Но за этим скрывалось что-то ещё, что-то глубинное, и именно это распаляло его интерес.

Делая глоток Буда, она посмотрела мимо него и пренебрежительно закатила глаза. Исаак оглянулся и увидел, что его братья пялились на них как полные придурки, судя по всему, какими они и являлись. Дэн слегка приподнял свой бокал виски, и другие четверо последовали его примеру, салютуя им и прожигая Исаака взглядом, словно они никогда не видели, как он обрабатывал цыпочек. Мудаки. Он приподнял свое пиво, салютуя им в ответ, и отвернулся.

— Не обращай на них внимания. Я не позволяю им часто веселиться в барах.

Он наблюдал за тем, как она приподняла бутылку и сделала последний глоток пива. То, как дернулось её горло, когда девушка сделала глоток, как резко сократились мышцы шеи, вызвало у него отчаянное желание провести пальцами по этой шелковистой гладкой коже. Он едва успел остановить свой порыв. Что его по настоящему удивило, так это то, что его пальцы, на самом деле, потянулись к ее шее. Он не был поклонником всего этого дерьма с прикосновениями.

Девушка посвила пустую бутылку на барную стойку. Исаак осушил свою и последовал ее примеру.

— Еще по одной?

Она улыбнулась ему — её улыбка говорила о том, что девушка полностью разгадала его игру и этой улыбкой давала ему это понять.

— Можно, но только одну. Мне предстоит добираться домой по незнакомой местности, поэтому я должна сохранять предельную трезвость и скорость реакции.

— Я прослежу за тем, чтобы ты добралась домой без приключений, не беспокойся об этом.

— Держу пари, что так и будет. И спасибо большое тебе.

Она обмакнула кусочек картошки фри в кетчуп и закинула в рот. На ее нижней губе осталась маленькая капелька кетчупа, и Исаак потянулся большим пальцем, чтобы стереть ее, но она, наблюдая за ним лукавым взглядом, скользнула языком по нижней губе, захватывая эту капельку. Исаак вздрогнул, его яйца резко сжались, пока он наблюдал за её действиями, а член увеличился и стал чертовски твёрдым и уперся в молнию джинсов, доставляя небольшой дискомфорт. Он подал знак Роуз, чтобы та принесла еще два пива.

Когда Роуз ответила ему кивком, Исаак услышал звук удара позади него и инстинктивно посмотрел в зеркало над баром, Джимми Салливан и Дон Киз отражались в нем, и в своей привычной манере втягивали в свою перепалку всех, кто окружал их: и мужчин, и женщин.

Его братья обязательно кинутся в драку, это даже не подвергалось сомнению. Ну, просто, бл*ть, отлично. Он повернулся к своей новой безымянной знакомой, которая была слишком красива, чтобы быть втянутой в драку.

— Зайди за бар к Роуз, Спортс. Шоу начинается.

Сигнал Бендт (Прим. дословно — «поворотный знак»), штат Миссури, был назван так из-за одной особенности: сложного поворота железнодорожных путей, который разделял город. После трех крупных крушений, произошедших на железнодорожных путях, администрация железной дороги, наконец, признала, что этот поворот было не под силу преодолеть паровозу на скорости, и они установили там небольшой постовой домик дежурного по поезду. Поскольку в конце 19 века в стране наступили непростые времена, огромные фермы вблизи железной дороги распродавались в огромном количестве, принося тем самым потоки переселенцев на близлежащие земли, и вскоре место вокруг постового домика, где жил и работал дежурный по поезду, разрослось до размеров небольшого городка.

В конце концов, у Сигнал Бенд появилась собственная железнодорожная станция, и она успешно доросла до размеров населенного пункта к середине 20 века. Никакие другие отрасли производства не получили достойного развития, кроме сельского хозяйства, железной дороги и торговли, чтобы оказать поддержку уже существующим отраслям, но, к сожалению, Сигнал Бенд начал постепенно нищать, когда начали появляться междуштатные сельскохозяйственные предприятия. К 1990-му году железная дорога была заброшена, и пригород Сент-Луиса, наконец, начал увеличиваться, его границы приблизились к окрестным сельскохозяйственным угодьям. Появился огромный гипермаркет Walmart (Прим. «Волмарт» — крупнейшая в США розничная торговая сеть) всего в тридцати милях от Сигнал Бенд, выкачивающий выручку местных торговых лавок и магазинчиков. Дела в Сингал Бенд обстояли, мягко говоря, не лучшим образом. Экономический спад нанес невосполнимый ущерб, хотя смерть местной экономики была медленной. Единственные жители, которые остались тут, — это те, чьи семьи проживали в этом городе на протяжении поколений, и они не знали ничего, кроме этого города. Но и большинства из них уже не осталось.

Приблизительно половина семейных ферм была все еще в рабочем состоянии и продолжала держаться на плаву, несмотря ни на что. Остальная часть сельхозугодий попросту пустовала или управлялась огромными корпорациями, а многие люди, занятые на работах, приезжали туда на работу из близлежащих городов. В настоящие дни самым прибыльным бизнесом в Сигнал Бенд был связан с продажей «льда» (Прим. В данном случае под словом «лёд» подразумевается метамфетамин). Что было отлично известно МК «Ночная Банда».

В городах, подобных этому, что были расположены в ущелье, вечерами было особенно нечем заняться. Все заведения, за исключением «Лучшее место в городе», были уже закрыты к 21 часу. В городе больше не было ни кинотеатра, ни магазина по прокату видеокассет; самый ближайший находился примерно на расстоянии 25 миль и размещался в магазине товаров первой необходимости недалеко от Walmart. В городе не было ни кабельного телевидения, ни интернета, если, конечно, у вас не было спутниковой тарелки, которую, заметьте, мог позволить себе далеко не каждый. Только три вещи были доступны в этом Богом забытом городишке: алкоголь, драки, секс. И все три в большинстве своем происходили в ночное или вечернее время, и обычно в том самом порядке, что было указано

выше, в баре «Лучшее место в городе». По субботам, когда Так, владелец бара, и старик Роуз привозили в город живую музыку, к перечисленным развлечениям можно было добавить и танцы.

Хотя сегодня была не ночь субботы, алкоголь все же лился рекой уже примерно пару часов, и теперь, кажется, пришло время для драки.

Обычно эти драки были не больше, чем просто беззлобная потасовка, оживленная, но в то же время дружественное непонимание нередко перерастало в выявление физического превосходства. Посетители спешно убрали мебель с пути, изо всех сил стараясь принести наименьшей ущерб собственному телу или же собственности бара. Хотя у этой стычки была более зловещая энергетика, мимоходом отметил Исаак, когда бутылка пролетела в непосредственной близости от его головы. Джимми и Дон серьезно сцепились, и это изменило настроение целого бара. Исааку потребовалась секунда, чтобы понять, какого хрена происходит, и затем впечатать кулак в нос Эдда Фосса, ломая его, за то, что он бросил гребанную бутылку ему в голову.

Его братья тоже заметили это неуловимое отличие происходящей потасовки, и большинство из них уже находилось в самом эпицентре драки. Исаак увидел Дэна, вытаскивающего двух женщин из самого пекла, где уже не было разницы, девушка ты или парень, и провожающего их в безопасное место за стойку бара. Он позволил Дэну сделать это, помня о его врожденной галантности. Исаак выглядел ошеломленным, когда получил удар по пояснице. Не мешкая, он резко развернулся и увидел Мэг Салливан, которая смотрела на него разгневанным взглядом, заводя руку для нового мощного удара. Размахнувшись, он нанес резкий, выбивающий из легких весь воздух, удар тыльной стороной ладони по лицу, тем самым сбив ее с ног.

Он не испытывал недостатка в галантности, но раз мерзкая сучка использовала запрещенные удары, она получила то, что заслужила. Таков был его принцип и по жизни.

Кроме того, что он уклонялся от летающих бутылок и ставил зарвавшихся сучек на свое место, главным интересом Исаака оставалось свести к минимуму причинённый бару ущерб. Так платил определённую сумму МК «Ночная банда», чтобы они поддерживали хоть какой-то порядок, поэтому они крепко сидели на крючке у хозяина, который взвалил на их плечи всю ответственность за потасовки и драки в баре. Обычно это не было проблемой. Но сегодня это, определенно, было гребанной проблемой. Поэтому Исаак старался изо всех сил держаться подальше от драки, вычисляя зачинщиков, которыми, к его удивлению, уже не были Джимми и Дон, те уже прекратили драку. Шоудаун крепко удерживал Дона на полу, но Джимми уже переключился на Уилла Келлера, и они оба бросались друг на друга, явно замышляя убийство.

Какого хрена происходило?

Когда у Джимми появилось преимущество, он резким ударом припечатал Уилла к стене, и тогда Исаак разглядел в правой руке Джимми отблеск металла. Гребанный сукин сын. Не было ничего хуже, чем *банутый придурок с ножом в руке. Ну нет, ни за что. Этого не случится. На пути Исаака находилось как минимум трое дерущихся человек, но он стремительно растолкал их и схватил Джимми за клетчатую рубашку, с силой дернув его на себя.

Но он сделал это не достаточно быстро, потому что лезвие все-таки было использовано по своему прямому назначению. Уилл замер, затем тихо осел на пол, держась рукой за бок. Джимми все еще стоял с ножом в руке, только теперь он собирался кинуться на Исаака, но

тот ни за что бы не позволил этому случиться. Исаак с силой схватил его запястье и резко вывернул, ломая его с громким хрустом, в то же мгновение окровавленный нож выскользнул из пальцев Джимми и упал, вонзаясь лезвием в деревянный пол.

Исаак гордился тем, что мог контролировать себя в драках подобно этой, но в данный момент он был чертовски разъярен. Мужчина повалил Джимми на пол, придавив своим коленом запястье, которое он только что сломал, наблюдая за остервенелым выражением лица ублюдка, лежащего на полу

Внезапно прогремел выстрел, и все затихли, комната погрузилась в тишину. Колено Исаака все еще удерживало запястье Джимми, а другая рука крепко сжимала его горло, когда Исаак распрямился и неспешно развернулся на звук выстрела. Мэг стояла за баром с новой девушкой, о которой Исаак автоматически подумал как о «Спорти». Шея Спорти была сжата в удушающем захвате, и дуло небольшого короткоствольного револьвера 22 калибра было прижато к ее виску. Ладони Спорти с силой вцепились в предплечья Мэг.

— Отвали от него, Айк, или твоя новая подружка заработает дырку в виске, — Мэг довольно усмехнулась, словно была горда заранее заготовленной фразочкой, которую только что произнесла.

Холод, который прокатился по его телу, удивил его. Ему, по большому счету, должно было быть похер на девушку, с которой он познакомился час назад, но это был не тот случай. Не разрывая зрительного контакта с Мэг, Исаак неспешно разжал пальцы на горле Джимми и начал подниматься с колен. Когда мужчина приподнялся примерно на пару дюймов, Мэг перелетела через плечо Спорти и упала спиной на бар. Исаак замороженно наблюдал, как девушка вскинула руку и нанесла удар сбоку по горлу Мэг, оставляя весьма заметную рану в том месте, куда пришелся удар ее массивного кольца. Мэг начала отчаянно задыхаться. Затем Спорти подобрала револьвер и вытащила патроны из барабана. Она посмотрела на него и помахала пистолетом с пустым барабаном.

Усмехаясь, Исаак поднялся на ноги, поднимая вслед за собой Джимми.

— Ты и я, Джимми, и твоя миленькая миссис — нам нужно серьезно поговорить, — он взглянул на Шоу, который уже держал наготове свой нож. Дэн забрал Мэг, уводя ее от новой, достаточно интересной знакомой Исаака. Лен, а теперь и Роуз, склонились над Уиллом, который, слава Господу, выглядел не так уж и плохо, — Хаос, должен подъехать в любую минуту на своем фургоне. Приходить вооруженным к Таку было очень глупой идеей. Сожалею.

Джимми находился в слишком растерянном состоянии, чтобы говорить. Исаак поставил стул, усадил придурка на него и кивком дал знак Дэну, чтобы тот подвел к ним Мэг. Как только Дэн взял под свой контроль мужа и жену, Исаак направился к бару. Остальная часть его братьев и посетителей бара старались привести помещение в порядок. На этот раз был причинен большой ущерб. Черт возьми. Казна МК «Ночная банда» не была пуста, но одновременно с этим там было не настолько много денег, чтобы грядущие расходы остались незамеченными.

Так стоял, прислонившись в бару, наблюдая за происходящим. Исаак тоже прислонился к бару и положил ладонь на плечо старика.

— Прости, мужик. Мы решим все дела завтра.

Старик кивнул.

— Я знаю. Спасибо, Айк. Все нормально?

Исаак оглядел быстрым взглядом помещение и увидел, что Уилл поднялся на ноги, его

рубашка была расстёгнута, на боку красовалась повязка. Роуз оказывала первую помощь на протяжении многих лет.

— Кажется, — он повернулся снова к Таку, — тебе известно, что не поделили Джимми и Уилл? Это не похоже на простое недоразумение.

Так медленно покачал головой.

— Они пришли вместе, мне казалось, все было в полном порядке.

Исаак прокручивал в голове сказанное. Джимми и его старуха пришли вооруженными. Это было охренительно крупным нарушением правил, и им было прекрасно известно об этом. Что-то произошло. Исаак собирался сегодня вечером потолковать об этом с Салливанами. Когда вошел Хаос, он и Дэн вывели взбалмошную парочку.

Теперь девушка, которую он называл «Спорти», направлялась к нему с ироничной усмешкой на лице и двумя бутылками пива в руках. Она передала одну ему.

— Так вот, как вы веселитесь здесь, да?

Он взял бутылку Буда из ее рук и одним глотком осушил добрую половину.

— Ну, сегодня было «веселее», чем обычно, ты же понимаешь, развлекаемся, как можем, — он приподнял бровь и внимательно посмотрел на нее. — Ты, смотрю, тоже не осталась в стороне, немного развлеклась. У тебя, совершенно случайно, в заднем кармане джинсов не затерялась книга по самообороне, мм? Или как можно объяснить то, как ты разделалась с Мег?

Пока он говорил, она пила, а Исаак вновь не мог отвести взгляда от сокращения мышц на её горле. Когда она отняла бутылку от губ, они вновь растянулись в ироничной, таинственной усмешке.

— Ага, возможно.

Девушка сделала еще пару глотков и поставила бутылку на стойку бара.

— Ну что ж, мне пора. Интересно у вас тут. Кстати, спасибо за твой вариант «рекламного фургона».

Не произнося больше ни слова, красотка развернулась и направилась к выходу.

Мать вашу. Её задница. Как он мог не заметить её. Исаак осушил свое пиво и направился следом.

Девушка шла достаточно быстро и почти достигла машины, когда он только вышел на улицу.

— Пстой, Спорти! — прокричал мужчина. Но она сначала подошла к своей машине, лишь затем обернулась в его сторону, скрестив руки, и стала ждать, пока он не подойдет.

Когда Исаак остановился перед ней, всматриваясь в ее насмешливые глаза, он проговорил:

— Кстати, я до сих пор не знаю твоего имени.

— Я думаю, что ты скоро сам разузнаешь его. Зачем я буду портить тебе веселье? — она решительно сжала ладонью ручку машины. Исаак был в состоянии возбуждения после стычки в баре, но еще больше он был заинтригован этой девушкой. Руководствуясь в большей степени животными инстинктами, чем разумом, он сжал свои пальцы вокруг изящного запястья и отдернул ее руку от ручки машины. Она позволила ему сделать это, словно прощупывала его, все еще сохраняя усмешку на красивых губах.

Положив другую руку на ее плечо, он прижал девушку спиной к «Камаро». Затем прижался как можно ближе к ее телу и пробормотал:

— Что-то подсказывает мне, что с тобой меня поджидает много удовольствий, Спорти.

И с этими словами мужчина смял ее губы в сокрушающем поцелуе.

Хотя поначалу она не отвечала его поцелуй, в то же время красotka и не отталкивала его. Позволяя ему утверждать свою власть над ней. Ее губы были теплыми, мягкими, бархатными, и когда он скользнул языком между ними, она устремилась навстречу ему и приоткрыла губы. Издав удовлетворенное рычание, Исаак ослабил хватку на ее запястье и отпустил из плена пальцев ее плечо, но только для того, чтобы заключить ее лицо в свои ладони и тщательно насладиться поцелуем.

Ее язык ожил, сплетаясь с его, и девушка обвила руками его шею. Исаак почувствовал, как она схватила хвост его волос и потянула на себя, принуждая его приблизиться к ней еще сильнее, в то время как захватила зубами его нижнюю губу, слегка подразывая, чуть прикусывая. Он был охренительно твёрдым, его член болезненно упирался в ткань джинсов. Когда мужчина опустил ладони на ее бедра и притянул к своему стояку, она провела языком по губам и подняла на него взгляд, выражение ее глаз было задумчивым.

Он коварно улыбнулся.

— Ах, Спорти. Я так хочу сегодня остаться с тобой наедине, но у меня есть неотложные дела, которые требуют моего присутствия сегодня вечером. Пересечемся позже, да?

— Я не возражаю, — черт, он уже чертовски обожал ее понимающую улыбку. Он в быстром поцелуе прижался к губам девушки и затем усадил ее в машину. Он наблюдал за тем, как ее машина удаляется прочь от бара, и у него вырвалось недовольное рычание. Сейчас он был невероятно зол на Салливанов. Они испортили ему ночь, которая обещала быть восхитительной во всех смыслах.

oOo

Исаак подъехал к зданию клуба, ощущая одновременно взволнованность и злость. Он оглядел парковку, похоже, к этому времени все уже приехали и ждали только его. Отлично. Именно так ему нравилось. Он ненавидел ждать кого-то.

МК «Ночная банда», по существу, не занимался бизнесом, по крайней мере, легальным уж точно. В лучшие годы и некоторое время после они управляли строительной компанией, но в данный момент нечего было строить. Для отвода глаз они были просто в некотором роде развлекательным клубом. У Уайетта и Виктора были семейные фермы. Хаос, Дэн и Барт работали в «Починочной Мастерской Киза»: чинили тракторы, молотилки, и всё в таком роде. Шоудаун управлял продуктовым магазинчиком. Лен владел строительным магазином. Сиджей жил на свою положенную военную пенсию. А Исаак...

Как у клуба, у них было три пути заработка, самый прибыльный из которых — обеспечение защиты и контроль за перевозкой и доставкой «льда» по пути, что проходил через Кроуфорд Сити, затем пролегал чуть севернее Сент-Луиса и, наконец, конечной точкой были Иллинойз, затем, чуть южнее, Спрингфилд, Джоплин и в Талсу. За работу они получали долю с обеих сторон. Никому в клубе это особо не нравилось, но «лёд» был единственным средством выживания в Миссури. И как бы это странно не звучало, единственным способом, которым можно было держать под контролем распространение «льда» — контролировать его поставки, оказывать местным производителям помощь в распространении «продукта». Они вывозили его из Сигнал Бенд. Полностью, все партии. И позволяли другим городам самостоятельно разбираться с этим дерьмом.

Любой, кто желал заниматься этим в городе, быстро менял свое решение.

Город потерял свое полицейское управление еще в начале 1990 года, когда

государственный кризис нанес серьезный урон этому месту. Самый ближайший офис шерифа округа Кроуфорд находился на расстоянии многих миль. В то время отец Исаака возглавлял клуб, и вместо того, чтобы наблюдать, как в окрестностях города царит беззаконие, Большой Аик увидел в этом возможность следить за порядком и одновременно подзаработать. Члены МК «Ночная Банда» стали местными «блюстителем закона», взывая определенные суммы с местных бизнесменов за обещание защиты и гарантии исправления ущерба, который мог быть нанесен.

Они были отличным сдерживающим фактором против беззакония и нападения. Настолько хорошим, что отделение шерифа в Кроуфорде никогда не задумывалось о восстановлении местного отделения полиции в Сигнал Бенд. Байк клуб поддерживал дружественные и хорошие отношения с шерифом Китом Тайлером, который даже немного снизил свой процент, который получал от поставок «льда» и отошел в сторону, не мешая парням делать свою работу.

МК также занимался починкой мотоциклов. Но, в лучшем случае, у них было самое большое пять заказов в год.

Байк клуб представлял свою деятельность как сельскохозяйственная строительная компания. Здание было длинным и низким, весьма пригодным к эксплуатации. Оно было построено, главным образом, из шлакоблоков и окружено большой, покрытой гравием, стоянкой. Территория была окружена восьмифутовым забором из сетки рабицы с вставками из защитных решетчатых листов металла. Хотя, обычно, огромные двойные ворота оставляли открытыми. Уже на протяжении лет пяти не было нужды закрывать их. У них когда-то были столкновения и разногласия с бандами в Сент-Луисе и Восточном Сент-Луисе, но эти недопонимания были разрешены. Все это осталось за пределами Сигнал Бенд.

Исаак чертовски гордился этим.

И именно по этой причине он так был зол в данный момент. Происходило что-то странное, если Мег и Джимми Салливан, прибывая в состоянии абсолютного раздражения, бродили в окрестностях Сигнал Бенд вооруженные, но, помимо этого, они притащили это чертово дерьмо к Таку. И теперь все идеально сложилось — сначала конфликт завязался между Джимми и Доном Кизом. Но Дон был никак не связан с торговлей и поставками, но и тоже время он тесно связан МК «Ночная Банда». Но затем всё перекинулось на Уилла, который был простым фермером, плюс к этому он являлся старинным другом Исаака. Но, в то же время, с Джимми они тоже дружили. Исаак не мог понять, что вообще там произошло. Но он не собирался уходить домой, пока не разберется, что за хрень случилась этим вечером.

Не пойдут домой и Салливаны. Исаак прошел в здание байкерского клуба.

Некоторые из его братьев сидели за стойкой бара, остальные разместились за столиками поблизости. Ровер, который являлся их Проспектом (Прим. Проспект — кандидат, готовящийся стать полноправным членом клуба), разливал братьям виски. Также с парнями сидели девочки. Вокруг них всегда крутились девочки. МК «Ночная банда» был единственным клубом в радиусе многих миль, поэтому огромному количеству фермерских дочек удавалось вытащить удачный билет, привлекая внимание парней и рассчитывая затащить их в койку потрахаться. Именно по этой причине в дальнем конце клуба имелось множество комнат с кроватями. Те комнаты предназначались для того, чтобы братья могли потрахаться в любое удобное для них время. Их МК не был частью большой чапты (Прим. Чапта — если клуб имеет отделения по стране или миру, чаптой называется местное отделение клуба), но у них были дружественные отношения с несколькими, и даже с одной

они объединились: МК «Скорпионы», которые имели отделение во Флориде.

Шоу поднял взгляд и увидел, что Иссак приближается к нему.

— Привет, През. Джимми и Мег уже ожидают вас в комнате. Обеспечил им «теплый прием».

Исаак кивнул.

— Виктор, хочешь пойти с нами?

Виктор встал на перекладину барного стула и потянулся рукой через стойку. Он схватил коробку с одноразовыми резиновыми перчатками из-за бара и засунул себе под мышку.

— Ты знаешь ответ, Иссаак. Всегда готов.

Комната, где их содержали, когда-то была ремонтным отсеком, которую теперь они использовали, чтобы выполнять наиболее грязную, кровавую работенку. Эту комнату можно было запросто полностью окатить из шланга отбеливателем, если бы понадобилось очистить ее от крови и остального дерьма. Но в этом, как правило, не было нужды — если честно, то в данный момент это помещение использовалось для хранения алкоголя. Оно служило им в качестве кладовки и одновременно комнаты для допросов. Джимми и Мег Салливаны сидели с заклеенными скотчем ртами, привязанные к металлическим стульям, их руки были прикованы к спинке стульев, которые стояли рядом, на расстоянии примерно трех футов друг от друга. Исаак до этого момента не осознавал, насколько сильно отделал Джимми, но сейчас он видел, что чертов мудака выглядел просто ужасно. Его сломанное запястье жутко опухло, а привязанная рука была багрового цвета.

Исаак взглянул на Виктора и резким кивком головы указал на Джимми. Виктор ухмыльнулся, кивнул и направился к Мэг. Со зловещей улыбкой, которая превращала кровь в чистый лед, он решительно сорвал полоску скотча, закрывавшую рот женщины. Она взвизгнула, потому что вместе со скотчем с губ было сорвано немного кожи. Ее губы кровоточили. Виктор легко пододвинул ящик для инструментов на колесиках к Джимми, а Исаак тем времен взял стул и уселся напротив Мэг. Она — слабейшее звено в этой парочке.

Исаак подался немного в ее сторону. Он видел, что ее горло распухло в том месте, куда пришелся удар Спорти, рана кровоточила. Спорти — вот с кем он должен был быть сейчас, черт возьми, его ладони должны были сжимать эту охренительную задницу. О, Господь всемогущий, самую чертовски мягкую, восхитительную задницу из всех, что ему довелось видеть и трахать за все прошедшие годы. Он попытался выдавить улыбку, но она больше была похожа на оскал.

— Хорошо, Мэг. Милая, я тебе сейчас скажу, каков расклад. Я задаю тебе вопросы — ты отвечаешь. Отвечаешь вдумчиво. Потому что, если мне не понравится твой ответ, Вик будет рад что-нибудь отрезать или оторвать твоему мужу. Тебе понятны правила?

Мэг втянула резкий, глубокий вдох и понесла всякую чепуху.

— Айк, мужик, тебе не нужно д-делать этого. Понимаешь? Всё можно разрешить, к чему такие крайности? Вы с Джимми уже долгое время друзья. Я же прекрасно знаю, что ты не хочешь причинить ему вред, это просто какое-то безу... О, Боже, НЕТ!!! Ты что!!??

Исаак подал знак Вику, который взял из груды инструментов плоскогубцы и захватил металлическими щипцами кончик ногтя на мизинце правой руки. Не медля ни секунды, он с силой дернул, вырывая ноготь с мясом. Джимми, рот которого все еще был заклеен полоской скотча, закричал как 12-летняя девчонка на концерте молодежной группы. Виктор спокойно ослабил хватку на плоскогубцах и кинул ноготь в металлическое ведро у своих ног. Между тем, размер ведра был не таким уж и маленьким, что как бы намекало, что туда может

поместиться много частей тела.

Исаак повернулся к Мег.

— Вопрос был такой: поняла ли ты правила игры? Ты не ответила. Теперь я спрашиваю еще раз. Тебе все понятно?

Отчаянно рыдая, Мег кивнула.

— Все понятно.

— Охренительно. Тогда перейдем к делу.

Прошлое: 1994 год

Джонни Аккардо проснулся задолго до рассвета субботним осенним утром, быстро оделся и зашнуровал ботинки. Он направился в комнату к Лилли и легко постучал, ответа не последовало, он приоткрыл дверь на несколько дюймов и заглянул туда.

Ее кровать была полностью заправлена. Над подушками больше не было длинного ряда мягкий игрушек; его дочь аккуратно убрала их в коробку пару лет назад, сказав, что слишком взрослая для того, чтобы они, как и раньше, находились над её кроватью. Все, кроме одной: потрепанного далматинца. Игрушка была у неё всю сознательную жизнь. Звали её по-простому — Собака. Джонни прикрыл дверь и направился дальше по коридору.

До него доносились ароматы завтрака. Каким-то образом ему удавалось приходить последним. Увиденное впечатляло. Его мать, которая переехала к ним вскоре после самоубийства матери Лилли, снимала с противня жесткий итальянкой хлеб. Завтрак в его итальянском доме всегда проходил при обязательном наличии на столе кофе или горячего шоколада и твердого итальянского хлеба. Иногда, если дело было зимой, то также на столе присутствовала полента (Прим. Полента (итал. polenta) — итальянское блюдо (каша) из кукурузной муки, аналог мамалыги). К его счастью, ни Мена, ни его мать не смогли привыкнуть к традиционному американскому завтраку: холодной каше или яичнице с беконом. Джонни догадывался, что одной из причин, почему Лилли так нравились редкие ночевки у ее друзей, это то, что у нее появлялся шанс полакомиться разноцветными сладкими хлопьями на завтрак.

Когда мужчина вошел на кухню, чтобы налить себе кофе, он увидел, как Лилли собирает себе ланч. Она также уже наполнила два больших термоса. Девочка была одета и полностью готова. Чувство гордости за его девочку наполнило и согрело его душу.

— Доброе утро, Рара (Прим. В переводе с итал. — папа, отец).

— Доброе утро, сара. Мне кажется, что сегодня ты обязательно подстрелишь свою первую добычу. Что думаешь?

Она пожала плечами.

— Ты всегда так говоришь. Я постараюсь, Рара.

— Я знаю, что так и будет.

Его мать подтолкнула его к столу:

— Siediti, Gianni, avere qualcosa da mangiare (Прим. с ит. Присядь, Джонни, и давай-ка поешь что-нибудь).

— Dirlo in inglese, Mamma (Прим. с ит. Говори по-английский, мама). По-английски. Наталия и Джованни Аккардо иммигрировали в США с Джонни, когда ему было всего три года. Они стали полноправными американскими гражданами, но она так и не смогла до конца приспособиться к американской культуре, наслаждаясь той самой крошечной

частичкой настоящего дома в доме нынешнем, и его отец потакал ей в нежелании учить английский язык и вникать в культуру страны. Но его отец умер десять лет назад, и в настоящий момент его мать была официальным опекуном его дочери. Лилли уже почти исполнилось пятнадцать, но он нуждался в том, чтобы его мать смогла справиться с любыми возникшими проблемами сама, а без знания языка она не могла сделать этого. Иногда ему казалось, что он только сделал хуже для Лилли, когда перевез её бабушку сюда, чтобы она жила с ними. Но он очень часто путешествовал по долгу службы, и не мог оставлять свою дочь одну. Ее мать уже и так сделала это. Но ничто не могло искоренить любви к жене в его сердце.

К тому же, Лилли и её бабушка достаточно тесно общались. Они просто обожали друг друга. И Лилли научилась бегло разговаривать по-итальянски, находясь на попечении его матери, девочка научилась печь и готовить как настоящий повар. Благодаря их заботе он набрал пятнадцать фунтов.

Его мать издала тяжелый вздох и с грубым акцентом, но достаточно разборчиво, произнесла по-английски.

— Садись, поешь. Я испекла тебе хлеб.

— Очень хорошо, Мамма. Он уселся за стол вместе с дочерью и матерью, и они приступили к завтраку. Затем они с Лилли отправились на свои охотничьи приключения.

oOo

Джонни был поражен терпением Лилли, её способностью сидеть тихо, затаившись, несколько часов кряду. Она слишком серьезно восприняла его напутствия. Но несмотря на это, они очень наслаждались компанией друг друга, долгая поездка в лес прошла за оживленным разговором, они легко общались за ланчем, но при желании могли комфортно молчать друг с другом в течение долгого времени.

Он заворожено наблюдал за дочерью, испытывая чувство ни с чем не сравнимой любви, когда она тихо подвинулась и поправила винтовку Ремингтона на своем плече (Прим. Фирма Remington на данный момент является крупнейшим поставщиком оружия и боеприпасов в США. Компания была основана еще в 1816 году). Он повернул голову и увидел, что она наблюдает за большим оленем высотой примерно полтора метра. Это уже был второй сезон, когда он ее брал с собой. Лилли наблюдала уже за двумя оленями, но двоих упустила. Джонни подавил отчаянное желание сказать ей, что вот он — её шанс. Он научил её всему, что она должна была знать. И прямой сейчас она была собрана и сосредоточена, словно выжидала подходящего момента для выстрела.

Лилли выстрелила в тот самый момент, когда олень услышал что-то в противоположном направлении, и его поза изменилась за миллисекунды. Пуля попала ему в переднюю ногу, и он привалился на землю. Но это был, к сожалению, не смертельный выстрел, олень неистово вздрагивал всей тушей и кричал, стараясь подняться на ноги. Лилли было необходимо сделать решающий выстрел. Джонни повернулся к ней. Она выглядела пораженной, и он огорчился, что она жалела оленя.

Мужчина начал поднимать свою собственную винтовку, чтобы прекратить страдания животного, когда он краем заметил, что она вновь вскинула винтовку. И в следующее мгновение олень повалился на землю и в предсмертной агонии вздрогнул всем телом в последний раз. Этот выстрел дался ей нелегко. Он ощутил это, когда девочка все-таки

выдохнула

— Хорошо, сага. Очень хорошо, — Джонни опустил руку на ее спину. Девочка выглядела бледной и огорченной.

Они направились к оленю. Решающий, смертельный выстрел был произведен прямо между глаз животного. Идеальный выстрел. Мужчина наблюдал за тем, как она рухнула на колени и погладила бок животного. Лилли беззвучно плакала, хотя изо всех сил пыталась этого не делать.

Он опустился на корточки рядом с ней.

— Хорошо, Лилли. Это отличное качество — чувствовать свою жертву. Ощущать, как ты забираешь жизнь. Запомни это. Оружие — это не игрушка. И никогда не будет таковой. Когда ты направляешь пистолет на другое живое существо, ты должна всегда преследовать определенную цель, дочка, ты делаешь это для того, чтобы убить. Если взводишь курок — стреляй.

Глава 3

Лилли проснулась словно рывком в полной боевой готовности, она подскочила на ноги в оборонительной стойке до того, как полностью очнулась ото сна. После нескольких напряженных секунд она осознала, где находится, и сконцентрировалась на том, чтобы успокоить адреналин, что бушевал в ее крови. Девушка просыпалась в подобном состоянии три или даже четыре раза в неделю, иногда такое происходило и посреди ночи, поэтому происходящее было для нее скорее нормой, чем исключением из правил.

Она полагала, что это даже было лучше, чем кофе, зато день начинался очень быстро.

Судя по рассеянному свету, что заливал комнату, Лилли предположила, что рассвет прорезал первыми лучами небо сравнительно недавно. Девушка неспешно подошла к шкафу и выудила свой сотовый из кармана, чтобы проверить точное время. Было 5:52. С добрым утром, Сигнал Бенд. Усмехнувшись, она направилась в отвратительную ванную.

Живот заурчал. Ей так и не удалось насладиться бургером, что она разделила с Исааком прошлым вечером, и за прошедшие 24 часа она толком ничего не ела, поэтому сейчас была отчаянно голодна. Плюс, она не то чтобы испытывала острую нужду в том, чтобы глотнуть кофе, это было неплохое начала утра, особенно, если в доме больше нечем было поживиться. К сожалению, в доме действительно ничего не было. Бл*ть.

Так, ладно. Для начала она решила все-таки совершить пробежку, а потом отыскать место, которое ей рекомендовал Мак Эванс — «У Мари», насколько она могла помнить — чтобы что-то перехватить на завтрак. Затем закупиться продуктами и всеми необходимыми для дома вещами. Девушка порылась в сумке и нашла пару эластичных шорт для бега и маечку. Она провела пальцами по волосам и быстро собрала их в высокий хвост. Кроссовки нашлись в другой сумке. Лилли собиралась пробежаться по округе, преимущественно вокруг были жилые районы, но здесь было множество гравийных дорог, а она не хотела подвернуть щиколотку, поэтому кроссовки должны были сослужить ей отличную службу.

Она спрятала свои ключи за гаражом. Сигнал Бенд, скорее всего, был одним из тех городов, где было не принято ничего запирасть, но Лилли защищала свое вещи, а у нее было много дерьма, которое нуждалось в тщательной защите.

Совершая пробежку по Сигнал Бенд и близлежащим окрестностям, Лилли смогла получить лучшее представление о городе, нежели из окна ее «Камаро». Дома располагались на большом расстоянии друг от друга даже в городе. И большинство из них были,

определенно, пустующими. Даже банки выглядели закрытыми и нерабочими. А единственное, что осталось в пустующих домах нетронутым, — детские ржавяющие качели в садах, в редких случаях это была машина, оставленная на месте парковки перед гаражом, из под капота которой пробивались сорняки. Девушка пробежала мимо одной такой машины, где сквозь заднее сидение проросло дерево, изогнутый ствол которого выглядывал через разбитое боковое стекло.

Жилые дома, мимо которых она пробегала, были в большинстве своем милыми и притягательными, со странной облицовкой, белые, свежие простыни развивались на ветру на бельевых веревках в лучах утреннего солнца. Когда стрелка часов миновала шесть утра, она увидела женщин, погруженных в свою привычную работу по дому. Сельская жизнь. Это было все чуждо и непривычно для Лилли.

Она замечала, что люди обращали внимание на нее, пока она совершала пробежку. Женщины и маленькие дети в садах, мужчины на грузовиках и тракторах — все смотрели на нее во все глаза, когда она пробегала мимо них. Исаак сказал ей вчера, что люди не переезжали в Сигнал Бенд, и, таким образом, жители, скорее всего, испытывали любопытство, связанное с новым жителем, который поселился в округе этого Богом забытого городка.

Лилли бежала в течение часа, судя по её темпу, она преодолела примерно восемь миль или около того, когда поняла, что хочет вернуться обратно. Она хотела сделать круг, вместо того, чтобы просто развернуться и побежать обратно, таким образом, это позволило бы ей получше рассмотреть город, но она не была уверена, хватит ли ей сил и стойкости сделать такой круг.

Ну что ж, был единственный способ узнать это. Благо, что ей не приходилось задумываться, где она находится, потому что у нее было врожденное чувство ориентации на местности, как и у ее отца. Сейчас она собиралась выяснить достаточно ли у нее сил.

Она оказалась около дома примерно в восемь утра, пробежав примерно восемнадцать миль и наконец-то свернув на гравийную дорогу, ведущую к ее арендованному дому.

Девушка увидела байк, припаркованный перед ее гаражом, когда преодолела последний холм. Она видела этот байк всего пару раз и никогда не рассматривала его достаточно близко, но предположила, что он принадлежал Исааку. И, видимо, он кое-что разузнал о ней. Скорее всего, именно поэтому он был тут.

Именно по этой причине она предпочитала держать под замком свои вещи.

Лилли увидела его сидящим на ступеньках веранды, которая вела к стеклянной задней двери дома. Он сидел, откинувшись на ступеньку, руки были сложены на груди, ноги вытянуты и скрещены в щиколотках. Черт возьми, он был большим. И на него сложно не обратить внимание. Черные потертые высокие мотоциклетные ботинки. Прямые черные джинсы. Черная рубашка, с закатанными рукавами и расстегнутыми пуговицами, в вырезе виднелась шея. Кожаная жилетка. Черные Рэй-бены (Прим. Рэй-бен — бренд солнцезащитных очков). Он выглядел как Мистер-трахни-меня-прямо-здесь-Июнь в календаре «Harley Biker Beefcake».

Она не отводила от него взгляда, направляясь к гаражу. Все еще запыхавшаяся после бега, не подавая вида, что заметила его, Лилли остановилась, чтобы рассмотреть байк. Она ещё раз пробежалась по нему взглядом. Это был красивый байк, огромная черная Дина Глайд (Прим. Harley-Davidson Dyna Glide — модель мотоцикла. Имя семейства мотоциклов Harley-Davidson Dyna Glide уже говорит о их характерных чертах: Dyna Harley-Davidson Dyn

Glide динамичный и Glide Harley-Davidson Dyna Glide комфортный). Заметно, что мужчина намотал на нем уже прилично миль, но байк отлично оснащен для поездок на длинные дистанции.

— Тебе нравится то, что ты видишь? — проговорил Исаак с террасы, где по-прежнему сидел, не меняя позы.

Лилли повернулась к нему и пожала плечами. Ей понравилось, что он чуть приподнял голову, словно ожидая поразить её своим присутствием.

— Он красивый. Но я все же предпочитаю что-то более быстрое.

Ей нужно было достать свои ключи, а это значило, что он увидит, где они лежали. Позволить ему увидеть, где она прятала ключи, не было проблемой — она могла с легкостью перепрятать их в другом месте, но позволить ему увидеть то, что она их прятала, это совершенно другое. Ей срочно нужен план «В». Этот байкер стоял на её пути, и это немного злило. Девушка обошла гараж и достала ключи.

Он не двинулся с места. Исаак всё ещё сидел в той же позе, когда она подошла к деревянным ступенькам. Даже несмотря на то, что его глаза были скрыты за стеклами очков, она могла сказать с уверенностью, что он пожирал её взглядом.

— Это байк очень даже быстрый, Спорти. Ты едешь?

— Да.

— На чем ты едешь?

— Последний байк, который у меня был, это BMW-K 1300S.

Мужчина выглядел впечатленным, его брови чуть приподнялись над стеклами Рэй-бэнов.

— Не сказать, что самый быстрый байк, но для девушки вполне сойдет, — Исаак лукаво ухмыльнулся.

— То же самое ты сказал и о моей машине. Как я уже говорила, я люблю скорость.

— Как я тебе сказал, мой байк достаточно быстрый. И ты сможешь узнать, насколько он быстрый, если я тебе разрешу объездить его, — двусмысленность его фразы позабавила её. — Но ведь дело не только в скорости, Спорти. Или, может, ты предпочитаешь, чтобы я называл тебя Лиллиан?

Она не показала, что он застал её врасплох. В тот момент, когда она увидела его байк перед своим гаражом, девушка уже знала, что ему известно её имя, а может и не только имя.

— Ну, вообще-то нет. Я больше предпочитаю Лилли. Хм, называешь меня полным именем. Судя по всему, кто-то сегодня рано встал.

Он поднялся на ноги и сделал широкий шаг в её сторону, таким образом, мужчина оказался прямо перед ней, нависая. О Боже, а он был высоким. Исаак был выше неё примерно на десять дюймов, судя по её расчетам.

— Вообще-то, я еще не ложился. Для меня всё ещё продолжается прошлая ночь. Мой знакомый сказал мне, что ты Лиллиан Карсон из Остина, штат Техас, — дерзким движением он провел ладонью по переду ее шорт, проскальзывая пальцами под их резинку. Мужчина издал хриплый гортанный звук.

— Это самые коротенькие шорты, которые мне доводилось видеть. Они способны отвлечь мужчину от дел.

Ей нравилось чувствовать его руку в том месте, где та находилась в данный момент. Влечение к этому мужчине не удивило её. Если бы у нее спросили, что она находит самым сексуальным на планете, то она бы описала Исаака от макушки и пальцев ног. А Лилли не

была девушкой, которая испытывала недостаток воображения, также она не была ханжой или скромницей. Она могла описать всё, что угодно, но он был для нее олицетворением секса. При нормальных обстоятельствах она бы не стала размышлять дважды, а уже повалила бы его на землю и занялась с ним сексом. Исаак был восхитительным мужчиной. Но в тоже время он мог быть опасен для нее. У него была власть — то, что она видела прошлой ночью, дало ей понять, что у него была власть над этим небольшим городишкой и, вероятнее всего, даже за его пределами. Будет достаточно проблематично, если так случится, что их интересы пересекутся.

Вопрос, который она не прекращала задавать сама, — раз ее тело с каким энтузиазмом отвечает и стремится к его прикосновениям, что лучше сделать? Существовало лишь два пути решения: или же держать его к себе как можно ближе, или же держаться от него подальше.

Лилли улыбнулась ему, видя дерзкое выражение глаз, которое отражалось в линзах его очков.

— Так ты тут по делу? Это то, ради чего ты здесь?

Он развернул свою ладонь таким образом, что внутренняя ее сторона прижалась к плоскому животу, находясь все еще под ее шортами, когда он провел по её бедру, то заметил там татуировку и обвел её большим пальцем. Девушка старалась из-за всех сил контролировать свое заходившееся сердце, но для нее это стало практически невыносимо, это напоминало борьбу не на жизнь, а на смерть. Его ладонь на её коже ощущалась грубой и горячей.

— Ну, для начала, ради кое-какого дела. Видишь ли, мой брат выяснил про тебя достаточно интересную вещь. Я предпочитаю честность, это мой принцип. Я, знаешь ли, не фанат покерных комбинаций. Я — прямолинейный человек, и как по мне, лучше сто раз не тасовать, а просто сдать карты, если ты понимаешь, о чем я. Проще сказать всё как есть и разобраться со всем здесь и сейчас. Я больше предпочитаю шахматные партии. Мне кажется, там вещи более просты и понятны, — он усмехнулся. — Поэтому я подумал, что хотел бы задать тебе пару вопросов. Мой брат немного проверил тебя по базе данных, и знаешь, выяснилась занимательная вещь, что на тебя нет толком никакой информации. Ты будто родилась пару месяцев назад.

Так, отлично. У него в клубе есть достаточно неплохой хакер. Принято к сведению. Хотя это не критическая ситуация, но определенный риск есть. В который раз, Исаак резко изменил ее планы. И решение было принято молниеносно.

Держать его ближе к себе. Но она не могла сказать, что хоть как-то сожалела об этом.

Лилли разделяла подход Исаака к честности и прямолинейности. Потому что чем больше правды известно, тем лучше. Быть пойманной в опасную паутину лжи всегда лишь усложняло все проблемы. Отговорки и увертки можно использовать, но только тогда, когда не оставалось иного выхода.

— Естественно, я не только родилась. Скорее всего, вы ограничились одной лишь базой данных.

Мужчина откинул голову назад и рассмеялся, глубоким, веселым смехом, звук которого сделал шорты для бега еще более влажными. Когда он вновь посмотрел на нее, его кривоватая улыбка была широкой и веселой.

— Прости, но нет. Но знаешь, ты могла бы упростить задачу для Барта и рассказать мне о себе.

— Ну, и какое тогда будет тебе веселье в этом? — её ключи висели на пальце, когда она потянулась и расстегнула две пуговицы на его рубашке. Вокруг шеи он носил кожаный шнурок, на котором висел маленький серебряный медальон, расположенный в завитках волос на его груди. Она любила волосатую грудь у мужчин. Лилли провела подушечками пальцев по его груди и почувствовала, как его ладонь сжала сильнее ее бедро.

Он издал рычание вновь, качая головой.

— Мне не нравятся секреты, Спорти.

Его сводная рука сжала ее затылок и приблизила девушку к себе, не целуя, но в тоже время она могла ощущать его дыхание на своих губах и то, как его борода покалывала её подбородок.

Лилли потянулась к его затылку и перекинула его хвостик на плечо, освобождая волосы от резинки, затем провела кончиками пальцев по густым волосам. Она хотела видеть его волосы.

— Поверишь ли ты мне, если я тебе скажу, что мои дела никак не касаются тебя? — если честно, то она не знала, касалось ли дело, что её привело в этот город, его, но вопрос, что она задала, не был ложью.

— Пойми, все, что происходит в этом городе, касается меня.

Он откинул свою голову назад и встряхнул волосами, затем снял свои очки и кинул их на деревянные ступеньки. В свете дня его глаза были ярко зеленого цвета, а кромка вокруг зрачка была цвета темно-зеленого изумруда, и цвет зрачка менялся до оттенка светлого хризолита в зависимости силы его эмоций. Внезапно мысль, что пришла ей голову, заставила ее испытать стыд, потому что она сравнила глаза такого сильного мужчины с драгоценными камнями.

Лилли немного растерялась, такого ранее не происходило, что еще больше озадачило. Его волосы были восхитительными, густыми, темными и немного волнистыми от того, что были стянуты резинкой. Она скользнула пальцами в его волосы и сжала мягкие пряди, притягивая мужчину к себе, пока его губы не прижились к её.

Он проглотил ее рот в свирепом поцелуе, его язык решительно скользнул в ее рот, глубоко погружаясь. В ту же секунду их языки сплелись, его борода чуть терлась о её лицо. Девушка обвила руками его шею и скользнула пальцами чуть глубже в его волосы, жестко сжимая локоны в своих кулаках. Он чуть переместил тело таким образом, что теперь она была сжата словно в тисках в его сильных, мускулистых руках.

Его грудь была твердой; когда они прижались друг к другу, то он с неистовой силой вдавил свои четко очерченные мышцы в её мягкую грудь. Бл*ть. Этот мужчина был воплощением всего мужественного, чистым сексом. Девушка издала стон и отстранилась от него, откидывая голову назад, чтобы сделать спасительный глоток воздуха, потому что его поцелуй в буквальном смысле забрал весь воздух из её легких. Исаак вновь переместил свою руку, на этот раз она почувствовала её на своем горле. Легко, неспешно, он проводил большим пальцем по горлу, подразнивая нежную, словно шелк, кожу. Лилли резко опустила голову и посмотрела в его глаза, встречая яркий алчный взгляд.

— А сейчас я собираюсь трахнуть тебя, Спорти, несмотря на то, есть ли у тебя секреты или нет. Пришло время сказать, если ты против.

Она ухмыльнулась. Она хотела этого. Очень. Но решила немного построить из себя недотрогу.

— Хм. Сегодня у меня так много дел. И к тому же я собиралась позавтракать. Ты явно

не находишься в моем списке дел на сегодня, — она хитро улыбнулась, её взгляд наполнился озорными искорками. — Ну и, кроме того, я только что пробежала много миль. Я потная и воняю.

— Да, ты потная и немного воняешь, — уголок его губ приподнялся в улыбке. — Но мне нравится это. Мне нравится, когда ты такая взмокшая от пота, — мужчина резко притянул ее за бедра, прижимая к своим, упираясь жесткой эрекцией ей в живот. — Как насчет того, чтобы я купил тебе завтрак после?

Она убрала руку от его волос и обняла его за шею, прижимая свою ладонь в том месте, где на его груди были расстегнуты пуговицы. Девушка развела пальцы в стороны, проскальзывая ими в темные завитки на его груди, втягивая глубокий вдох и прикрывая глаза от удовольствия.

— Могу я съесть своей завтрак сама, или мне опять придется делиться с тобой?

Он открыл глаза и подмигнул ей. Ему определенно нравилось поддразнивание, что сейчас происходило между ними.

— А тебе что, не нравится делиться со мной?

— Вчера я едва ли смогла попробовать свой бургер.

— Эй! Это была не моя вина, — он приподнял бровь, смотря на нее. — И я не слышал возражений от тебя, Спорти.

Лилли сделала шаг от него, и разочарование отразилось на его лице, но в ту же минуту она схватила его за руку и потянула за собой.

— Пойдем к передней двери, у меня нет ключа от этой.

Исаак позволил ей отвести его к передней двери. Когда она открыла дверь, он проговорил:

— Знаешь, у нас тут никто не закрывает двери. Жители доверяют друг другу. Если ты хочешь стать частью нашего города, то лучше приобщаться к традициям.

Девушка открыла дверь и вошла внутрь, поворачиваясь к нему с приветственным выражением лица.

— А если бы я не закрыла сегодня дверь, то ты бы уже бродил по моему дому, пока меня не было. Ведь, ты бы прошел в дом, если бы дверь была не заперта?

Он зашел в дом и сжал ладонью ручку двери, чтобы закрыть ее за собой.

— Эй, я волновался. Твоя тачка была здесь, а тебя не было. Первая мысль была, что ты попала в беду. Кто знал, что тебе ударило в голову побегать по городу в своем нижнем белье.

Без промедления он схватил ее за руки и резко развернул, прижимая к стене. Исаак прижался к ней, и она почувствовала, как его борода щекочет кожу между ее лопаток. Издавая рык, он приблизил лицо к ее шее и провел языком по коже от плеча до уха, оставляя влажную дорожку.

— Ммм, твоя кожа восхитительна на вкус — солоноватая и с легким мускусным запахом, и сладкими нотками, — его руки скользнули по ее бедрам, проникая под резинку шорт, затем решительно устремляясь между ног. Пальцами он скользнул между складочками её киски.

— О, вот так. Теперь я чувствую насколько ты влажная.

Пальцами одной руки он проник в ее лоно; другими он поддразнивал клитор. Подушечки на его пальцах были грубыми и мозолистыми, заставляя чувствовать, словно нервные окончания в её теле охватило пламя. Лилли простонала и положила свои руки поверх его, прижимая их сильнее к своей плоти через материал шорт. Она инстинктивно

приподнимала бедра, дублируя его движения. Затем, одним резким движением, она оттолкнула его от себя, задыхаясь и едва не лишаясь рассудка, когда его мозолистые пальцы с силой прошли по её разгоряченной коже. Девушка развернулась и схватила его за борта жилета, с силой притягивая к своему телу. Прижимаясь к твердому телу, она встала на носочки и накрыла его губы жадным поцелуем, затем опустилась к его шее, прижала своей рот к его коже и жестко прикусила её. Мужчина чуть дернулся и схватил её за хвост, принуждая Лилли поднять голову вверх. Ей нравилось заниматься грубым сексом, но она хотела прояснить для него, что она уступала лишь тогда, когда была готова что-то отдать.

Он рассмеялся, и в его глазах загорелись веселые искорки.

— Тебе нравится бороться и сопротивляться, да? И почему это совершенно меня не удивляет? — хватая ее задницу своими большими ладонями, он поднял ее рывком вверх, потираясь всем телом, пока их промежности тесно не прижались друг к другу. Он ощущался твердым у ее киски, и она могла сказать определенно точно, что у него был большой член, намного толще и длиннее, чем среднестатистический. Лилли схватилась за его плечи, проскальзывая пальцами в волосы. Исаак, не теряя ни минуты, направился вниз по коридору.

— Спальная на... — она замолчала, когда он автоматически повернул налево, в правильном направлении. Девушка нахмурила брови.

Он весело подмигнул.

— Спорти, не забивай себе голову ненужной чепухой. Это маленький город. Ты же не думаешь, что в городе есть дом, в котором я ещё не побывал. Ты живешь в старом доме старика Олсена.

Мужчина направился напрямик в хозяйскую спальню. Когда он увидел кровать, то замер и ослабил свою хватку, плавно опуская ее, пока стопы девушки не коснулись пола.

— Ну, признаюсь, что, по меньшей мере, ожидал увидеть на кровати простыни и подушки.

На матрасе не было ничего, кроме ее спального мешка.

— Ну, я же тебе говорила — у меня есть дела. Мне нужно кое-что приобрести для спальни и закупить продукты. Или ты сейчас пытаешься мне сказать, что ты слишком нежно создание, чтобы оттрахать девушку на голом матрасе?

— Дерзкая девчонка, — он обхватил руками ее талию и аккуратно бросил на кровать. Прежде чем она успела что-то сделать, он рывком вытащил из-под ее спины спальный мешок и отбросил его на пол. Затем мужчина подхватил ее ноги, стягивая кроссовки, даже не развязывая шнурок. Носок. Следом последовала другая нога. Другой носок. Исаак взял ее стопу в ладони и прижал подушечки больших пальцев к изгибу стопы. Он нажал именно в том месте, что побудило ее уставшие ноги и стопы, которые только недавно преодолели огромное расстояние, полностью расслабиться, и девушка издала протяжный гортанный стон.

— О, как же мне нравится этот звук, — он навис над ней и схватился пальцами за резинку шорт. Лилли чуть приподняла бедра, и он стянул их вниз по изящным ногам одним решительным движением. Исаак встал сбоку кровати и посмотрел жадным взглядом на её тело. Казалось, что она производила на него тот же эффект, что и он на неё. Девушка резко приподнялась и присела на край кровати перед ним.

Она положила ладони на большую пряжку его ремня, и он издал вновь рычащий звук. Когда Лилли расстегнула ремень и потянула собачку молнии, он склонился и рывком потянул вверх её спортивную маечку, одновременно с этим проводя с силой короткими

ногтями по ее спине, оставляя белые полосы на коже. Маячка служила одновременно и плотным спортивным лифом, поэтому снять её было невероятно сложно. Девушка прекратила свое занятие и помогла ему стянуть её. Теперь Лилли была полностью обнаженной.

— Бл*ть. Ты потрясающая, Спорти, — он произнес эти слова на выдохе. Когда она посмотрела вверх и встретила с его взглядом, выражение его лица сменилось на что-то более значимое и не поддающееся описанию.

Лилли расстегнула его джинсы. Ей понравилось то, что она увидела там, — он носил боксеры, черные. Судя по тому, что он излучал энергетику сходную с образом Джонни Кэша (Прим. Джонни Кэш — американский певец и композитор-песенник, ключевая фигура в музыке кантри, является одним из самых влиятельных музыкантов XX века), скорее всего, его боксеры были всегда черными. Лилли полагала, что для мужчин существовало только два способа носить нижнее белье — это носить боксеры или же вообще обходиться без белья. Его эрекция была впечатляющей, член был прижат к ноге, головка набухла и немного загнулась в бок. Девушка скользнула руками под резинку его боксеров и высвободила его длину. Вау. Восхитительно. Длинный и толстый. Твердый как сталь. Она обернула обе ладони вокруг его члена и основательно сжала его. Подавшись бедрами вперед, Исаак вновь издал гортанный рык.

Мужчина сбросил с плеч жилетку и, пока Лилли не выпускала его член из ладоней, сложил её и положил на прикроватную тумбочку. Девушка подумала, что это сказало многое об этом мужчине. Она убрала ладони от его члена и приподнялась вверх, чтобы расстегнуть остальные пуговицы на его рубашке. Он пристально наблюдал за ней, его ладони лежали на ее плечах. Когда она закончила, характерным движением плеч он скинул и рубашку, та упала на пол, собравшись лужицей у его ног.

Лилли не могла отвести глаз от его широкой грудной клетки, Иисус Всемогущий Христос, а он невероятно красив. Руки, грудь, рельефные кубики пресса, все было идеально выражено, темные завитки волос покрывали его твердые мышцы груди и затем спускались дорожкой к его промежности, которая так же была покрыта завитками темных волос. Оба его плеча и руки до локтей были покрыты витиеватыми переплетениями черных татуировок. Но на его груди и животе не было татуировок. Мужчина стоял перед ней, величественный в своей красоте, высокий и широкоплечий, его потрясающие волосы были распущенными и лежали свободно на спине. Не задумываясь о том, что она делает, Лилли схватила его за бедра и притянула к себе, прижимаясь губами к его твердому, рельефному прессу. Она провела языком по его волосам и ласково обвела языком пупок. Она не могла вспомнить, когда в последний раз её так неистово влекло к мужчине. Скорее всего, все дело было в феромонах, химия между ними была обоюдной.

Девушка почувствовала, как его пальцы запутались в ее темных волосах, оборачивая ее хвост вокруг кулака, принуждая ее тем самым поднять на него взгляд. Когда она подняла голову, ее глаза были полуприкрыты от страсти.

— Я хочу, чтобы ты отсосала мне. Я хочу почувствовать эти порочные красные губы вокруг моего члена.

Он хотел, он и правда хотел? Ее тело пронзила дрожь.

— Да? Тогда что ты сделаешь для меня? Услуга за услугу, дорогой.

Исаак нагнулся и провел рукой по ее груди. Мгновение спустя его большой и указательный пальцы приятно сжали сосок, резко потягивая его, заставляя Лилли задыхаться

от нахлынувших ощущений. У нее перехватило дыхание, когда каскад горячих покалываний пронесся по ее телу. Его рот прижался к ее уху, заставляя сердце забиться быстрее, мужчина горячо прошептал:

— Услуга за услугу, м? А как насчет того, что я заставлю тебя кричать пока твое горло не заболит, а голос не охрипнет? А если ты разрешишь мне кончить тебе в рот и проглотишь мой «подарок», то я буду достаточно щедрым и подарю тебе второй умопомрачительный оргазм, — он выпрямился, вызов плескался в его взгляде.

Спустя мгновение у нее получилось взять под контроль свой голос, девушка улыбнулась ему.

— Ты что, считаешь, что у тебя волшебная слюна, которая заставит меня испытать такое удовольствие?

— Ты что, сомневаешься во мне? К тому времени как мы поедем завтракать, ты больше не будешь сомневаться в этом.

Вызов брошен. Она кивнула и вобрала его длину в свой рот.

— О, да. Вот так, — Исаак издал напряженный рык. Это заняло некоторое время, он был большим, но она была хороша в этом. Лилли расслабила мышцы горла и приняла его член до задней стенки. — Бл*ть! — простонал он, резко толкнувшись бедрами, неистово врываясь в шелковистый жар её рта. Он все еще удерживал ее хвост в кулаке, резко подаваясь бедрами вперед, вколачиваясь в ее рот. Он полностью контролировал ситуацию. Она не хотела этого, по крайней мере, не тогда, когда его удовольствие в ее руках. Лилли делала минет на своих правилах или не делала его вовсе. Девушка просунула руки под его напряженные яйца и стиснула их в ладони, постепенно увеличивая давление на нежную плоть, пока он не обратил на неё свое внимание.

— Эй! Какого хрена ты вытворяешь, Спорти?

Ослабляя хват на его яйцах, она выпустила его член из рта и облизала свои губы. Встречая уверенно его сердитый взгляд, она проговорила:

— Мои правила. Я устанавливаю темп, держи руку на месте или же убери её из моих волос, — он удерживал её взгляд несколько долгих секунд и затем кивнул, сдавшись. Потому как мужчина не убрал руку с ее волос, она поняла, что он будет просто удерживать ее волосы.

И он так и сделал. Пока она ласкала его член, принимая его как можно глубже, посасывая, облизывая, слегка покусывая, Исаак спокойно удерживал ее волосы в кулаке, не принуждая или не поторапливая, не стремясь взять контроль в свои руки. Он ритмично постанывал, в унисон с ее движениями, пока не положил другую руку на ее голову, жестко стискивая длинными сильными пальцами её волосы.

— Да, да, сейчас, да, — когда он кончил, то крепко удерживал её голову у своего члена, но ей было все равно. Он наполнил её рот горячей, вязкой жидкостью, а она все проглотила. На вкус его сперма была сладковатой и солоноватой одновременно. Вот они, феромоны.

Когда он закончил, она отстранилась, выпуская его член из своего рта и вытирая губы тыльной стороной ладони. Исаак смотрел на неё ошеломленно, его глаза были подернуты поволокой желания.

— Это было чертовски невероятно.

Она вновь легла на кровать и развела ноги широко в стороны.

— Постараюсь не утомить тебя.

Он лукаво усмехнулся и избавился от оставшейся одежды.

— Не получится. Я неумолимый, — когда мужчина отбросил джинсы в сторону, он нагнулся и протянул руку, дергая за цепочку бумажника и поднимая его. Он достал два презерватива и бросил бумажник обратно на джинсы, затем забрался на кровать. Он приподнялся на руках, нависая над ней.

— Тебе известно, что ты нереально сексуальная сучка? — Исаак согнул руки в локтях и опустил к ее лицу, чтобы поцеловать.

Девушка схватила его волосы в кулаки и притянула к себе, принуждая накрыть ее тело своим. Прежде чем он успел разместить свое тело в удобном положении, она попыталась перевернуть их, но он был достаточно тяжелым, поэтому у нее лишь вышло немного приподнять его тело. Смеясь у ее рта, мужчина большой ладонью пригвоздил ее тело к матрасу, надавливая на ее плечо.

— Не думаю, что это у тебя получится, крошка. Теперь мои правила, — его ладони легли на ее плечи, придавив к кровати. Исаак проложил дорожку из влажных поцелуев от линии челюсти к ее уху, втягивая в рот мягкую мочку и посасывая её некоторое время, затем он продолжил двигаться дальше, лаская языком и втягивая в рот нежную кожу на ее шее, затем спускаясь ниже — на ее ключице, и в конце на груди.

Его член все еще не был возбужден; она чувствовала, как он прижимался к ее ноге, но когда он втянул в рот сосок, прикусывая его, затем легко посасывая и заставляя Лилли хныкать от удовольствия, приподнимать спину, выгибаться и извиваться под его телом, она ощутила, как его длина стала тверже стали.

— О, да. Вот так, крошка. Твои сиськи такие мягкие и сладкие, — он втянул твердую вершинку ее груди вновь, слегка посасывая и постанывая. Звуки, что вырывались из его горла, заставляли её дрожать всем телом. Щекочущее и царапающее ощущение от его бороды пронзало ее тело крупной дрожью. Он убрал свои ладони с ее плеч и обхватил ладонями груди, когда она запуталась пальцами в его густых волосах. Исаак проложил дорожку из поцелуев по ложбинке и вознаграждал тщательным вниманием обе груди. Обеими руками он поглаживал её по бокам. Его рот опускался все ниже и ниже, ласково покусывая и вознаграждая поцелуями ее кожу живота, его искусный язык ласково описал аккуратную окружность пупка и, не задерживаясь ни на мгновение дольше, устремился ниже...

Это ощущалось восхитительно, но Лилли была слишком возбуждена для такой милой чепухи. Она не хотела, чтобы он занимался с ней любовью. Это давало ей ощущение уязвимости. Она лишь хотела, чтобы он оттрахал её. Исаак должен был заставить ее кричать. Дважды. Девушка резко дернула его волосы, и он приподнял голову, его бровь недовольно дернулась вверх, выражая недовольство.

— Ты меня дергаешь за волосы?

— Так ты собираешься трахнуть меня или нет?

Она обидела его. Это удивило её. Исаак не был похож на парня, которому нравились ласки, неспешное занятие любовью. Он был похож на парня, которому нравился грубый, дерзкий, грязный и жесткий трах. Как и ей.

Мужчина приподнялся, таким образом, они оказались лицом к лицу.

— Так ты хочешь быть жестко оттраханой, Спорти? Значит, ты будешь жестко оттрахана, — он потянулся к краю матраса, где лежали презервативы. Как только он раскатал по члену латекс, то схватил ее ногу и резко поднял вверх, затем прижал ее к груди Лилли, в этой позиции ее ноги были широко разведены, и она могла только представлять, насколько была открыта перед ним. Он посмотрел на нее взглядом, в котором стояло

выражение беспокойства за то, что ей могло быть неудобно. Это действительно напомнило растяжку, но она занималась на протяжении долгих лет йогой, что подготовило её к варианту быть оттраханой таким способом. Он с легкостью повернул ее тело на бок и резко вонзился в нее, прижимая ее ногу к своему плечу.

Удерживая свое тело на одной руке, другой он жестко сжимал ее сосок. Лилли издавала лишь всхлипы. Хорошо, она должна признать, что это было больше, чем она могла себе представить. Исаак вколачивался в нее быстро и глубоко, потягивая и скручивая ее твердую вершинку груди. Незнакомая позиция не оставила ей много вариантов для того, чтобы участвовать: он полностью держал ее под контролем. Девушка начала издавать громкие стоны каждый раз, как он глубоко проникал в нее. Она ласкала пальцами другой сосок, так же жестко, как и он; когда мужчина заметил, его взгляд потемнел, и он увеличил скорость.

Когда Лилли опомнилась и открыла глаза, то увидела его полностью сконцентрированным. Пот дорожками стекал по его вискам к бороде. Его грудь была влажной, бисеринки пота покрывали темные завитки на груди. Осознание того, что он отчаянно старался выполнить свое обещание, бесконечно взволновало ее. Девушка вновь ощутила ни на что не похожее чувство.

Затем он схватил ее ногу и резко перевернул девушку на живот, издавая животный рык. Сейчас он рычал практически без перерыва. Он приподнял её и поставил на колени, затем схватил за хвостик, оттягивая голову назад. Следом он вновь ворвался в ее тело, жестко вбиваясь, волосы на его ногах немного царапали ее нежную кожу, каждый раз, когда их плоть жестко встречалась, издавая шлепающий влажные звуки. Она кончала; в тот момент он был глубоко в ней, растягивая её лоно. Она дублировала его движение, насаживаясь на его член, издавая такие же громкие звуки, как и он.

— Бл*ть, Исаак. Это так хорошо чувствуется...

— Не достаточно, — прохрипел он. — Я хочу, чтобы ты кричала, малышка.

Он вновь потянул её за волосы, приподнимая таким образом, что теперь она только стояла на коленях, прижимаясь спиной к его груди. Другой рукой он потянулся к ее промежности и резким движением ударил по клитору. Лилли пронзило молниеносное ощущение, будто сквозь ее тело пропустили разряд электрического тока, она издала громкий всхлип и выгнулась, затем он повторил свое движение. И опять. И еще раз, он повторял это все быстрее увеличивая силу удара, до тех пор пока она не ощутила, как по внутренней стороне её бедра стекает влажное удовольствие. В то же время он проникал глубоко в её лоно, заставляя кричать снова и снова.

Когда оргазм немного схлынул, Исаак уложил ее на кровать, и девушка расслабилась, мышцы ее были будто желе, а разум прекратился в липкую кашу. Этот оргазм был точно в списке ее самых лучших оргазмов. Даже в тройке самых лучших, а может и больше, чем в тройке. Он был самым лучшим. Но мужчина не закончил с ней. Пока она старалась отдышаться, он все еще продолжал двигаться в ней, все еще твердый словно гранит. Он не кончил.

— Я должен тебе еще один оргазм, — пробормотал Исаак, прикусывая кожу на её плече.

Глава 4

Исаак чувствовал себя усталым, но одновременно с этим оживленным, и так же возбужденным, он полагал, что его член может прямо в эту самую минуту взорваться в ее тугой киске. В Лилли. Красивое имя, потрясающая женщина.

Лилли. Ему придется привыкнуть называть её этим именем. Хотя они знакомы только двенадцать часов, ему очень нравилось называть ее «Спорти». Ну и, откровенно говоря, с первой минуты, когда он так назвал её, это имя очень подошло ей.

Она была полностью расслаблена под его сильным телом, тяжело дыша, ее сильные, гибкие руки и ноги легко подчинялись и принимали его прикосновения, когда он двигался внутри нее. Она была тугой, ее мышцы лона не прекращали сокращаться, когда она кончала, стискивая его, словно в кулаке. Девушка вся взмокла, как и он, и от нее исходил просто несравненный аромат. Откровенно говоря, он больше предпочитал, когда от девушки исходил естественный запах, а не омерзительный резкий, режущий глаза химический смрад. Некоторые девушки бесконтрольно выливали на себя огромное количество этого дерьма, а запах Лилли просто пьянил его. Её вкус. Черт, она нереально возбуждала его, заставляя желать её снова и снова.

— Мне кажется, я задолжал тебе еще один оргазм, — он прикусил её плечо, втягивая в рот сладковатый привкус пота, которым было покрыто ее тело.

— Думаешь, у тебя хватит сил взять меня еще раз? — её глаза по-прежнему прикрыты, а на губах растянулась довольная улыбка. Ей нравилось подразнивать его, особенно, когда дело касалось секса.

Мужчина приподнялся и подтянул девушку к себе одним резким движением. Затем схватил ее ноги и перевернул ее на спину. Лилли рассмеялась, и этот звук был насыщенным и полным удовольствия. Исаак не знал ее с историей, но он был чертовски уверен, что обязательно всё выяснит. Девушка была какой-то особенной, той, которую нужно было опасаться. От нее исходила аура опасности.

Может, это лишь потому, что он знал её совсем недавно. Проживая в небольшом городке, будучи совершенно одиноким и желая все делать только так, как ему хочется, например, ездить по округе к женщинам, которые были не прочь оказаться в его постели. Даже девушки, которые приезжали из близлежащих городов и не возражали против быстрого перепиха, стали для него привычными. А количество тех женщин, что не желали ничего большего, было очень мало, поэтому всех своих подружек для траха он мог с легкостью пересчитать по пальцам. А в последнее время он стал немного сторониться и тех женщин, что велись лишь на его образ и татуировки. Он избегал такого рода охотниц.

Но эта дикая штучка, которая извивалась под ним, стараясь раздражить, глядя на него своими светлыми, живыми глазами (он наконец-то все же сумел точно определить их цвет — они были серыми), она была чем-то совершенно другим.

Исаак закинул ее восхитительные ноги на свои плечи и погрузился в нее, прижимая бедра девушки к ее груди. Она была сильной и гибкой, до сих не протестовала против его действия — ни в отношении силы, что он так неистово применял, ни в отношении растяжки, когда он разводил ее ноги, поднимал и отводил их в стороны, не возражала против глубины его погружений в её тело. На самом деле, она желала большего. Лилли принимала его член без возражений. Обычно ему приходилось немного уговаривать девушек, прежде чем они готовы были принять его член, но Лилли просто бросила ему это в лицо, что желает быть жестко оттраханой.

Он до сих пор был невероятно твердым в ее киске, вколачиваясь в податливое тело со всей силой, на которую был только способен, ощущая, как неумолимо погружался и как саднили его бедра, когда он с силой впечатывался в нее. Девушка стонала и хныкала, царапая его руки. У него явно барахлила система самоконтроля, ему приходилось

прикладывать невероятные усилия, чтобы не кончить раньше нее. Умопомрачительный минет, который она сделала ему чуть раньше, потребовал у него множество сил, чтобы оттрахать ее так, как она этого хотела, Лилли была дикой штучкой, чертовки горячеей, и они занимались этим уже некоторое время, плюс к тому, что он не спал прошлую ночь. Мужчина старался отвлечься на какие-то повседневные мысли, но, в то же время, он не хотел этого. Он хотел находиться с ней, чувствовать ее, слышать ее, вдыхать ее запах.

Лилли прижала свои ноги даже чуть сильнее к своей груди, таким образом, ее пятки были на его плечах, и в то же время она старалась податься навстречу ему всем телом. Сперва это немного озадачило его, он посмотрел на нее и увидел в ее глазах то, чего она так хочет. Исаак опустил ее ноги и приподнял вверх, усаживая на свои бедра, а сам лег на кровать. Усадив ее на себя, удерживая её ноги под руками, он чуть приподнялся, чтобы вытянуть свои ноги.

— Ты хочешь меня объездить, обхватить мой член своей сладкой киской, м?

— Черт возьми, да, — Лилли немного отклонилась назад, ее ладони легли на его бедра. Затем Исаак просто обхватил своими сильными руками ее бедра, останавливая девушку. Господи Иисусе, её мышцы так красиво сокращались под нежной кожей, когда он опустил ее на свой член, позволяя ей трахать его так жестко, как он делал ранее сам. Ее голова откинулась назад, темный шелковистый хвост коснулся его ног. Каким-то образом он осознал это, когда почувствовал легкое щекочущее движение на своих ногах. И Боже милостивый, он был уверен, что это практически заставит его кончить. Но он не мог допустить этого, потому что он пообещал ей второй оргазм.

Исаак присел и схватил ее руки, прижимая тело девушки к своей груди. Смотря пристально в его глаза, она замерла, тяжело дыша, ее дыхание срывалось с губ вместе с крошечными стонами, на протяжении пары мгновений они просто сидели, крепко переплетаясь руками и ногами, покрытые потом и затаившие дыхание, сверля друг друга взглядом.

В этом взгляде Исаак ощутил что, что-то изменилось между ними; он почувствовал, как вверх по позвоночнику прокатилась нервная дрожь. Он даже не мог предположить, чтобы это могло значить. Но мужчина молниеносно схватил ее за хвостик, не давая ей опомниться, и приблизил ее рот к своему, втягивая верхнюю губу, попробовал на вкус бисеринки пота над верхней губой и затем глубоко проник в ее рот языком. Но Исаак старались делать это как можно нежнее. Лилли ответила ему на поцелуй, глубоко целуя в ответ, ее руки устремились к его влажным, пребывающим в беспорядке волосам, захватывая длинные пряди в свои руки и притягивая его как можно ближе к себе. В следующее мгновение она отстранилась от него с тихим вскриком, ее глаза распахнулись, и она вперилась в него взгляд, словно поглощая каждую его черточку. Ее брови нахмурились. Она тоже ощутила это, он точно знал.

Что-то опасное.

Затем, будто её настиг удар хлыста, девушка со всей силы дернула его за волосы.

— Я думала, ты собираешься сделать так, чтобы я кричала. Вроде бы у нас уговор?

Она приникла вновь к его губам, проскальзывая языком в рот, прикусывая жестко его нижнюю губу. Во рту у Лилли чувствовался металлический привкус крови.

— Бл*ть! Кровожадная сучка! — он резко перевернул ее на спину, подминая ее тело под себя. Затем схватил девушку за заднюю сторону щиколоток и развел ее ноги как можно шире в стороны, когда с силой загнал свой член глубоко внутрь нее, увеличивая темп с каждым

следующим толчком члена. Если и этого ей было недостаточно, то, значит, она была ему не по зубам.

— О, Бл***ть!! Да! Черт возьми, жестче! Да! Да!

Жестче? Иисус Христос. Исаак старался дать ей то, чего она так хотела. И затем, спасибо благословенному младенцу Иисусу, она закричала изо всех сил, на пределе своих легких, ее ногти до боли вонзились в его кожу предплечий. Она была такой тугой, чертовски тугой вокруг его члена, и спустя какое-то время он, наконец, позволил себе издать громкий, протяжный, наполненный невероятным облегчением, стон, который вырвался из его груди, затем устремился вверх по глотке, прокатился по языку и вышел через стиснутые зубы, словно этот крик вырвался из каждой его клетки. Исаак кончал чертову гребаную вечность.

Когда, наконец, спазмы, что прокатывались по его телу, отступили, он рухнул на Лилли, между ее ног, тем самым, вжимая ее в матрас своим массивным телом. Он все еще находился внутри нее. Исаак был несказанно рад услышать ее хриплое, затрудненное дыхание, такое же, как у него самого. По крайней мере, он ее вымотал. Девушка лежала расколовшая на осколки, потерявшая дар речи и парализованная, окруженная его теплом.

Она рассмеялась.

— Ладно, бл*ть, это было просто потрясающе. Больше не буду в тебе сомневаться.

— Лучше бы тебе этого не делать, — он поцеловал её в щеку. Издавая усталый вздох, он задумался о том, сколько потратил сил, потому как прошлую ночь не спал, и скорее всего у него не появиться возможности вздремнуть и восстановить силы до позднего вечера. Наконец, он вышел из нее и лег рядом. При нормальных обстоятельствах он бы уже поднялся и начал одеваться. Когда он трахался, то делал это преимущественно в своем в клубе или же дома у сучки, которую трахал, и ни за что на свете он не лежал рядом с ними после того, как покидал их тела. Ласки после секса, нежные объятия — именно с этого начинались все гребаные проблемы. Исааку нравилось быть свободным, хозяином своей судьбы и своих мыслей. Но сейчас он нахмурился и списал все на то, что просто не мог сдвинуться с места от накрывшей его с головой усталости. Мужчина продолжал лежать в ее кровати.

Плюс ко всему, он еще не закончил с ней. Еще нет.

Лилли перекатилась на бок и взяла свой телефон с прикроватной тумбы

— 9:30. Во сколько Мари прекращает подавать завтраки? Потому что ты мне задолжал яйца и вафли, — она положила телефон на тумбочку и вновь начала поворачиваться, когда рука Исаака остановила ее. Вместо того, чтобы позволить ей лечь на спину, он подошел ближе к ней.

У нее на левом боку была татуировка в виде строчки с текстом, которая тянулась от бедра до груди. Текст был не на английском. И еще одна татуировка красовалась на ее лопатке. Это была черно-серая бабочка размером примерно с его кулак.

Он провел подушечкой большого пальца по татуировке, что была выбита на ее боку.

— Мари подает завтрак на протяжении всего дня. О чем тут говорится?

Лилли обернулась, пристально смотря на него через плечо, но ответила она не сразу. Помолчав, девушка проговорила:

— Это на итальянском: “L’amor che muove il sole e l’altre stelle”, — слова, что она произнесла, красиво звучали. То, как она говорила, дало ему понять, что она свободно говорила по-итальянски.

— Красиво. Что они обозначают? — Исаак провел ладонью по изгибу ее бедра. Он

словно не мог прекратить прикасаться к ней.

— «Любовь, что движет солнце и светила» (Прим. «Божественная комедия. Рай». Данте Алигьери), — он не смог прочитать выражение её лица, когда она говорила об этом.

Эта строчка показалась ему подозрительно знакомой, и он задумался на мгновение, пытаясь отыскать в своей голове нужное воспоминание.

— Это же Данте, так?

Она стремительно повернулась и улеглась на спину.

— Да, это последняя строчка из «Божественной комедии». Ты читал Данте? — выражение её лица не могло скрыть откровенного шока. Это потрясло и испугало её. Девушку не испугала драка, которая произошла прошлой ночью, ни револьвер у виска, не то, что он нашел её и выяснил её имя, даже не этот потрясающий трах. Но её ужаснул тот факт, что он знал Данте, — это ошеломило Лилли. Он ощутил укол обиды.

— Провинциалы тоже посещают школу, — проговорил он язвительно.

Теперь ее взгляд стал слегка скептическим.

— Вы что, проходили Данте в школе?

Нет, конечно, он не проходил его в школе.

— Ну, у нас в городе есть библиотека. А мне нравится читать. Всегда нравилось. Я же говорил тебе, что у нас не сильно много развлечений. Итак, почему строчка из «Божественной комедии» набита на твоём боку?

— Это была любимая книга моего отца, — вместо того, чтобы сказать что-то ещё, девушка поднялась с кровати. — Я голодна. Ты обещал мне завтрак. Пойду в душ.

— Не против компании? Потому что мне тоже нужно принять душ, — он поиграл бровями, игриво смотря на нее. — Всегда хорошо сохранять воду, тем более у нас в Сигнал Бенд, потому что мы тут зависим от скважин.

Она покачала головой.

— Всё нормально. Я быстро ополоснусь и оставлю тебе воду.

Девушка решительно прошла в ванную и притворила за собой дверь.

Исаак откинулся назад, его не покидало ощущение, что он словно сделал что-то не так, но еще больше его занимал вопрос, почему ему вообще было до этого дело. Но у него было предчувствие, что всё это — кусочки головоломки, которой была Лилли. Ему нужно было всё выяснить. На его члене все еще был раскатан презерватив, который теперь выглядел печально присобраным. Он стянул его и отправился искать место, куда бы его можно было выбросить. Все закончилось тем, что он выбросил его в ведро под раковиной.

оОо

Лилли отказалась ехать с ним, объясняя это тем, что ей нужно заняться делами после завтрака. Поэтому она последовала за ним на своей машине к «У Мари». Во время поездки Исаак размышлял о событиях прошедшего дня, который оказался более насыщенным, чем он полагал.

Джими пожертвовал только тремя ногтями во имя правды. Мэг пыталась ходить вокруг до около, стараясь запудрить им мозги, но Исаак славился своей проницательностью, и поэтому после того, как Вик вырвал ноготь со среднего пальца правой руки ее мужа, той же руки, где было сломано запястье, женщина полностью сломалась, игнорируя энергичное покачивание головой Джими, и все выложила.

Теперь Исаак знал, что байк-клуб Сент-Луиса, с которым не ладили МК «Ночная Банда» — МК «Северные Всадники» — нашли себе нового партнера, который поддерживал их. И теперь они искали способ создать свой собственный «коридор» на трассе I-44, который, к слову, полностью, от Иллинойса до Оклахомы, находился во владениях МК «Ночная Банда». Они сосредоточились на Джими и Мэг, которые были самыми известными мошенниками на территории округа Кроуфорд, и заставили Джими поднадавить на Уилла Келлера, чтобы тот продал ему свою собственность — семейную ферму, чья территория составляла примерно 150 акров, которая принадлежала его семье и переходила по наследству из поколения в поколение.

И все эта информация досталась ему всего за три ногтя. Смехотворная цена для такой информации. Ну, как он и предполагал, Мэг была слабым звеном. Мэг не знала, зачем этим людям понадобилась собственность Уилла, но у Исаака было отличное предположение. Половину территории занимал густой лес. Верхушки деревьев примыкали плотно друг к другу, из-за них сложно было что-то разглядеть. Отличная помеха для наблюдения со спутника. Правильно распложенная лаборатория по массовому производству льда была бы отлично скрыта в самом центре лесного массива. Как раз в самом центре каналов, по которым осуществлялся товарооборот.

Производство льда в таких масштабах невозможно воплотить в жизнь под пристальным наблюдением Исаака за городом. Ни один враг МК не заполучит собственность на территории, которой владел МК. Союзник МК «Северные Всадники» с таким внушительным капиталом — тот, кого так истошно боялся Джими, что был готов терпеть пытки, лишь бы не выдать его — был, вероятно, очень серьезным человеком, очень опасной проблемой для «Ночной Банды» и для самого Сигнал Бенд.

И следом нарисовалась мисс Лиллиан Карсон, якобы из Остина штат Техас, но вот, что примечательно, без техасского акцента. Барт думал, что быстро разберется с этой проблемой, пробив её по базе, но ему до сих пор не удалось разобраться с происходящим. Он был озадачен тем, что она особо и не старалась скрыть тот факт, что что-то утаивает. История, придуманная для неё, прошла бы самую поверхностную и элементарную проверку, для этого была проведена пара операций — аренда дома или поиск работы — и любой, кто в чем-то подозревал ее, мог с легкостью выяснить, что она делала и чем занималась. Информация реальна, поэтому, проверив ее, любой другой бы отвалил. Но основываясь на некоторых размышлениях Барта, тут было что-то странное. Молодому Бартоломью нравилось распутывать подобного рода головоломки.

Но, что самое интересное, — она появилась в один и тот же день, когда Джими решил донести свою точку зрения, пырнув ножом Уилла. Исаак пока не мог понять, как эти кусочки головоломки были связаны вместе. А может, они и не были, — возможно, это чистое совпадение, которое принесло проблемы в город одновременно с двух сторон. Но Исаак определенно точно обратил на это свое внимание.

Обычно он не верил в совпадения, по крайней мере, первоначально, без тщательного расследования происшествия. Он надеялся, что не смотря на то, что Лилли кое-что скрывала, она не попадется ему на пути. Она нравилась ему. И внутри его терзала мысль, что придется причинить ей вред.

Но он сделал бы это без колебаний, если бы того потребовала ситуация. Если она будет угрожать его людям, его городу, он покончит с ней без лишних разговоров. Но ему будет искренне жаль делать это.

Исаак был совершенно уверен, что её настоящее имя было Лилли. Он почувствовал это. Ему казалось, что она чувствовала себя вполне комфортно, когда он обращался к ней, используя его. Но он не был уверен насчет того, настоящая ли была фамилия Карсон. Но, по крайней мере, он был уверен в прозвище «Спорти», потому как сам его дал.

Он подъехал к «У Мари», следом за ним припарковалась Лилли. Место не было переполнено людьми: 10 часов утра — довольно позднее время для завтрака. Но скоро подтянется толпа, которая собиралась тут на обед. В данный момент тут было всего одна машина на стоянке, это пикап Салливанов Неловкая ситуация. Он не думал над этим до этого самого момента, но когда пораскинул мозгами, до него дошло, какой переполох это вызовет: Президент МК «Ночная Банда» приходит на завтрак в «У Мари» с недавне приехавшей в город девушкой, про которую все наперебой судачат. Невероятно сексуальной девушкой. Той, которая стала сегодня главной темой для обсуждения, звонков, различных предположений, той, которая сегодня утром бегала по улицам города в одном нижнем белье или же купальном костюме.

Да, определенно точно, в это воскресенье после церкви это будет тема номер один для того, чтобы почесать языками. Для всех, начиная с этой минуты. Ну, что ж, ничего не поделаешь. Тем более прошло много времени с тех пор, как у людей была достойная тема для сплетен.

Исаак снял и повесил свой шлем на руль мотоцикла, затем подошел и открыл дверь «Камаро» для Лилли. Она посмотрела на него с ошеломленной улыбкой и выбралась из машины. Девушка была в одежде, схожей с той, что была на ней вчера: высокие ботинки на низкой подошве, узкие джинсы с низкой посадкой, простая футболка — только сегодня желтая — которая приоткрывала полоску ее плоского живота. Невероятно манящую полоску подтянутого живота. Сегодня на ней не было куртки — было слишком жарко. И черные очки авиаторы. Она даже не беспокоилась тем, что с ней не было сумочки. Он добавил этот пункт в увеличивающийся с каждым моментом список вещей, которые невероятно возбуждали его. Женщины с большими сумками пугали его. Что такого важного они носили в них, что им нужно было таскать за собой гребаные сумки, похожие на чемоданы?

Волосы Лилли были вновь собраны в хвост. Длинный и густой, насыщенного цвета полуночного шелка, с легким красноватым оттенком, что проявлялся, когда ее волосы освещали яркие солнечные лучи. Когда девушка волновалась, то захватила локон и накручивала его на палец. Он видел, как она проделывала такую же штуку этим утром. Это, отчасти, смахивало на нервную привычку, но ему нравилось. Он даже не мог сказать почему. Исаак замечал, как она тайком бросает на него взгляды, подмечая что-то и улыбаясь.

Это была единственная нервная привычка, которая была у нее. Она не наносила макияж и не использовала парфюм — и он бы сопротивлялся, если бы она захотела воспользоваться другим ароматом, чтобы заглушить свой сладкий естественный запах. Сегодня на Лилли не было никаких украшений, за исключением больших сережек-колец, и ему начало казаться, что она, как и он, носила свои ради практического интереса, чем для украшения. А массивным кольцом, что было на ее пальце, она нанесла ощутимый вред горлу Мэг.

Исаак практически уже взял ее руку в свою, чтобы сопроводит до кафе, но придумал кое-что получше, внутреннее усмехаясь, он положил ладонь на ее поясницу, таким образом, подталкивал девушку идти чуть быстрее впереди него. Когда колокольчик над дверью звякнул, оповещая о том, что они вошли в кафе, десять человек, что находишь там, — шесть посетителей, две официантки (включая саму Мари), наблюдающий за зоной обслуживания с

кухни муж Мари, Дейв и Эван, посудомойщик — все они остановились, чтобы посмотреть, кто вошел, и затем замерли с ошарашенными выражениями на лицах. Исаак просто обожал жизнь в маленьких городишках, внутренне он усмехался над происходящим.

Надо отдать должное Лилли, она была совершенно невозмутима. Девушка улыбалась и кивала всем, кто смотрел на нее. Он проводил ее за свой обычный столик; они прошли мимо Салливанов. Три пальца Джими, на которых были выдраны ногти, благодаря мастерскому исполнению Вика, были перебинтованы, а его рука была в гипсе. Хаос отвез их в центр скорой медицинской помощи и проконтролировал, что они сказали о том, как получили свои увечья. Что касается Мэг, у нее ничего не было до того момента, как Хаос подбросил их до дома. Не смотря на то, что у Джими на правой руке был гипс, он избил свою жену левой рукой за то, что она сдала информацию Исааку. Исаак почувствовал сочувствие к ней, он был зол на Джими, но это был уже не первый раз, когда она ходила в синяках от руки своего мужа. Как и большинство женщин в этой части штата, она была хорошо знакома с ощущением удара кулаком на своей коже.

Ну и, кроме того, один из этих синяков был делом рук Исаака, он тоже ударил вчера в баре ее по лицу. Хотя она заслужила тот удар, он не испытывал удовольствия от того, что поднял руку на женщину. Но он также не давал им спуска, когда они кидались на него, явно переоценивая свои силы и стараясь вести себя, как мужчины, но он, определенно, не испытывал от этого никакого удовольствия. К примеру, как от того, что сломал прошлым вечером нос Эду Фоссу. То ощущение было приятным. Ударить Мэг — лишь необходимое действие.

Мари подошла к ним, прежде чем они уселись на свои места. Она перевернула кофейные чашки и налила в них кофе.

— Привет, Айк.

Бл*ть, мать божья, как же он ненавидел, когда его называли так. Несмотря на то, сколько бы он не сделал для города, сколько уважения не заслужил бы, он не добился лишь одной вещи, чтобы они прекратили называть его таким образом. Хотя он должен был радоваться, что они, наконец, прекратили называть его «малыш». Это ушло со смертью его отца.

Лилли вытащила меню из-под подставки для салфеток и начала просматривать предлагаемые варианты. Это было не таким уж частым зрелищем тут, когда люди просматривали меню, почти все, кто тут завтракал или обедал, помнили, что предлагало кафе, блюда которого не менялись с момента открытия, за исключением сезонных ингредиентов, что использовали для пирогов или же для джемов.

— Привет, Мари. Это Лилли, Лилли это Мари, самый лучший пекарь пяти штатов.

Лилли улыбнулась ей, и Мари ответила ей теплой улыбкой.

— Только пяти? Теряю сноровку. Что тебе принести, дорогая?

Пробежавшись глазами по меню, Лилли сделала заказ.

— Я буду вафли и яичницу-глазунью.

Мари не поленилась записать в блокнотик.

— Ты хочешь что-нибудь к яичнице? Сосиски, бекон или ветчину?

— Эм, бекон. А могу я заказать что-нибудь вместо картофельных оладий? К примеру, фрукты?

Исаак опустил голову, чтобы скрыть ухмылку, которою он просто не мог контролировать. Мари посмотрела на нее в упор.

— Этот завтрак подается вместе с картофельными оладьями, а не с фруктами.

Лилли склонила голову к плечу.

— Мм, хорошо. А как насчет того, чтобы заменить картофельные оладьи и подать мне что-нибудь с фруктами?

Так, ему, наверное, следовало бы ей помочь, но он просто несказанно наслаждался забавной ситуацией, разворачивающейся на его глазах. Мари сверкнула глазами на Лилли и положила руку на бедро.

— Я уже сказала, что оладьи подаются с этим завтраком. Фруктов не будет. Только, конечно, если вы не захотите заказать кусок фруктового пирога или апельсиновый сок.

Лилли моргнула, Исаак посмотрел на нее сочувствующим взглядом.

— Мари, ты получила заказ. Спасибо, родная.

Определенно раздосадованная, Мари кивнула ему и направилась обратно за стойку бара.

— Какого хрена это было, Спорти? Ты не можешь менять местами заказы в таком месте, как это. Я думал, что деревенская девчонка из штата Техас, должна была бы знать это.

Она не повела и бровью.

— Остин, к твоему сведению, это не деревня. И я ненавижу картошку, не выношу даже ее запаха.

— Нет такого человека, который бы не любил картошку.

— Только что сказала тебе, что я не люблю.

— Ну, что могу сказать. Это странно.

В качестве ответа, девушка просто откинулась спиной на спинку диванчика, скрестила руки на груди и пожала плечами, словно таким образом аргументируя свою точку зрения. Исаак наблюдал во все глаза, как она налила приличное количество сливок в кофе и высыпала туда же три пакетика сахара. Он скривился. Это уже был не кофе, но с чего это вообще заботило его? Он с самого утра путался в своих чувствах и мыслях, возможно, сказывалось переутомление или бессонная ночь. Исаак сделал глоток кофе, черного и крепкого. Затем поднял на нее глаза. Солнце светило через огромное окно, разливаясь по всему помещению ярким светом, придавая красноватый оттенок ее волосам и заставляя серые глаза сиять. Мужчина вздрогнула всем телом, когда его член слегка дернулся и налился возбуждением, упираясь в молнию на джинсах. Он был не прочь наплевать на остаток дня и унести ее обратно на голый матрас.

— Как ты догадался, что я не попала в беду?

Приходя в себя из сексуального мечтательного состояния, он покачал головой.

— Прости, что?

Лилли сделала глоток сладкого “десерта” из своей чашки и посмотрела на него любопытным взглядом.

— Ты сказал, что был обеспокоен, насчет того, не попала ли я в беду, когда увидел мою машину, а меня дома не оказалось. Но когда я вернулась, ты был абсолютно расслаблен, сидел, привалившись спиной к деревянным ступеням. Как ты понял, что со мной не случилось ничего плохого?

Потому что ему позвонил СиДжей, так как он проезжал мимо нее, когда она совершала пробежку в этом ее крошечном топике и шортиках. Она привлекла чертову кучу внимания этим утром. И прошлой ночью тоже. Люди были заинтересованы. А теперь они вместе ели. Вообще-то, снова. Исаак закатил глаза. К субботе местные любители почесать языками уже

их повенчают.

— Мне позвонил один из братьев, который видел тебя на дороге. Точнее, множество людей видели тебя, Спорти. Тебе следует немного прикрываться, когда ты бегаешь по городу. А то злые языки могут стереться, обсуждая тебя.

Мари принесла их завтраки — вафли, яйца и бекон для Лилли, а для него его обычный заказ — стейк, яичницу-глазунью, зажаренную с двух сторон, и хрустящее овсяное печенье. Оладьи были разложены на тарелке. Он увидел, как Лилли скривилась, когда увидела их. Он надеялся на то, что Мари не заметила ее выражения лица, когда наполняла их чашки свежим кофе.

Исаак подмигнул Мари.

— Спасибо, дорогая. Ты не против оставить мне кофейник?

Сегодня ему было необходимо или ввести кофе внутривенно, или целое ведерко крепкого напитка. Дни бессонных ночей без ущерба для здоровья и упадка сил остались далеко позади.

Мари улыбнулась и поставила кофейник на стол.

— Конечно, Аик. Дай мне знать, если ты захочешь что-то еще.

Как только Мари отошла от их столика, Лилли начала лихорадочно убирать прочь картофельные оладьи, так, словно они были чем-то заражены. Исааку показалось это таким милым, что он выпрямил спину и стал наблюдать за ней. Девушка подняла глаза, и он улыбнулся, когда их взгляды встретились.

Переводя взгляд на его тарелку, она указала на нее вилкой.

— Я не видела, чтобы ты заказывал еду.

— Мари прекрасно знает мой заказ, мне не нужно ничего заказывать.

— Ты что, заказываешь одно и то же изо дня в день? — она посмотрела на него и усмехнулась так, будто это была сама ненормальная вещь, которую она слышала в своей жизни.

Исаак просто пожал плечами. И это ему говорит девушка, которая не ест и не может терпеть картошку в любом ее проявлении, она не имела права судить о вкусовых пристрастиях других.

— Как твой завтрак?

Она проговорила с набитым вафлями ртом.

— Отлично, не считая картофельных оладий

Он закатил глаза. Она была чертовски мила.

оОо

К тому времени, когда они закончили свой завтрак и направились на выход, забегаловка была практически забита битком, и каждый взгляд в этом кафе был прикован к ним. Им пришлось испытать на себе все прелести приветствия от окружающих. Исаак представил ее, как Лилли Карсон, которая переехала в старый дом старика Олсена. Лилли, к слову, была грациозна и мила со всеми, но он заметил, что ей было некомфортно. Как и ему. Они попали в такую передрагу, о какой он и не помышлял, а они знали друг друга всего лишь один день.

Когда они, наконец, вышли из кафе, Лилли повернулась к нему, поднимая свои очки вверх, и проговорила:

— Спасибо большое за завтрак. Увидимся, — и быстро направилась к своей машине. Он

практически позволил ей уйти, потому как за ними наблюдало все гребаное кафе. Ему даже не нужно было оборачиваться, чтобы знать, что все посетители глазели на них через большое панорамное окно. Все, что ему было необходимо сделать, чтобы накалить до предела городские сплетни и домыслы, — это просто попрощаться обычным способом, как они и сделали.

Но мужчина не хотел оставлять все таким образом. Кроме того, ему необходимо было держать ее близко. К тому же, ему нужно было разузнать о ней кое-что. Нельзя позволить ей ускользнуть от него таким образом. Наконец, он решился. Хрен с ним, он даст пищу для городских пересудов. Бл*ть. Исаак настиг ее в четыре больших шага, как раз в тот самый момент, когда ее ладонь легла на ручку двери. Он ухмыльнулся про себя и закатил глаза. Гребаное дежавю. Он обхватил пальцами ее запястье, а другую ладонь положил ей на плечо, всем своим весом вжимая девушку в машину.

— Куда ты убегаешь так быстро?

Она указала кивком в сторону кафе.

— У нас целая толпа любопытных зевак, и плюс ко всему, мне нужно сделать много дел. Но спасибо, правда. Я хорошо провела время.

Он проскользнул коленом между ее бедер и переместил руку с ее плеча на шею.

— Я же тебе говорил, что нам будет весело вместе. Не думай, что я с тобой закончил, Спорти.

Она улыбнулась одними уголками губ ее сладкого ротика.

— Возможно, я с тобой закончила.

— А ты закончила?

Лилли пристально смотрела на него, уголки губ приподнялись еще немного. Исаак потянулся и поднял ее очки, таким образом, чтобы мог видеть ее светлые глаза. Она не отвечала.

— Так ты закончила со мной?

В качестве ответа, девушка запустила свою руку в оторванный ворот его рубашки и притянула его к себе. Когда его губы прикоснулись к ее, она широко открыла рот для него. Лилли была чертовски горячей сучкой. Забывая о том, что за ними наблюдали, забывая о ее секретах, даже забывая о том дерьме, что ему предстояло сделать в течение дня, он склонился и прижал ее тело своим к машине, давая почувствовать, насколько она возбуждала его. Он целовал ее так отчаянно, словно был готов взять прямо здесь, посреди гравийной парковки «У Мари» и в тени креста методистской церкви Святого Иоанна, что падала на них. Потому что, на самом деле, он был готов сделать именно это. Они целовались намного дольше, чем он ожидал.

Издавая разочарованный вздох, он отстранился.

— Делай свои дела. Увидимся. И полагаю, что очень скоро, — его губы растянулись в озорной усмешке, когда он склонился, произнося шепотом ее имя ей на ухо, — Лилли.

Она подняла голову и посмотрела на него оценивающим взглядом, затем оттолкнулась от машины, забралась в нее и уехала.

Исаак направился к своему байку, даже не смотря в сторону «У Мари».

oOo

Барт сидел за баром с двумя открытыми ноутбуками. У клуба была мощная спутниковая

тарелка, поэтому интернет не был для них проблемой. Как и спутниковое телевидение. На стенах клуба у них висели большие плазменные телевизоры, и когда транслировали спортивные игры, были то важные бои или гонки, футбол, бейсбол, хоккей, они открывали двери для горожан. Тут было множество фанатов тех или иных команд, наряду с командами Сент-Луиса. Фанаты приходили в клуб, чтобы посмотреть и выпить бесплатный алкоголь. Это было еще одной общественной обязанностью, которая была у МК «Ночная Банда».

Исаак вошел и положил ладони на широкие плечи Барта. Он был самым молодым членом клуба, который выполнял у них роль хакера-разведчика. Очень умелый, ужасно умный и нереальный компьютерный гений. Исаак мог сказать — а он тоже неплохо разбирался в компьютерах — Барт был хакером от Бога. До сих пор у них не возникало проблем со сбором информации, Барту было под силу все. Поэтому Исаак заинтересовался, почему Барт выглядел таким обеспокоенным.

Отчасти это могло быть, потому что рядом с ним на баре стояло шесть пустых банок из под «Red Bull». Барт был большим парнем — не таким большим, правда, как Исаак, его рост, примерно, составлял шесть футов, а вес, вероятно, 200 фунтов, мускулистым, — но шесть банок «Red Bull» — это гребаная тонна кофеина.

— Расскажи мне, брат. В чем дело?

Барт провел по своему ежику темно-пшеничных волос. Он заговорил быстро, голос ощутимо подрагивал. Барт практически дергался от переполняющего его тело кофеина.

— Этот сервер принадлежит армии США. Точнее, Вооруженным силам США. Я немного беспокоюсь, если я там покопаюсь чуть дольше, чтобы разнюхать что-то еще, они меня засекут. Хотя я сейчас нахожусь в скрытом режиме, но у меня такое ощущение, что свечу своей задницей каждый раз, когда пытаюсь что-то нарыть там. Исаак, я одного не пойму. Если у нее есть, так называемый, *баный-мать-ее-секрет, который требует такого уровня безопасности, нах*я она на него практически установила неоновый знак и светит им направо и налево? У меня заняло три минуты, чтобы узнать, что ее история фальшивка. Но, в данный момент, я зависаю на этом сервере уже гребаных сорок восемь часов, и я в полной жопе. Найти информацию о ее реальной личности просто невозможно! Ее. Просто. Нет. В сущности, она словно не существовала до того, как внезапно не появилась три месяца назад в базе данных.

Это были, определенно, очень интересные новости. Это делало Лилли еще более опасной, чем он полагал ранее.

— Хорошо, брат. Попридержи коней. Тебе нужно немного отдохнуть, постараюсь узнать про нее другим способом. Не стоит испытывать удачу на этом гребаном сервере. Х*й знает, кто охраняет ее историю.

— Когда я сказал армия США, През, я говорил не в переносном смысле. Десять из десяти, что ее информация находится под охраной армии. Я не знаю, что такого она скрывает, но уверен абсолютно точно, что ей помогают именно военные. Будь осторожен.

— Понятно. Теперь, я говорю тебе серьезно. Иди и отдохни. Ты отлично поработал.

Барт благодарно улыбнулся и закрыл крышку ноутбука. Он поплелся вниз по коридору, который вел в комнаты для отдыха. Исаак посмотрел ему вслед, прокручивая что-то в голове.

Плавным взмахом руки Исаак подозвал ЛаВонн, одну из постоянных шлюх, что крутились в клубе, которая делала просто потрясающий минет. Она сидела, лениво развалившись на диване, читая журнал. Когда она увидела, что Исаак зовет её, то сразу же поднялась на ноги, разгладила складки на юбке и одернула вязанную кофточку.

— Да, Исаак? — никто, кто как-либо относился к клубу, не называл его Айк. Тут он мог контролировать это.

— Сделай мне одолжение, сладкая, иди с Бартом и помоги ему расслабиться.

Поначалу ему показалось, что девица выглядела немного разочарованной; Исаак предположил, что, скорее всего, она подумала, что он зовет, чтобы она удовлетворила его потребности. Но затем ЛаВонн быстро взяла себя в руки и ослепительно улыбнулась. Барт был привлекательным парнем и определенно не отталкивающим, чтобы от него воротила нос клубная шлюха. Исаак был уверен, что она видела отморозков и пострашнее.

— Конечно! — ЛаВонн развернулась и, слегка покачивая бедрами, направилась вслед за Бартом.

Исаак устало вздохнул и зашел за бар, чтобы налить себе несвежего, мутноватого кофе, который был приготовлен ранее утром. Он чувствовал себя слишком уставшим, чтобы ждать, когда приготовиться свежий кофе, поэтому он, кривясь, потягивал мутную жижу из кружки.

Одна проблема была урегулирована, но даже отдаленно её нельзя было назвать решенной. Насчет следующей, которая касалась Лилли. Он надеялся, что тут ему повезет больше.

Прошное: 1997 год

— Мистер Аккардо, вам звонит Лилли, она на третьей линии.

— Спасибо, Энн.

Джонни поднял телефонную трубку и нажал на неустанно мигающую кнопку под номером 3.

— Привет, Лиллибел. Чем я могу быть полезен моей маленькой любимой девочке?

Хотя не такой уж и маленькой. Она окончила старшую школу пару дней назад и через три месяца уедет учиться в колледж. Они с матерью останутся одни.

Как только она заговорила, он понял, что произошло что-то плохое.

— Рара, мне нужно чтобы ты срочно приехал домой. Кое-что произошло с бабушкой.

oOo

Джонни прошел через переднюю дверь с тяжелым сердцем. Уже во второй раз в недолгой жизни его дочери он приходит в дом, где она осталась наедине с бездыханным телом родного любимого человека. Сначала это была ее мать, тогда его дочери было десять. Теперь это его мать, только сейчас Лилли уже восемнадцать. Её любимая бабашка, её обожаемая nonna (Прим. с итал. — бабушка), женщина, которая заменила ей мать.

Ллли сидела в гостиной на красном в цветочек диване, который так тщательно выбирала Мена, когда они переехали в новый дом. Они редко пользовались гостиной, поэтому было необычно видеть там её, одетую в джинсы и футболку с одного из концертов, на котором недавно была, её волосы были распущенными и ниспадали на лицо, словно занавес, а на лице сохранялось безучастное выражение. Он подошел к ней и присел на диван.

Он взял в руки её ладонь, что безжизненно покоилась на коленях.

— Лилли поговори со мной.

Она повернула к нему голову. Он ошибался: у нее не было отстраненности на лице. В её взгляде бушевало множество эмоций.

— Она все еще лежит на полу в кухне. Я позвонила 911, и когда они приехали и сказали,

что она мертва, то сразу же уехали обратно. Теперь я жду кого-нибудь, в чью компетенцию входит забрать её.

Джонни даже не мог горевать о потере своей матери, его прекрасной, шумной, окружавшей их заботой матери, которая заполняла их жизни восхитительным ароматом итальянской любви. Ему необходимо было отодвинуть горе в сторону, как и в случае с Меной, отгородиться от него. Его дочь была единственным человеком, который прямо сейчас вызывал беспокойство. Он притянул ее к груди и крепко обнял.

— Расскажи мне, что произошло, cara.

— Она была на кухне, а я смотрела телевизор в своей комнате. Она пела во все горло. Она так ужасно пела, а я не могла расслышать ничего по телевизору из-за её ужасного пения. Я только подумала «Да заткнись же ты, бабуля!». И затем... и затем, это произошло. Я услышала звук падения и когда вбежала на кухню, она неподвижно лежала на полу. Её глаза были распахнутыми и остекленевшими. Последняя вещь, о которой я подумала, — чтобы она, наконец, замолчала.

Лилли начала всхлипывать. Джонни был несказанно счастлив, что на этот раз она проявляла живые эмоции; отрешенное безмолвие не устраивало его. После смерти Мены у него ушло несколько недель, чтобы вывести дочь из состояния безмолвия и молчаливого затворничества.

— Ох, cara mia. Это не было последней вещью, о которой ты подумала. Ты думаешь о ней прямо сейчас. Она пела. Она умерла счастливой.

Он знал, что это абсолютная правда. И это утешение — знать, что это правда.

Глава 5

Лилли подъехала к гаражу арендуемого ею дома. Пришлось прокатиться до самой окраины Сент-Луиса, чтобы наведаться в небольшой мини-маркет и купить всё, что ей было так необходимо. Потому что в «7 Eleven», что находился в Сигнал Бенд, даже не было овощного отдела. Но теперь, после пары часов и потраченных двух сотен долларов, у неё были все необходимые ей вещи и полный запас продуктов. Она приобрела необходимые вещи для дома, такие как кофеварка, тостер и прочее. Затем она также купила вещи, которые были необходимы, чтобы обустроить одну из спален дома под её кабинет, где она бы могла работать.

Она отрыла багажник и начала заносить покупки в дом. Лилли подумала, что могла бы припарковаться на небольшом газоне, который был расположен ближе к дому, для более удобной разгрузки продуктов и всех вещей, но когда она ещё только подъезжала, эта мысль даже не пришла ей в голову. Она не обладала мышлением, свойственным людям небольших городков и деревень.

Как только все вещи были занесены в дом, она потратила примерно около часа, чтобы расставить их по своим местам, затем загрузила новые простыни в машинку (слава Богу, в съемном доме были и стиральная машина, и сушилка), установила купленные вещи и разложила продукты на кухне, стараясь изо всех сил сделать это место более уютным и пригодным для жизни.

Затем девушка направилась в небольшую спальню и занялась там перестановкой, чтобы эта комната хоть немного выглядела похожей на кабинет, комфортный для ее работы. Она сдвинула двуспальную кровать и прикроватную тумбочку в сторону и разложила небольшой дешевый раскладной столик, который также приобрела. Когда все было более-менее

расставлено по местам, она принесла один из стульев от кухонного гарнитура — это отлично смотрелось вместе. Она немного сомневалась по поводу того, что делать с мусором и прочим хламом, который отложила, но подумывала его сжечь, так как у небольшого городка, судя по всему, не было городского мусоровоза. Но на данный момент она просто сложила его в третьей спальне. Когда всё, что она намеревалась сделать, было завершено, Лилли наклеила на окна темную самоклеящуюся бумагу и задернула шторы. Также она сменила дверной замок, который шел в комплекте с ручкой для двери. Это не было лучшим решением по обеспечению безопасности; дверь сама по себе больше являлась частью интерьера и не смогла бы оказать существенной пользы по защите собственности, если бы кто-то решил пробраться внутрь, но замок немного охладит их пыл и задержит хоть на немного, но всё же.

Она осмотрела комнату и внутренне порадовалась, потому что всё получилось, как она хотела, затем девушка закинула постельное белье в сушилку, захватила коробку из под тостера и направилась в гараж. Она выбрала этот способ для уединения, стараясь быть осторожной даже больше, чем необходимо. Лилли была очень осторожной, иногда даже сверх меры. Она неспешно направилась к боковой двери, что вела в гараж, поэтому могла оставить главную дверь гаража закрытой. В гараже не было совершенно никаких окон, поэтому там царила крошечная темнота, только небольшой свет из боковой двери чуть освещал темное помещение. Лилли нажала на выключатель, и загорелось пару лампочек над головой, затем она открыла багажник «Камаро».

С виду казалось, что багажник был абсолютным пустым, но Лилли нагнулась и убрала виниловое покрытие с заднего сидения. И вместо внутренних пружин и набивки, которые обычно находились внутри сидений, у этого «Камаро» там находилось небольшое оружейное отделение: M16, снайперская винтовка M25, три полуавтоматических пистолета, следом разнокалиберное холодное оружие (Прим. M16 — американская автоматическая винтовка калибра 5,56 мм; полуавтоматический пистолет — разновидность короткоствольного стрелкового самозарядного оружия под пистолетный патрон; M25 — снайперская винтовка, разработанная специально для Сил специального назначения армии США и Сил специальных операций ВМС США). Так же там находился спутниковый телефон и специальный ноутбук, который тоже был спрятан в сидении. Лилли забрала последние две вещи и положила их в коробку из-под тостера. Оружие она убрала на место, потому как у неё уже было припрятано в спальне личное оружие, но она полагала, что в нем не будет надобности какое-то время. Она закрыла заднюю часть сидения, захлопнула багажник и покинула гараж, выключив свет и закрыв за собой дверь.

Когда она вернулась в дом, то достала спутниковый телефон и ноутбук, чтобы установить их в своем кабинете. Она подсоединила спутниковый телефон к ноутбуку, используя спутниковое соединение с интернетом. Уже прошло три дня с того времени, как она выходила в последний раз на связь. Её молчание было делом ранее обговоренным, но она всегда нервничала, когда долго не выходила на связь.

Когда она преодолела многочисленные защитные настройки и вошла, то обнаружила два новых задания, оба из которых не представляли из себя никакой сложности в выполнении и обещали не отнимать много времени, каждое приблизительно заняло бы пару часов на выполнение, но, тем не менее, у каждого были жестко обговоренные сроки выполнения и высокий уровень секретности. Она знала, что будет делать сегодня вечером. Она ответила, что подтверждает сроки выполнения задания. Затем вышла и зашла вновь,

таким образом она могла проверить все обновления, связанные с дополнительной работой, как она её называла. Там не было ни одного сообщения, поэтому она отправила одно сама.

Она ответила с помощью шифра, который отлично знала. Сообщение гласило: «На месте. Требуется дальнейшие указания. Не заставляйте меня ждать».

oOo

Она начала работать над своим первым заданием сразу же, закончив и сразу же отослав его, вновь используя язык шифровки, прерываясь только на то, чтобы принять ванную. Она проверила время на своем ноутбуке: почти 8 часов вечера. Желудок заурчал, и она решила приготовить ужин и провести вечер за чтением книги.

Она пошла на кухню и достала заготовки для салата. Она также купила приличного размера стейк — свежий, насколько это возможно. Она нашла в одном из кухонных шкафов чугунную сковородку и поставила её на плиту.

Пока она готовила, то раздумывала над первой парой дней проведенной в Сигнал Бенд. Всё складывалось не так, как она планировала. Она прекрасно знала, что приезжий человек в маленьком городке сразу же привлечет к себе внимание, а она не хотела приковывать к себе как можно больше внимания. Она выбрала линию поведения, словно и впрямь собиралась надолго переехать в этот городишко, и, черт, у она и правда может не уезжать отсюда быстро, если ей хочется остаться, особенно если всё пройдет хорошо, то она не будет возражать раскрыть свою настоящую фамилию. Откровенно говоря, она не ожидала такого внимания к своей тачке и своему приезду, но с этим можно справиться.

Из-за Исаака она привлекла к себе больше внимания, чем того требовалось, и прямо сейчас она хотела отвесить себе огромный пинок под зад, потому что теперь её обсуждал весь город, в чем она успела убедиться за завтраком в кафе «У Мари». Её подозрения зародились еще тогда в баре, что она станет сплетней номер один в этом городе, когда та сука приставила гребанный револьвер к ее виску. Она прекрасно видела, что даже его братья обратили внимание на то, что они проводили вместе время в первый день, но она настолько была поглощена им, что старалась не думать об этом сильно.

То, что она связалась с Исааком, не помешает её планам, это просто их немного изменит. Но Лилли все равно не нравилось, что коррективы в её планы преимущественно вносил Исаак сам того не понимая, а ей приходилось подстраиваться и надеяться, что позже она повернет ситуацию в свою пользу. И ей не отсталость ничего другого, как только включить его в свои планы. И в этом решении были плюсы: это могло быть полезно — быть в отношениях с одним из самых влиятельных и сильных людей этого города и окрестностей. Он мог обеспечить ей необходимое прикрытие. Часто решение оставаться на виду было самым идеальным способом спрятаться, потому что этого от тебя никто не ожидает. И она просто не могла принять другое решение, потому что по-другому тут уже не получится действовать, так как ненужное внимание уже привлечено, а так всё будет казаться более-менее логично для наблюдающих со стороны. Байкер и его новая игрушка.

Он прекрасно знал, что она что-то скрывает, это она прекрасно понимала, но его желание узнать что-то о ней было ему неподвластно, ему не под силу ничего вывести. Она должна признать, что она, как и Исаак, наслаждалась их небольшой шахматной партией — ей понравилось это его выражение. Её это очень заводило.

И это уже совершенно другое дело, потому что могло стать потенциальным

осложнением. Она уже к нему что-то чувствовала, помимо того, что он её возбуждал. Очень возбуждал. А если говорить откровенно, то она провела почти весь день, вспоминая их утренний секс. Он был большим, сильным, восхитительным, и да, у него был потрясающий член, ну и, кроме этого, он был просто охренительным любовником в постели. Он обладал властью — и это был не просто внешний фасад, не показуха, он умел оказывать влияние, это была внутренняя сила. Она исходила от него практически ощутимыми волнами. И он был невероятно умным, начитанным. Исаак чертовски напугал её, когда узнал цитату, вытатуированную у нее на боку, но за этим скрывалось больше. Она ощущала его живой ум. Это её пугало, она любила умных мужчин, но не подпускала к себе.

Он воплощал в себе многие потрясающие качества. И она просто не могла испытывать сожаления по этому поводу, ей необходимо было держать его как можно ближе к себе, следить за ним. Но вот тут и скрывались подводные камни — привязанность. Она боялась привязаться к нему. Лилли прекрасно знала себя. Она могла с легкостью привязаться к такому мужчине как Исаак. Это ни в коей мере не могло отвлечь её от выполнения цели, что ей было необходимо выполнить, но это могло причинить боль, а это было хреново.

Пока она была погружена в размышления, её стейк приготовился. Она достала для себя тарелку и взяла всё с собой в гостиную. Мебель там, как и в остальной части дома, была не из тех, что Лилли привыкла называть «комфортная», но она была вполне пригодная для пользования. Она устроилась поудобнее на коричневом диване в клетку и ужинала, параллельно читая книгу.

Чуть после полуночи она отправилась в кровать. Лилли засыпала, думая об Исааке, её руки инстинктивно устремились между бедер, словно каждая мысль о нем вызывала желание.

oOo

Девушка вздрогнула всем телом и резко открыла глаза утром, но хотя бы на этот раз она находилась в кровати. С новым постельным бельем все ощущалось довольно таки приятным, и она просто лежала так пару минут, наслаждаясь неспешностью момента и позволяя себе ленивое утро. Утра в Сигнал Бенд начинались довольно-таки шумно. Были слышны звуки животных. Она проверила свой телефон: провалялась в кровати до половины седьмого. Отлично. И ко всему прочему, у нее было много еды — это не могло не радовать.

Но сначала пробежка. Она направилась в ванную, затем оделась в свою обычную одежду для бега. Если она и была неуместна для их маленького городишки, ну что ж, они все могли пойти на хер, им придется смириться.

Она должна была поразмыслить над своими тренировками для поддержания тела в форме помимо бега, но тут не было поблизости никакого спортзала. Она полагала, что фермеры поддерживали свою форму, работая, но на данный момент ее самой главной работой были размышления. По большей части.

Она пробежала примерно половину вчерашнего маршрута, плюс — минус по её подсчетам она пробежала примерно 16 миль. Лилли была в отличной физической форме, а кроме того — бегуном на длинные дистанции, но даже для нее 16 миль были огромным расстоянием. Она видела множество знакомых лиц и множество взглядов, устремленных на нее, как и вчера — и, возможно, сегодня они выглядели более заинтересованными, чем вчера. Их с Исааком завтрак обсуждали. Сегодня она даже помахала некоторым, пара из них

поприветствовали её в ответ.

Она поставила вариться кофе, когда вернулась обратно, и направилась принять быстрый душ, пока он готовился. Несмотря на скудное внутреннее убранство дома, про душ в ванной комнате она могла сказать, напротив, только хорошее. Отличный размер душевой кабины плюс потрясающая душевая насадка. Хотя напор воды оставлял желать лучшего, потребовалась целая вечность, чтобы вода стала горячей, но, в целом, он неплохо работал.

Она надела джинсы и футболку, затем высушила волосы, оставив их распущенными, по крайней мере, пока. Но распущенные волосы скоро начнут её раздражать, поэтому она заранее нацепила на запястье резинку. Хвостик был ее привычной прической. Она обычно не тратила много времени, чтобы крутиться перед зеркалом.

Когда Лилли вышла из кухни, она замера на месте посреди гостиной, уставившись на стеклянную дверь. Исаак прислонился к перилам, пытаясь разглядеть её, так как комната была залита утренним светом, но, скорее всего, он видел её. Господи Иисусе. У нее был собственный сталкер. Невероятно горячий, интересный сталкер с сексуальным, восхитительным голосом, но несмотря на эти достоинства, все равно сталкер.

В течение нескольких мгновений она просто рассматривала его. А там было на что посмотреть: уже знакомые мотоциклетные ботинки, джинсы, черная фланелевая, застегнутая на все пуговицы рубашка, байкерская жилетка, черные очки, и его восхитительные волосы, собранные резинкой. Он стоял, прислонившись к перилам, руки скрещены на груди. Что-то в его позе, да и во всем образе говорило о том, что он невероятно раздражен, весь вид его словно намекал, что ей следовало ожидать его. Она направилась к двери и открыла её, но не давая ему возможности пройти в дом.

Когда она медленно открыла дверь, он оттолкнулся от перил.

— Ты закрываешь двери, когда находишься дома? Хм, тебе не кажется это странным, зачем закрывать, если ты ничего не скрываешь?

Она сложила руки на бедрах, продолжая стоять в дверях, не позволяя ему пройти в дом, чего он, безусловно, хотел.

— Что-то мне подсказывает, задавая этот вопрос, ты прекрасно знал, что они заперты. Что означает, что ты пытался открыть их. А это значит, что, если бы ты вошел в дом, ты бы нашел меня в душе. Поэтому, да, я закрываю двери.

Он проскользнул пальцем за пояс её джинсов.

— А ты как думаешь, что бы я сделал, м? Ты в душе, да еще и полностью обнаженная и мокрая. Ты уверена, что не хотела бы меня там?

Её тело словно по волшебству реагировало на всё, что касалось этого мужчины: его запах (а от него исходил запах кожи и мужественности), его образ, его прикосновения к её коже, хрипотца в его голосе. Она была уверена, что её реакция на встречу с ним в душе была бы плачевной для них обоих, но прямо сейчас она не могла сказать, что промокнуть с ним под душем — плохая идея.

Она размеренно выдохнула.

— Чего ты хочешь, Исаак? У меня есть дела, которыми необходимо заняться.

— Для женщины, у которой нет работы, ты чертовски занята.

Он слегка потянул её за пояс джинсов и проскользнул другим пальцем между её джинсовой тканью и нежной кожей живота. Это было невероятно чувственное движение, и все её нервные окончания ожили в один момент.

Она, определенно, не хотела попасться на крючок, который он закинул и терпеливо

ожидал её ответа. Она просто стояла, молча глядя на него, не отводя глаз, только лишь приподняв брови.

Наконец, он прочистил горло с покорной улыбкой на губах и убрал свою руку.

— Ладно, ладно. Ты победила. Можно мне, пожалуйста, войти? Мне нужно перекинуться с тобой парой слов по поводу происходящего.

Она отступила назад и дала ему войти в дом.

Лилли развернулась по направлению к кухне и, наконец, взяла в руки свою чашку с кофе, но Исаак внезапно схватил её за запястье и потянул обратно к себе. Его рот накрыл её губы, прежде чем у нее появился шанс что-то сказать. Он запутался пальцами в её волосах и притянул её голову к своей.

Исаак проник глубоко языком ей в рот, требовательно и... убедительно. Лилли всецело отдалась на пару мгновений этому поцелую, поглощая его вкус и наслаждаясь ощущением его бороды, затем она положила ладони на твердые мышцы его груди и оттолкнула его, потому что по-другому она просто не могла собраться с мыслями.

— Парень, это не разговор.

Он издал гортанный рычащий звук и вытер тыльной стороной ладони свой рот, внимательно глядя на нее.

— Прости, не мог ничего поделать с собой, — проговорил он ухмыляясь. — Между прочим, ты и сама не очень-то сопротивлялась.

Она закатила глаза, глядя на него.

— Я думала, что мы уже пришли к единому мнению, что у нас обоюдная страсть к друг другу. Но ведь ты сам сказал, что ты не за этим пришел сюда, — теперь она все же направилась на кухню. — Хочешь кофе? Только сварила.

— Спасибо. И не нужно класть в него никакого дерьма. То, что ты пьешь, уже вряд ли можно назвать кофе. Это практически десерт, — он прислонился плечом к дверному косяку компактной по размеру кухни.

Она проигнорировала его колкую насмешку и налила для него напиток, вручая ему горячий и черный кофе. Себе она сделала так, как ей нравилось, сладко и с большим количеством сливок. Затем она указала ему кивком на небольшой прямоугольный обеденный стол фирмы Formica (Прим. Formica — это знаменитая марка с 1913 г. (США Компания производит высококачественный пластик, а также предлагает дополняющие облицовочные материалы для использования в интерьерах и на улице), который располагался в углу гостиной, и они присели у него.

— Так, что же привело тебя сегодня шпионить за мной?

Он ухмыльнулся.

— «Шпионить» — это такое некрасивое слово. Навевает нечто мрачное. Я предпочитаю «навестить».

— Ага. Так почему ты решил навестить меня?

— Потому что я достиг успеха в том, что касается загадки, которой ты являешься, — ему уже удалось завладеть её вниманием, а теперь она и вовсе наострила уши. Он сделал глоток кофе. — Хороший. Крепкий.

Она ожидала, и он подался вперед, складывая руки на столе.

— Мой брат сказал мне, что между ним и информацией о тебе стоит армия. Слово, которое он использовал, это «вооруженные силы». Он провел достаточно долгое время, выясняя это, но не смог пробиться на сервер и узнать о тебе. Он был взволнован, что его

засекут. Поэтому я разрешил ему отступить. В связи с этим я думаю, что мы вряд ли будем искать какую-либо информацию о тебе, ну точно не таким образом. Мы не хотим проблем с вооруженными силами США.

Лилли кивнула в ожидании его дальнейшего шага. У нее не было ничего, что она могла бы сказать ему. Она могла сказать лишь то, что, отступив, они сохранили свой клуб, а его хакер — жизнь, потому что как бы там ни было, рано или поздно они бы все равно вычислили его. Но она не стала произносить эти мысли вслух. Она просто стояла там и ожидала его следующий ход. Ей было прекрасно известно, что он не закончил. Исаак бы не отступил так быстро. Она продолжала неторопливо потягивать кофе.

Он легко провел пальцами по её предплечью.

— Вопрос, который меня волнует, состоит в том, кто и зачем: армия или же правительство защищает информацию о безработной девушке, которая живет в деревенской местности? Должен сказать тебе, Спорти, что это очень привлекло мое внимание. И я начинаю подозревать, что, возможно, твои и мои интересы пересекаются. А я не могу позволить этому произойти.

Лилли отставила свою чашку с кофе в сторону и подалась к нему. Они буквально упирались лоб в лоб.

— Это звучит в какой-то мере как угроза. Ты пришел для того, чтобы угрожать мне? Для этого ты здесь, Исаак?

Он покачал головой.

— Просто убеждаюсь, что мы все разрешили, крошка. Понимаешь, это моя работа — защищать этот город, этих людей. А в тебе есть что-то, что заставляет тебя воспринимать как угрозу. Ты можешь немного развеять мои сомнения по этому поводу?

Так, отлично, пришло время для её хода.

— Исаак, я говорю тебе честно, ничего не утаивая, я даже не знаю, что я могу сделать такого, чтобы представлять для тебя опасность. И, откровенно говоря, я совершенно не заинтересована в твоём клубе. В профессиональном смысле точно нет. И я могу тебя заверить, что я не коп. Сама их терпеть не могу. А из того, что я вижу, ты в большей степени ведешь себя как коп, нежели я. Это всё, что я могу тебе сказать.

Тяжелая тишина повисла между ними на несколько долгих мгновений, Исаак рассматривал её, прищурившись, затем покачал головой.

— Я не знаю, почему, но я склоняюсь к тому, чтобы поверить тебе. Я не чувствую радости от этого ощущения, но я хочу, чтобы ты поняла, что я буду защищать своих людей и свой город несмотря ни на что. Ну что ж, если ты не хочешь ничего говорить, значит, мы поиграем немного дольше, чем предполагалось, крошка.

Лилли закончила пить свой кофе и забрала их кружки, чтобы отнести их на кухню. Она не предложила ему еще чашку. Вместо этого она напрямик направилась к двери и распахнула её.

— Ну, что же, спасибо за разговор, Исаак. Отличного тебе дня.

Он продолжал сидеть на своем месте в течение нескольких секунд, наблюдая за ней, затем неспешно поднялся на ноги и направился к двери.

Он склонился и прижался в нежном, чувственном поцелуе к её губам.

— Скоро увидимся, Спорти.

Глава 6

Сотовый Исаака завибрировал, когда он направлялся обратно к своему байку. Он выудил его из кармана и ответил.

— ДА!

Это был Шоудаун.

— У меня тут наш «друг», я подумал, ты мог бы заскочить.

— Уже на пути к тебе, — он быстро нажал «отбой» и уселся на байк.

У него была ужасна неделя. Его охватило чувство неуверенности и риска, которое происходило из ниоткуда. Внутри он испытывал ужасные сомнения насчет Лилли, Исаак ощущал всем своим существом, что в данный момент он рисковал, но не мог отчетливо сказать, откуда взялось это чувство. Ему необходимо было время, чтобы обмозговать, были ли его предположения касательно нее верными или ошибочными.

Но сейчас ему пришлось сосредоточиться на другой проблеме.

Сегодня он должен был возглавить доставку товара в Сент-Луис, поэтому ему предстоял разговор с Кеньен Берри, лидером «Неудержимых», банды, которая ожидала МК на конечной точке их доставки. Если МК «Северные Всадники», которые всегда были заинтересованы в креке, а не в мете, настроились вклиниться в торговлю метом в Миссури, Кеньен обязательно бы знал об этом и сообщил.

Вчера Исаак ходил проведать Уилла после того, как его порезал так называемый друг, и собирался разузнать немного больше об их стычке с Салливанами. Но Уилл вопреки ожиданиям Исаака был резок и необщителен. Исаак решил, что пусть все идет своим чередом, позволяя Уиллу немного расслабиться и выздороветь, и затем он попытается вновь. Он не хотел давить на парня, с которым был в дружных отношениях со времен старших классов школы. Если, конечно, ему не придется сделать это. Но на данный момент у него были другие дела.

Во главе списка дел был Мак Эванс. Мерзкий кусок дерьма. Большая часть жителей Сигнал Бенд держались вместе. Те, кто жили тут, относились друг к другу с должным вниманием, почтением и серьезностью, у них была нерушимая связь с городом и друг с другом. Даже не смотря на то, что среди них были отпетые мудаки, их всех объединяли общие интересы. Но не Эванса. Его единственным интересом был он сам. В свое время он помог банкам изъять имущество и выселить десятки семей, получая при этом щедрую плату за его услуги. Наживаясь на горе своих соседей, людей, которых он знал всю свою жизнь. У Исаака не имелось такого запаса терпения для Мака, какое у него было припасено для Уилла.

Мак скрывался весь вчерашний день от Исаака, но сегодня утром Шоудаун выловил его в его же офисе, поэтому Исаак направился напрямик туда после своей непростой встречи с Лилли. Если тайный представитель «Всадников» искал на территории Сигнал Бенд собственность для приобретения, то Мак Эванс обязательно знал бы об этом. Бл*дь, но тут дело обстояло даже сложнее, потому что, скорее всего, он тоже участвовал в этом, или же пытался вклиниться туда. Но ситуация очень скоро изменится. Исаак был готов сделать Маку Эвансу такое предложение, от которого он просто не сможет отказаться.

Он остановился перед офисом агентства недвижимости и вошел вовнутрь. Шоу сидел напротив Мака за массивным ореховым столом, поглаживая свою длинную рыжеватую бороду, его ноги в мотоциклетных ботинках были скрещены в щиколотках и лежали на столе. Мак обожал стиль 1950-х годов, поэтому интерьер офиса преимущественно

соответствовал тому времени. Исаак предполагал, что Маку всё это виделось винтажным. Но, по правде говоря, вещи казались старыми и потрепанными. Но в Сигнал Бенд в повседневном обиходе использовалось множество старых вещей.

Мак сидел в большом «винтажном» кожаном кресле, и создавалось впечатление, что он ощущал себя не в своей тарелке и его прошибал пот. Его секретарша Лиза не присутствовала на своем привычном месте за столом у двери.

Исаак вопросительным кивком головы указал в сторону стола. Шоудаун без промедления проговорил:

— Отпустил её домой сегодня. Мак дал ей оплачиваемый выходной, так, приятель?

— Похоже на то. Из всей гребанной кучи вещей, которыми он мог быть недоволен сегодня, оплаченный выходной Лизы должен быть определенно в конце его чертового списка недовольства. Но придурок был охрененно повернут на долларовых бумажках.

Исаак перевернул табличку «Открыто», закрыл дверь, опустил жалюзи на дверях и окнах. Затем он подвинул стул к столу и уселся на него рядом с Шоу, скидывая рукой ноги своего вице-президента. Мак окинул его нервным взглядом. И ему следовало нервничать.

— Мак, мужик. Вчера оставил тебе сообщение, но ты не перезвонил. Поэтому мы подумали, что могли бы пересечься с тобой сегодня утром. И вот мы тут. И нас есть вопросы.

— Я бы перезвонил, Аик. Вчера был нереально занят. Поэтому вам, парни, не было надобности приезжать сегодня и закрывать меня здесь — сидя тут, я теряю время и пропускаю назначенные встречи.

Исаак подался всем телом вперед, ставя локти на стол Мака.

— Понимаешь, мужик, в этом-то и вся проблема. Ну чем таким может быть занят агент по недвижимости в Сигнал Бенд? Мне кажется, я бы знал, что у тебя остались люди, которых ты еще не успел выкинуть из домов за долги. Поэтому я задаюсь вопросом, какие дела могли так занять тебя, о которых я не знаю.

Где-то в глубинах своего льстивого сердца Мак Эванс, должно быть, отыскал крупинцы того, что называлось смелостью. Или, возможно, то, что он завел нового друга, которого он считал более влиятельным и опасным, чем Исаак, подстегнуло его отчаянную смелость. Потому что он подался вперед на манер Исаака, только располагая ладони на столе, и проговорил голосом, пропитанным ядом:

— Ты когда-нибудь думал своим крошечным мозгом о том, что не можешь знать обо всем, что происходит в округе? Ты едешь повсюду на своем шумном гребанном байке, слово ты — король этого города. Так вот, позволь мне тебе сказать, Малыш Аик, что мир вокруг тебя намного больше, чем захолустный городишко Сигнал Бенд, и когда это, наконец, дойдет до твоих двинутых мозгов, ты поймешь, что ты не больше, чем мелкий провинциальный бандит.

Если бы Мак не использовал это ненавистное прозвище, возможно, Исаак бы отреагировал более уравновешенно, возможно, проявил бы больше терпения, потратил бы время на разговоры. Но Мак выбрал путь неповиновения и презрительного отношения, решив воспользоваться теми словами, которые, как он прекрасно знал, ранят Исаака особенно глубоко.

С молниеносной скоростью и без лишних слов Исаак схватил со стола большие ножницы и ударил по руке Мака, пригвождая его тем самым к столу. Мак инстинктивно дернулся и попытался высвободить руку, тем самым только углубляя рану, но не освобождаясь от ножниц, что пробили насквозь его руку.

Он издавал громкие крики. Агентство недвижимости находилось в некотором отдалении от остальных зданий, но не достаточно далеко, чтобы его пронзительные крики не были услышаны. Когда Исаак резким рывком вытащил ножницы из его руки, а Шоудаун ударил орущего придурка сверху по голове бакелитовым настольным телефоном (Прим. В 20 веке были широко распространены телефонные аппараты в особо прочном бакелитовом корпусе, устойчивым к ударам, высоким температурам и т. п.). В то же мгновение он повалился на стол, не издав ни звука.

Шоудаун посмотрел на Исаака тяжелым взглядом. Он был примерно такого же роста, как и Исаак, и схожим по телосложению, его стального оттенка голубые глаза вперились в зеленые глаза Исаака.

— Брат, не нужно было покупать на его грязную игру.

Исаак стрельнул в него свирепым взглядом.

— Пошел в задницу. Тебе прекрасно известно, что, так или иначе, нам пришлось бы сделать это — применить силу. Мак — заносчивый ублюдок. Но, кроме этого, он — слабак. Он все равно сломается. Шоу выудил кармана свой телефон; Исаак знал, что он собирался вызвать грузовик.

За эту неделю это уже был второй житель города, которого им придется немного «подпортить», чтобы разговорить. Тот факт, что Исааку придется причинить больше вреда Маку Эвансу, не лишил бы его драгоценного сна, но его тревожил вопрос: какого хрена происходило в городе?!

оОо

Исаак должен был встретиться с Кеньеном в Сент-Луисе сегодня после обеда, поэтому он оставил Шоу и Вика разбираться с Маком и взял в собой Лэна, Хаоса и Уайетта, чтобы доставить груз. Если все пойдет хорошо, то это будет быстрая поездка туда и обратно, и они вернуться еще до полуночи. Но в последнее время ни одна гребанная вещь не происходила так, как планировали.

Когда они остановились на заправке, Исаак позвонил Сноу и разузнал о происходящем. Мак сломался, Исаак знал, что так и произойдет, после того как Барт взялся за него и решил капнуть глубже, у них, наконец, появилось имя: Лоуренс Эллис.

Поездка в Сент-Луис прошла без происшествий. Когда они въехали в жилые кварталы, они немного увеличили расстояние между друг другом, отстраняясь немного от пикапа с жилым автоприцепом, в котором Даррен Браун перевозил товар. Если бы они ехали в связке, следуя друг за другом, то это могло бы привлечь нежелательное внимание местных властей. Четыре парня в байкерских жилетах довольно таки заметны. И, конечно же, спустя пять минут после того, как они пересекли границу округа Сент-Луиса, полицейский данного округа последовал за ними и сидел у Исаака и Лэна на хвосте примерно три мили. Вероятно, только для того, чтобы дать им понять, что он знает об их приезде в город. Исаак помахал ему рукой, когда он проезжал мимо, и затем еще раз, когда он, наконец, удалился.

Они встретились с «Неудержимыми» в их привычном месте, в северной части сквера Уест-Энда, который был отведен под барбекю. Даррен и его брат Джордж отдавали товар под тщательным присмотром «Ночной банды». Когда они, наконец, закончили, Исаак получил два конверта с наличкой — за путь туда и обратно. Такова была сделка. МК были дружны с парнями, с которыми делали бизнес, и эта дружба длилась уже продолжительное

время, поэтому у них уже вошло в привычку садиться и перекусывать жареными крылышками и выпивать немного пива перед тем, как они отправятся обратно в Сигнал Бенд. Сегодня Кеньён и Исаак сели отдельно от остальных.

Кеньён Берри был высоким стройным мужчиной с темно-коричневым оттенком кожи и ещё более темными глазами. Его голова и лицо были гладко выбриты. Он одевался как деловой мужчина, словно проводил дневные часы за работой в офисе, — идеально выглаженные брюки, накрахмаленные, застегнутые на все пуговицы рубашки, начищенные ботинки, но он никогда не носил пиджака. Исаак чувствовал себя всегда немного ничтожно рядом с ним. Он так же был намного старше Исаака, Кеньён был примерно возраста отца Исаака, если бы тот сейчас был жив. Но это не значило, что Исаак был менее рассудительным, потому что он знал, что это не так. Просто Кеньён был приобщен к лучшему миру. А, может, это просто была разница между городским и деревенским человеком. Но, не смотря ни на что, Исаак очень уважал человека, который сидел напротив него за металлическим столом фирмы «Формика», и он также гордился, что этот мужчина уважал его в ответ.

Кеньён прикончил жареное крылышко, вытер тщательно руки и сделал длинный глоток пива.

— Расскажи мне, о чем ты думаешь, Исаак, и я скажу тебе, что я знаю.

— У «Северных всадников» появился человек, который поддерживает их, и складывается такое впечатление, что они собираются забраться на нашу территорию — на твою и мою. Сначала он оказывал давление на парочку пройдох из Сигнал Бенд, теперь он вынуждает фермера отказаться от своей земли. Я считаю, что он в поисках места для массового производства, — чтобы завладеть, таким образом, городом, и также, чтобы захватить наш коридор поставок. Сегодня узнал имя: Лоуренс Эллис.

Кеньён резко откинулся на спинку стула от звука его имени.

— Это для меня новость. Но я знаю Эллиса, и если он участвует в игре, то вещи принимают гораздо более интересный поворот. Он из Чикаго, у него есть связи по всему округу Колумбия.

Бл*ть. Теперь Исаак откинулся на спинку стула.

— И что это означает для нас?

— Ничего хорошего. Но как я уже сказал, для меня это новость. Дай мне немного пораскинуть мозгами. У меня тоже есть друзья, Исаак. А значит, мои друзья — твои друзья. Но мне необходимо немного времени.

— Просто я не знаю, каким количеством времени я располагаю, мужик. Какого рода беда надвигается на мой город? Это больше не сильные люди, Кеньён. Они пережили всё, что только могли пережить.

Пожилой мужчина поднялся на ноги и положил ладонь на плечо Исаака.

— Это сильный горд, Исаак. Те, кто выжил, кто сумел выстоять и не сломаться, — те самые сильные. И у них есть ты и братья. Я узнаю все в течение пары дней.

оОо

Без незаконного груза, который нужно оберегать, они добрались домой в считанные часы и были у дверей клуба уже в 22:30. Это была ночь пятницы, и клуб был забит под завязку братьями «Ночной банды», хэнгэраундами (Прим. Hangaround («болтающиеся

около»), который фактически является «кандидатом в кандидаты» членов мотоклуба) и девочками. Музыка гремела, алкоголь лился рекой, отовсюду доносился аромат блуда. Лэн, Хаос и Уайетт только что вошли внутрь с девочками, а Лэн, по традиции, с двумя.

Гвен, одна из постоянных любовниц Исаака, — та, кто так же, как и он, не искала ничего серьезного, — направилась к нему. У нее было шикарное тело и ярко рыжие волосы, сегодня она выглядела особенно хорошо, как если бы она действительно хорошо знала о том, что ему нравится: обтягивающая короткая черная юбка из блестящего материала, красные сандалии на ремешках и белая маячка, которая совершенно не оставляла места для фантазии. Он даже мог разглядеть розовые ореолы её сосков в низком вырезе. Он притянул ее за талию и жестко поцеловал.

Хотя для начала у него имелись дела, которым он должен был уделить внимание. Поэтому он отослал Гвен, шлепнув ее по заднице и подмигнув, давая ей понять, что если он ее захочет, чтобы она была поблизости, затем он обвел взглядом комнату в поисках Шоу. Он обнаружил его в коридоре, где ему делали минет. У Шоу была семья, но у его жены возникли проблемы со здоровьем после рождения третьего ребенка, и это убило их сексуальную жизнь. Поэтому у него было разрешение на минет. Он был огромным парнем и обладал отличным телосложением, и по меркам байкеров он был невероятно галантным мужчиной, что давало ему преимущество перед женским полом, они его просто обожали. Но, не смотря на это, он пользовался всем этим не часто. Исаак встретился с ним взглядом и указал кивком на свой кабинет, Шоу отодвинул девушку от своего члена и направился следом за своим боссом, застегивая джинсы на ходу.

Исаак притворил дверь за своим вице-президентом.

— Как обстоят дела с Маком?

Шоу прислонился к высокому металлическому шкафу для хранения документов.

— Визуально он выглядит почти так же, за исключением нового шрама, которым ты щедро наградил его, но Вик серьезно поколдовал над ним. Думаю, ему еще некоторое время будет не по себе после встречи с Виком.

Исаак не стал расспрашивать о деталях работы Вика.

— Удалось узнать от него что-то еще?

— Мы и так хорошенько постарались, чтобы вытянуть из него полученную информацию — Мак, по-видимому, больше боится тех парней, чем нас, босс. Барт сделал так, чтобы я смог просмотреть его почту. Там не было ничего необычного, кроме нескольких запросов о собственности. Но след, который удалось обнаружить Барту, привел нас к Эллису. Кто на хрен такой этот парень?

— Плохие новости. Важная шишка с Чикаго. Кеньён спрашивает насчет него. А мы пока должны следить в оба.

Шоу выпрямился и посмотрел на Исаака взволнованным взглядом.

— Исаак.

— Что? — Исаак прекрасно знал, что тот был готов дать ему совет. Обычно Исаак хорошо переносил, когда ему давали советы те, кого он просил об этом — и, в первую очередь, он хорошо воспринимал их от Шоу. Но у него все валялось из рук последние несколько дней, и он ощутил злость еще до того, как Шоу успел что-то сказать.

— Я прекрасно знаю, как ты чувствуешь себя насчет Мака. Я тоже так себя чувствую. Он мерзкий кусок дерьма, который прилип к подошве моих ботинок, и я так же желаю побыстрее избавиться от него... Но мне кажется, его нужно ввести в нашу «семью». Если и

правда этот Эллис настолько важная шишка, мы просто не можем позволить Маку заводить таких друзей. То, как жестоко мы повели себя с ним сегодня, был неправильный подход. Нам следует наладить отношения с ним. Сделать так, чтобы этот кусок дерьма стал нашим другом.

— Или же нам следует просто прикончить его, — Шоу издал раздраженный смешок в ответ на слова Исаака, но Исаак совершенно не шутил.

Когда Шоу понял это, он покачал головой.

— Брат, ты знаешь, что мы так не действуем. Это крайние меры, и эти действия привлекут к себе внимание. Ведь его знают и за пределами нашего городишки. Просто он немного мудака; мы можем его отвлечь с помощью алкоголя, девочек. Давай примем его в клуб.

Исаак знал, что Шоу абсолютно прав. Он сохранял молчание несколько минут, размышляя. Наконец, он кивнул.

Когда они вернулись обратно на вечеринку, Гвен сразу же направилась к нему. Но он не хотел Гвен. И это его злило. Он знал, кого он хотел, и если он не получит это сегодня, то так тому и быть.

Он спешно покинул клуб и сел на свой байк.

oOo

Когда он подъехал к дому Лилли, свет лился через стеклянную дверь. Значит, она еще не спала. Он так и ожидал: еще не было даже 23:30, и она не походила на человека, который ложиться рано спать. Он слез с байка и направился к ступенькам. Когда он был практически у ступенек, дверь открылась от резкого удара, заставляя замереть его на месте: Лилли стояла на верхней ступеньке, одетая в коротенькие шорты, которые сидели низко на ее бедрах, и крошечную майку. И между соблазнительной майкой и шортами была обнажена приличная часть живота. Исаак был мгновенно отвлечен видом этой прекрасной шелковистой кожи, когда его взгляд поднялся чуть выше, он увидел, что она держала в руках пистолет, которым целилась в его голову.

Ошеломленный, но сохраняющий спокойствие, он поднялся на первую ступеньку лестницы и поднял свои руки вверх, держа их перед своей грудью.

— Я ожидал более теплого приема, должен признаться. Тем более от тебя.

Даже не смотря на то, что его руки были подняты, она все равно продолжала держать его на мушке.

— Какого хрена ты забыл тут, Исаак?

Да, определенно у него была дерьмовая неделя, в этом не было сомнений. Он предполагал, что отвлечется, если хорошо потрахается. Он не мог выбросить из головы эту женщину. Он пребывал в состоянии постоянной боевой готовности от того, что она могла быть угрозой, и он с братьями продолжал работать над проблемой, которую она представляла, но его чувства были сильнее всего этого. Она постоянно присутствовала в его голове и чувствах, словно призрак, который беззвучно везде следовал за ним.

— Просто пришел в гости, Спорти. Я клянусь. Всего-навсего дружеский жест.

Она чуть приподняла пистолет, не целясь в него, и он опустил руки.

— Исаак, я не пойму тебя, мне кажется, что даже ты сам не понимаешь себя. Ты пришел сегодня утром в мой дом и угрожал мне. Затем ты заявляешься ко мне под покровом ночи и

говоришь о каком-то там гребанном дружелюбии в отношении тебя? Исаак, ты пьян?

Он сделал шаг в ее направлении. Она не направила на него пистолет, тогда он прошел весь остальной путь.

— Хотел бы я, чтобы так и было. Ты просто не представляешь, как я хотел бы. Я здесь только потому, что хотел увидеть тебя. И я не угрожал тебе этим утром. Я только сказал тебе, как обстоят дела.

Он прошелся по веранде и остановился напротив нее. Она разрядила пистолет и поставила его на предохранитель, — бл*ть, мать Божья, она и правда готова была выстрелить в него из этой гребанной пушки, — и сделала шаг назад, заходя в дом. Он последовал за ней, притворяя за собой дверь.

— Ты держала эту штуку так, словно прекрасно знаешь, как с ней обращаться. А это не карманный револьвер.

Это был Sig Sauer P220 (Прим. Зиг Зауэр — пистолет, разработанный в середине 1960-х годов и выпускающийся швейцарско-германской компанией SIG Sauer. P220 был одним из первых самозарядных пистолетов с устройством предохранителя). Шоу и Хаос носили такие как личное оружие. Еще один кусочек головоломки под названием Лилли: она знает, как обращаться с пистолетами. И это точно плюс не в ее пользу.

Она положила пистолет на кухонную столешницу. Затем открыла шкаф и достала бутылку хорошей текилы и две стопки. Пока разливала алкоголь по рюмкам, она задала вопрос:

— Исаак, зачем ты приехал?

Она передала ему рюмку.

Возможно, вечер все же измениться к лучшему. Он взял рюмку из ее рук, и они выпили вместе.

— Ты пьешь без лимона и соли, да?

— Нет, если, конечно, я не ищу внимания в баре, — а такое происходит крайне редко. Ты не ответил на мой вопрос.

Она налила еще по стопке.

— Я ответил. Я, правда, приехал, чтобы увидеть тебя.

Они выпили еще по стопке. Лилли посмотрела пристально на него, затем направилась к холодильнику и достала две бутылки пива. Она дала ему одну и указала своей, чтобы он проходил в гостиную.

Лилли опустилась на уродливый коричневый диван, а он присел рядом с ней, положив руку на спинку дивана рядом с ее головой. Она взглянула на него подозрительно, но не предприняла попытки, чтобы отодвинуть его руку.

Исаак допил свое пиво в три длинных глотка и поставил бутылку на кофейный столик. Он чувствовал сейчас себя более расслабленным, чем пару минут назад. Ему нужно было немного отдохнуть от мыслей, что тяготили его разум. На столе лежала книга, обложкой вниз. Она была не на английском. Он взял книгу, на обложке было написано: «Тошнота» писателя Жан-Поля Сартра (Прим. «Тошнота» — атеистически-экзистенциальный роман, критики считают его лучшим произведением автора. Основная идея — абсурд человеческой жизни). Название книги ему было незнакомо, но про автора он слышал.

— Ты читаешь Сартра? На французском? И Данте на итальянском? Сколько языков ты знаешь, Лилли?

— Она посмотрела на него поверх своей бутылки пива, продолжая пить. Когда она

отняла бутылку от губ, то не сводила с него взгляда. Он тоже не отводил глаз. Наконец, спустя какое-то время она ответила:

— Вместе с английским? Тогда восемь.

Это была правда. Он знал это. Потому что это звучало как правда. Он пытался определить, говорит ли она выдуманную историю, или, возможно, он что-то интуитивно почувствует, или же он чертовски заблуждается и уже не может определить, когда она говорит правду, а когда ложь.

Он начал считать пальцах, начиная с большого:

— Английский, итальянский, французский. Какие еще пять?

Она покачала головой. Он склонился к ней, раздраженный. Даже сейчас Лилли была потрясающе красива. И он вопреки всему чувствовал себя каким-то образом рядом с ней цельным. Он хотел, чтобы между ними больше не было секретов.

— К чему этот секрет, Лилли? Что ты такого скрываешь?

Она повернулась, чтобы поставить свою бутылку на столик, и в этот самый момент он неожиданно вскинул руку и схватил ее за хвостик, с силой дергая его, тем самым принуждая ее голову откинуться назад. Он, бл*ть, хотел получить гребанные ответы на вопросы.

Когда она повернула голову, в её взгляде стоял неприкрытый гнев. И прежде, чем он смог сформулировать еще одну мысль, она резко отбросила его руку от себя, оседлала его, усевшись на колени, одна ее рука сжала его шею, ее большой палец прижался к его сонной артерии, а ладонью другой руки она с силой надавила ему на подбородок, не давая пошевелить головой. Это причиняло чертовски сильную боль, тогда он понял, что она сделала, — она пережала артерию, тем самым препятствуя поступлению крови в мозг. Его зрение начало затуманиваться.

— Быть грубым в сексе — это одно, придурок. Но я не позволю тебе так обращаться со мной, когда я этого не хочу.

Он обернул пальцы округ ее запястья, чтобы убрать прочь ее руку, но она только усилила давление на подбородок, тем самым причиняя еще большую боль шее. Наконец он поднял руки вверх в знак капитуляции, и она незамедлительно отпустила его. Она продолжала сидеть на его коленях, хотя ее вес продолжал давить на его член. Она должна была прекрасно ощущать, насколько он был возбужденным. Когда его зрение прояснилось вновь, он увидел, что она пристально смотрела на него, ее взгляд был все еще достаточно гневным, но теперь жар явно исходил по другой причине.

Теперь он был точно уверен, что Барт был прав. Умение общаться с оружием. Наличие опыта в ближнем бою, а также знание системы интернет-безопасности. Она точно бывший военный. Должна быть. Или в настоящий момент состоит на службе. Оба его предположения делали ее еще более сексуальной и менее опасной. Он не мог понять, что ее привело сюда, потому что его небольшой бизнес по перевозке мета не мог привлечь ее, так как им даже не интересовались власти ближайшего округа. Скорее всего, она тут для того, чтобы поймать более серьезную рыбку на свой крючок.

Он скользнул ладонями вверх по ее рукам и почувствовал, как мурашки покрыли ее тело от его прикосновения.

— Что ты тут делаешь, Спорти?

— А я продолжаю тебе говорить, что это совершенно тебя не касается.

— Дай мне хоть одну причину доверять тебе! — он двинулся руками к ее голове, проскальзывая пальцами в волосы. Она наклонилась к нему, когда он притянул ее ближе к

себе, и их рты сомкнулись в сокрушительном поцелуе. Он целовал ее с отчаянной жестокостью, так, словно он старался найти правду таким образом, и она целовала его с ответной страстью, захватывая пальцами резинку, которой были стянуты его волосы. Она отстранилась первая, торопливо расстегивая его рубашку и проникая пальцами в темные завитки волос на его груди и животе. Когда она склонилась и втянула в рот его сосок, захватывая его между зубами, он с силой сжал ее бедра и толкнулся твердой плотью в ее кисть, издавая мучительный стон.

Затем ее ладони устремились к его плоти, спешно расстегивая ремень и джинсы. Он сжал в ладонях ее маечку, и Лилли замерла, отстраняясь, и одним движением сдергивая ее. Господи Иисусе, ее грудь была невероятной. Вспомнив, как ее тело и она сама откликалась на грубые ласки, он сжал соски между большим и средним пальцами обеих рук и жестко перекатил их. Она ахнула и выгнула спину, в ту же минуту отвлекаясь от его джинсов. Он повторил это еще раз, и она толкнулась бедрами, потираясь о его возбужденный член, издавая низкий стон.

Ему нужна была еще минутка. Хватая ее за руки и опуская к себе на жесткие мышцы груди, Исаак встретился с ней глазами и удержал ее взгляд, полностью завладевая контролем над ситуацией. Она посмотрела в ответ на него испепеляющим и нетерпеливым взглядом, но затем она успокоилась. То же самое чувство, что проскользнуло между ними утром в ее постели, вновь повторилось. Ему было необходимо подумать о том, что это было, но не сейчас. Она отняла ладони от его груди и потянулась к его джинсам, чтобы на этот раз спустить их и выпустить его возбужденный член наружу. Затем она слезла с его колен и спустила коротенькие красные шортики, что так соблазнительно сидели на ее бедрах, позволяя им упасть на пол. Она была идеальной, восхитительной красоты и совершенно обнаженная.

Прежде чем она вернулась к нему на колени, он достал из кармана презерватив, разрывая фольгу, и раскатал его по члену. Он сжал основание члена в кулаке и потянулся другой рукой, чтобы взять ее ладонь в свою. Они переплели пальцы, и она оседлала его колени, неспешно опускаясь на него. Он ощущал каждый миллиметр ее чудесной кисти, когда она опускалась на него, его член проскальзывал в ее влажный шелковистый жар, и в следующее мгновение она с силой сжала его длину своими внутренними мышцами, стискивая его словно в кулаке.

— Черт возьми, у тебя просто потрясающий член, — прошептала она на выдохе.

— Да? Тебе нравится это? — он резко опустил ее бедра свой на член, когда начал подаваться вверх толчками, еще и еще, проникая с каждым разом настолько глубоко, насколько это было возможно, вырывая из нее крики и всхлипы. — Крошка, ты невероятно ощущаешься на моем члене.

Ошеломленный взгляд появился на ее лице, затем она задвигалась бедрами в жестком и быстром ритме, принимая его глубоко, и он не мог понять, было ли это перегруженное эмоциональное состояние или странная нотка враждебности, что переплеталась с их чувствами и присутствовала во время их секса, или, возможно, то, что она чертовски нереально заводила его, но Исаак понимал, что это будет быстрый трах. Она сокращала внутренние мышцы лона вокруг его члена, сжимая его плоть, и в то же время в безумном темпе трахая его.

Он немного подвинулся, чтобы сесть прямее и чуть уменьшить глубину проникновения. Крепко заключив ее в свои объятия, обожая мягкое давление ее восхитительных сисек, что

прижимались к его груди он со всей жадностью поцеловал ее, покусывая губу, и затем провел языком от ее челюсти к уху, оставляя влажную дорожку на ее коже.

— Мы должны будем повторить это вновь, Спорти. Я не продержусь долго, трахая тебя. Ты чувствуешь чертовски потрясающе.

Чуть отстраняясь от него, она улыбнулась озорной улыбкой.

— Но я первая. Помоги мне кончить.

Она приподняла свою грудь, подаваясь чуть вперед, и он все понял. Исаак обожал женщин с чувствительной грудью. Как-нибудь он собирался проверить, сможет ли она кончить, если он просто будет ласкать ее грудь. Возможно, чуть позже сегодня. Но, на данный момент, он ослабил свою хватку на ней, позволяя ей объезжать его член в удобном для нее темпе, пока он ласкал губами, посасывая, перекатывая между зубов, словно леденец, сосок, до того момента пока ее пальцы не запутались в его волосах, и она не изогнула спину, а кончик ее хвоста не защекотал ему ноги. Следующее, что он услышал, как она кончила с напряженным, пронзительным криком, и он ощутил, как ее стенки лона сжали его член словно в тисках, он присоединился к ней и отпустил свое удовольствие, прижимая лицо к ее груди, окруженный мягкостью ее сисек.

Она подалась всем телом вперед и расслабилась на его груди, укладывая голову на его широком плече. Было что-то милое в ее позе, и он аккуратно положил свою голову поверх ее, обнимая своими сильными руками ее вздрагивающее тело. Ее волосы были слегка влажными на затылке; явный запах пота и аромат секса переполняли воздух.

Он гадал, насколько близкой можно было считать их близость в данный момент. И были ли они по-настоящему близки.

Прошлое: 2001 год

Джонни сидел, окруженный толпой из членов семьи. Деревянные складные стулья, которых насчитывалось примерно около тысячи, были расставлены с военной точностью ровными рядами, едва ли удобные, несмотря на то, какой красивый образ они создавали. Для Джонни его стул был мини-версией пыточного устройства особенно после первых двух часов сидения. Но они, наконец, начали называть имена выпускников.

Он уповал на то, что они будут оглашать списки в алфавитном порядке. Его Лилли на протяжении всей своей жизни находилась в первых строчках всех списков, исключением лишь был третий класс, когда в их классе был мальчик по фамилии Ааронс. Он отчаянно желал увидеть свою девочку на сцене. Но первое имя, которое огласили, было — Риордан. Скорее всего, имена были расположены в какой-то другой последовательности. Джонни был вынужден томиться в ожидании.

Он изо всех сил старался рассмотреть ее, но все, что он видел, были плоские верхушки академических шапок, многие из них были украшены слишком ярко. Лилли украсила свою тоже, но она была сделана более скромно, нежели другие. Она просто сделала широкую золотистую кисточку. Знак отличия лейтенанта 2 ранга армии США. Его малышка пошла по его стопам.

Но, если честно, Джонни не был уверен насчет того, что он чувствовал по этому поводу. У ее ног лежало так много различных возможностей. Она так хорошо училась в школе: состояла в списке декана, была членом общества «Фи Дельта Каппа», обладала дипломом об отличном окончании учебы, список можно было продолжать и дальше. Она могла быть кем

удовно, заниматься тем, чем ее душа пожелает. Но все что она отчаянно желала — это служить родине.

Да, он был горд. Он был на седьмом небе от чувства гордости, что затопляло его душу. Она прошла через многое, его девочка, его Лиллибел. В свои 22 года она потеряла больше, чем следовало бы. Она была сильной, умной, смелой девушкой, и она знала, чего она хотела. Она, несомненно, была бы успешна в службе, как и во всем остальном. Но он не желал, чтобы она узнала войну с той стороны, что пришлось познать ему. Он хотел, чтобы ее жизнь была наполнена светом, счастливым уютом жизни, а не ужасными лишениями, которые выпадали на долю солдата на войне.

Хотя, в данный момент, было спокойное время. На дворе была весна 2001-го года. И, возможно, его дорогая девочка познает лишь разнообразные приключения, а не приобретет опыт в военных конфликтах.

Наконец, он увидел ее сияющую золотистую кисточку, мерцающую в солнечном свете, что заливал лестницу, ведущую на сцену. Ее длинные густые каштановые волосы рассыпались по спине. Даже спустя четыре года в службе подготовки офицеров резерва, она отказалась обрезать их, предпочитая вместо этого, пока она находилась в форме, заплетать их и прикреплять к голове шпильками. Лилли была невероятно красива, у нее было много достоинств, но главным из них он считал ее волосы.

Она стояла на сцене. Затем он услышал, как ее имя раздалось громким эхом из акустической системы: Лиллиан Филомена Аккардо, бакалавр истории искусств эпохи Возрождения, бакалавр Востоковедения. Его дочь, его единственный ребенок шагала уверенно по сцене и буквально утопала под лентами, орденами и медалями за ее заслуги за год обучения. Она приняла папку, в которой находился ее диплом, пожала руки всем мужчинам и женщинам, которые выстроились в небольшую линию, и затем, прежде чем спуститься вниз по лестнице с другого конца сцены, она развернулась и пробежалась взглядом по присутствующим.

Джонни поднялся на ноги, единственный среди сидящих, и терпеливо ждал, пока она отыщет его взглядом. Она увидела его, ослепительно улыбнулась ему, показала жестом знак, тот самый, который она показывала ему каждый раз перед тем, как отправиться каждое утро в школу, тот, который она показывала ему каждый раз, когда он уезжал в деловую поездку. Она оттопырила большой и указательный пальцы и мизинец, а затем прижала ладонь к своему сердцу. Этот жест обозначал «я люблю тебя».

Он повторил в точности ее действия.

Глава 7

Лилли чувствовала себя расслабленной, лежа рядом с Исааком, ее голова покоилась на его сильном плече. Его член был еще все еще твердым внутри нее, и ей нравилось ощущать его полный размер. Ей нравилось все, что касалось этого интимного момента: то, как его грудная клетка прижималась к ее груди, все еще вздымаясь от жесткого секса, что они разделили; то, как его голова прижималась к ее; ласковые, чуть шероховатые ладони, которые легкими движениями поглаживали ее спину; как его пальцы сжимали ее волосы, собранные в хвостик. Она чувствовала себя очень... комфортно.

Она села. Он, казалось, выглядел еще более расслабленным, чем она; его веки были тяжелыми, чуть прикрытыми, когда их взгляды встретились.

— Что такое? — проговорил он, его голос звучал хрипло.

Она была так зла, когда он приехал к ней днем, казалось, что он преследует ее и, отчасти, она ожидала, что он заявится к ней вечером. После его утреннего «визита вежливости» она достала из своего «Камаро» еще пару пистолетов и положила их туда, где уже лежало ее личное оружие. Как бы она не храбрилась, она боялась Исаака.

Также она отправила закодированное сообщение, спрашивая об информации касательно МК «Ночная Банда» и их президента, если до утреннего визита ей совершенно не было дела чем он занимается, то после него, она испугалась не на шутку и должна была иметь какой-то рычаг давления в противовес его силе, если он решит по-настоящему воплотить в жизнь свои угрозы.

Когда он подъехал к ее дому ближе к полуночи, она была готова убить его. Но когда он предстал перед ней на крыльце ее дома, она почувствовала себя сбитой с толку. Она не могла понять этого чувства, потому что никогда раньше она внутренне не сомневалась в своих действиях, теперь же с приходом Исаака все перемешалось и перепуталось. Он привлекал ее. Очень сильно. Но это было больше, чем просто влечение и секс между ними. Она балансировала на тонком лезвии между чувством опасности, что исходила от него волнами, отталкивая ее, и мощным влечением, что притягивало ее, словно магнитом.

Теперь, когда она сидела на его коленях после очередного раунда потрясающего секса, девушка покачала головой.

— Исаак, тебе нужно прекратить приезжать без предупреждения. Это нехорошо. И опасно, в первую очередь для тебя.

Она сделала вдох, чтобы подчеркнуть следующее слово:

— Исаак.

— Это же деревенский способ заезжать в гости, Спорти, — он очерчивал ленивые круги вокруг ее сосков. — И мне больше нравится быть тут с тобой, чем быть вдали от тебя.

Она закатила глаза.

— Мне наплевать, что это за способ. Но он точно мне не подходит. В следующий раз я просто пушу тебе пулю между глаз.

Его спина стала прямее, а цвет глаз — более интенсивным. Она замечала невербальные знаки. Другие могли бы не понять сцену, развернувшуюся перед её глазами, но не она.

Внешне Исаак оставался невозмутимым, но при этом старался вернуть контроль.

Он сжал ее в более жесткие объятия, которые, определенно, были далеки от дружеского настроя.

— Ну вот, кто теперь угрожает? Тебе нужно следить за тем, что ты говоришь, Спорти.

Тонкая грань между опасностью и влечением начала больше склоняться к первому, Лилли отстранилась от него и попыталась подняться на ноги.

Она посмотрела на его взглядом «ладно-ладно-сделаю-как-ты-хочешь», он улыбнулся ей в ответ и чуть ослабил свою хватку. Ему не нужно было ничего больше говорить — выражение его лица и язык тела говорили громче, чем слова. И все же ему удалось сформулировать ответ:

— Вот что я скажу тебе, Спотри. Дай мне свой номер, и я постараюсь звонить перед тем, как соберусь нанести тебе визит.

Она смерила его взглядом. Его глаза мерцали, на лице играла довольная усмешка. Он был все еще внутри нее, и его член начал снова твердеть. Он наслаждался собой. И вместо того, чтобы разозлиться, его настроение расслабило ее, и она слегка улыбнулась

— Твой парень не достаточно хорош, чтобы узнать мой номер? — поддразнила она его.

— Ему это не составит труда. Но будет лучше, если ты мне дашь его, ты так не думаешь? — он подмигнул ей.

Еще раз закатывая глаза, она кивнула и попыталась подняться вновь. На это раз он не стал задерживать ее, хотя они оба издали стон, когда он выскользнул из нее.

Она дала ему номер своего сотового и стационарного телефона, написав его на чеке из продуктового магазина. Когда она развернулась, Исаак стоял прямо за ней, его джинсы были вновь застегнуты, жилетки и футболки на нем не было. Господи Иисусе, он был потрясающе горяч — мускулистый, сильный, с потрясающими татуировками, кожаными браслетами вокруг запястий и цепочкой с медальоном вокруг шеи. Она спокойно покоилась в выемке шеи.

Лилли протянула ему кусочек бумаги, и он взял ее, приподняв бровь. Когда он убрал ее в свой бумажник, девушка потянулась и приподняла медальон.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Что это такое?

— Это мьёлльнир, — Лилли не знала этого слова и нахмурилась, от чего ее лоб покрылся морщинками.

Он рассмеялся.

— Это молот Тора. Ты же знаешь, кто такой Тор, так (Прим. Мьёлльнир (с древне-сканд. Mjöllnir «сокрушитель») — в германо-скандинавской мифологии молот бога Тора)?

— Да, я знаю кто такой Тор. Просто не ожидала, что ты знаешь такое слово.

— Ты что, правда думаешь, что я неотесанный мужлан. Не так ли?

Она так не думала. Она прекрасно знала, что он очень умен. Но он был намного образованнее и начитаннее, чем она предполагала, это было правдой.

— Нет, я не думаю. Просто...

Он перебил ее.

— Все нормально. Можешь недооценивать меня столько, сколько тебе влезет. Это поможет мне понять тебя быстрее. У многих из нас тут норвежские корни, в том числе и у меня. Ну и, кроме всего остального, я люблю мифологию. Ну и скандинавский Бог грома мне очень подходит, ты так не думаешь? Поэтому, на медальоне его боевой молот.

Она улыбнулась.

— Нравится мощное и разящее оружие викингов? Объясняет твой размер.

Усмехнувшись, он положил руки ей на бедра, и она поняла, что стоит перед ним обнаженной.

— Тебе нравится мой размер, не так ли?

Она пожала плечами.

— Конечно, нравится. Кому бы он не понравился?

Он потянулся назад одной рукой и потянул ее за резинку на волосах.

— Сними ее. Мне нравятся твои волосы распущенными.

Она сделала, как он сказал, затем кивнула в его сторону.

— Тогда и ты тоже сними. Мне тоже нравятся твои волосы распущенными.

Он сделал, как она попросила.

Исаак провел пальцами по ее волосам, помогая им рассыпаться по ее плечам и груди.

— Так что, Спорти, теперь на твоей кровати есть простыни?

— Да.

Неспешно скользя пальцем между ее груди, он едва слышно проговорил:

— Тогда я хочу вернуться в твою спальню и трахнуть тебя на кровати. Неспешно. Как ты на это смотришь?

Лилли покачала головой.

— Я не очень люблю всю эту чушь с занятиями любовью, неспешными ласками.

— Я сказал, что не хочу спешить. Я ничего не говорил по поводу занятий любовью и неспешных ласк.

В глубине его глаз вспыхнул яростный блеск. Она почувствовала, что увлажнилась. Она запуталась пальцами в его темных волосах, другая рука прижалась к его груди и железным мышцам, которые напряглись, когда он придвинул ее ближе к себе. Когда Исаак поднял голову, его глаза были полуприкрыты от страсти. Он чуть заметно улыбнулся, и она ответила ему:

— Тогда я согласна.

oOo

Лилли вздрогнула и проснулась, быстро избавляясь от остатков сна. Комната была ярко освещена солнечными лучами. Черт возьми. Сколько сейчас было времени? Она потянулась и взяла в руки телефон, на экране высвечивалось время: 9:38 утра. Господи. Она даже не помнила, когда в последний раз так долго спала.

Затем она заметила, что другая сторона кровати была также несвободна. Она посмотрела влево и увидела потрясающе широкую спину, испещренную витиеватыми рельефами мышц и волосы, пребывающие в беспорядке. Исаак. Он провел тут ночь. Как это вообще произошло прошлой ночью?

Посидев мгновение, она вспомнила, как именно все происходило. Они с Исааком затрахаали друг друга до беспамятства. Черт побери, прошлая ночь была одной из тех, что описывают в романах с рейтингом 21+. И теперь она чувствовала, что все ее тело саднило от потрясающего секса, что был у них прошлой ночью.

Он спал на животе, обнимая рукой подушку, подминая ее под голову, и остальная половина находилась под его грудью. Простынь и легкое одеяло лежали низко, прикрывая только нижнюю часть его великолепной задницы и мускулистых ног. Она потянулась рукой, чтобы разбудить его, но затем замерла. Ей была нужна еще минутка, чтобы повнимательнее разглядеть его. Она не видела до этого момента его спину. Это казалось довольно-таки странным. Они были обнаженными в присутствии друг друга и провели уже пару ночей вместе, а также он был у нее в душе, но каким-то образом она пропустила это захватывающее зрелище.

Вытатуированные буквы тянулись по его мускулистым плечам, с одной стороны к другой, татуировка немного захватывала верхнюю часть его рук. Там было написано слово «БАНДА» тяжелым готическим шрифтом, каждая буква была объемной, высотой примерно шесть дюймов. На его спине больше не было татуировок. Только дюжина продолговатых, белесых шрамов. Она опустила взгляд на свои руки и увидела под своими короткими ногтями кровь. Так же заметила синяки и небольшие ссадины на ее животе, бедрах и руках.

Определенно, это была еще та ночка. Она выпрямила спину, издавая стон от болезненного ощущения между ног. Она привыкла, что хотела более жесткого отношения от мужчин, с которыми спала, чем они проявляли к ней. Но иногда у нее случались стычки с

теми, кто не соблюдал черту между жестким и жестоким отношением. Она вновь перевела взгляд на Исаака, кажется, она встретила равного себе, свою пару. И они перешли вчера эту границу вместе.

Конечно же, она помнила каждое мгновение этой ночи. Просто она не особо помнила момент, когда они пересекли черту, черт. Но то, что она помнила, было дикой, неудержимой страстью. Ее горло болело от крика. Вспоминая прошлую ночь, она почувствовала, как стала вновь влажной, но у нее сильно саднило между ног, чтобы предпринимать какие-то действия по этому поводу. Она пристально смотрела на его спину, плечи, мускулистые руки и просто не смогла сдержать желание и не прикоснуться к его спине.

Он дернулся от ее прикосновения и стремительно перекатился на спину. Она наблюдала за тем, как выражение тревоги сменилось растерянностью, а затем постепенно на смену этому пришло понимание, а потом вновь стремительно сменилось растерянностью. Он сделал глубокий вдох и несколько раз сморгнул.

— Черт возьми. Прости... я не хотел... черт, прости меня, — он сел, чуть вздрагивая.

Наслаждаясь тем, что он пребывал в замешательстве, и тем, что у него все тоже саднило, это было видно. Она дала ему пару минут, чтобы прийти в себя.

— Если ты пытаешься извиниться за то, что ты все еще тут, то не стоит, все нормально.

Он потянулся рукой и нежно погладил ее предплечье, где виднелся бордовый воспаленный синяк, который был в виде отпечатка его руки и пальцев.

— Может, есть что-то, за что мне еще стоит извиниться?

Она протянула руки и погладила его шею и плечо, где виднелись следы от укусов.

— Кажется, мы стоили друг друга.

— Черт, Спорти. Не хочу показаться тебе чересчур милым, но я не думаю, что когда-либо трахался так. Ты точно нечто большее.

Она поднялась на ноги и улыбнулась, его мысли идеально совпадали с ее. Лилли старалась двигаться так, чтобы не потревожить свое тело. Она подумала, что сегодня будет тот день, когда она пропустит свои каждодневные тренировки. Девушка провела по волосам пальцами и собрала их, закрепляя резинкой, что была на ее запястье, в хвостик.

— Ты хочешь завтрак? У меня есть яйца и бекон. Тебе же нравится обжаренная с двух сторон яичница?

Она прошлась по комнате в поисках своих вчерашних трусиков и маечки, затем вспомнила, что оставила их в гостиной.

Исаак приподнялся, откинувшись спиной на спинку кровати, и посмотрел на нее таким взглядом, который она даже не хотела истолковывать.

— Было бы здорово. Спасибо, и да. Я люблю яичницу, обжаренную с двух сторон. Ты не против, если я приму у тебя душ?

— Моя вода — твоя вода.

На этих словах она развернулась и направилась прочь из комнаты, будучи при этом полностью обнаженной.

oOo

Он подошел к ней сзади, пока она жарил бекон.

— Надеюсь, что найду тебя здесь обнаженной, — проговорил он.

Она рассмеялась.

— Именно так и происходят несчастные случаи во время готовки.

На ней были надеты трусики и футболка, которые она отыскиала в гостиной.

Оборачивая ее хвост вокруг своего кулака, он нежно принудил ее наклонить голову и поцеловал в шею. Это действие было одновременно милым и собственническим, поэтому она бросила на него лукавый взгляд. Он же только улыбнулся и отошел в сторону, чтобы налить себе кофе.

Он был полностью одет, за исключением жилетки, его влажные волосы были собраны в хвостик, он стоял и смотрел через стеклянные двери, с кружкой кофе в руке, в то время, пока она заканчивала готовить завтрак. Когда она поставила тарелки на стол, он развернулся и присоединился к ней.

Они ели в тишине большую часть завтрака. Когда Исаак макал в остатки желтка из обжаренной с двух сторон яичницы кусочком хлеба, он проговорил:

— Тебе стоило бы пойти со мной сегодня вечером к Таку. Ты танцуешь?

Она была удивлена.

— А ты?

Он рассмеялся.

— Ну, вот опять, недооцениваешь меня. Да, я танцую. Но я спросил тебя, танцуешь ли ты?

— Ты что приглашаешь меня на свидание? Разве город и так не превратился в сплошное поле для сплетен?

— Детка, они уже начали бить в свадебные колокола, когда я привел тебя на завтрак к «У Мари». Я не вожу на завтрак тех, с кем трахаюсь. Нет ничего такого, чего мы уже не можем сделать, чтобы еще больше накалить уже циркулирующие сплетни. Ну, за исключением того, если ты не залетишь от меня, но я не собираюсь делать этого.

Разговор принял оборот, которого Лилли совершенно не ожидала. Вообще, все утро было чертовски странным.

— Так, мы, получается, теперь пара, потому что мы сходили позавтракать?

— А как насчет такого: что мы пара, потому что трахаемся, как грузовые поезда, и рядом больше нет никого, кто бы нас смог сдержать, — он оттолкнул в сторону тарелку и подался всем телом вперед. — Понимаешь, Спорти. Это небольшой город. Спрятаться или скрыться от того, что про нас говорят люди, невозможно. Ты мне нравишься. И еще больше нравишься обнаженной. И мне очень бы хотелось, чтобы в мою сторону больше не направляли пушку. И вот еще кое-что: я не завтракал с женщиной почти уже пятнадцать лет. Ко всему прочему, я не ночую с женщинами. Но вот я тут, и я не спешу никуда ходить.

— И что, это должно что-то значить для меня? Я должна гордиться твоими словами?

Она также не просыпалась с мужчиной, как сегодня, вот уже на протяжении многих лет, и, бл*дь, она приготовила ему завтрак. Это была неизведанная территория для нее. Она не состояла в отношениях вот уже на протяжении многих лет, а если быть точнее, то со времен учебы в колледже.

— Боже, ты настоящая колючка. Нет. Это просто значит, что ты мне нравишься больше, чем просто трах на одну ночь. Мне кажется, что что-то между нами двумя происходит. И думаю, ты тоже чувствуешь это.

Она покачала головой. Вчера вечером во время их секса было ощущение враждебности, которое наполняло их секс, и в данный момент раны на их теле это целиком и полностью

подтверждали. Ей нравился грубый секс, и у нее не было привычки прибегать на утро к медицинской помощи после него.

— Мы не доверяем друг другу, Исаак. Это не лучшее начало отношений.

Он усмехнулся, как будто то, что она ему сказала, было в своем роде неким откровением. Скорее всего, это она и подразумевала под сказанным, но она так же не ответила отказом на его предложение.

— Я не прошу тебя, Спорти, выйти за меня замуж. Я просто предлагаю дать нам возможность узнать друг друга получше. По крайней мере, мне известно, что ты скрываешь что-то. Ты этого особенно не утаиваешь, — он взял ее ладонь в свою и переплел их пальцы вместе. — Если, конечно, у тебя нет дел поважнее?

Она молчала, раздумывая над его словами. Какая-то часть ее сопротивлялась этому, но он все равно продолжал подводить ее к положительному ответу. И тем более это было частью ее плана — сблизиться с кем-то из Сигнал Бенд. Но вся проблема была в том, что он нравился ей на самом деле. Она не могла сказать, что наслаждалась его компанией, потому что до этого момента их диалоги были ни чем иным, как соперничеством. Но она наслаждалась его присутствием, она наслаждалась словесными пикировками, и что можно было сказать со стопроцентной уверенностью — она привязалась к нему очень сильно. Это было настолько же глупо, насколько опасно. И все равно, не смотря на ее чувства к нему, это было хорошей идеей держать его поближе к себе.

Она молчала слишком долго, потому что внезапно почувствовала, как его большая теплая, немного шероховатая ладонь стиснула ее пальцы, и он мягко проговорил:

— Лилли?

Что-то неуловимое было в том, как он произнес ее имя. Возможно, ее задание станет полным провалом и полнейшей катастрофой, но она очень хотела быть с ним.

— Хорошо, — приглушенно проговорила она. — Но все равно, Исаак, я хочу, чтобы ты мне звонил перед тем, как решишь прийти ко мне.

Он широко улыбнулся. Его зубы были ровными и белыми. Лилли поняла, что до этого момента она этого не замечала — обычно она не могла отвести взгляда от его бороды и губ.

— Заметано. Так ты и не ответила на мой вопрос, из чего я делаю вывод, что ты не танцуешь?

— Я танцую. Но кантри не совсем то, что мне нравится.

Она поднялась на ноги, чтоб убрать со стола.

Он схватил ее за руку до того момента, как она успела взять в руку тарелку.

— Черт побери мою задницу. Ты вообще хоть бывала в Техасе?

Она не ответила на его вопрос, лишь вздернула брови. Он только лишь ослепительно улыбнулся в ответ, подозревая, как его улыбка действует на нее.

— Если ты можешь двигаться, детка, я научу тебя шагам.

oOo

Исааку позвонили через полчаса после того, как он помог ей убрать со стола и помыть посуду. Он сказал, что приедет обратно к восьми, затем поцеловал ее и направился на выход. Лилли была счастлива. У нее были дела, которые ей предстояло сделать, и, кроме того, ей нужно было побыть вдали от него, потому как нужно было немного подумать. Она быстро приняла душ, затем взяла свой ноутбук и включила его.

У нее не было новых заданий, но было два извещения о пополнении ее счета. Что ей нравилось в работе по контракту с таким уровнем секретности, так это то, что ничего не стояло у нее на пути. Сроки выполнения задания были сравнительно короткими, но платежи были без задержек.

Также у нее была два сообщения с ее «второй» работы. В одном из них были просто координаты. Именно эту информацию она ждала, поэтому с этого момента можно было считать, что ее день был распланирован. Кажется, сегодня она все-таки нарушит график ежедневных тренировок. Она запомнила цифры и отправила другое сообщение, следом пришло еще одно с информацией, которую она запрашивала ранее по поводу Исаака. Затем она скопировала данные и информацию, которая прикреплялась к сообщению, и перенесла все в отдельный файл. Интересно. Определенно, эти сведения могли ей гарантировать дополнительную безопасность от его нападков, но только лишь в том случае, если это будет необходимо.

Лилли совершенно не была удивлена, что этот городишко держался на прибыли от продажи мета, — это был один из городов Среднего Запада, который находился в удручающем состоянии. Но она была впечатлена, что Исаак и его братья поддерживали город нетронутым этим наркотиком. Мет перевозили по территории города, но не делали остановок, а везли прямо к точке назначения.

Что также поразило ее, что на территории Сигнал Бенд не было преступлений. Ничего — даже вождения в нетрезвом виде, что вроде как обычное дело для таких небольших городишек. В первый день, как она приехала сюда, она стала свидетелем преступных действий: вооруженное нападение и физическое насилие, пьянство в общественном месте и множество других нарушений, черт, даже попытка убийства, но ни о чем из случившегося не было заявлено в полицию и ничего из этого не было направлено на расследование. Казалось, что МК — единственный представитель закона в этом городке. Лилли очень уважала ответственность, которую он взял над городом, чтобы поддерживать его жизнеспособность и безопасность

оОо

День прошел так, как она и планировала. Она возвратилась в свой арендованный дом около шести, после того, как сделала некоторые фото, затем скинула их на свой жесткий диск.

После этого она приняла еще один душ и подготовилась к своему «свиданию» с Исааком. Она редко делала макияж, но сегодня она все-таки немного нанесла его на лицо. Лилли не привыкла носить сексуальную одежду, но выбрала пару прямых, с низкой посадкой, джинсов и надела свои высокие мотоциклетные ботинки с застежками сбоку, затем дополнила белой рубашкой на пуговицах и оставила расстегнутыми две верхние и две нижние пуговицы. Она слишком привыкла к собранным в хвостик волосам, чтобы терпеть их долгое время распущенными, но пошла на компромисс с собой и заправила их за уши, оставляя их струиться по спине, а резинку надела на запястье, чтобы, если понадобится, собрать их позже. Ее массивные серебряные кольца на пальцах и сережки были ее единственным украшением. Она даже не знала, почему она прилагала такие усилия, чтобы собраться на свидание, но это ее определенно развлекло.

Когда она услышала рев байка на дороге, она быстро подхватила кожаную куртку и

заперла дом, выходя с заднего входа, чтобы встретить Исаака, когда он подъедет к передней части дома.

Глава 8

Лилли направлялась на встречу к Исааку через сад, когда он подъехал. Черт побери, она выглядела сногсшибательно. Солнце еще не зашло за горизонт, и когда она приближалась к нему, можно было увидеть небольшую полоску обнаженного живота, а в лучах заходящего солнца это смотрелось просто потрясающе соблазнительно. Ее волосы были заправлены за уши, но все равно были распущенными, она выглядела восхитительно: пара женских мотоциклетных ботинок на ногах, которые доходили до голени. Она будет самой лучшей сучкой сегодня вечером. От этой мысли его яйца сжались.

Он не мог понять своих чувств по отношению к ней, но это не было проблемой, он обязательно разберется с этим дерьмом. У них было что обсудить сегодня вечером, но это могло подождать. Хорошо, когда все козыри у тебя на руках, ты можешь сам контролировать происходящее. И даже позволить остальным думать, что у них все под контролем. Исаак усмехнулся. Но, в данный момент, он просто хотел немного поразвлечься с ней и позволить городу посплетничать на этот счет.

— Привет, Спорти. Выглядишь чертовски хорошо.

Она улыбнулась и подошла к его байку.

— Спасибо. Ты выглядишь точно так же.

— Ну, я бы постарался немного больше для тебя, если бы знал, что ты будешь выглядеть так потрясающе сегодня вечером. Кстати, отличные ботинки, — он вручил ей шлем, но прежде, чем она смогла его надеть, он обвил своей сильной рукой ее за талию, прижимая к своему телу, второй рукой крепко сжал ее затылок и впился в ее губы поцелуем.

— Ммм. Отлично, думаю, ты знаешь, как нужно ездить сзади?

Она посмотрела на него взглядом, в котором явно читалось, что он задал тупой вопрос.

— Ну и отлично, тогда давай дадим людям повод для сплетен.

Он сжал ее задницу и затем отпустил, она перекинула ногу через байк и уселась позади него.

оОо

Исаак не часто ездил с кем-то. Это было очень интимным процессом — ездить с женщиной, которая обнимала тебя сзади, — даже более интимным, по его мнению, чем занятие сексом. Этот процесс вообще не был для Исаака чем-то интимным. Секс был сексом, пока он не переходил в нечто большее или не начинал ощущаться особенно. У него было несколько вещей, который были для него невообразимо интимными, которые он мог разделить лишь с той женщиной, которая на самом деле что-то затронула в его душе. И во главе этого списка — ездить с кем-то на своем байке, затем привести кого-то к себе домой. Между прочим, Лилли отлично справлялась с ролью пассажира, она двигалась вместе с ним естественно и плавно. Казалось, что они двигались в унисон, словно были единым организмом. Он почти чувствовал, что у него сейчас встанет, когда они подъехали к бару «Лучшее место в городе».

Как обычно, в субботний вечер бар был забит под завязку. Музыка доносилась из-за стен бара даже до парковки. На парковке находилась небольшая группа людей, которые

стояли возле своих фур и потягивали пиво, но, не смотря на это, они не превратили ее в «бар», складывалось ощущение, что они просто вышли подышать свежим воздухом. Исаак подъехал к передней части стоянки, никого из «Ночной банды» не наблюдалось, все уже были внутри. Ему нравилось, что клуб был так оживлен, особенно по субботам. Живая музыка и огромное количество красивых женщин заставляло мужчин чувствовать себя на взводе.

Они слезли с байка, и Лилли вернула ему шлем, который он дал ей до этого. Она провела небрежным движением руки по волосам, это, казалось, ее совершенно не волновало. Черт, ему нравилось это, она не старалась казаться той, кем она не являлась, и выглядела так, как она привыкла выглядеть, не предпринимая никаких ухищрений по этому поводу. Но от его взгляда не укрылось, что сегодня она более тщательно собралась на «встречу» с ним, но он точно не был уверен в том, что же она сделала. Ее восхитительные глаза выделялись сегодня больше, чем всегда, и ему это определенно нравилось, но они не были подведены черной хренью, что делала женщин похожими на енотов. Чтобы она не сделала сегодня, это явно возымело успех.

Он взял ее ладонь в свою — и она слегка дернулась, но не отстранилась — и повел внутрь.

Не потребовалось много времени, чтобы люди сосредоточили все свое внимание на них, даже не смотря на приглушенный свет и живую музыку. Было еще слишком рано для танцев, поэтому люди просто сидели за столиками, которые в субботу расставляли вдоль стены, чтобы предоставить большее пространство для танцев, которые, к слову, скоро должны были начаться. У женской части города будет тема для разговоров на предстоящие пару дней. Он улыбнулся про себя. Исаака забавляла вся эта ситуация, он кивал и улыбался, пока вел Лилли через комнату, пожимая руки тем, кто ему протягивал их, но он не останавливался, чтобы представить ее. Он хотел добраться до бара и представить ее сначала своим братьям. У них сложилось определенное мнение о ней, и им было интересно познакомиться с Лилли. Они для нее будут самыми жесткими критиками.

Похоже, что все его братья сидели за баром. Прежде, чем они успели добраться к зоне бара, группа, что исполняла живую музыку — «Дикая банда Джесси», одна из групп, которая моталась по окрестностям, играла а*уенное кантри с примесью блюза, продолжительность выступления которых была три подхода по сорок пять минут — объявила о своем первом перерыве, и комната забурилась разговорами, по край мере, до того момента, пока кто-то не включил джук-бокс (Прим. Джук-бокс (англ. juke box) — музыкальный автомат).

Ладонью, что покоилась на ее пояснице, Исаак нежно подтолкнул Лилли стать впереди него. Затем он просто отошел в сторону.

— Лилли, я хотел бы познакомить тебя с моими братьями по клубу: Шоудаун, Барт, Хаос, Дэн, Лэн и СиДжей. А вот там, в конце, это Ровер, он проспект.

Каждый из мужчин приветливо кивал ей, когда Исаак произносил его имя. Затем, когда он представил ей всех, она вытянула руку и поздоровалась с каждым. Она мило улыбалась и говорила каждому что-то тихим голосом, каждый из них подавался вперед, чтобы услышать, что она сказала, и затем садился на место с улыбкой на губах.

Мать вашу. Она флиртовала. Она не флиртовала даже с ним. К тому времени, когда она добралась до Ровера, которой покраснел как помидор, когда она завершила знакомство на нем, у нее в распоряжение была целая команда ручных идиотов. Затем она подошла обратно к Исааку, слегка покачивая бедрами. Гребанная кокетка.

Лилли повернулась в сторону его братьев.

— Парни, кто хочет со мной выпить по паре шотов текилы?

Хаос громко проговорил со своего места в середине бара.

— Никогда не позволяй девушке пить в одиночестве. Мой старик научил меня этому.

Лилли подалась вперед и привлекла внимание Роуз, хотя она привлекла ее внимание еще во время знакомства с парнями, но теперь Роуз вошла в свою обычную роль бармена, сухо улыбнувшись и подмигивая ей.

— Тогда всем по стопке?

Лилли подмигнула в ответ.

— Да, мэм. И самого лучшего. И, скорее всего, мы повторим пару раз.

Роуз кивнула.

— Повторить всем?

— Конечно.

Исаак изумленно уставился на Лилли, в то время как Роуз поставила в ряд девять стопок и со знанием дела наполнила их текилой Patrón. Она орудовала салфетками для алкогольных коктейлей так, словно играла в карты, и следом положила по кусочку лимона на каждую рюмку сверху, передавая Лилли солонку.

— Ну вот, крошка, все готово. Ты начинаешь.

Лилли улыбнулась Роуз и Исааку озорной улыбкой. Он не мог поверить в то, что сейчас наблюдал. Она сейчас была абсолютно другой, не той версией осторожной женщины, с которой он проводил время. Его братья, каждый из них, смотрели, не отводя взгляда, как она провела языком между большим и указательным пальцем. Она делала это неспешно, высунув лишь кончик языка и лизнув кожу, не обращая никакого внимания на окружающих ее людей. Лилли встряхнула солонку над влажной дорожкой, которую оставил ее язык.

Член Исаака запульсировал и набух.

Она предложила ему солонку, но он лишь отрицательно покачал головой. Она беспечно пожала плечами и передала солонку Шоудаун. Каждый мужчина из их компании за баром сделал так же, как она. Исаак не мог в это поверить. Черт, эти парни всегда пили сразу свою выпивку. Они даже не парились насчет стаканов, не говоря уже о стопках. И тут они все как один посолили место на руке, и каждый положил перед собой кусочек лайма на салфетку для коктейля.

Когда все посыпали солью на руки, Лилли подняла свою стопку, и все они сделали тоже самое. Исаак тоже поднял свою. Все наблюдали, как Лилли провела языком по дорожке соли между пальцами — делая это вновь очень чувственно — и быстро шот. Потом она взяла кусочек лайма — и все наблюдали, как она впилась зубами в мякоть и пососала ее. Когда она закончила и вытащила лайм изо рта, положив обратно на салфетку, то все увидели, что от него осталась только кожура. Она полностью высосала сок вместе с мякотью.

Исаак не был удивлен, он усмехнулся, она умела работать своим ртом. Но парни были ошеломлены. Никто из них не выпил свою порцию алкоголя, кроме него. Когда Лилли с громким звуком опустила стопку на стойку бара, это вывело их из состояния ступора, и они, наконец, один за другим выпили свои рюмки.

Исаак прекрасно знал, что она делала. Какой бы красивой и женственной она бы не была, она никогда не вела себя как девушка, но она проделала просто превосходный ход; даже он, нужно признаться, не ожидал этого. Насколько перевернула его мир с ног на голову, поразив в который раз, играя роль сексуальной кошечки. Лилли прекрасно

просчитала ситуацию, она уловила в воздухе атмосферу недоверия к ней и попросту воспользовалась самым простым действием: она обернула против них их же недоверие, просто напросто улыбнувшись и соблазнительно повиляв бедрами, при этом уделяя каждому внимание, но таким образом, чтобы было понятно, что она с Исааком. Лилли изображала сексуальную сучку, от которой все были без ума, и тем самым пресекла их недоверие на корню.

Ну, она и так была горячей сучкой. Но теперь это видели и его братья. И они были обезоружены.

Они повторили еще три подхода текилы по ее просьбе. Она не выглядела пьяной, но Исаак хотел провести долгий и хороший вечер, поэтому он решил, что нужно было немного накормить ее, пока ей не взбрело в голову завести себе еще друзей, выпивая с ними текилу. Он подошел к ней сзади, прижался своим телом к ее, склонил голову и прошептал ей на ухо чуть хрипловатым голосом, обдавая ее ушную раковину теплым дыханием, от чего ее тело ощутимо задрожало:

— Разделишь со мной еще один бургер, м?

Она медленно повернула голову, слегка утыкаясь в его шею.

— Как тебе удастся, чтобы такое скучное предложение звучало так горячо?

Уголок рта Исаака медленно пополз вверх, приподнимаясь в озорную улыбку, возможно она все-таки была пьяна. Он усмехнулся еще раз и поцеловал ее кончик носа.

— Так это значит «да»?

Она кивнула, он сделал знак Роуз и заказал еду.

Они взяли еду и отнесли за столик, который сразу же освободили, когда Исаак направился в его сторону вместе с Лилли. Вскоре, его братья приставили еще пару столов, чтобы все смогли уместиться, парни незаметно таскали его картошку фри и пили пиво, это продолжалось до того момента, пока Исаак не заказал еще три больших корзиночки на весь стол. Его братья, как правило, не приводили тех, с кем трахались, к Таку. Они обычно отсюда направлялись сразу в клуб, где уже собирались женщины и ждали их, там не нужно было никого уламывать, чтобы затащить в койку. Поэтому сегодня Лилли завладела их вниманием.

Они выпили еще пару бутылок пива, не забывая при этом закусывать. Исаак, который пил понемногу ежедневно, был большим парнем, и его порог опьянения был очень высоким, насколько высоким, что он редко его преодолевал, наблюдал за тем, как Лилли на его глазах хмелела, ее взгляд стал слегка затуманенным. Когда он наблюдал за ней, то видел, что за ее пьяным состоянием что-то скрывалось, но что именно он точно сказать не мог. Он замечал, что она изо всех сил пыталась оттолкнуть его, если не оттолкнуть, то не подпускать к себе близко, отгораживаясь от него, но в данную минуту ее оборонительные стены постепенно опускались. От него не укрылось, что она тайком бросала на него похотливые, жадные взгляды, и когда он прикасался к ней, она всем телом отзывалась на его прикосновения. Не достаточно, чтобы немного захмелевшие болваны, что окружали их, заметили это, но он точно видел, как ее тело стремилось к нему.

Он получил что хотел. Она была ужасно возбуждена. Здесь, посреди бара. Ну, разве это не было интересно? Насколько бы она не была сильной и хитрой, ей не всегда удавалось скрыть свою истинную реакцию на него.

Когда группа начала играть свой второй сорокопятиминутный подход, все продолжали есть, а Лилли и Исаак делили бургер и картошку фри с братьями. Люди, которые сидели за

баром, начали подниматься на ноги, чтобы на этот раз пойти потанцевать, и Исаак увидел, что Лилли тоже обратила на это внимание.

Заиграла вторая песня, и танцоры выстраивались в линии. Группа начала играть песню Трейса Адкинса «Дамы любят деревенских парней». Ох, Исаак просто не мог пропустить эту песню.

Он откинул ее волосы плеча и наклонился к ней поближе, говоря на ухо:

— Пойдем, Спотри. Я покажу тебе, как нужно танцевать.

— Я уже знаааую, как танцевать, И-исаак. Я уже гоооворила тебе это.

Она невнятно произносила и тянула слова? Мило. Лилли полностью опустила свои стены и расслабилась. Он именно этого и ждал, но не хотел торопить события, ему нужно было, как минимум, убедиться, что она могла передвигаться сама. Плюс, она должна была ехать вместе с ним потом на байке.

— Ну, тогда давай я тебе покажу, как нужно двигаться в этом танце.

Он поднялся на ноги, увлекая ее за собой. Она позволила ему отвести ее на танцпол, где Исаак учил Лилли танцевать линейное кантри.

Она говорила правду. Лилли отлично двигалась. Даже немного пьяная, она быстро научилась шагам — не сказать, чтобы они были таким уж трудными — и сразу подхватила ритм, ее тело легко и свободно двигалось под музыку. Он наблюдал за тем, как покачивались ее бедра. Эта задница. Черт побери. Просто... черт его побери.

Он был рад, когда все поделились на парам, и он смог, наконец, прикоснуться к ней. Он учил ее тустепу — еще одному довольно легкому танцу, с которым, опять же, у нее не возникло проблем. Он был удивлен, и ему нравилось, что она позволила ему вести. Он развернул ее в танце, и она красиво и грациозно развернулась. Он сделал это еще раз. Улыбнулся. Лилли была пьяна. Исаак был очарован.

С дерзкой улыбкой она приподнялась на носочки и прижалась к его телу. Понимая, что она хочет что-то сказать, Исаак наклонился, и она проговорила ему на ухо:

— Твоя музыка дерьмо, но ты потрясающий танцор. Ты смотришься горячо.

Он откинул голову назад и рассмеялся, прижимая ее ближе к себе.

Но, находясь в непосредственной близости от него, ее бедра двигались в такт с его бедрами, что буквально сводило его с ума. И становилось все более понятно, что пьяная Лилли — это синоним похотливая Лилли, потому что она использовала, как могла, сексуальные движения и близость их тел, чтобы заставить его сгорать от желания к ней, пока они танцевали. Она была влажной от пота, и то, как ее влажные завитки волос прилипали к ее шее и щекам, как белая рубашка облепила ее тело, даже то, как она пахла — все, что ее касалось, было для него слишком.

Он оттеснил ее к краю танцпола и прорычал ей на ухо:

— Нам нужно присесть и выпить, или я закину на плечо твою восхитительную задницу и отнесу тебя в туалет, нагну над раковиной и трахну.

Она подняла голову, чтобы посмотреть ему в лицо, и улыбнулась, ее светлые серо-голубые глаза были чуть прикрыты.

— Разве я тебя останавливаю?

Господи Иисусе.

— Я не шучу, Спорти.

В ответ на его слова она только приподняла брови, бросая ему вызов. Он прекрасно понимал, что они затевают очередное шоу, но ему было абсолютно наплевать, он склонился

и впился неистовым поцелуем в ее пухлые губы, она радостно встретила его ненасытное движение языка. Она крепко обняла его за шею, когда отрыла рот чуть шире, чтобы дать ему лучший доступ. Он положил свои большие ладони на ее бедра и отчаянно стиснул их, затем резко поднял ее вверх, заставляя тем самым обернуть ноги вокруг его талии. И потом, не теряя ни минуты времени, он прямоком направился в сторону туалета, игнорируя свист и улюлюканье своих братьев за столом.

Он занес ее в женский туалет и закрыл дверь, прежде чем опустить ее на пол. Все еще продолжая целовать ее и при этом оттеснять назад, до того момента, пока она не ударилась задницей о раковину, и затем развернул ее. Лилли положила свои руки с двух сторон от старинной раковины и посмотрела на него в зеркало. Он встретил ее взгляд в отражении и обернул руку вокруг ее талии, чтобы расстегнуть джинсы. Двигаясь быстро, он расстегнул и затем резко опустил их вместе с белыми стрингами до колен. Положив свою ладонь ей между лопаток, подталкивая ее мягко, но в тоже время очень решительно, чтобы она наклонилась вперед, Исаак достал презерватив из кошелька, быстро расстегнул ремень и начал раскатывать латекс по члену.

— Быстрее, быстрее, ну быстрее же, — бормотала она сбивчиво.

— Полегче, малышка, дай мне надеть презерватив, я уже говорил тебе, что не хочу, чтобы ты залетела.

Раскатав презерватив по члену, он с силой сжал ее бедро левой рукой и провел членом по ее влажной плоти, поддразнивая складочки. Господи, черт возьми, ее складочки были шелковистыми и влажными.

— Бл*дь, Спорти, не удивительно, что ты такая нетерпеливая. Ты такая влажная, что я могу тебя пить.

Он провел пальцами ее твердому клитору, пока она не толкнулась бедрами к нему навстречу и дернулась от нетерпения, затем он расположил свой член у ее лона и без какого-либо предупреждения вошёл в неё до упора.

— Ох, черт возьми. Будь со мной пожестче.

Он был глубоко в ее влажном тепле, она была тугой и горячей, настолько великолепной, что чуть не убила его, когда сжала киской его член словно горячим пульсирующим кулаком. И не прошло и пары секунд, как он уже задыхался от желания двигаться в ней. И это должен был быть быстрый трах. Но у них уже был жесткий секс менее чем день назад — охренно жесткий секс.

— Ты точно уверенна? После прошлой ночи?

Она подняла взгляд, пристально посмотрела ему в полные мрачной страсти глаза в отражении зеркала и произнесла лишь одними губами.

— Давай!

И он последовал ее словам. Застонал, задыхаясь и погружаясь в нее все глубже и глубже. Исаак набирал скорость, установив жесткий ритм. Его взгляд пронзал ее, как и его член. Он начал жестко трахать ее, неистово и быстро врываться в ее тело. Она толкалась навстречу к нему, ее руки сжимали края раковины, с такой силой, что костяшки на руках и кончики пальцев побелели.

— Да! Черт! Вот так! Бл*дь! Жестче, жестче!!

Черт его возьми, это гребанная женщина! Он нагнулся над ней, проскальзывая одной рукой к ее клитору, второй проникая под рубашку и поддразнивая сосок, перекатывая его между большим и указательным пальцами через тонкий материал бюстгалтера. Дыхание

Лилли сбилась, и она застонала. Он был достаточно грубым и врывался в ее тело с неистовой скоростью, потягивая и скручивая пик соска, ударяя по влажной плоти, жала ударами открытой ладони, пока вколачивался в ее тело. Она совершенно не старалась вести себя тихо, но группа все еще играла, поэтому, чтобы услышать их животный секс, людям, скорее всего, нужно было бы столпиться вокруг туалета. Чего обычно не происходило.

Отдаваясь с такой же отчаянной силой, с какой она подавалась ему навстречу, он старался сохранять молчание, только ожесточенно прикусывая до крови нижнюю губу. Он старался не кончить быстрее ее. Исаак был немного обеспокоен тем, насколько часто ему приходилось сдерживать себя с ней в сексе, чтобы не кончить первым. Хотя это не было для него проблемой, с другими все было совершенно по-другому.

И через несколько мгновений она кончила, сотрясаясь в безмолвном крике, ее мышцы сжимали член и пульсировали вокруг него. Исаак схватил ее за бедра и продолжил безжалостно врываться в нее, пока не кончил, проникая последними глубокими и резкими толчками. Он хрипел, впившись пальцами в кожу на ее бедрах, оставляя следы полумесяцев от ногтей.

Он прижался своим лбом к ее влажной спине на несколько секунд, но затем она внезапно выпрямила спину и оттолкнулась назад от раковины, заставляя его тем самым выскользнуть из ее тела и сделать пару неуклюжих шагов назад. Перемена была на лицо, она вновь подняла свои стены. Резким движением оторвала с держателя на стене пару салфеток и вытерла себя. Подтягивая свои трусики и джинсы, Лилли посмотрела на него в зеркало и проговорила отстраненно и чрезмерно холодно:

— Вероятно, нам нужно возвращаться.

Она быстро ополоснула руки и терпеливо ждала у двери, пока он приведет себя в порядок.

Неожиданное завершение потрясающего секса. Он был немного растерян.

oOo

Они закрыли бар. Кроме нескольких человек, что спорили на парковке, но которые бы легко покинули ее по первому требованию, и нетрезвого, шумного Дарена Брауна, который искал, кто бы отвез его домой, ночь была спокойной. Они пили, танцевали. И трахались. Они сделали еще пару подходов текилы между вторым и третьим перерывом группы, и Лилли уже была настолько пьяна, что он боялся за то, удержится ли она байке. Начиная с этого момента, миссия Исаака состояла в том, чтобы удерживать ее на том уровне опьянения и не давать ей напиваться дальше.

Лилли танцевала со всеми из МК, кто просил ее. Исааку понравилось, что она держалась от них на большем расстоянии, чем от него, и не позволяла ничего лишнего, но он также заметил, как все парни — все посетители и его братья — пялились на ее задницу, пока она танцевала. Это его злило. Он прекрасно понимал, что у Лилли была такая задница, которую вы могли видеть в рекламе нижнего белья. Или же на байк-календарях в стиле ретро. Просто невозможно было не оценить ее. Но он с каждым прошедшим днем чувствовал себя более собственнически по отношению к ней, черт возьми, с каждым прошедшим часом. И он прекрасно знал, что весь город уже считал, что она принадлежит всецело ему, поэтому он будет разбираться с каждым претендующим на нее. Поэтому он смотрел сердито на каждого из его братьев, кто танцевал с ней, пока он больше не смог выносить происходящего

и одним глотком не осушил остатки пива и не поднялся на ноги.

Внезапно он увидел, что она танцует одна. Дэн, ее постоянный партнер по танцам, в этот момент направился в туалет. И Исаак начал пробираться к ней, обходя столы и стулья, которые стояли у него на пути, уворачиваясь от извивающихся в танце пьяных тел, когда увидел, что Стив Белер схватил ее и резко развернул к себе лицом, стараясь заставить ее потанцевать с ним. Она резко отшатнулась от него, но Белер вновь схватил ее, затем положил свою ладонь на ее задницу.

Ох, это мудака потеряет эту руку, которой он сжал ее задницу.

Исаак кинулся вперед, отталкивая людей со своего пути, но когда он добрался до Лилли, замер на месте. Он не видел, что она сделала, но Белер был на полу, сжимая ладонью свое горло и делая отчаянные, но не очень удачные попытки вдохнуть. Она, должно быть, нанесла удар той рукой, на которой были надеты массивные кольца.

Исаак прикоснулся к руке Лилли, и она резко развернулась, готовая кинуться на него, но когда поняла, что это он, девушка сбавила обороты и выдохнула, чувствуя облегчения от того, что он рядом с ней.

— Придурок флиртовал со мной и распускал руки. Твой друг? — она заглянула ему в глаза.

Он погладил ее нежно по щеке тыльной стороной ладони, и внезапно она прильнула к его прикосновению, пока Белер продолжал корчиться от боли на полу.

— Ты в порядке?

— Конечно, комната немного кружится, но, в целом, я в порядке.

— Не возражаешь, если я заберу этот кусок дерьма отсюда? — Исаак вскинул бровь.

— Он весь твой. Я присяду, Исаак.

Она взглянула на него и неустойчивой походкой направилась к их столику, а Исаак схватил Белера за футболку и рывком поднял на ноги, оттесняя его на выход. На пути он встретил Хаоса, Лэна и Шоу, которые направлялись к нему, словно были готовы тоже кинуться в драку, если того бы потребовал случай.

Шоу посмотрел на Исаака и Белера, и проговорил:

— Нужна помощь?

— Нет. Кто-нибудь, останьтесь с Лилли. Я скоро вернусь.

— Он ей что-то сделал?

— Она ему. Но он первый стал распускать руки. Поэтому ему нужно было преподать урок.

Когда он тащил Белера к выходу с черного входа, до его слуха донеслись обрывки разговора. Лен проговорил Шоу:

— Я прикрою его.

Когда он закончил со Стивом Белером, то был уверен на все сто процентов, что никакое количество выпитого алкоголя не заставит его забыть свои манеры в компании женщин, и особенно женщины Исаака. Он выкрикивал напоминания ему, когда пинал его и наносил сокрушительные удары кулаками.

Его женщина. Бл*дь. У него была женщина. Черт, и это была его идея сделать ее своей. Он отчаянно хотел ее. Это, черт, было так не похоже на него. Она могла быть угрозой клубу, а так же потенциальной угрозой его городу. Но, несмотря на это все, он хотел ее.

Он развернулся, стряхивая кровь с рук, и увидел Лэна, который стоял, прислонившись спиной к углу здания и смотревший на него с интересом.

Они покинули бар, когда Роуз и Так начали закрывать его. Лилли немного протрезвела, но Исаак все равно волновался за ее способность сидеть на байке. Все произошло довольно быстро, она резко преодолела порог легкого опьянения до состояния, когда была пьяна в стельку. Он сделал себе об этом мысленную пометку. Однако, не смотря на ее состояние, ей удалось собственноручно справиться с Белером. Он гадал, на что же она была способна в трезвом состоянии.

Он притянул ее к своему телу.

— Ты в норме, способна усидеть на байке, Спорти?

Она улыбнулась ему, и в ярком свете фонарей на парковке он мог сказать, что ее взгляд был не настолько трезвым, как ему хотелось бы.

— Аб-со-лют-но.

Она схватила шлем у него из рук и надела его.

Отлично. И тут он принял поспешное решение, ради этой женщины он делал постоянные исключения, так почему бы не продолжить в таком же духе и дальше? Его дом был ближе, чем ее. Он решил отвести ее к себе.

Он перекинул ногу через байк и уселся на него, она последовала его примеру немного неуклюже, но дела обстояли лучше, чем ему казалось, потому что до этого он вообще думал, что они пойдут до «7 Eleven» пешком за большой кружкой кофе.

— Держись крепче за меня, не хочу тебя потерять по дороге, — он тихо рассмеялся на последнем слове, и она улыбнулась в ответ. — Просто постарайся хорошо схватиться за меня.

Она так и сделала — сжала его так крепко, что он почувствовал, как ее мягкая грудь прижимается к его спине, а бедра крепко с обеих сторон обхватили его ноги.

Он ехал медленно, и к его дому они подъехали через 15 минут. Она слезла с байка, слегка покачнулась, но быстро восстановила равновесие.

— Эй. А где это мы?

Он намеренно не стал говорить, куда собирался отвезти ее, потому что Исаак подозревал, что Лилли будет протестовать против его решения, а сделать это, когда она уже у него дома, будет намного сложнее.

— Мы у меня дома. Пойдем, я покажу тебе все.

Она посмотрела на него с тенью злости в глазах, уперев руки в бока.

— А что, я тебе говорила, что согласна поехать к тебе?

— Ну, ты также не сказала «нет», — и это не было ложью — по большому счету, он не спросил, таким образом, не дав ей возможности отказаться. Его слова озадачили и ее, и, тем самым, подавили ее желание спорить. Он протянул ей свою руку, и она ее приняла без разговоров. Он повел ее к своему дому, который по большей части никогда не был заперт. В доме была одна комната и пара комнат в пристройках возле дома, которые он всегда держал запертыми.

Как только они прошли в переднюю часть прихожей, она дернула его за руку, притягивая к своему телу. Лилли подняла руку и стянула с его волос резинку, распуская их. Потом она проскользнула пальцами в его волосы, приближая его лицо к своему. Прежде, чем Лилли поцеловала его, она проговорила:

— На твоей кровати есть простыни?

Бл*дь. Он поговорит с ней утром, обязательно. Сейчас, когда она находилась в таком состоянии, это бы не составило бы труда, но он мог сделать это и когда она протрезвеет на утро. Тем более то, что удалось узнать о ней Барту, лучше было обсуждать при свете дня. Он проскользнул ладонями под ее футболку, ласково прошелся по шелковому материалу бюстгальтера, погладил мягкую кожу на животе, и затем скользнул на спину, расстёгивая ее лиф, в то время как его губы накрыли ее, поглощая рот в поцелуе.

— Конечно, хочешь их немного попачкать?

Прошлое: 2002 год

Лилли задавалась вопросом, всегда ли в день похорон бывает дождливо. Она знала, что это не могло быть правдой, но она пережила трое похорон, и в каждый из тех дней лил дождь.

Ее мама.

Ее бабушка.

А теперь и ее отец.

Она осталась одна в целом мире. И она оставила его умирать в одиночестве.

Лилли находилась на воздушных учениях в авиационной школе, когда он внезапно заболел, но потребовался целый день, чтобы связаться с ней. Следующие два дня она добиралась домой, а к тому времени, когда добралась до больницы, он уже скончался. У него случился обширный инфаркт. Доктора сказали ей, что после этого «случая» он больше не приходил в себя — вот как они называли произошедшее с ее отцом, просто «случай», как будто это было чем-то вроде выпускного вечера или подобной хрени — поэтому, по сути, он даже не понимал, что умирает в одиночестве.

Но она знала. Она это знала, и этого было достаточно.

Он был похоронен с полными военными почестями на кладбище военнослужащих. Место было по истине чарующе красивым: спокойствие и симметричные формы, каждое надгробие было из белого, тонкого и одинакового по размеру камня. Скорбящие — она предполагала, именно так назывались люди, которые приходили на похороны, после церемонии погребения продолжают проживать свои гребанные жизни, возможно, даже останутся на обратной дороге, чтобы перекусить тако, — были, в основном, его бывшими армейскими приятелями или коллегами по работе. Ее отец много общался с людьми, как и полагалось человеку, занимавшему высокую должность, это было неотъемлемой частью его работы. Но вот друзей у него было немного. По природе своей ее отец был одиночкой, он очень медленно сближался с людьми, а открывался им и того реже. За исключением его военных сослуживцев, которые давно перекочевали в ранг друзей и занимали там крепкие позиции. Даже несмотря на то, что они были разбросаны по всему свету, раз в год они встречались, чтобы порыбачить всей компанией. Или же когда один из них умирал.

Также ее отец после смерти своей горячо любимой жены не открыл свое сердце больше никому. Лилли была единственным человеком, который владел его душой и сердцем, которому он безгранично доверял и с кем он чувствовал настоящую близость.

Но и она, со временем, покинула его и оставила в доме, полном призраков некогда так горячо любимых им людей. По крайней мере, этот «случай» не произошел в доме, потому что это было бы больше, чем она смогла бы вынести. Кто знал, сколько бы он пролежал там,

пока бы кто-то заметил его пропажу и решил проверить, все ли с ним в порядке. Но это произошло на поле для игры в гольф, в то момент, когда он развлекал клиента.

Ее отец ненавидел гольф.

Когда военные почести были, в конце концов, отданы и священник закончил службу, дождь ударил стеной, барабаны тяжелыми каплями по зеленому натяжному тенту, который защищал место его погребения, и присутствующие смогли положить на надгробие цветы, Лилли, которая была единственным присутствующим членом семьи, поднялась и позволила так называемым «скорбящим» выразить свои соболезнования. Дождь «смыл» присутствующих всех до единого. Она стояла там, сжимая в ладонях американский флаг, пока все остальные спешно уезжали прочь на машинах. Наконец, когда она осталась одна возле его могилы, гроб ее отца все еще был закреплен над ямой, и она ожидала человека, который бы завершил погребение. Она чувствовала, что это было правильно, что она осталась одна у его гроба.

Она не знала, как долго она стояла там, но, наконец, появился мужчина в чистом черном костюме, держащий черный зонт в руке, и подошел к ней, мягко проговорив:

— Мне очень жаль, мисс, но нам нужно придать его земле.

Отца. Ее отца. Она подняла взгляд и увидела двух мужчин в рабочих комбинезонах, которые стояли на почтительном расстоянии, не нарушая ее ритуала прощания, продолжая мокнуть под проливным дождем и, скорее всего, ожидая, когда она, наконец, отойдет в сторону, чтобы они могли начать погребение. Она отошла. Развернулась. Направилась домой.

Ей пришлось вернуться к своей идеально распланированной жизни. Отпуск ей был дан всего на неделю. За одну неделю ей предстояло разобраться с тем, что делать с вещами отца. С домом, в котором она выросла и провела самые запоминающиеся и самые печальные моменты своей жизни Семейными фотографиями. С памятные вещи из прошлого. С бабушкиной собственностью. С домом ее отца, который был полон наград, орденов, таинственных документов. С машиной отца — его восхитительной «Плимут Барракудой Фастбаск» 1968 года выпуска. Он трепетно любил свою машину словно сына. И вещами матери... хотя нет, от матери совершенно не осталось вещей. Ее отец вскоре после ее самоубийства, одержимый яростью, полностью очистил дом от ее вещей.

Она, по большому счету, не хотела ничего из этого. Лилли собрала семейные фотографии, книги, сервиз бабушки, пару ювелирных украшений и еще несколько фамильных реликвий и убрала их в гараж, затем она связалась с поверенным своего отца и попросила его продать все остальное, при этом сразу вычесть его процент за работу, и после того, как он это все сделает, прислать ей чек.

Она закинула свою сумку с вещами и тем, что собрала в доме, в багажник «Барракуды» и направилась в Форт-Рузер, штат Алабама, со Стоктона, штат Калифорния, который больше не был ее домом.

Глава 9

Лилли прекрасно понимала, что была ужасно пьяна — даже чересчур пьяна.

Она выпила слишком много рюмок с текилой, слишком много пива и не ела нормально в течение дня. Она облажалась. Но она никак не могла заставить себя пожалеть об этом. Она на самом деле чувствовала себя хорошо. Чувствовала себя свободной. Ей было весело. И она на самом деле была чертовски невероятно возбужденной. Она стояла рядом с Исааком, тесно

прижимаясь к железным мышцам его огромного тела, ощущая грубую, жесткую кожу его ладоней и подушечек пальцев на ее спине, когда он расстегивал ее бюстгальтер.

И она была в его доме — в этом то и была вся проблема. Она даже не подозревала, где, мать вашу, находится его дом. Ей было необходимо, вот прямо сейчас, сосредоточиться на этом. Но... определенно, у ее тела были другие планы.

Она так и продолжала там стоять, ощущая его руки на своем теле, его рот на своих губах, его огромный, твердый член, который сдерживался материалом джинсов и прижимался к ее животу. И потом его руки оказались на ее груди, ладони нетерпеливо накрыли груди и ласково помассировали их через материал застегнутой рубашки и расстегнутого бюстгальтера. Слишком много одежды. Их отделяло друг от друга слишком много одежды, и она начала спешно расстегивать пуговицы рубашки, желая, чтобы его руки не тратили время на это и были свободными, так же как и ее грудь. Чтобы его ладони могли ощутить обнаженную кожу.

Его рот все еще ожесточенно поглощал ее губы, проникая языком так, словно не мог ждать больше ни минуты, чтобы попробовать ее вкус. Исаак рассмеялся и проник руками под ее рубашку, захватывая материал, изнутри у выреза на уровне груди, и одним рывком разорвал материю. Пуговицы на рубашке разлетелись в разные стороны, потому что она услышала, как они градом посыпались на пол, и затем раздался треск материала.

Когда Лилли скинула рубашку с ее плеч, она отстранилась от его восхитительного рта достаточно, чтобы проговорить:

— Это очень хреново, Исаак. Потому как у меня нет с собой много одежды.

Что-то подсказывало ей, что она проговорила нечто непозволительное для нее самой, но не стала париться на этот счет. Она почувствовала его ладонь на своем затылке, когда он стал целовать ее со всей страстью, которая поглощала их, словно принуждая стать единым целым, чтобы, наконец, найти умиротворенность.

— Я куплю тебе новую рубашку, — прорычал Исаак стягивая бюстгальтер с ее плеч и полностью завладевая ее восхитительно мягкой грудью, увенчанной твердыми сосками. — Бл*дь, ты чувствуешь невероятно.

И тут он сделал то, что полностью ошеломило ее, он опустился на колени, прижимаясь губами к ее животу. Его борода щекотала и покалывала, пока он втягивал кожу на ее животе в рот, слегка прикусывая ее. Лилли почувствовала, как его руки жестким рывком расстегивают ее джинсы, и подалась бедрами ближе к нему, сжимая в руках его распущенные волосы, чтобы удерживать Исаака как можно ближе к себе.

— Боже, боже, боже, — стонала она, желая оказаться, наконец, обнаженной, желая, чтобы он был тоже обнажен. Но теперь его ладони были на ее заднице, он не опускал ее джинсы вниз, вместо этого он прикусывал материал стрингов своими зубами. Она стонала, чувствуя отчаянное желание ощутить его руки на обнаженной коже.

— Ты пахнешь просто невероятно! — он сделал глубокий вдох, произнеся это, и она почувствовала его обжигающее дыхание внизу живота. Его большие ладони легли на ее бедра сзади, и он плавно скользнул ими вниз до кожаных ботинок. — Они чертовски дерзко выглядят, Спорти. Нереально сексуально, — он расстегнул замок на одном из них, затем повторил свои действия на втором и удерживал ее за бедра, тем самым помогая сохранять равновесие, пока она снимала их.

Он поднял руки вверх и схватился за расстегнутую верхнюю часть джинсов, и затем одним рывком дернул их вниз, опуская их по ногам вместе с ее стрингами до того момента,

пока она, наконец, не смогла переступить через них, освобождаясь полностью от одежды.

И вновь она была совершенно обнаженной, в то время как он был полностью одет. Но, в конце концов, она добилась того, чего так отчаянно желала, его руки прикасались к ее обнаженному телу, ласкали своими грубыми прикосновениями. Он жестко толкнул ее к двери... — Иисус, они все еще находились в коридоре его дома, — и закинул ее ногу к себе на плечо, широко раскрывая ее. Кончиками пальцев он поддразнивал ее кожу, погрузились между ее набухших влажных складочек, скользя по ним, кружа вокруг твердого клитора, и она попросту не могла сохранять молчание, не могла спокойно терпеть его ласки. Ее руки запутались в его густых волосах, и Лилли потянула его за них, в попытке заставить его поласкать ее языком. С хриплым, невероятно сексуальным стоном, он подчинился ее желанию, его руки обернулись вокруг бедер Лилли, пока пальцы отчаянно не впились в мышцы ее ягодиц. Исаак провел губами по ее клитору и жестко всосал его в свой рот, слегка проводя по нему зубами.

— О, черт! — ее бедра содрогались с такой силой, что она не была уверена, что сможет устоять на ногах, особенно, когда одна ее нога находилась у него на плече. Но он не обращал внимания на ее отчаянные попытки держать себя в руках, Исаак только сильнее прижал ее двери, стискивая еще жестче ее ягодицы. Он погрузил язык в покрытое влагой лоно, перемещаясь к ее прелестной заднице и проводя языком по всей поверхности кожи. Она почувствовала, как его пальцы прижались к ее колечку тугих мышц, и выгнула спину, отстраняясь от двери.

— О, да! О, Господи, продолжай делать это! — она так отчаянно желала этого. Нуждалась в этом. И она хотела этого именно с ним.

Исаак прекратил ласкать ее и отстранился. Издав хныкающий звук от потери восхитительного ощущения, которое он дарил ей, опьяненная желанием и алкоголем, она приоткрыла глаза и взглянула на него, стоящего на коленях.

Он смотрел на нее, задыхаясь, его борода блестела от ее влажного желания. Она все еще сжимала в кулаках его волосы. Когда она ослабила хватку на его волосах, выпуская их из рук, Лилли нежно провела рукой по его бороде. Он чуть повернул голову и оставил поцелуй на ее раскрытой ладони. Такой простой, незамысловатый жест заставил ее киску неистово сжаться. Пристально глядя ей в глаза, Исаак переместил руку на ее киску и провел кончиками пальцев между ее ног, неспешно погружая пальцы в ее влажные складочки, затем проникая кончиками пальцев еще глубже между ее внутренних лепестков, заставляя ее тело выгнуться. Он кружил своими шероховатыми, мозолистыми подушечками пальцев вокруг ее клитора, пока она не начала всхлипывать, следом он стал понемногу проникать в ее влажный жар, до того момента пока с ее губ не начали срываться стоны. Когда она потерялась в удовольствии, что накрыло ее, Исаак скользнул своими пальцами чуть дальше, устремляясь к тугому колечку мышц. Ее бедра непроизвольно дернулись, и она энергично закивала.

— Да. Да. Пожалуйста.

Он преодолел тугое сопротивление мышц, и она всхлипнула вновь, заставляя его остановиться.

— Пожалуйста, не останавливайся. Я хочу большего.

Он выскользнул пальцем из нее, заставляя издать недовольное шипение, следом проникая в ее попку уже двумя пальцами. И в этот раз он начал двигать ими взад-вперед, проникая глубже, затем вновь почти выскальзывая и опять входя в нее во всю длину.

Одновременно с этим он прижался лицом к ее киске, втягивая ее набухший клитор, слегка покусывая его, заставляя ее тем самым потерять связь с реальным миром, утопая в удовольствии его ласк.

Оргазм сотряс все её тело, заставляя колени подогнуться, и ее тело опустилось расслабленно на его пальцы. Она кончила на его языке, выкрикивая его имя и извиваясь на его лице и сжимаясь вокруг его пальцев. Он выскользнул пальцами и поднялся на ноги, облизывая губы и поднимая на руки ее тело, которое вздрагивало, все еще ласкаемое волнами рассеивающегося оргазма.

— Во имя Господа Бога, чертова женщина, — прорычал он. Исаак обхватил крепче ее все еще содрогающееся от оргазма тело в своих руках и направился дальше по коридору. Она понятия не имела, куда он нес ее, и, если честно, ей впервые в жизни было наплевать. В этот момент Лилли забыла кто она и зачем она тут, и просто наслаждалась моментом с этим потрясающим мужчиной.

Он бережно уложил ее на кровать — огромную кровать с насыщенно кремовыми простынями и черным мягким одеялом. Она ощущала комфорт всем своим существом. Лилли чувствовала себя расслабленной и свободной. Она распахнула глаза и уставилась на него, не в силах отвести взгляда от того, как он снимал свою одежду в отчаянной спешке. На это было так забавно смотреть, как ее огромный мачо-байкер прыгает на одной ноге в попытке быстро стянуть ботинок. Она подвинулась, устраиваясь поудобнее на мягких, восхитительных простынях.

Ее мачо-байкер? Он был ее? Должна ли она была прекратить так думать о нем?

Теперь он был обнаженным — ох, и насколько он был прекрасен обнаженным, с этим восхитительным, красивым членом, который стоял, словно стараясь дотянуться до нее, — и в следующее мгновение Исаак забрался на кровать с целой горстью презервативов. Когда он навис над ней, усмехаясь, словно оскаливавшийся волк, с его длинными волосами, которые окружали их словно тяжелая занавесь, она перекатилась на живот.

— Я хочу больше, чем просто твои пальцы.

Он издал гортанный стон, и она почувствовала, как его член призывно дернулся от ее слов; затем его большие и горячие ладони скользнули от ее шеи, прошлись по линии позвоночника, опускаясь к ее упругой потрясающей заднице. Он скользнули пальцами между ее ягодиц и легко помассировал ее тугое колечко мышц.

— Ты хочешь, чтобы я трахнул твою задницу?

— Господи, да, — она понимала, что у него был большой член, но ей было наплевать. Она так хотела этого. И ничего не могло заменить того, чего она так отчаянно желала.

— Лилли, ты уверена? У меня нет смазки.

Она вновь перекатилась на спину, в то время как он нависал над ней, окружая ее тело своими сильными руками и мускулистыми ногами. Беря его руку, что находилась на ее спине, она опустила ее себе между ног, издавая пронзительный стон от ощущения прикосновения его ладони с ее влажной плотью.

— Тебе, кажется, что нужна смазка? — она игриво приподняла бровь. — Если да, то тогда используй меня.

Он выглядел нерешительным, немного ошеломленным. Избавляясь от состояния опьянения, она проговорила:

— Разве ты не хочешь этого?

Он рассмеялся.

— Не хочу ли я твою задницу? Твою восхитительную задницу? Конечно, хочу. Но, крошка, я могу тебе честно признаться, что ни разу за все время, что я трахаю женщин, еще ни одна не просила меня трахнуть ее задницу.

Она пожалала плечами, неуверенная, критикует ли он ее или, наоборот, одобряет ее слова. На самом деле, ее не волновало, что он думал об искренности ее признания, если, конечно, это бы не стало помехой в достижении оргазма. Потому что ее тело практически звенело от желания.

— Это проблема? — она прищурилась, пристально глядя на него. Он опустил локти, располагая их по обеим сторонам от ее лица, и затем она ощутила, как его пальцы проскользнули в ее волосы. Его твердый член некомфортно прижался к ее низу живота. Она могла лишь думать в этот момент о более лучшем месте для него. Исаак смотрел ей в глаза, и она расслабилась, давая ему необходимое мгновение, чтобы разобраться в том, чего он хотел на самом деле.

— Ты не перестаёшь удивлять меня, — прошептал он и накрыл ее губы своими, поглощая их в жадном поцелуе.

Поцелуй был глубоким и страстным, но в тоже время значимым, и когда он втянул ее язык в свой рот, она застонала и выгнулась всем телом, обожая жесткость мышц его тела, которое окружало ее, но в тоже время она отчаянно желала большего.

— Пожалуйста, прошу тебя, пожалуйста, — шептала она в перерывах между его поцелуями.

С хищной улыбкой, почти с рычанием, он одним рывком поднялся на колени и перевернул ее на живот. Затем проскользнул рукой, прижимаясь ладонью к ее животу, и приподнял ее, пока она не оказалась на четвереньках. Исаак скользнул рукой между ее ног, потирая жестко подушечками пальцев ее клитор, и следом резко входя в ее киску. Она издала хныкающий звук и выгнула спину, обожая его жесткое обращение с ее телом. Он выскользнул пальцами из ее киски, покрывая влагой ее лона тугое колечко мышц.

Затем он замер.

— Ты хочешь, чтобы я одел презерватив?

Ее голова и грудь прижимались к мягкой поверхности кровати, когда Лилли слегка приподнялась и посмотрела на него из-под руки, снизу вверх. Комната немного кружилась.

— Нет, для этого нет.

Он издал рык и вошел во всю длину в ее киску. Она старалась обуздать себя и сделать так, чтобы ее озаботил тот факт, что он был в ней без презерватива, напомнить ему, чтобы он не кончал в нее, но ей было так хорошо, так чертовски хорошо. Она отчаянно старалась ухватиться за разумные мысли, но они распадались на мелкие песчинки, тем самым подчеркивая ее поражение перед этим мужчиной. Он выскользнул из ее влажного лона, и Лилли ощутила, как его головка прижалась к ее анусу. Она уже почти ощущала его горячую длину внутри себя. Она сама этого захотела. Не сказать, что она частенько хотела анального секса, но сейчас и с ним она хотела именно этого. Еще как хотела.

Он неспешно начал проскальзывать внутрь нее, преодолевая сопротивление напряженных мышц. Господи, он заставлял ее чувствовать себя такой наполненной. Уже сейчас она могла чувствовать себя растянутой и готовой взорваться от ощущения полноты. Лилли ощущала, как клитор и тугие мышцы ануса пульсировали вокруг его длины. Она застонала.

— Черт, малышка, бл*дь. Это ощущается так хорошо, что практически убивает меня, —

он все еще продолжал медленно двигаться внутри нее, и она могла ощущать то, как дрожали его руки в том месте, где он удерживал ее за бедра. Она толкнулась назад, навстречу ему, принимая его длину до основания. Они застонали от острого ощущения, что пронзило их тела одновременно. Исаак начал двигаться, подаваясь бедрами вперед и назад, поначалу медленно, но постепенно набирая уверенный ритм, она могла чувствовать, как его тело содрогалось крупной дрожью.

Господи, это ощущалось просто потрясающе. Она двигалась с ним в унисон, постанывая, чувствуя тугое скольжение во всех местах: там, где соприкасалась их плоть, в ее киске. Это ощущение было настолько острым, что рикошетом отдавалось ей в голову. Она могла слышать свои громкие стоны, что срывались с губ, хныкая, в попытке заглушить крики она сжала в кулаках ткань простыней и уткнулась в них лицом.

Он замер и вышел из нее, она ахнула, когда головка его члена выскользнула из ее задницы. Оборачиваясь и глядя на него через плечо, Лилли задыхаясь, пробормотала:

— Исаак, что такое? Почему ты остановился. Это было восхитительно.

— Я обожаю твою задницу, малышка, но я не могу насытиться тобой, — он развернулся и улегся на спину, затем притянул ее к себе рукой, помогая оседлать его. — Ногами вперед, пятками упрись в кровать.

Когда она поняла, что он имел в виду, она сделала в точности так, как он сказал. И затем он расположил ее над своим членом, стискивая в кулаке его основание. Он прижался головкой к ее анусу и заполнил ее вновь, именно так, как она того и желала, Лилли откинула голову назад и издала шумный вздох.

— Ты задаешь темп, Спорти. А я могу наслаждаться твоими прелестями, — и чтобы продемонстрировать правдивость своих слов, он сжал пальцами ее сосок и жестко ущипнул его. Все ее тело вздрогнуло, и она издала всхлип.

Она выгнула спину, когда мышцы ее лона сжались вокруг него.

— Бл*дь! Спорти, полегче. Быть в тебе без презерватива... Господи Иисусе, невероятно.

Она устанавливала темп, двигаясь на нем так, чтобы чувствовать себя полностью заполненной и растянутой, но чтобы не испытывать боли. Он ласкал пальцами ее соски, ее возбужденный твердый клитор и ее лоно, не торопясь, уделяя внимание всем частям ее тела, до того момента, пока она не ощутила себя на грани, насаживаясь на его член, не задумываясь о том, насколько она чувствовала себя наполненной и насколько жесткие движения могут ранить ее тело. Он проник в нее своими пальцами, одновременно с этим большим пальцем лаская ее клитор, а пальцами другой руки пощипывая ее сосок. И этот в момент она думала, что может буквально умереть от наслаждения. У нее было ощущение, что он был везде, что он опалял своими ласками каждую часть ее тела.

Оргазм захватил ее, она кончала, подаваясь всем телом вперед, но не прекращая объезжать его, прижимая ладони к его рельефному прессу. Исаак сжал ее бедра в смертельной хватке; она даже сейчас могла ощущать, что на ее бедрах уже начали появляться синяки, но это было для нее совершенно не важно, потому как он был в ней. Его тело было покрыто бисеринками пота, а черты лица исказило болезненное выражение.

— Детка, давай кончай, кончай, — повторял он словно заведенный.

Все продолжалось минуту или около того. И когда она была на пике удовольствия, Лилли ощутила острую потребность озвучить насколько велико ее удовольствие, повторяя раз за разом:

— О, Господи, я кончаю, я кончаю, я кончаю. Ох, черт. О, бл*дь, это потрясающе.

Он сжал двумя руками ее задницу и быстро перекатился с ней, подминая ее под себя. Движение его члена в ее заднице заставило Лилли закричать. Затем он подхватил ее ноги руками, прижимая их к ее груди и в тоже время придерживая ладонями заднюю сторону ее бедер, и толкнулся настолько жестко в ее тело, что она не смогла сдержать пронзительного крика, кончая еще раз настолько сильно, что увидела яркие звезды.

Исаак закричал:

— Бл*дь, бл*дь, ох, бл*дь! Господи! — и затем он замер, содрогаясь всем телом, а его шея напряглась от усилий.

Он аккуратно выскользнул из нее, когда, наконец, кончил, и перекатился на бок рядом с ней. Они лежали рядом друг с другом, тяжело дыша.

Лилли почувствовала себя пресыщенной ласками и испытывала легкое головокружение. И, кроме того, она чувствовала саднящую боль. Ей нужно было в ванную. Когда она начала подниматься с кровати, чтобы отправиться на ее поиски, то почувствовала, как Исаак резко перехватил ее запястье.

— Не уходи, не нужно...

Она повернулась и посмотрела на него. Что-то было в том, как он проговорил это, или, возможно, все дело было в его выборе слов, так как они показались ей значимыми. Хотя она не могла понять, почему именно так ей показалось. Ей также нужно было выпить воды, ее мучила ужасная жажда, потому как похмелье уже давало о себе знать.

— Просто нужно в ванную.

Он улыбнулся и отпустил ее запястье.

— Первая дверь налево.

Она поднялась на ноги, покачнувшись, но быстро восстановила равновесие и осторожно направилась в ванную.

Да. Она ощущала саднящее чувство. Лилли сходила в туалет, аккуратно освежилась и затем осмотрелась в поисках стакана, из которого бы она могла попить. Ничего. Поэтому она просто пустила голову, приблизила рот к струе воды и таким образом попила.

Когда она вернулась к нему в спальню, он сидел на кровати, его ноги были укрыты одеялом. Его кровать была просто восхитительна, она даже не была уверена, что когда-либо видела такую. Из темного красного дерева, отполированного до идеального блеска, у кровати был балдахин, который поддерживали четыре массивных столбика. Исаак расправил простыни и откинул покрывало с ее стороны. Она отнеслась немного подозрительно к тому, что происходило, но забралась на кровать и впиалась в него взглядом, ожидая... чего-то. Она не могла сказать, что происходило, но что-то между ними изменилось после этой ночи.

Он передал ей стакан холодной воды.

— Подумал, что тебе захочется попить.

Улыбаясь, она приняла из его рук стакан с водой и кивнула, тем самым благодаря его.

Его выражение лица было обеспокоенным.

— Ты в порядке, Спорти?

Она пила воду долгими, громкими глотками, пока полностью не осушила стакан.

— Да. Просто... думаю, что трезвею.

— Мне должно быть стыдно за то, что только что произошло? Я воспользовался ситуацией? — он передал ей свой на половину полный стакан воды, и она осушила и его.

— Нет, ты что. Просто... Я обычно узнаю сперва мужчину получше, прежде чем позволить ему это, — она начала чувствовать себя настороженно, когда опьянение от текилы

начало рассеиваться. Господи Иисусе. Она была в его доме. Она даже не имела понятия, где находился его дом. О чем она думала, если думала вообще. Плюс ко всему, она была обнаженной, не помня, где была ее одеж... оу, стоп. Она осталась у его передней двери. И он разорвал ее рубашку. У нее не было оружия. Она была беззащитна в его присутствии. Она позволила ему — точнее, она умоляла его — заняться с ней анальным сексом. Без презерватива. Она предоставила ему огромный лимит доверия. Тому мужчине, в которого целилась меньше дня назад и грозилась убить. Хотя, на самом деле, она прекрасно знала, что она бы не сделала этого, потому что он уже успел сильно пробраться ей под кожу.

Исаак забрал из ее рук второй пустой стакан и поставил его на ночной столик, прежде чем пододвинуться к ней, заключая ее ладонь в свою.

— Я думаю, что мы и так узнаем друг друга во многих важных аспектах, — он поднес ее руку к своему рту, чтобы поцеловать. Его губы все еще касались тыльной стороны ее руки, когда он проговорил. — Ты удивляешь меня, Лилли. Меня не так-то легко удивить, потому что я повидал многое в своей жизни. Я не побоюсь сказать, что я буквально одержим тобой.

Она чувствовала тоже самое: в этом она была уверена на все сто. Лилли покачала головой. Это была очень плохая идея, просто невероятно глупая затея влюбиться в него, что она и сделала. Она вообще не должна иметь с ним никаких отношений.

— Исаак, я... — она была застигнута врасплох большим зевком. Растерянная, она сонно пробормотала: — Господи. Я-я-я... прошу прощения.

Он звучно и по-доброму рассмеялся.

— Ничего, все нормально. Давай отдохнем. Мы можем обсудить все завтра.

Он опустил голову, чтобы положить голову на подушку, и вытянул руку, приглашая ее придвинуться к нему, чтобы поспать. Но она внезапно испугалась. Нет, нет и еще раз нет, это было плохой идеей.

Он определенно уловил ее замешательство, потому что улыбнулся и проговорил:

— Лилли, я не кусаюсь... ну, если, конечно, ты не попросишь меня об этом. Я просто хочу чувствовать тебя рядом. Эта кровать не видела женщины на протяжении очень, очень, очень долгого времени.

Каждый раз, когда он произносил ее имя, она чувствовала, что он словно притягивает ее ближе, и варианта уклониться от этого притяжения просто не было. Она повиновалась и опустилась в его теплые объятия, ее голова нашла приют на его твердой, великолепной груди. Он, в свою очередь, оставил поцелуй на ее голове и выключил свет.

oOo

— Лилли! Бл*дь... Лилли!!

Она вздрогнула и проснулась. Она сидела верхом на Исааке, он же удерживал в крепкой хватке ее руки, сжатые в кулаки, на некотором расстоянии от головы. Она в то же мгновение расслабилась и резко отпрянула от него, быстро спрыгивая с кровати. В голове было такое ощущение, словно слоны отплясывали меренге* на ее мозжечке (Прим. Мерэнге (исп. merengue) — музыкальный стиль и танец Доминиканской Республики).

— Прости. Прости. Боже, прости меня, — она начала отходить к двери. Черт побери, ей так хотелось бы знать, как добраться домой. Ей было стыдно.

Он поднялся с кровати и подошел к ней.

— Все в порядке. Просто ты меня напугала. Ты в порядке?

— Да. Просто сон.

— Хреновый сон, должен сказать тебе, Спорти.

— Да. Я в порядке... сейчас он уже прошел. Я просто... у тебя не тут дивана или чего-то в этом роде, чтобы я могла там поспать? — было все еще очень рано, еще даже не начало рассветать.

Он потянулся к ней и взял ее руки в свои.

— Нет. Никакого дивана. Возвращайся в кровать. Я в порядке. Ты в порядке. Мы просто вернемся к тому, на чем остановились, — ко сну.

Она не хотела, но, черт побери, ее голова ужасно раскалывалась.

— Хорошо... — неуверенно пробормотала она. — У тебя есть аспирин?

Он усмехнулся.

— Конечно. Так что просто вернись в кровать, — он помог ей лечь и накрыл ее сверху одеялом, — а я сейчас мигом вернусь.

Он принес ей аспирин и еще один стакан воды. Она взяла таблетки и выпила всю воду. Когда он вернулся в кровать, то притянул ее ближе к себе, прижимая спиной к своей груди. И весь остаток ночи они спали спокойно и мирно, лежа в объятиях друг друга.

оОо

Когда она вновь проснулась, комната уже была залита утренним светом, а Исаак сидел полностью одетый на краю кровати, и его ладонь покоилась на ее бедре.

— Доброе утро, малышка. Ты чувствуешь себя хорошо?

Она на самом деле чувствовала себя хорошо. Слегка болела голова и немного саднило между ног, но, в целом, она чувствовала себя хорошо.

— Ага. Просто голодна. У тебя есть что перекусить?

Он подмигнул и погладил ее по бедру.

— У меня нет ничего такого на кухне, но есть кофе и различные виды хлопьев, которые можно есть с холодным или теплым молоком, — с его пальцев свисала футболка. — И, кстати, я должен тебе рубашку, я обязательно куплю, но сейчас возьми вот это. Вся твоя остальная одежда лежит сложенная в углу на стуле, — он указал кивком в сторону прелестного деревянного, обтянутого кожей стула, на котором она могла видеть свое нижнее белье и джинсы. — Я достану чистое полотенце, если ты захочешь принять душ. Прости, но у меня нет второй зубной щетки, но паста лежит на раковине-столешнице в ванной, если захочешь, возьми мою щетку...

Она чувствовала себя неловко и застенчиво. Она не оказывалась в таком положении... она еще никогда не оказывалась в таком положении прежде. Она чувствовала себя уязвимой.

— Спасибо, Исаак, — Лилли присела на кровати.

Он пододвинулся ближе к спинке кровати и навис над ней, его ладони лежали на ее бедрах. Он ласково поцеловал ее, прожал языком по ее мягким губам.

— Мммм. Не парься насчет этого, Спорти. Но тебе и мне нужно поговорить, как мне кажется.

Она согласилась, кивнув в ответ на его слова.

— Хорошо. Встретимся на кухне. Вниз по коридору, затем направо, пройдешь через гостиную и окажешься на кухне, — он оставил еще один быстрый поцелуй на ее губах и покинул комнату.

Она почувствовала себя снова свеженькой, саднящее ощущение между ног спало, и она была практически в норме, когда встретила его на кухне. Лилли шла до кухни, осматриваясь вокруг, но не делала этого специально, просто инстинктивно обращала внимание на все, что видела. В его доме было множество красивой деревянной мебели. Должно быть, она обошлась ему в целое состояние. Интерьер в большинстве своем состоял из деревянных вещей, немного предметов искусства, выполненных из разных цветов и видов дерева. Даже картинные рамки представляли собой деревянные предметы искусства. В главной гостиной было множество фотографий, она остановилась там, чтобы посмотреть их. Исаак оказался из семьи, которая состояла из четырех человек: мама, папа, старшая сестра и сам Исаак. Фотографии заканчивались на возрасте, когда он был еще подростком. Когда она прошла дальше, то имела удовольствие рассмотреть внушительную библиотеку, полки которой буквально ломились от книг.

Его кухня представляла собой незамысловатую деревенскую кухню, в которой, по-видимому, ничего не меняли примерно с 1940-х годов. Даже не смотря на то, что техника была старой, — огромная белая двухкомфорочная газовая плита и холодильник который явно предшествовал эре холодильников с режимом автоматического размораживания. Раковина была большого размера, сделанная из фарфора, с обеих сторон от нее были подставки для сушки посуды. Шкафчики были тоже выполнены из дерева, выкрашенные в белый цвет, передняя часть их была оббита тканью. Лилли даже показалось, что там был крошечный узор в виде небольших ягодок земляники. Полы были покрыты старомодным выцветшим со временем красным листовым линолеумом с золотистым оттенком.

Также там находился длинный и узкий стол с красиво отделанными ножками, прямо у огромного окна. На нем располагалась кофеварка, автоматический электрический тостер и микроволновка.

Лилли задумалась о том, что Исаак жил в своем доме, в котором провел детство. И он жил в нем совершенно один. Это мысль заставила ее на мгновение задуматься о том, был ли он настолько же одинок, как и она.

В центре комнаты располагался продолговатый стол, который был сделан из вишневого или из красного дерева. Он также был отполирован до идеального блеска, как и вся остальная мебель, которую она видела, когда проходила через гостиную. Он сидел расслабленно за столом с чашкой в руке. Когда она вышла из-за угла, он, казалось, смотрел в никуда. Но он сразу же ощутил ее присутствие в комнате, поэтому повернулся и улыбнулся ей широкой, открытой улыбкой, когда она вошла в комнату.

— Ты выглядишь отлично, Спорти. Хотя, мне кажется, нет такого, что бы сидело плохо на тебе.

Ей нравилось носить его футболку, несмотря на то, что она практически утопала в ней, она все равно чувствовала себя сексуальной.

— Ну, вообще-то, оранжевый не совсем мой цвет. Это я так, на будущее.

Он подавил желание поморщиться, подмигивая ей.

— Тогда тебе лучше избегать неприятностей в будущем.

Она сначала не совсем поняла его шутку, но потом... ох, до нее дошло, оранжевая роба заключенных. Она закатила глаза.

— Хлопья в левом шкафчике, кружки и чашки в правом. Молоко в холодильнике, а кофе

под окном на столе. Хозяйничай.

Она чувствовала, что он пристально наблюдал за ней, когда она пересекла комнату и достала из шкафа кружку и чашку. Она поставила их на стол и затем потянулась к шкафчику, чтобы достать хлопья. Когда она открыла дверцу, то пронзительно запищала. Поначалу Исаак не понял, что произошло, но его реакция была мгновенной.

Он вскочи на ноги со своего стула, подбегая к ней.

— Что? Что такое?

— О. Мой. Бог. У тебя есть Cookie Crisp? Шоколадные хрустящие завтраки! Я просто обожаю их! Я не ела их уже долгое время! (Прим. Cookie Crisp — шоколадные завтраки).

Он рассмеялся.

— Я обожаю хлопья. Я не готовлю, и поэтому когда я слишком занят, чтобы заехать пообедать, ем хлопья. И я люблю сладкое, когда пьян, — он улыбнулся ей озорной улыбкой.

— А я обожаю сладкое в любом состоянии. Ох, это сделало мой день, — она достала пачку с хрустяшками и наполнила ими чашку, пока хлопья не стали пересыпаться через край.

— Ну, и как ты сюда теперь добавишь молоко? — Исаак все еще продолжал улыбаться.

— Ха. Смотри и учись, смотри и учись, — она подошла к холодильнику и достала стеклянную бутылку с молоком. Благодаря системе, которую она и ее подруги выработали, пока учились в школе, она могла делать это с легкостью. Лилли медленно заливала молоко в пространство, которое было между шоколадными хлопьями. Таким образом, в чашке было достаточно молока и не приходилось перемешивать.

Исаак кивнул.

— Впечатляюще, — он закатил глаза. — Если ты так любишь их, почему не покупаешь себе?

Лилли присела за его потрясающей стол и пододвинула к себе тарелку с хлопьями, чувствуя себя расслабленной и счастливой. С полным ртом хлопьев, она беспечно пожала плечами и проговорила:

— Даже и не знаю. В моем доме это не считалось за завтрак, а когда я стала взрослой, никогда не думала о них в магазине, — она проглотила и отправила в рот следующую порцию вкуснейших хлопьев.

Он громко рассмеялся.

— Ты чертовски милая, ты знаешь это? — он поднялся на ноги и потянулся, чтобы взять себе чашку, затем протянул руку, беря хлопья, а затем молоко. Лилли подавил желание вырвать у него из рук коробку с горячо любимыми хлопьями. В конце концов, они были его.

Пока они ели, Исаак посматривал на нее краем глаза, с играющей на губах улыбкой. Когда они позавтракали, он продолжал наблюдать за ней той же улыбкой, когда она взяла чашку и выпила молоко из нее. Затем он поднялся и убрал чашки со стола.

— Так, хорошо, Спорти. Пришло время для разговора.

Внезапно Лилли почувствовала себя намного менее расслабленной и счастливой. Она подождала, пока он опустил обратно на стул, затем начала сбивчиво бормотать:

— Исаак... это касается того, что ты...

Он поднял руку, тем самым, заставляя ее прекратить бессмысленное бормотание.

— Нам не стоит начинать наш разговор с этого, — он сверкнул глазами. — Но как бы то ни было, нам следует откуда-то начать.

Он поднялся и вышел из комнаты. И тут Лилли окатила вспышка страха, о чем бы он не

хотел поговорить, это было серьезно. Когда он вернулся в комнату, он держал в руках небольшой листок бумаги, распечатанный на принтере.

— Давай-ка начнем отсюда, — с этими словами он положил листок перед ней и уверенно опустил на стул.

Лилли опустила взгляд и пробежалась глазами по распечатанной статье онлайн-версии армейской газеты США «The Stars and Stripes». Заголовок, которой гласил: «Самый стремительный взлет карьеры: от простого летчика военного вертолета Black Hawk до майора, этого добилась самая молодая девушка в истории ВВС США». Там же было фото Лилли в ее летной форме, со шлемом, который она держала в руках, стоя у своего вертолета. Подпись под фотографией гласила: «Майор Лилли Аккардо».

Бл*дь.

Глава 10

Исаак наблюдал за тем, как Лилли читает заголовок статьи и пытался понять ее реакцию.

У него было некоторое время, чтобы переварить информацию, что была у него на руках. Сначала он был потрясен, затем потрясение вылилось значительной степени в подозрения. Когда он размышлял об этом, он не мог не видеть в ней угрозы. Что ему удалось узнать о Лилли за последние пару дней, так это то, что ее пребывание здесь не было связано с поисками информации для военных насчет его города или его клуба. То, что произошло между ними прошлой ночью, только укрепило его уверенность в этом. И к настоящему моменту он был впечатлен той информацией, что он владел.

Не смотря на то, каким бы Барт не был гиком, он не мог найти ни единого слабого, незащищенного места в их сервере (Прим. гик — человек, чрезвычайно увлечённый чем-либо; фанат. Изначально гиками именовали людей, увлечённых высокими технологиями обычно компьютерами и гаджетами). Он не мог взломать его, поэтому Исаак не имел ни малейшего понятия, какого хрена Лилли делала в Сигнал Бенд, но у него была эта статья, где было указано ее настоящее имя. Барт работал над тем, чтобы разузнать как можно больше о ней, но Исаак надеялся, что он услышит это от нее. Она нравилась ему, он четко понимал это, даже больше, чем просто нравилась, а разве люди не должны предоставлять кредит доверия тем, кто им не безразличен?

Она повернулась и произнесла:

— Как долго это уже у тебя?

Понимая, почему это был для нее важный вопрос, он ответил:

— Со вчерашнего дня. После того, как я покинул твой дом. Помнишь, мне позвонили? Так вот, это был Барт.

— Что еще ты знаешь?

— На данный момент — это все, что мне известно. Барт нашел статью. Но он будет искать больше, конечно же. Он приступит к поиску не раньше завтрашнего утра. Как мне кажется, мы не станем его тревожить раньше. Не так ли? Я не хочу набирать его в спешке и просить заняться поиском информации о тебе, я верю, что ты сама можешь мне поведать кое- что.

На протяжении минуты или чуть большего промежутка времени она просто смотрела на него, не сводя глаз. Он мог практически наблюдать за тем, как крутятся шестеренки в ее голове; вся загвоздка была в том, что он просто не знал, в какую сторону они движутся и

какой исход повлекут за собой ее размышления.

— У тебя есть планы на сегодня, Исаак? Есть ли вероятность того, что раздастся телефонный звонок и прервет нас?

— Никаких планов. По большому счету, дерьмо редко происходит по воскресеньям. Если зазвонит телефон, то это будет экстренный вызов. Если позвонит другой телефон, я проигнорирую его. Ну что, поговорим?

Ее выражение лица было спокойным и ничего не выражающим. Это была не та девчонка, которая пищала и подпрыгивала от того, что увидела хлопья пару минут назад.

— Мы поговорим. Но, во-первых, прежде чем я скажу что-либо, мой парень умнее твоего. Потому как я знаю о тебе больше, чем ты обо мне. Если захочешь мне причинить вред, то я опережу и первой нанесу удар тебе и разрушу твой клуб.

В то же мгновение, как она проговорила эти слова, его желудок скрутился в узлы. Господи Иисусе. Он что, настолько недооценил ее? Он что, пренебрег клубом, подверг его опасности ради хорошего траха? Исаак окаменел на добрые тридцать секунд. Потом подался вперед, располагая локти на столе, и прорычал:

— Ты здесь для того, чтобы причинить вред моему клубу и мне?

Она покачала головой, Лилли чувствовала волны беспокойства, что исходили от его тела.

— Нет, Исаак. Твой клуб не является моей целью, и я не хочу причинять вреда тому, что дорого тебе. Пару дней назад я еще ничего не знала о твоём клубе. Когда два дня назад ты озвучил угрозу в мой адрес, я тоже решила немного разузнать, но только для того, чтобы в случае чего защититься от тебя. И все. Я здесь не для того, чтобы добраться до тебя, и у меня нет ни малейшего намерения причинить тебе боль. Просто таким образом я защищаюсь.

— Но твоему парню известно то, что знаешь ты.

Бл*дь. Бл*дь. Он облажался по каждому пункту.

— Знает. Но он так же не причинит тебе вреда.

— И что мне прикажешь делать? Доверять кому-то, кого я никогда даже в глаза не видел?

— Похоже, что так.

Исаак резко вскочил со стула и отбросил его назад одним ударом руки, чуть ли не переворачивая его. Он ходил взад вперед по кухне в течение минуты, затем подошел к столу и подался вперед, глядя на нее.

— Если мой клуб или город пострадают из-за этого... из-за этого... — он отрывисто показал пальцем между ними. — Я обрушу на тебя весь гнев, который я только способен чувствовать, клянусь Господом Богом.

— Это принято называть «взаимно-гарантированным уничтожением». Я не могу причинить тебе вреда, потому как ты можешь ранить меня, и так в обратной последовательности. Я скажу тебе, какая кроется информация за защитой, которую Барт не сможет взломать, — даже если потратит на это недели. Но он по-настоящему хорош, даже уже потому, что он нашел эту статью, не скрою, — Лилли оттолкнула в сторону лист бумаги. — Я даже мола бы предложить ему контракт на работу, если он, конечно, изъявит желание.

Исаак фыркнул.

— Он осужденный преступник, Спорти. Правительство не захочет такого работника.

— Ты будешь очень удивлен, узнав, кого правительство хочет видеть в своих рядах,

задействованными в определенных видах работ. Все хакеры, с которыми я знакома, имеют темное прошлое, у каждого из них есть срок за различные преступления. Но это не относится к нашему делу. Мне известно про мет. Я знаю все твои контакты. Мне известны интересные детали, которые, как ты полагал, тебе удастся держать в секрете. И мне наплевать на все, естественно, до тех пор, пока ты не решишь мне навредить. Я пришла не за тобой, — она закинула одну ногу на колено. — Поэтому у меня возникает встречный опрос, хочешь ли ты навредить мне?

Она шокировала его. Исаак был подготовлен — или он считал, что был подготовлен — что она могла сделать что-то клубу? Он надеялся — и хотел верить, что ее слова были правдивыми — что Лилли была совершенно не заинтересована в его клубе. Он, казалось, действовал правильно, но до того момента, как начал угрожать ей. Бл*дь. Теперь она откровенно говорила ему, что может стереть его самого, его клуб с лица земли, и затем, в придачу, и его город, если, конечно, захочет этого. А у него не было ничего на нее, кроме этого несчастного клочка бумаги, где было написано, что она служила в армии. Злость наполнила его, и он со всей силы ударил кулаком по столу.

— БЛ*ДЬ!

Очень спокойно, она проговорила:

— Исаак, сядь. Я не хочу, чтобы ты причинил себе вред. Если мы хотим быть честными друг с другом, то тогда давай так и сделаем. Я тебе расскажу кое-что, но это не при каких обстоятельствах не должно выйти за пределы стен этого дома — не при каких. Но есть такие вещи, которые я просто не могу тебе рассказать, несмотря на то, как бы я того не хотела. Если быть предельно откровенной, то я не смогу сказать тебе многого по поводу того, по какой причине я тут нахожусь, потому как я тут под поддельным именем.

Он опустил на стул.

— Какого хрена происходит. Это то, что мне необходимо знать.

— Я больше не служу армии. Теперь я выполняю задания высокой степени секретности по контракту. Моя личность засекречена, потому что не так много людей, которые выполняют подобную работу. И именно по этой причине мы не работаем с главного центра. Мы разбросаны по различным местам, выполняя работу в удаленном местоположении. Я и так вышла за пределы дозволенного, рассказав тебе об этом. Я не могу сказать большего, в чем именно заключается моя работа.

— Тогда почему ваш сервер так легко обнаружить?

— Для того, чтобы как только кто-то начал копать в нашем направлении, они могли это легко узнать. У хорошо скрытой системы безопасности имеется слепая зона; займет много времени, чтобы они могли обнаружить, что кто-то решил копнуть под них. А хакера, который так настырно ищет что-то, обязательно засекут. Поэтому Барта засекли, я в этом даже больше чем уверена. Не важно, насколько он хорош, если он искал настолько тщательно, что нашел эту статью, то его, бесспорно, засекли. Ему необходимо удалить все следы своего присутствия в журнале регистрации событий для скрытия следов своей деятельности, чтобы снизить эффективность систем системного уровня, которым требуется эта информация для того, чтобы обнаружить атаку, и перезагрузить компьютер. Мне кажется, сейчас пришло время, чтобы использовать свой телефон для экстренных вызовов и сказать это ему, и чем раньше, тем лучше, это на случай, если он вдруг решит поработать в нерабочее время. Это самая большая из угроз, которую я могу адресовать вам.

Исаак кивнул, поднялся на ноги и достал свой телефон. Бл*дь, бл*дь, бл*дь. Он был так

зол, что его руки тряслись. Но на кого он был зол? На нее? Он чувствовал себя преданным, но предала ли она его на самом деле? Как? Нет, он был зол на самого себя. Он был не внимателен. И он был так чертовски сильно влюблен в эту женщину. Он провел много часов после кошмара, что привиделся ей во сне, просто наблюдая за ней, за тем как она спит, чувствуя острое желание защитить и... и... Ох, БЛ*ДЬ! У него не было больше других слов.

Барт ответил, абсолютно точно только проснувшись от глубокого сна. Это хорошо, значит, он не работал.

— Да, — прозвучал хриплый ответ.

— Держись подальше от того, что мы пытались узнать про Лилли, Барт. Больше НЕ СМЕЙ ничего делать по тому поводу. Она говорит, что тебя абсолютно точно засекли. Ты знаешь, что это значит? — потому что Исаак толком не имел понятия, что бы это могло значить.

— Бл*дь. Да. Я понял, — теперь его голос звучал так, как будто он полностью очнулся ото сна.

Исаак нажал «отбой» и вновь подошел к столу.

— Этот разговор хоть как-то удовлетворит мой интерес, или же он окончательно испортит мой день? — Иисус, ему было необходимо по чему-нибудь ударить.

— Ты и так знаешь, что мое имя Лилли Аккардо. В армии я была офицером и пилотом вертолета. И да, я не из Техаса, ни хрена не знаю про него, — она усмехнулась. — Я родом из Калифорнии. Остальное — это простые подробности жизни, которыми люди делятся, чтобы узнать кого-то получше. Они скрыты, потому что с их помощью меня можно обнаружить, только лишь поэтому. Исаак, если ты все еще хочешь узнать меня получше, мы можем посвятить этому целый день, только ты и я. Но я все еще Лилли Карсон для остальных жителей города. И поэтому все те, кто не знал моего настоящего имени, так и должны остаться в неведении. Я так предполагаю, парни из клуба знают, как держать рот на замке.

Он кивнул, но в той истории все еще было полно пробелов. Цель ее прибытия сюда была все так же не ясна.

— Ты мне так и не сказала то, что я хочу знать. Почему именно сюда? Почему выбор пал именно на Сигнал Бенд? Ничего из того, что ты скажешь мне, не поставит тебя в ситуацию, когда ты будешь должна защищаться от меня. Ты скрываешь что-то еще, что-то, что может навредить тебе. Я это чувствую, Спорти.

И вновь она просто посмотрела на него, размышляя над сказанным. Затем проговорила:

— Если я тебе скажу остальное, то это точно должно остаться между мной и тобой. Только между мной и тобой. Велик риск, что я расскажу тебе, а ты что-то сделаешь с этой информацией.

Нет, его не было. И она это видела, знала и чувствовала.

— Именно поэтому ты собрала информацию о нас, не так ли? Чтобы не было этого риска. Как мне кажется, ты вполне обезопасила себя, Спорти.

Волна ярости, что бушевала в нем, была такой сильной, что он удивлялся, как она еще не заставила его взорваться. Лилли была совершенно другим человеком. Она не была той колкой, язвительной женщиной, с которой он познакомился, которая метала ироничные шутки и замечания, как стрелы, не была дикой любовницей, что согревала его постель и заставляла таять ледяную корку, что подобно броне покрывала его сердце, не была милой, разбитной подругой, с которой можно было пропустить по стаканчику. Не была девчонкой,

которая готова была прыгать от радости, когда увидела шоколадные хлопья. Сейчас она была расчетливой и ужасающе спокойной.

— Я здесь, чтобы кое-кого убить.

Ошарашенный, он присел на стул с открытым ртом, не в силах сказать ни слова.

Наконец, он сумел кое-как сформировать слова.

— Ты что мне пытаешься сказать, что ты правительственный снайпер?

Но она покачала головой.

— Нет, это мое личное дело. Я хочу убить того, кто причинил мне и дорогим мне людям вред и вышел сухим из воды. Я планировала это как убийство по заказу, чтобы его убил другой человек. Но, честно говоря, я планирую его убить сама, — она улыбнулась. — А теперь с этой информацией в твоих руках и ты тоже можешь причинить мне вред.

Ох, черт. Разум Исаака крутился со скоростью света, в попытке сопоставить этот новый кусочек информации с тем, что ему было известно о ней. И теперь у него появились новые проблемы, связанные с Лилли.

— Кто? Этот кто-то из Сигнал Бенд? Этот человек проживает в моем городе?

— Нет, но он живет близко от него. Я бы не смогла переехать в один и тот же город, что и моя жертва. Всегда должна быть некая дистанция.

Он пытался понять, кто это. Исаак знал всех, кто проживал в городе и фактически всех, кто проживал на расстоянии десяти миль от города и в его окрестностях. Кто из них бывал в Афганистане? Ему пришлось на ум пару человек, но никто из них не мог сделать что-то такое, что повлекло бы за собой такие последствия в виде мести. Он сделал успокаивающий вдох. Мысленно делая шаг назад от этого всего, чтобы немного привести свои мысли порядок. Теперь он знал точно одно — его город и его клуб были в безопасности, Лилли не была угрозой для них. Он верил ее словам. Потому как он не был угрозой для нее, а она для него. А если этот парень сделал ей что-то настолько плохое, что повлекло за собой такую месть, то он лично ей поможет уничтожить этого ублюдка.

— Малыш, ты должна мне сказать, кто это и что он сделал тебе.

Но она только лишь печально покачала головой.

— Нет, Исаак. Тебе необходимо держаться от этого подальше. Если ты будешь знать больше, чем я тебе сказала, то это может навлечь неприятности на тебя, если вдруг я облажаюсь. И в итоге это может навредить не только тебе, но и твоему клубу.

— А если я хочу помочь тебе?

— В это дело вовлечены люди, которые хотят свести личные счеты. У нас есть план, и мы работаем над тем, чтобы он удался, — она подалась вперед всем телом. — Этого достаточно, чтобы ты, наконец, мог мне доверять?

Она сидела на его столе, одетая в его футболку, ее восхитительные волосы были распущенными и лежали на плечах. Он чертовски сильно влюбился в нее, он влюбился, как гребанный подросток; он понял это прошлой ночью, когда наблюдал за тем, как она спит. Теперь он задался вопросом, был ли тот сон — кошмар — о том человеке, что причинил ей боль. Если кто-то так ранил ее, то Исаак хотел, чтобы мудака был мертв.

Он доверял ей. И исходя из того, что он видел, Исаак мог сказать, что она играла открыто и честно, если она доверяла — Лилли так и говорила, если нет, то нет. Он отчаянно хотел ее. Исаак всем своим существом хотел доверять ей, и было видно, что она так же хотела доверять ему.

— Да. Я тебе доверяю. А ты мне?

— Я доверяю тебе, Исаак. Если бы не делала этого, разве бы я рассказала тебе об этом? Если бы нет, то я просто бы воспользовалась тем, что мне известно о тебе, и убрала тебя с дороги, как ненужное препятствие.

— Господи, Лилли. Это хладнокровно.

— Нет. Это то, что принято называть разумно. А вот влюбиться в тебя — это совершенно неразумно. Это вообще выходит за рамки всего допустимого. Но вот я, сижу тут, влюбленная в тебя.

Исаак поднялся со своего стула и подошел к ней, присаживаясь на пятки, располагая руки с двух сторон от ее бедер. У них была возможность изменить этот разговор, этот день и то, что происходило между ними к лучшему, обратить это все во что-то большее, чем влюбленность. Затем он положил одну ладонь на ее бедро.

— Ты влюблена в меня, Спорти?

Она опустила взгляд и поместила свою ладонь под его, он в свою очередь обернул вокруг нее свои пальцы, крепко стискивая.

— Да. Очень сильно, — она чуть склонилась и поцеловала его.

Вздыхая, Исаак прижался лбом к ее ноге.

— И что мы собираемся делать с этим?

Она рассмеялась.

— Почему бы тебе не показать мне дом?

— Отличная идея, — он поднялся на ноги и взял ее за руку.

оОо

Он показал ей дом, рассказал, что в этом доме его семья проживала в течение двух поколений. Он был первый, кто тут жил один. У них была огромная ферма, но вся пахотная земля была распродана по частям. И теперь в его владении осталась только ферма, которая располагалась на семи акрах земли. Его дедушка был последним, кто работал на земле; а отец Исаака был тем, кто распродал землю по частям.

Лилли сделала несколько замечаний о том, какими красивыми были вещи, сделанные из дерева, которые располагались по всему дому, видно было, что они были сделаны вручную тем, кто по-настоящему умел и любил работать по дереву. И от нее не укрылось, насколько ему были приятны ее слова. Потом он хотел сразу отвести ее на улицу, чтобы показать окрестности фермы, но она захотела перед этим посмотреть его семейные фотографии, что висели на стене. Эта галерея из фотографий составлялась двумя поколениями, Исаак был единственным, кто не смог добавить ни одной фотографии. Он сменил потертые от времени рамки фотографий на резные и искусно украшенные, выполненные из дерева. Но он стал единственным, кто не сумел добавить ни одной новой, этого его мучило и удручало, она видела это.

Он показал ей дедушек, прадедушек, его тетушек и дядюшек, двоюродных сестер и братьев, людей, которые в далекие времена имели отношение к его семье, что можно было даже их смело назвать предками. Она показала на фотографии, которые напрямую были связаны с ним. Исаак уточнил, что на фото были его родители и сестра.

— А это моя мама. Она умерла, когда мне было двенадцать лет.

— Она была очень красивая, — Лилли не могла не заметить сходства черт, он унаследовал часть ее красоты.

— Да, она была красивой. Она повесилась.

Лилли быстро развернулась, ее глаза распахнулись. Он никогда не говорил о своей матери, черт побери, о его семье в целом. Некоторые братья в МК знали по слухам или сторонним разговорам о том, что произошло, но точно никто ничего не знал. Она положила свою руку на его, и он подавил отчаянное желание сбросить ее.

— Исаак, мне очень жаль, — он покачал головой, готовый двигаться дальше, но она быстро стала перед ним, не позволяя ему сделать ни шага. — Исаак. Моя мама перерезала вены и истекла кровью в ванной. Я нашла ее. Мне тогда было десять.

Он посмотрел на нее ошеломленно.

— Боже.

Что-то нашло на него, он не мог определить точные чувства, захлестнувшие его, и он поддался моменту. Исаак сжал в ладонях ее лицо и поцеловал со всем отчаянием, его язык скользнул глубоко в жар ее рта. Он целовал ее так, словно имел право на каждую частичку ее тела, и был намерен доказать это. Он почувствовал, как она сжала пальцами край его футболки, когда отвечала на поцелуй. Когда Исаак оторвался от ее губ, он искал на ее лице какое-то выражение, которое бы выражало всю неправильность поступка их матерей, но он не нашел этого. Она выглядела, как хорошо поцелованная женщина. Но все же он пробормотал:

— Прости.

— Не стоит извиняться. Я понимаю все, — она провела кончиками пальцев по его щеке.

Он прикрыл глаза от нежного прикосновения.

— Не знал никого, чья бы мать сделала такое. Никто не понимал меня.

— Я понимаю тебя. Почему она сделала это?

Он покачал головой вновь, ненавидя возвращаться к этому. Затем он просто пожал плечами.

— Мой отец был злобным мудаком. Вот, скорее всего, самая верная причина. Она даже не оставила записки, она просто ушла. А твоя?

— От моей записки тоже не осталось. Я не знаю толком ничего. Мой отец избавился от всех ее вещей после ее смерти. Но если судить по тому, что помню, у нее было биполярное расстройство*. Самое яркое воспоминание, связанное с ее смертью, это ее тело в ванной, а я все сидела и ждала, когда меня кто-нибудь обнаружит. А еще я так же помню, как она меня брала с собой, когда отправлялась «путешествовать», — Лилли пальцами изобразила в воздухе знак кавычек, — на самом деле, это было бессвязным брожением по окрестностям и за их пределами. В итоге мы оказывались в просто немыслимых местах, где она впадала в состояние ужаса, потому как плохо говорила по-английски, а я всеми силами пыталась расспросить незнакомцев, как нам добраться до дома. Я полагаю, это была мания. И это было не очень хорошим временем, — Лилли замолчала и нахмурила брови. — Вау. Я просто не верю в это. Я еще никогда и никому не рассказывала этого. Ты первый, кто узнал обо всем, Исаак. (Прим.: биполярное расстройство — маниакально-депрессивный психоз (МДП) — эндогенное психическое расстройство, проявляющееся в виде аффективных состояний — маниакальных (или гипоманиакальных) и депрессивных, а иногда и смешанных состояний, при которых у больного наблюдаются быстрая смена симптомов мании и депрессии либо симптомы депрессии и мании одновременно (например, тоска со взвинченностью, беспокойством либо эйфория с заторможенностью — так называемая непродуктивная мания

— или другие). Возможны многообразные варианты «смешанных» состояний).

Исаак почувствовал острое желание поцеловать ее вновь, но подавил его.

— Господи Иисусе, Лилли. Это просто нереально.

Она печально рассмеялась.

— Ага, так и есть. И кстати, я единственный ребенок в семье, и мой отец умер, когда мне было 23. Он был классным.

— Могу я спросить, сколько тебе лет? — ему было известно, что этот вопрос ненавидело большинство женщин.

Она не колеблясь ни мгновения произнесла.

— 33. А тебе?

— Мне 39.

Она усмехнулась. Он любил ее улыбку, ее рот был розовым и прелестным, а ее глаза словно озарены светом.

— Смотри, сколько мы узнали друг о друге. Ты сказал «был», когда ты упоминал своего отца. Мы оба с тобой круглые сироты?

— Да, так и есть. Он умер двенадцать лет назад. Упал с байка на заледенелой дороге и попал под грузовик. Он был президентом МК до меня. Его называли большой Айк, а я был маленький Айк до того момента, пока он не умер. Именно поэтому я так ненавижу это гребаное имя.

— Ты жил с ним?

— Нет, с того времени, как мне исполнилось восемнадцать. Тогда я стал жить в клубе. Переехал обратно в дом после его смерти.

— А что насчет твоей сестры?

— Марты? Я даже не знаю. Она на четыре года старше меня. Она убежала из дома темной ночью вскоре после того, как мама повесилась, и никто больше не слышал о ней ничего с того времени. Но я понимаю, почему она убежала. Злость и ярость моего отца после смерти матери перекинулась на нее. Поэтому она бросила меня.

— Он ее изб... — она не закончила предложение, но ей и не нужно было все и так было понятно.

Исаак пожал плечами:

— Иногда. Это не так необычно для этих мест. Мужчина бьет — женщина молчит, негласный закон. Все стало лучше, когда я повзрослел и стал крупнее его. Я преимущественно останавливал это, когда стал проспектом, — он расправил плечи, словно стряхнул незримый груз печали с них. — Как бы то ни было, это в прошлом. Ты упомянула, что твоя мама плохо говорила по-английски?

Лилли печально улыбнулась.

— Похоже, что мое прошлое все еще в настоящем, не отпускает меня. Моя мама была рождена и выросла в Италии. Папа был рожден здесь, но переехал когда был молодым парнем. Они познакомились, когда его войска были дислоцированы в Европе — он тоже служил в армии. В спецназе.

— Он был крутым парнем. Заметно, в кого ты пошла, — Исаак заставил ее улыбнуться, и он был рад этому. Но в то же время она пробудила нем любопытство, — Лилли, сколько языков ты знаешь?

Радостная улыбка, которую он вызвал мгновением раньше, исчезла, и она вновь поглядела на него настороженно, затем вздохнула, словно опуская свои щиты, и решила

отдаться в руки судьбы. Она загибала пальцы, когда произносила языки, которые знала.

— Английский, итальянский, французский, испанский, арабский, фарси, иврит.

Он громко рассмеялся, и она стрельнула него взглядом, словно он повел себя грубо и ненормально.

— Прости. Я просто... просто меня не так просто напугать, но ты только что это сделала. Ты настолько чертовски умная?

— Чертовски умная, но это не относится к делу. Меня воспитывали таким образом, чтобы я одинаково хорошо владела двумя языками. Впоследствии мне давались легче остальные иностранные языки, — она ослепительно улыбнулась. — Нет причин меня бояться. По крайней мере, не из-за этого.

Исаак подумал, что теперь ему было необходимо показать ей, что он умел делать. Он взял ее за руку.

— Пойдем со мной. Надень ботинки. Я хочу тебе показать кое-что.

Когда она обулась, он повел ее к самой большой постройке и открыл дверь. Она буквально запищала, когда он делал это

— Ага! Ты ее закрываешь, а сам мне говорил, что это плохой тон — закрывать двери Сигнал Бенд.

Смеясь, он проговорил:

— Полегче, Спорти. Эту я закрываю. Дом не закрываю, — он открыл дверь, и сильный аромат стружек разнесся благодаря легкому и утреннему ветерку. Это был его любимый запах. Второй на данный момент, первый все еще оставался запах его любимой женщины, которая в данный момент стояла перед ним. Он дал ей пройти первой, а она лишь стояла посередине дверного проема и задыхалась от восторга.

— Исаак, что это? — она поняла, что он провёл большую часть своей жизни, создавая кое-что. Пилы и рубанки, а также огромный токарный станок для работы по дереву, стамески и слесарные пилы, рашпили по дереву, морилка для древесины, краски и кисти и сама древесина находились в комнате. Огромный рабочий стол важно располагался в центре комнаты. Все это было расставлено с особой тщательностью. Исааку казалась, что эта огромная комната была красивой, он полагал, что он даже мог бы жить здесь.

— Это моя мастерская. Мебель и все штучки, которые находятся в доме, что так тебе понравились... Я сделал их.

Она повернулась к нему с выражением изумления на лице, выглядя еще более ошарашенной, чем раньше. Она подошла к ряду полок, где были сложены вещи, которые он намеревался продать на художественных выставках и ярмарках, которые проходили по всему штату. Она взяла в руки вазу, украшения на которой были выполнены ажурной резьбой, которая была выполнена из прекраснейшего орехового дерева, которое он нашел под Канзас-Сити. Резные работы были самыми лучшими его художественными работами.

— Ты сделал это? — он кивнул, чувствуя себя внезапно застенчиво. Она аккуратно поставила вазу на полку и провела легко кончиками пальцев по целой полке вещей. Потом она направилась к его полке, где находилось огромное количество резных деталей, и развернулась к нему лицом. Она держала в руках небольшую, но искусно вырезанную птицу колибри, что сидела на листьях лилии. Сама птичка была не больше, чем ее ладонь. Ее глаза увлажнились.

— Господи Иисусе, Исаак. Это... это восхитительно. Я поражена до глубины души.

Колибри не была для него чем-то особенным. Он оценивал ее не больше, чем в двадцать

баксов, ну, крайний потолок на ремесленной ярмарке — пятнадцать. Он мог с легкостью вырезать парочку таких же после обеда. На его полках находилось примерно штук пятнадцать подобных поделок. Но Лилли взяла именно эту, словно та была единственной вещью в комнате... Исаак подошел к девушке.

— Тебе она нравится? Хочешь ее взять себе?

— Что? Ох, прости... Я не имела в виду это, — она залилась румянцем. — Просто поппа любила колибри (Примеч.: поппа в пер. с итал. — бабушка).

Она двинулась вперед, чтобы поставить фигурку на полку, но он перехватил ее запястье.

— Nonna?

— Бабушка. По-итальянски.

— Бери.

— Нет, Исаак. Тебе следует продать ее. Она такая красивая.

— Возьми ее. Если она тебе нравится, обязательно оставь ее. Для меня это не так уж и важно. Смотри, тут множество таких же колибри на полке, как ты взяла.

— Но эта самая красивая... — она улыбнулась ему широкой улыбкой, ее глаза блестели от слез. — Спасибо тебе большое.

Он был ошеломлен, насколько его жест поразил ее.

Теперь она скользнула ладонью вверх по его груди и обняла за шею, притягивая его ближе к себе. Прежде, чем поцеловать его, она прошептала:

— Ты просто поразил меня, — затем прижалась к его губам в поцелуе.

Исаак испытал острый приступ вертиго этим утром (Прим. Vertigo (англ., нем.) — головокружение). И он все еще чувствовал отголоски этого ощущения. Он собирался узнать получше эту женщину, и в свою очередь решил позволить ей узнать и его. С того момента, как они обсудили важные вещи на его кухне, между ними воцарилась совершенно другая атмосфера. Они больше не пытались так отчаянно понять друг друга, они просто общались, позволяя вещам идти своим чередом. Они чувствовали себя расслабленно в компании друг друга, это было впервые, когда они чувствовали это, по крайней мере, когда Лилли была трезвой.

Он обернул руки вокруг ее талии и углубил их поцелуй, поднимая ее вверх. Она сильнее обняла его за шею, а той рукой, в которой все еще находилась колибри, она приобняла его за спину. Он усадил ее на рабочий стол и забрал резную фигурку из ее рук, убирая ее в сторону.

Он построил этот стол, чтобы тот идеально подходил его размерам, потому рабочая поверхность стола была на уровне его бедер. Лилли сидела перед ним, их бедра находились на одном уровне. Она застонала и обернула свои ноги вокруг его талии, скрещивая щиколотки на его заднице.

Ощущение ее языка, что чувственно сплетался с его, ее вкус, то, как ее мышцы ног сжимали его бедра — бл*дь, все, что касалось этой женщины, возбуждало в нем невероятное желание. Когда она издала сладкий хныкающий звук и прижалась к нему всем телом, он отстранился от ее губ, задыхаясь.

— Я так чертовски хочу быть внутри твой киски прямо сейчас. Саднит?

Ее глаза заволокло вожделение, она улыбнулась и расстегнула его ремень.

— Не для этого.

Исаак издал долгий рык и решил, что нужно всегда держать свою женщину обнаженной.

Лилли прошла семь миль до своего «Камаро». Она бросила рюкзак в багажник и уселась за руль. Она сидела там, не замечая удушающего жара, что воцарился в темном салоне автомобиля днем в середине июля, стараясь из-за всех сил не отчаиваться. Но это было сложно, невероятно сложно, в голове мысли цеплялись друг за друга и смешивались.

Она не видела свою будущую жертву уже в течение двух недель. У Рика также не было новой разведывательной информации для нее. К тому времени, когда он ей послал кое-какие данные, ее цель совершенно пропала.

Бл*дь, бл*дь, бл*дь.

Теперь Рик пребывал в поиске нового местоположения предполагаемой жертвы, что не означало ничего хорошего, по крайней мере, для ее личной жизни. Это значило, что Лилли могла покинуть Сигнал Бенд. Если бы все шло соответственно плану, она должна была жить оседло в течение многих месяцев, чтобы избежать даже минимальных подозрений к тому времени, когда должно было произойти убийство. Это если бы возбудили дело и начали вести расследование. Но если ее жертва уехала далеко отсюда, ей придется последовать за ней.

Но она не хотела уезжать. С каждым последующим днем она и Исаак становились ближе друг к другу, они были настолько поглощены друг другом, что в ее дне не было ни минуты, которую бы она не думала о нем. Если бы все шло соответственно плану, то не было нужды покидать Сигнал Бенд. Но она и не хотела его покидать... и с каждым днем это желание крепло. Она бы могла выполнять свою работу откуда угодно, самое главное было удаленное местоположение. Хотя она знала Исаака только в течение нескольких недель, Лилли понимала, что она останется, если будет такая возможность. Она чувствовала с ним связь, словно незримые нити соединяли их, даже когда они были вдали друг от друга, такого прежде она не испытывала ни к кому.

У Лилли было довольно богатое сексуальное прошлое, но у нее не было большого опыта в делах любовных. Точнее, у нее не было совершенно никого опыта в этом. У нее была парочка постоянных парней в университете, причем она потеряла девственность со вторым, но она отчетливо понимала, что никогда не любила его. Проживая свою жизнь подобно многим парням и девушкам, которые учатся в университете, она экспериментировала и спала со многими, пока не встретила Питера, аспиранта. У них было все серьезно, как ей казалось. Она думала, что любила Питера. Но когда он получил работу в университете в Нью-Мехико и переехал, она даже не стала заморачиваться, чтобы поддерживать отношения на расстоянии. И в течение пары месяцев она стала меньше думать о нем. Поэтому она ошиблась — это не было любовью. Когда она поступила на службу, ее шансы на ни к чему не обязывающие романы стали истощаться. У нее была парочка интрижек с другими офицерами, когда она служила в Афганистане. Она встречалась с ними для отменного, бурного секса. Но Лилли никогда по настоящему не ощущала связи ни с кем из них.

То, что она испытывала к Исааку было чем-то совершенно отличным от всего, что было ранее. Это затрагивало совершенно другие струны в ее душе, она поднималась с ним совершенно на иную высоту. Поначалу она наивно полагала, что это лишь было основано на физическом влечении, как будто их тела действовали в унисон, потому как ее нереально тянуло к нему, и это вызывало в ней ярость, злость, но больше всего это пугало ее... И если они находились вблизи друг от друга, для нее было чрезвычайно трудно не прикасаться к нему. И, возможно, это было больше, чем достаточно поначалу. Но последние пару недель, они говорили — не подразнивали, а по настоящему говорили, она поведала ему вещи, о

которых никому и никогда не рассказывала. Факты о своей семье, о ее маме. О своей любви к отцу, и как сильно она по нему скучала и тосковала. И даже некоторые факты о службе в армии.

Она никогда не говорила об этом ни с кем, потому как у нее не было никого, кому бы она могла доверить такие личные вещи. Ведь с доверием предоставлялась своеобразная сила над кем-то, а ей не нравилось верить в чьи-то руки рычаг, при помощи которого с нею могли манипулировать. Но она доверяла Исааку. Она понятия не имела, каким образом он заработал ее доверие, которого не мог добиться никто, но каким-то образом этому сильному, грозному байкеру удалось заполучить его.

Она больше не рассказывала ему никакой информации по поводу ее жертвы и планируемого убийства, но у нее возникал пару-тройку раз соблазн сделать это. Но она все же смогла устоять, потому как посвятить его во все подробности, знание всего могло подвергнуть Исаака опасности. Нужно было отдать ему должное, он интересовался еще один или два раза, но когда Лилли отказалась отвечать, он не стал настаивать, и они просто опустили данную тему. Он доверял ей.

Она была определенно точно влюблена в него. Лилли не произносила этого вслух, она даже не представляла, хватит ли у нее смелости сказать это, однако, несмотря на это, она отчетливо понимала свои чувства к нему. Впервые за десять лет с момента смерти своего отца, Лилли ощутила, словно, наконец, у нее появился дом.

Если она покинет Сигнал Бенд, это, скорее всего, причинит ей несравнимую боль.

Наконец, ощущая жар в салоне автомобиля, то, как взмокли ее волосы, то, как футболка пропиталась потом и неприятно прилипла к ее телу, Лилли завела двигатель и направилась обратно в Сигнал Бенд, стараясь не обращать внимание на тяжесть, что воцарилась у нее в груди.

оОо

Лилли приняла душ, когда вернулась домой и оделась в черные эластичные шорты и спортивный бюстгальтер. Она и так сегодня прошла четырнадцать миль, настроив бегать совершенно не было, потому как было слишком жарко для того, чтобы одевать какую-то другую одежду, помимо этой. Плюс, она подумывала над тем, чтобы к вечеру заняться йогой. Одна из самых сложных задач, что стояла перед ней, когда она переезжала в этот городок, было отсутствие хорошего спортзала. Лилли использовала занятия йогой для того, чтобы поддерживать хорошую физическую форму. Она обнаружила, что ей доставляло несравненно удовольствие выходить на улицу под вечер со своим ковриком для йоги, когда солнце клонилось к закату на востоке, в то самое время, когда начинали стрекотать цикады, чтобы немного сосредоточиться. Ей было крайне необходимо сосредоточиться на чем-то стороннем, кроме мыслей об Исааке.

Но прямо сейчас ей необходимо быть в сети. На данный момент у нее было три активных проекта, один из которых был очень важен, и она очень хотела узнать, есть ли у Рика какая-то новая информация по поводу их жертвы.

Но у него не было ничего нового. Они вдвоем были крайне озадачены — никаких квитанций за газ, никаких счетов за проживание в отелях или мотелях, никаких выписок за покупки по кредитной карте, никаких действий по снятию средств с кредитной карты на протяжении одиннадцати дней (последний счет составлял только 100 баксов). Счет не

менялся. Складывалось ощущение, словно человека поглотили небеса или, что более возможно, земля разверзлась под его ногами, увлекая его напрямик в преисподнюю. Было похоже на то, словно он понимал, что за ним следили. Если вы хотите исчезнуть в 21 веке, вам просто необходимо покинуть зону видимости, переставая пользоваться всеми подручными электронными средствами, будь то телефон или расчет, производимый по кредитной карте.

Читая закодированное сообщение Рика, она поняла, что испытывает что-то сродни чувству облегчения. Если их цель не смогут обнаружить, ей не придется покидать городок. И это было плохо, очень, очень плохо. Люди рисковали своими жизнями, чтобы помочь ей организовать этот проект, она просто не имела права подвести их. Она не могла потерять объективную точку зрения, связь с реальностью, потому что встретила Исаака. Ей необходимо было ставить на первое место более важные вещи.

Она еще не говорила ему, чтобы был вариант того, что она могла покинуть город. Лилли была не уверена, что могла сделать это. Пока бы она не получила большее количество информации, она не могла что-то планировать заранее. Но, не смотря на все это, отношения с ним были очень хорошими. И она не хотела ничего менять, если только она не будет вынуждена сделать это. В свою очередь ей казалось совершенно неправильным — позволять тем отношениям, что были между ними, укрепляться, но в тоже время она не могла не позволять этому происходить. Она не могла позволить себе погрязнуть в любви и раствориться в нем, но, не смотря на четкое понимание этого, она все равно позволяла себе делать это. Она прекрасно понимала, что проводя каждый последующий день вместе, радуясь мелочам, разделяя счастливые радостные моменты, она только усложняет момент их расставания. Но она никогда не испытывала такого, у нее никогда не было любимого человека, и поэтому Лилли желала этого всей душой, продолжая отсрочивать момент разговора с ним.

Она закончила тем же днем небольшие проекты, зашифровав их и отправив их обратно. Так же она получила новое сообщение касательно большого, более важного проекта, который нужно было закончить в кратчайшие сроки. Замечательно. Этот требовал особо деликатного обращения к себе, потому что заказчики разделили его на части и разослали его таким же работникам, как она. Это было сделано для того, что бы никто из них не знал всего исходного содержания задания. Это было потрясающе продуманное задание, очень защищенное, но ей предстояло сделать расшифровку и по завершению задания вновь зашифровать его, что делало очень важным наличие всего исходника, а не его части. То, что она делала, можно было сравнить с тем, как будто ей предстояло собрать часть пазла из десяти тысяч кусочков, без видения целостной картины, не имея понятия, где она начинается и где заканчивается. И ей предстояло выполнить ее задание в течение трех дней. Ну, просто, мать вашу, шикарно.

Она работала над ним всю остальную часть дня. Когда наступил вечер, она вышла из сети и отключила ноутбук. Лилли испытывала все признаки того, что испытывало большинство людей, что работали за компьютером огромное количество часов без перерыва — боль в шее. У нее была идеальная осанка, но она имела привычку пожимать плечами, когда работала за компьютером. Разминая шею, она вышла в гостиную, взяла свой коврик для занятия йогой и направилась на улицу.

Вечер был теплым, но все же более прохладным, чем ранее, она любила звуки, которые издавали животные в вечернее время суток, когда они начинали мало-помалу шевелиться.

Но ее любимыми были звуки, когда животные начинали выходить из укрытий после наступления темноты, также она любила трель жалобного козодоя (Прим.: жалобный козодой — наиболее многочисленный род птиц семейства настоящих козодоев, вылетает на охоту по ночам или в глубоких сумерках). Даже теплой темной ночью она держала окно открытым, чтобы трель птиц могла убаюкивать ее. Она спустилась по ступенькам и заняла отличное место в своем саду, расстелив коврик на мягкой траве.

Пребывая в удобном положении, она услышала рев мотоцикла, который приближался к ней со стороны дороги. Она не ожидала увидеть сегодня Исаака; он должен был сегодня быть в Джоппине по каким-то важным рабочим вопросам, и поэтому он полагал, что вернется не раньше поздней ночи. Она не совала нос в его дела. У нее были свои секреты, поэтому она позволяла ему хранить свои. Он знал, что ей было интересно все, чтобы он не захотел рассказать ей.

Городской телефон не звонил, поэтому она более чем уверена, что найдет пропущенный звонок на сотовом. С того момента, как она попросила его звонить прежде чем приезжать, он так и делал, но сильно не вник в детали, должен ли он был получить ее одобрение, он просто звонил и приезжал. А если она не брала трубку, то это было ее проблемой, а не его. С того момента, как отношения изменились между ними, она не имела ничего против того, чтобы он приезжал без предупреждения, поэтому она просто пустила все на самотек. Сейчас она постепенно вышла из позы аштавакрасана и скатала быстро свой коврик, когда его мотоцикл остановился, и он опустил подножку, слезая с байка (Прим. Аштавакрасана — поза Восьми углов. Таз приподнят, ноги оплетают руку, корпус параллелен полу, а вся эта конструкция удерживается одними ладонями). Она скользнула в свои шлепки и поспешила убрать коврик на веранду.

Даже через стекла очков Лилли видела, как сверкнули его глаза желанием сказать что-то заумное. После того, как она быстро поднялась по лестнице и убрала коврик на веранду, она встала на ступеньках, ожидая, когда он подойдет к ней. Лилли знала, что взмокла от пота, но также знала и то, что она нравилась ему именно такой.

— Привет, Спорти. Что там ты такое делала? — он снял очки, повесив их на карман жилетки, и притянул ее к себе.

— Йога. Должна же я что-то делать, чтобы поддерживать себя в физической форме. Не похоже, что тут есть на каждом углу спортзалы Gold's Gym. (Прим. Gold's Gym — сеть популярных в мире фитнеса спортзалов).

— Ну, то, что ты делала прямо сейчас, было чертовски сексуально. Даже не знаю, что нам делать по поводу твоего желания. Но у нас есть что-то вроде силовой комнаты, где мы тягаем железо у нас в клубе. Может, пришло время, чтобы привести тебя в наше святилище, — он задорно подмигнул и крепко поцеловал ее.

Это было для Лилли своеобразной точкой невозврата. Она не хотела идти к нему в клуб, потому как не была уверена в том, что сможет остаться с ним, и, как ей казалось, потом Исаак будет чувствовать себя вдвойне преданным, если она позволит себя ввести в его круг, а потом вдруг покинет его. Если бы он знал, что она могла покинуть Сигнал Бенд, ей казалось, что он бы не захотел ее присутствия в клубе.

Назойливый голосок в ее голове продолжал нашептывать ей, чтобы она призналась ему в том, что не собиралась оставаться тут. Они еще не обсуждали это, но с другой стороны он знал, что она приехала сюда совершенно налегке. Ему было известно, что она арендовала меблированный дом. И он знал, по какой причине она здесь. Исаак должен был

догадываться, что ей придется покинуть Сигнал Бенд. Она не вела себя не честно по отношению к нему, что не говорила ему этого, ведь так? Лилли из-за всех сил пыталась себя уверить в правильности этих доводов.

— Лилли? Ты будто отключилась. Что такое? Расскажи мне, — он приподнял ее подбородок своим кулаком, слегка приподнимая ее голову.

Она быстро сосредоточилась и улыбнулась ему.

— Прости. Просто думала о том, как хорошо бы было побыть с тобой наедине и обнаженными. Как все прошло в Джоплине?

Он рассмеялся.

— Эти два одновременных предложения создали короткое замыкание в моей голове. В Джоплине все сложно. Давай разденемся, ты такая вся потная и горячая, я так и хочу стянуть с тебя все эти крошечные тряпочки, — он скользнул рукой сзади под резинку шорт и сжал своей большой шероховатой ладонью ее ягодицу.

— Звучит как план, — она начала спускаться по ступенькам веранды, в то время как его ладонь находилась все еще в ее шортах, но он сжал материал эластичных шорт рукой и притянул ее обратно к себе.

— Не-не-не. Не так быстро. Давай возьмем этот маленький коврик с собой, он сослужит нам хорошую службу.

Она развернулась, чтобы посмотреть на озорные искорки, что блестели в его глазах. Выгода проживания за пределами города — везде можно найти место, чтобы уединиться. Она поднялась по ступенькам и подхватила коврик, взяв ее за руку, он помог ей спуститься по лестнице и повел по направлению к огромному дереву вяза. За пару недель ее проживания здесь она еще никогда не заходила так далеко в своих владениях. Собственность, что она арендовала, простиралась практически на десять акров, но она никогда не задумывалась о ней с точки зрения акров. Она выросла в небольшом малонаселенном городке. Училась в университете в большом городе. Она посвятила много лет службе в пустыне. Она понимала, что такое мили, километры. Но акры — это не говорило ей совершенно ни о чем (Примеч.: Акр — это американская мера площади. Этс такой участок, который можно вспахать в течение дня одним быком. В зависимости от условий, акры в разных штатах могли быть разными). Он обошла большую территорию, пока работала здесь, но никогда не исследовала этот маленький кусочек земли.

Тут было мило. Земля немного проседала под деревом вяза, и Лилли могла видеть, как проглядывались случайные пласты соли вокруг других домов. Ей казалось, что вдоль горизонта она видела черную полосу автомагистрали между штатами, белые и красные огни двигались парами по всей протяженности дороги. К этому времени улице начало смеркаться.

— Вау. Как же здесь красиво.

— Что... ты никогда не видела этого? Лилли, ты же живешь здесь!

Но на самом деле она не жила здесь. На самом деле она не жила нигде. У нее не было дома.

Она пожала плечами.

— Наверное, была занята. Никогда не смотрела с этого ракурса.

Качая головой, он остановился, взял коврик и расстелил его под деревом. Затем он вернулся к ней и скользнул пальцами под резинку ее крошечного спортивного бюстгальтера, который как раз заканчивался под ребрами. Она подняла вверх руки и позволила ему стянуть

его с нее. Когда он сделал это, Исаак проговорил:

— Нам следует пройтись по твоим владениям. Они не слишком большие, но тут есть места с великолепным видом. Тебе следует знать, что находиться на твоей территории.

Лилли не произнесла ни слова. Когда он освободил ее от спортивного бюстгалтера, Исаак обернул свои сильные руки вокруг нее и притянул к себе, накрыл ее губы требовательным поцелуем, его язык сразу же проскользнул в ее рот. Она обожала ощущение его обнаженной кожи, что прижималась к грубому материалу его одежды: кожи, джинсов и металла. Крепко стискивая ее в объятиях, он впился пальцами в ее плечи, и она явственно ощутила кожаные манжеты на его запястьях, что прижимались к ее коже. Он начал оттеснять ее назад, прокладывая дорожку из поцелуев по ее челюсти, спускаясь вниз к горлу, затем осыпая легкими прикосновениями губ ее ключицы. Из его груди вырвался хриплый рык. Его борода была одновременно мягкой и грубой, и она еще сильнее выгнула спину, вверяя себя всецело его объятиям, желая ощущать прикосновение его бороды и следы от его зубов на своей груди.

Он повиновался, издавая более громкое рычание, втягивая ее сосок глубже в свой рот и ритмичнее посасывая его. Она ахнула:

— Господи! — запутываясь пальцами в его волосах. Теперь он носил их по-другому, половину собирая в хвостик, а другую половину оставляя распущенными. Он смотрелся диким и невероятно сексуальным, с темной гривой волос на своих плечах.

Он принудил ее выпрямиться и убрать руки от его волос, позволяя им спокойно лежать по бокам, проскальзывая пальцами под ее эластичные шорты и стягивая их вниз по ногам, в то же время опускаясь на колени перед ней. Она положила ладони на его голову, тем самым помогая себе удерживать равновесие, когда Исаак помогал ей выйти из шорт.

Он скользнул ладонями вверх по ее ногам, поддразнивая ее влажные складочки. Его пальцы в тот же миг были покрыты влагой, и он издал стон.

— Бл*дь, я никогда не прекращу восторгаться твоей красотой, — едва слышно пробормотал он, оставляя поцелуй на ее животе, прежде чем он поднялся на ноги и позволил ее ногам подогнуться. Он аккуратно положил свою байкерскую жилетку под дерево и бросил футболку поверх нее. Он только прикоснулся к своим ботинкам, когда Лилли чуть привстала из сидячего положения и остановила его.

— Не снимай ботинки и свои джинсы.

Он приподнял бровь, взглянув на нее.

— Да ты что?

— Мне нравится, как твоя одежда ощущается на моей коже.

Ей на самом деле это очень нравилось. Она уже чувствовала, как влага покрывала ее складочки, в то время как она ожидала контакта шелковистой кожи и грубого материала одежды.

Он улыбнулся ей коварной улыбкой и взял презерватив из своего бумажника. Стоя на краю полога листвы огромного вяза, он расстегнул молнию на джинсах, вытащил свою твердую эрекцию и раскатал по ней презерватив. Когда он присоединился к ней на коврик, то приподнял ее таким образом, чтобы она оседлала его бедра, и насадил ее на свой член без каких либо колебаний. Лилли задохнулась от внезапного вторжения в ее тело. Ох, Господи, это ощущалось невероятно. Он всегда ощущался внутри нее потрясающе. словно его член был создан специально под нее. Она оплела его тело руками и ногами так крепко, как только могла, желая чувствовать тяжесть стальных мышц его груди на ее, мягкие прикосновения его

небольших, мягких кудрявых завитков волос к ее соскам.

Она двигалась на его члене, принимая его глубже, Исаак в свою очередь сжал в ладонях ее задницу, издавая мучительный стон. Он спрятал лицо в изгиб между ее плечом и шеей, когда пробормотал:

— Господи Иисусе. Если бы тебе только было известно, как ты потрясающе ощущаешься на моем члене... такая чертовски мягкая и узкая, сжимая меня своими стеночками. Мне нравится, как ты пахнешь, я люблю твой вкус. Мне нравится, какие звуки ты издаешь. Бл*дь, я тебя люблю, детка.

Она замерла. Немного времени спустя, он поднял голову и встретился с озадаченным выражением, что застыло в ее глазах. Он чуть подвинулся и притянул ее ближе к себе, насаживая жестче на свой член, заставляя ее издать стон, несмотря на дрожь, что сотрясала ее тело.

— Это не просто пустые разговоры во время секса, Лилли. Я тебе говорю, что на самом деле люблю тебя. Не суетись. Я просто говорю, что чувствую к тебе.

Она тоже любила его. Она даже испытывала легкое головокружение от этого чувства. Но все было так сложно.

— Исаак...

Он покачал головой.

— Сейчас я хочу слышать только твои крики, потому что я собираюсь заставить тебя кончать так сильно, пока твои глаза не соберутся в кучу, — он перекатился и встал на колени, укладывая ее на матрас, глубоко целуя ее.

А он крепко держал свое слово.

Глава 12

Было все еще темно, когда Исаак проснулся в постели Лилли. Это стало для него привычным делом: когда Лилли плохо спала, она обычно просыпалась от кошмаров, что ее одолевали на рассвете. Они провели большинство ночей за эти пару недель вместе, поэтому он пришел к пониманию, что она просыпалась от ужасных кошмаров столько же, сколько спала спокойно, это значило, что примерно половину ночи она спала хорошо, остальную мучилась в кошмарах. Иногда случалось так, что она засыпала и сразу же просыпалась, что могло продолжаться всю ночь. Чаще всего это случалось между тремя и пятью часами утра, поэтому он просто начал просыпаться раньше нее, чтобы иметь возможность немного успокоить ее.

За последнее время она только дважды пыталась напасть на него во сне. Обычно она просто просыпалась и сразу же присаживалась. В остальное время она выскакивала из кровати, готовая к борьбе. Но всегда, когда он находился рядом, она просыпалась и присаживалась в кровати вместе с ним. Они молча сидели. Исаак всеми силами пытался успокоить ее. Она никогда не рассказывала, что происходило с ней во сне. Единственное, что она повторяла раз за разом, что все кончено. Все было кончено и прошло, но прошло ли на самом деле?

Кроме тех двух раз, когда ему пришлось противостоять ее нападениям, он применил настоящую силу всего раз, ему пришлось ударить ее в лицо кулаком, чтобы немного усмирить ее яростную борьбу. Это произошло прежде, чем она смогла проснуться. Поэтому сейчас он сидел и безмолвно наблюдал за тем, как она должна была вот-вот проснуться. Он всегда спрашивал ее и никогда не прекратил бы делать этого до того момента, пока бы она,

наконец, не рассказала ему, что произошло. Единственное, что ему было известно, что каким-то образом это связано с тем, что произошло в Афганистане. Он знал пару ветеранов, у которых так же, как и у нее, были подергивания во сне. Но у Лилли все было намного, намного хуже. От чего бы она не страдала, муки уходили после ее пробуждения, когда она повторно засыпала после всплесков ужаса и агрессии.

Тем не менее, Исаак был крайне растерян. Он чувствовал необходимость защитить ее, сделать что-то, что поможет ей. Но все, что он мог сделать, это увлечь ее в кокон комфорта под одеяло и быть рядом с ней. Она всегда спала, крепко прижимаясь к нему, и он всегда обнимал ее, когда засыпал, казалось, что она пыталась найти спасение в его объятиях.

Этим утром он больше был занят мыслями, что беспокоили Лилли. Он чувствовал: происходило что-то, что заставляло ее все больше и больше дистанцироваться от него. Они стали намного ближе за эти пару недель, и, несмотря на скорость, с которой все развивалось, он знал, что они сблизились по-настоящему и то, что было между ними, было реально. В последний раз, когда он был так близок с женщиной, это было во времена, когда был еще жив его отец. Но это уже другая трагичная история, о которой он предпочитал не рассказывать и держать ее под семью замками в своем сердце. До того, как он познакомился с Лилли, ему казалось, что он совершенно не желал вновь испытать подобную близость с женщиной. Но то, что было между ним и Лилли, было чем-то совершенно отличным от происходившего ранее. Теперь он желал этого.

В последние пару дней он чувствовал, что она воздвигла между ними нерушимую стену. После того, как он показал ей статью, что нашел Барт, и они обсудили все, Лилли была проста и открыта в общении с ним. Теперь же она отстранялась от него. Это было заметно, когда они говорили, и она внезапно отключалась на пару-тройку секунд, он не мог точно сказать, почему ему бросалось это в глаза, но он явственно чувствовал это. И ему не нравилось то, что он ощущал. Это стало более заметно, когда он заговорил о том, чтобы, наконец, привести ее в клуб. До прошлой ночи он совершенно не замечал этого, потому как она очень ловко избегала этих моментов, но вчера ночью она попалась.

В этом не было совершенно никакого смысла. Она не стала бы бояться его братьев, как некоторые женщины. Она познакомилась с большинством из них и смогла очаровать, потому как было ясно, что ей было привычным мужское грубоватое поведение. Потому как частенько она могла повести сама себя грубо или жестко по отношению к окружающим. Он никогда даже помыслить не мог, что у него могли возникнуть проблемы с женщинами в этом плане. Но тут явно что-то было не так. Он просто не знал, что именно. Пока не знал.

Но он хотел видеть ее там. Привести ее в клуб — это помогло бы ему еще больше подтвердить тот факт, что она принадлежала ему. Подумав о клубе в данный момент, он знал, что она была последней частью, которая бы дополнила идеальную картину его жизни. Ее приход в клуб также закрепил бы за ней статус его женщины, особенно теперь, когда все то дерьмо надвигалось на Сигнал Бенд и МК, это бы дало ему власть взять ее под защиту клуба, несмотря на то, какой бы крутой она не была.

Он сказал тогда ей правду под деревом вяза — он любил ее. Он это точно знал. Он доверял ей. Но Лилли что-то скрывала от него. Исаак знал, что она не чувствовала, что он догадывался об этом; это лишь означало то, что она не доверяла ему полностью. Она закрывалась от него. Но это не меняло того, что он чувствовал по отношению к ней, и абсолютно точно он не сожалел о том, что открылся ей. Исааку всегда нравилось быть честным, не в этом ли был смысл отношений? Зачем врать и не договаривать, когда сказать в

лицо было намного проще и честнее к окружающим. Вранье и хитрость никогда не улучшали отношений. И именно поэтому в данный момент он не спал, он задавался вновь и вновь вопросом, что скрывала Лилли.

Приблизительно пятнадцать минут спустя или около того она проснулась, задыхаясь. Снаружи все еще было темно, и он прошептал:

— Привет, — чтобы она знала, что он не спал.

Лилли развернулась к нему и придвинулась ближе.

— Эй. Ты вообще спал?

— Я выспался, поэтому не сплю, — он притянул ее в свои объятия и оставил поцелуй на щеке. — Лилли, поговори со мной.

— Исаак, я же тебе уже говорила, что тут нечего обсуждать. Мои кошмары становятся призрачной дымкой, когда я просыпаюсь. Я едва их помню.

Он не верил ей, но эта была ложь, которую он мог стерпеть и понять. На тумбочке с его стороны кровати стояла небольшая настольная лампа, поэтому он повернулся и включил ее, чтобы они могли лучше видеть друг друга.

— Нет, Спотри, я сейчас говорю не о снах. Скажи мне, что происходит с тобой. Есть что-то еще, разговора о чем ты старательно избегаешь.

— Я не...

— Нет. Никакой больше лжи. Секреты, которые ты хранишь, я могу понять. Но это что-то другое. Ложь. Я не смогу смириться с ней.

Он ждал, удерживая ее взгляд, пока она думала над тем, над чем ей было необходимо подумать. Наконец, она присела и повернулась к нему.

— Я люблю тебя, Исаак.

— Лилли, ты не обязана это говорить только потому, что я это сказал. Я не неуверенный в себе юнец, я — взрослый мужчина, который может признаться в своих чувствах и не ждет ответного признания, — он улыбнулся и заключил ее в объятия.

— Значит, ты понимаешь, что я говорю это не просто так. Я говорила эту фразу всего раз в своей жизни, мужчине, которого ошибочно полагала, что любила, но я оказалась не права. Поэтому с того момента я дала себе зарок, что никогда больше не спутаю дружеские отношения с любовью. Я бы никогда не сказала тебе этих слов, если бы не считала, что я по-настоящему их испытываю. Мне необходимо, чтобы ты знал это, поэтому я тебе говорю это.

— Значит, это хорошо, наши чувства взаимны. Но в это не то, о чем ты думаешь во время наших разговоров. Спорти, если ты меня любишь, не лги мне.

Ее дыхание стало рваным. Он услышал это, и он ощутил крохотный намек на беспокойство.

— Я... я упустила свою цель. Он просто исчез, пропал со всех радаров. Я не могу его нигде найти. Парни нигде не могут его найти. Когда они найдут его, мне придется последовать за ним. Я должна буду покинуть тебя. Это значит, что мне придется начать свой поиск где-то вновь. Может быть, очень далеко, — она выдохнула еще один рваный вздох. — Прости меня, Исаак. Мне следовало бы сказать тебе, но я не хотела отталкивать тебя, я не хотела расставаться с тобой. Это было эгоистично и грязно с моей стороны, поэтому я прошу прощения.

Исаак был далеко не идиот. Он прекрасно понимал, что Лилли переехала не насовсем в крошечный городок на отшибе страны. У него не было ничего, он понимал это. Исаак не обладал никакими особенными талантами, кроме искусной резьбы по дереву, у него не было

ничего, и он был совершенно никем. У Лилли же была масса достоинств, умений и стремлений. Она даже не была заинтересована в месте, в которое переехала настолько, что не соизволила даже осмотреть свой собственный сад, что примыкал к дому. И то, что она ему сказала, не было неожиданностью для него. Да, это немного оглушило его, но только лишь потому, что он стал чувствовать небольшие ростки надежды в последнее время — скорее всего, он просто таил пустые надежды — что, возможно, после того, как она закончит свои дела, она могла бы остаться тут. С ним. Не зависимо от того, чем она зарабатывала на жизнь, она могла делать это и отсюда.

— Лилли, а ты можешь вернуться сюда, когда ты закончишь работу?

— Я не могу сделать это по-быстрому, а потом сбежать. Мне придется остаться там на какое-то время во избежание подозрений. Чтобы меня не поймали.

— А ты не можешь его просто отпустить? Дать ему уйти? — он отлично знал ответ на вопрос, но все равно испытывал острое желание спросить.

— Нет. Часть меня очень желала бы этого, но не могу. Еще месяц назад я бы послала любого, кто бы посмел мне предложить это. Часть меня очень хочет этого — отпустить все и остаться рядом с тобой и просто жить. Но есть люди, которые рисковали всем, чтобы помочь мне. Я не могу их предать.

— Детка, тебе необходимо сказать, за кем ты охотишься. Что он сделал тебе. Ты мне говоришь, что ты участвуешь в заговоре, чтобы убить какого-то парня, который, с большой вероятностью, может убить тебя. Ты мне должна сказать кто он, Лилли.

Она покачала головой.

— Я же уже говорила тебе, что не могу. Я не могу подвергать себя большому риску, чем уже есть. И тебя тоже. Ты должен думать не только про себя, а про свой клуб тоже.

— А если твой парень не сможет найти его?

— Значит, мы облажались. И я останусь. И этот мудак останется безнаказанным.

Он так хотел создать с ней семью, но он не собирался говорить об этом. Это было не к месту и не ко времени. Исаак просто обнял ее и притянул ближе, но она отстранилась от него.

— Ты согласен на это?

Но он лишь применил еще большую силу, прижимая ее сильнее к себе. Таким образом, он понял, что она только создавала видимость сопротивления.

— Со многим в твоём рассказе я не согласен. Я совершенно не согласен с тем, что ты должна подвергать себя такому риску. Я даже думать не хочу о том, что ты уедешь и можешь не вернуться. Но я не такой человек, который может поставить тебе в претензию свои чувства и заставлять тебя принимать решения. По крайней мере, пока ты не закончишь работу. Поэтому я говорю тебе, что мы будем решать проблемы по мере их поступления.

Он сильнее притянул ее к груди. Спустя некоторое время она присела, все еще держась руками за его плечи, и пристально посмотрела ему в глаза. Он заметил, что они блестели от непролитых слез. Это было чем-то новеньким. Исаак еще никогда не видел Лилли плачущей или хотя бы близкой к этому состоянию. Он прижал ладонь к ее лицу, прослеживая большим пальцем линию челюсти.

— Ты в порядке?

Она улыбнулась, и слезинка сорвалась и упала на его большой палец.

— Да. Просто... очень сильно люблю тебя.

— Я тоже тебя люблю. Но не говори этого мимоходом. И запомни, никакой лжи,

Лилли. Ели ты мне не можешь чего-то рассказать, хотя бы скажи мне об этом. Но никакой лжи.

Она кивнула, и он поцеловал ее. Затем он увлек ее прилечь вместе с ним, укладывая ее голову к себе на грудь, и они спали до того момента, пока солнце не ворвалось яркими лучами в ее окно.

oOo

Лилли пошла на пробежку в своих крошечных тряпочках, когда зазвонил телефон. Исаак ответил.

— Да.

— Исаак, это Кеньён.

Это могло только обещать плохие новости. Кеньён звонил дважды за прошедшую неделю, и приносил раз за разом только плохие новости. Лоуренс Эллис действительно обращался с предложением о покупке фермы к Уиллу, прибегая то к одному средству давления, то к другому. Эллис на самом деле искал способ, чтобы создать и внедрить бизнес по поставке и изготовлению мета к его хорошо отлаженным торговым отношениям по продаже кокаина и героина. Эллис настраивал МК «Северные Всадники» вклиниться в торговлю метом в Сент-Луисе, также видя в этом для них возможность выяснить отношения с МК «Ночные всадники». Таким образом, придурок Эллис хотел привести в городок, за который был ответственен Исаак, силу и деньги, тем самым заставляя МК «Северные Всадники» наступать на пятки их МК.

Наблюдая за мрачными облаками, что надвигались на Сигнал Бенд с востока, он в срочном порядке повернул на запад, встречаясь в Джоплине с местным МК, а также братьями из Талсы. До сих пор там дела обстояли спокойно, они были более мелкими городишками, достаточно отдаленными от центров. Но Бекер из Талсы и Данди из Джоплина были наиболее заинтересованы в сотрудничестве и в том, чтобы у них в городках ничего не произошло. Исаак покидал ту встречу, зная, что он предложил этим МК больше, прежде чем просить их помощи. Потому как ситуация, что назревала, казалась намного серьезней, и поэтому даже сильным МК, которые привыкли справляться сами со своими трудностями, могло бы быть нелегко справиться с надвигающимся ураганом по отдельности.

Исаак всеми силами пытался сохранить свой маленький городок, в котором проживало несколько сотен жителей. Черт возьми, он надеялся, что Кеньён был прав, что в городе остались самые стойкие. Потому что это будет чертовски сложно — противостоять грядущим трудностям, особенно после того, что они пережили.

— Кеньён. Что-то узнал?

— Ничего хорошего, брат. К сожалению, ничего хорошего. Я вот подумываю, что мне нужен поток свежего воздуха, может, мне стоит прокатиться за город в деревню. Я думаю, что нанесу тебе завтра визит.

Кеньён еще никогда не приезжал к нему раньше. Для этого просто не было нужды. МК привозило ему лично в руки товар. Разум Исаака закрутился со скоростью света, пытаясь сделать выводы из его слов.

— Конечно. Ты хочешь, чтобы я выделил тебе место за столом?

— Незачем, Исаак. Мне просто нравится общаться с тобой.

— Значит, встретимся завтра, — и они завершили разговор. Затем он набрал Шоу и

сказал, чтобы тот собрал братьев. Они все в это время работали на своих дневных работах, но им было необходимо взять пару часов перерыва, чтобы срочно приехать на собрание. У Исаака было ощущение, что простой шторм, который нависал над их городишком, грозил перерасти в разрушительное цунами.

Он быстро принял душ, перед тем как уйти; к тому моменту, когда он был полностью одет и готов ехать, Лилли все еще не было. Она бегала чертовски долгое время — что, возможно, и обеспечивало наличие такой великолепной задницы. Он оставил записку на кухонной столешнице, объясняя ей, что ему необходимо уехать в клуб и что они увидятся позже.

oOo

Исаак прошел в клуб и осмотрел комнату. Когда он пересек главный холл, направляясь в комнату для собрания, его братья направились за ним. Шоу вышел с правой стороны, со стороны кабинета, и присоединился к Исааку.

— А где Уайетт? — он был единственным братом, которого Исаак не увидел направляющимся на собрание.

Шоу посмотрел на него, когда отошел в сторону, чтобы дать пройти Исааку первым в комнату для собрания.

— Он недоступен. Ну, ты же знаешь, он и его брат каждый год уходят в поход, они ставят палатку и рыбачат, и хер знает чем еще занимаются. Может, воют на луну? — он хохотнул. — Это все, что мне известно. Они ушли еще неделю назад, и его не будет еще примерно недели две.

«Пропал со всех радаров», — слова Лилли раздались набатом в его голове. Исаак сделал еще пару шагов по направлению к своему кожаному креслу, стоящему за черным блестящим столом, который он сделал сам, и замер на месте, когда все кусочки головоломки сложились воедино.

Уаэтт вместе со своим младшим братом, Рэем, были вне зоны доступа уже неделю. Рэй был военным ветераном. Иисусе, теперь, когда Исаак задумался об этом, он был практически точно уверен, что Рэй был пилотом. Он даже совершал пару миссий в Афганистан и вернулся обратно странным и невыносимо злым. В большинстве своем, он жил как отшельник и беспробудно пил.

Бл*дь. Бл*дь. Лилли, что, приехала убивать брата Уаэтта? Исаак даже не мог поверить, что не смог связать все воедино еще раньше. Он толком не задумывался над тем, кого собиралась убить Лилли, до этого момента он даже не задумывался о Рэе. Но Рей был частью семьи клуба. Когда она сказала, что не была заинтересована в его клубе, он поверил ей, совершенно не задумываясь, за кем именно она охотилась, и тем более, что этот кто-то может иметь отношение или быть частью семьи МК.

Ох, бл*дь, бл*дь, бл*дь. Как он мог позволить ей убить брата его брата? Что он мог сделать, чтобы остановить ее? Знала ли она все это время, что Рей имел отношение к МК?

Ни за что. Не может быть. Он отказывался верить в это. Только не это. Нет.

— През? — Шоу положил ладонь ему на плечо, и Исаак опомнился и осмотрел комнату, чтобы убедиться, все ли заняли свои места. Все братья взирали на него с выражением любопытства и беспокойства. Он прочистил горло и уселся в кресло. Но в голове стояла лишь одна мысль, что он должен был как можно скорее закончить встречу и отправиться к

Лилли, чтобы поговорить. Им было просто необходимо поговорить. Но, на данный момент, ему нужно было отодвинуть в сторону все мысли о Лилли и сосредоточиться на проблеме Лоуренса Эллиса и предстоящего визита Кеньёна Беррри.

Они не собирались за столом уже очень долгое время, приблизительно пару недель. В спокойные времена встреча за столом у них проходила раз в месяц. Братья знали, какая роль отведена каждому и какое у них было расписание. Исаак и Шоу разбирали некоторые дела вне расписания, если того требовал случай. Но спокойные времена заканчивались, и пришло время всех уведомить, что теперь встречи и срочные сборы должны будут проходить спонтанно, как того потребует случай или ситуация.

Он объяснил парням, что Эллис давил на Уилла Келлера, чтобы тот продал свою землю и ферму, а так же не забыл упомянуть отношение враждебности, что установилось между ним и Уиллом. Всем прекрасно было известно, что Уилл и Исаак были друзьями еще со школы, и все истолковали то, что Уилл отвергает помощь Исаака и не желает с ним общаться, как плохой знак.

Лэн взял слово. Он был всего на пару лет старше Исаака и Уилла, и он и Уилл играли за церковную команду по бейсболу на протяжении многих лет.

— Я съезжу к нему. Мы не общались с того момента, как я совершил сплав по реке. Я прошу у него, не хочет ли он выпить холодненького пивка и погонять шары.

Исаак кивнул.

— Лэн, очень важно, чтобы он держался. Он должен знать, что мы прикроем его спину. И он должен знать, что городу грозит серьезная угроза, и что ему не стоит расценивать все только с целью выгоды от продажи.

Исаак оглядел комнату, лица его братьев отражались в темной поверхности стола, который он сделал своими собственными руками. Древесина для стола была заказана специально по этому случаю, а так же стоила приличных денег. Он был горд своей работой — блестящая древесина была соединена идеально вместе, швов было практически незаметен, по краям стол был обит тонкой полоской из кожи. Стол окружали красные кожаные стулья. Остальная часть комнаты была заполнена байкерской хренью — сделанными из дерева и металла пластинами с трофеями, фотографиями, которые находились в замысловатых деревянных рамках и цитатах, что были вырезаны на дереве. Но стол был просто первоклассным.

Заговорил СиДжей. Он был самым старым членом на памяти МК, он хорошо помнил историю клуба.

— Кажется, что нас ждет что-то похожее на то, что происходило 1987 году.

В 1987 году Исааку было всего четырнадцать. Он знал, что происходило в том году в преимущественно из историй, но то, что близилось сейчас, даже близко не походило на ту ситуацию.

— Нет, мужик в 87-м было не больше, чем банальная война за территорию. «Ночные Всадники» сравнивали с землей МК «Пустынные Всадники». Безжалостно, но быстро. На кону стояли большие бабки, которые можно было грести у нас ковшом бульдозера. А Эллис же хочет превратить Сигнал Бенд в город, который будет находиться во власти его компании, он собирается направить мет в массовое производство. И он ищет пути, чтобы решить этот вопрос полюбовно с МК или же при помощи сил извне, чтобы устранить или подчинить нас. Это не будет банальной войной за раздел территории. Это будет, мать вашу, истребление.

В комнате воцарилась полнейшая тишина, все братья переваривали то, что им сказал

Исаак. Его слова звучали безнадежно. На самом деле, он чувствовал себя точно также. Но он был обязан дать им надежду.

— Давайте сосредоточимся на том, что нам известно и что мы можем сделать. Если мы будем оставаться сильными, мы сможем дать отпор этому мудаку. Все должно быть, как обычно, но мы должны присутствовать постоянно тут, в городе. Всегда одетые в наши жилеты. Это ответственность на наших плечах, и не должно быть никаких ожиданий, что кто-то решит за нас эту проблему. Мы должны защитить наших людей.

Хаос покачал головой.

— Мы не сможем сделать этого, пока мы работаем, — определенно, у членов клуба, которые работали на дневной работе, имелись свои сложности, но они могли попытаться справиться с этим.

— Значит, будем стараться держаться поближе к людям, и я поговорю с Доном. Есть еще кому что сказать? — за столом было тихо. — Хорошо, я узнаю больше после завтрашней встречи с Кеньёном, — Исаак ударил молотком по столу и завершил собрание, поднимаясь на ноги.

Шоу проговорил:

— Не хочешь поговорить о завтрашней встрече?

— Позже. Сначала мне нужно кое-что уладить, — Исаак попрощался с Шоу и направился прочь из клуба. Ему было необходимо увидеть Лилли, прямо сейчас.

oOo

Когда он подъехал к ее дому, Лилли направлялась к гаражу, определенно точно собираясь уехать куда-то. Она выглядела озадаченно, увидев, когда он подъехал, и озадаченно не в хорошем смысле. Он видел, как она достала телефон и проверила его на наличие его звонка; нет, он не звонил ей.

Она остановилась на месте, ожидая, пока он слезет с мотоцикла и подойдет к ней.

— Детка, нам необходимо поговорить.

— Ты не позвонил.

— Нет, не позвонил. Ты здесь, чтобы убить Рэя Хобса?

Прошное: 2010 год

— Так парни, не вынуждайте меня вас высаживать.

Голдман фыркнул.

— Эй, это он все начал, майор.

Лилли покачала головой и сделала музыку тише. Она любила во время полета на задание слушать Rancid. Эта миссия была очень важной, ей необходимо было доставить свой отряд к месту боевых действий, где перестрелка была уже в самом разгаре. Лилли доставляла на место резервный отряд военных, которых вызывали, когда численность боевиков рассчитывалась неверно, с явным перевесом в их сторону. Задание было опасным и по всей вероятности могло стать смертельным, но атмосфера в кабине вертолета была далека от серьезной. Каждый, кто находился в кабине, знал, что они направлялись в ад и могли не вернуться оттуда. Адреналин в кабине ощущался настолько насыщенным, что у него был даже свой запах и вкус. Парни были переполнены им и дурачились. Именно так тут и

обстояли дела. Когда над головами нависала смертельная опасность, солдаты в большинстве своем вели себя чуть более расслабленно, чем всегда. Они и так были серьезными достаточное количество времени в бою, поэтому немного разрядки для них было полезно. Хотя сегодня, тем не менее, стрелки, пилоты и старший командир экипажа были с головой погружены в задание.

Это не был ее отряд, не полностью — или, по крайней мере, не все были для нее своими ребятами. Из-за ранений, которые подкосили половину парней из другого отряда, пара солдат были направлены на замену личного состава, чтобы укомплектовать отряд. Трое из ее парней прямо сейчас находились в самом пекле, в перестрелке, на земле: Миллер, Окада и Скарпон.

На самом деле она думала обо всех них как о своей семье, почти обо всех, кто находился в части. Но она стала особенно близка с теми, кто постоянно летал с ней, и после того, как произошла замена личного состава, казалось, что ее отряд разлетелся на части.

Также у нее появился новый пилот. Второй пилот Мендес, с которым она летала на протяжении двух туров службы, в данный момент вышел на пенсию в связи с достижением предельного возраста и находился дома. Теперь у нее был новый старший уорент-офицер, Билл Ньювелл, который только пришел после учебы и выглядел абсолютно напуганным. Все происходящее беспокоило ее, но она постаралась оттолкнуть это чувство как можно дальше и сосредоточиться.

— Ваша музыка полный отстой, сэр! — прокричал Лопес, стараясь изо всех сил перекрыть слова песни «Time Bomb» группы Rancid и рев лопастей вертолета (Прим. Rancid — Калифорнийская панк-рок-группа, основанная в 1991 году Мэтом Фрименом и Тимом Армстронгом. Rancid стали наиболее видными представителями панк-рока 90-х, наряду с The Offspring и Green Day). Ее парни знали, что она ненавидела, когда к ней обращались «мэм», поэтому они все называли ее «сэр». Сначала это вызывало удивление у командования, но это было одобренное ей обращение.

Она рассмеялась.

— Пошел в задницу, Лопес. Ладно, я тебе позволю выбрать, раз уж ты мой гость на борту.

Его глаза расширились: она никогда не позволяла выбирать музыку.

— Тогда включите мне Angus & Julia Stone (Прим. Angus & Julia Stone — австралийский дуэт родных брата и сестры Ангуса и Джулии Стоунов. Поют в жанре блюз и фолк)!

— Господи, мать твою, ты такой предсказуемый, — она закатила глаза и поставила вместо того, что он просил, «Highway to Hell» группы AC/DC. Все мужчины отреагировали одобрительными выкриками. Ни ума, ни фантазии.

Именно в тот момент и начала барахлить система управлению циклическим шагом, и Донну сильно потрянуло, что в свою очередь вызвало левый крен (Прим. Система управления циклическим шагом — механическая система, которая передает перемещение от ручки продольно-поперечного управления на тарелку автомата перекоса несущего винта, управляя направлением полета вертолета путем изменения плоскости вращения несущего винта). Что за нахрен? Мужчины издали возгласы удивления, боковым зрением она уловила обеспокоенный взгляд Лопеса. Ньювелл выглядел напуганным до смерти, словно был готов наложить в штаны при первой возможности. Замечательно, черт побери. Гребанный новичок.

— Мы в порядке, парни. Просто Донне шлея под хвост попала, — Лилли отшутилась.

чувствуя острое желание немного успокоить парней. Затем это произошло вновь, но в этот раз вертолет повело в бок намного сильнее. Вертолет не был самолетом. Он не мог войти в зону турбулентности и затем вновь восстановить равновесие. Вертолеты сразу разбивались. Время от времени.

Лилли была спокойна. Она не была тем человеком, который сразу начинал паниковать.

— Мистер Ньюелл, возьмите ручку управления циклическим шагом. Вам понятен приказ?

Парень тяжело сглотнул и обернул свою руку вокруг рычага управления. Лилли могла видеть, как по его коже бежал пот, и она была абсолютно точно уверена, что это был холодный пот ужаса, а не тот, что появляется от жары. Господи, ЧЕРТ ВОЗЬМИ, парень казалось, прямо сейчас был готов задохнуться. Она выключила музыку.

— Эй, Ньюелл, будь спокоен. Мне просто необходимо знать, чувствуешь ли ты сопротивление в своем рычаге управления циклического шага лопастей. Если нет, то ты должен принять управление на себя, но мы все будем в прядке с тобой, управляющим моей дочкой. Донна хорошая девочка (Прим. Героиня называет Донной свой вертолет).

Ньюелл взял рычаг управления в свои руки, и Донну вновь сильно качнуло, только теперь со значительной потерей высоты. Теперь в кабине воцарилась тишина, за исключением звука двигателя. Все пристально следили за тем, что происходило снаружи.

— Это тебя потряхивает, парень, или Донну?

— Я... я не знаю, мэм. Сэр. Я думаю, что я тоже что-то чувствую.

Лилли осторожно потянулась и взяла рычаг управления циклическим шагом второго пилота в свои руки. Она почувствовала то же самое. Дело было не в системе управления, все было намного серьезней и глубже. Дело было в двигателе. Но сегодня никто не прикасался к Донне. Она связалась с командованием по рации.

Ответ от командования был кратким и четким.

— Отрицательно. Отряд на земле атакуют. Выполняйте приказ, доставьте эти войска в помощь парням.

Вместе с ней на борту вертолета было четырнадцать человек. Она вновь попыталась взять управление, но большая Донна становилась все злее и злее с каждым следующим разом. Она попыталась в последний раз вернуть контроль над вертолетом, но пара человек закричали, когда несущий винт стал двигаться рывками, а двигатель заглох.

— Не могу исполнить приказ, полковник. Донна не полетит. Я совершаю аварийную посадку.

— Ответ отрицательный, ВЫПОЛНЯТЬ, я вам сказал. Эти бойцы очень нужны прямо сейчас.

Она прекрасно и без него знала, как сильно были нужны эти войска. И она также понимала, что они потеряют их всех из-за ее невыполненного приказа. Но задание так и так было уже провалено, и она не собиралась рисковать жизнями четырнадцати парней, что находились у нее на борту.

— Простите, сэр. Механическая неисправность. Нужен новый вертолет.

oOo

Через десять минут, другой вертолет направился к месту военных действий, но они опоздали. Весь отряд был к тому времени уничтожен. Все — Окада, Скарпон, Миллер и

остальные пали в бою.

Лилли не выполнила прямой приказ. Она сделала это, чтобы спасти свой отряд, но как только вертолет коснулся взлетной площадки, она тут же была освобождена от летных обязанностей. Капитан Рей Хобсон, старший пилот, был поставлен во главе расследования, которое должно было состояться над действиями Лилли. Хобсон никогда не прекращал донимать ее — на самом деле, с недавних пор все только усугубилось. Он упустил повышение по службе в звании майора, которое вместо него получила Лилли. Хотя у Хобсона была еще возможность получить это звание в следующем году. Но если повышение вновь обошло бы его стороной, то он был бы отправлен в отставку.

Лилли прекрасно понимала, что его участие в этом деле только усложнит ее роль в этом расследовании, но ей было все равно. Она позволила целому отряду парней — ее друзей, ее братьев — погибнуть жестокой смертью, позволила боевикам подвернуть их тела осквернению. Но она сделала это, чтобы спасти другой отряд, но это не облегчало тяжести ее утраты. Но она потеряла намного больше. Она также утратила уважение полковника Корбетта. Она утратила уважение всех сослуживцев на авиационной базе. Большинство парней, которые летали с ней, понимали ее. Но не все. Некоторые были в ярости, что она не приложила больше усилий, чтобы восстановить управление и выполнить задание.

Все были допрошены. Она не знала, что парни, которые были с ней, рассказывали; она не собиралась спрашивать у них. Знала лишь одно, что со своей стороны, она была абсолютно честна. Она была тактичной в отношении Ньюелла, который совершенно ничем ей не помог в тот момент, но он был всего-навсего новичок. Она тоже дрожала, как осиновый лист на своем первом задании, а ей не предстояло лететь в зону военных действий.

Лилли отодвинула от себя документы и терпеливо ждала заключительного отчета расследования. Расследование постановило, что не было никаких механических неисправностей. Не было ничего из ряда вон выходящего. Управление циклическим шагом было в полном порядке. Все работало, как следовало. Лилли прочла отчет три раза и, не медля ни минуты, направилась к начальнику управления технического обслуживания авиации и авиационной безопасности Петтиджону, который бросил злой взгляд в ее сторону, когда она подошла к нему. Он отдал честь, и кратко кивнул.

— Мэм.

— Сэр, это точно? Никаких неполадок в циклической системе управления, никакого сопротивления сверх положенной нормы (Прим. Усилия на рычаг управления при выполнении установившихся и переходных режимов в случаях отказа двигателя, основной гидросистемы, автопилота и триммера не должны превышать более чем на 30 % рекомендуемые значения максимальных усилий. Ручка управления, педали и рычаг общего шага должны иметь ограничители своих отклонений. Ограничители ставятся непосредственно на органах управления)?

— Проверял сам лично, майор. Донна здорова, как лошадь. Никаких неполадок, — он вновь вернулся к своей бумажной работе.

Лилли даже не знала, что и думать. Она была абсолютно точно уверена, что в тот момент дала о себе знать плохая — потенциально катастрофическая — неполадка. Иначе бы она никогда не посадила вертолет и не отказалась бы выполнять прямой приказ. Она знала это. Но начальник управления технического обслуживания был тоже не дурак. Он знал свое дело. И он был с самого начала на ее стороне.

Неужели... Неужели она облажалась? И погубила парней?

Глава 13

Ошеломленная, Лилли сразу ничего не ответила Исааку. Он что, знал Хобсона? Как она могла не знать об этом? На краткий миг она хотела солгать ему, но решила все же не делать этого — в любом случае, было слишком поздно. Вопрос Исаака застиг ее врасплох, поэтому, так или иначе, она уже ответила на него своим молчанием.

Господи Иисусе, она не могла дать ему ответ на этот вопрос. Но если он знал Хобсона, бл*дь. Тогда не захочет ли он помешать ей? Она не знала, что делать. В нормальной ситуации она мгновенно находила выход из любого положения или же решение, как подстроиться под происходящее. Но сейчас ее разум просто... блуждал по лабиринтам в окружении спутанных мыслей. Не отвечая на его вопрос, она резко развернулась и стремительно направилась в сторону дома. Она не понимала, на хрена она идет туда? Не было ни малейшего шанса, что Исаак просто развернется и уедет или оставит эту тему. Она не имела никакого намерения избегать его. Но в то же время это потребовало всю силу духа, чтобы помешать ее ногам перейти на бег. Она пребывала в состоянии паники. А она никогда не паниковала. Никогда.

Конечно, она слышала, что он идет за ней, затем он схватил ее за руку, не грубо, но довольно-таки крепко. Он обошел ее и встал перед ней, беря ее за вторую руку.

— Лилли, ни за что, мать твою, я не допущу, чтобы ты спряталась от меня. Мы должны обсудить все здесь и сейчас. На этом все тайны закончатся.

И тут она начала бороться с ним. Больше, чем что-либо еще, его слова подстегнули ее панику. Она вырвала свои руки из его захвата, затем со всей силы толкнула двумя руками его в грудь. Исаак был ошеломлен, его отбросило от силы толчка на пару шагов назад. Думая воспользоваться его замешательством, она намеревалась забежать в дом и закрыться на все замки.

Ничего из того, что она сейчас делала, не имело никакого гребаного смысла. То, что она бы убежала от проблем, укрылась от них в доме, никак бы не помогло решить ситуацию. Это только бы усугубило ее. Но ее тело совершенно не прислушивалось к голосу разума. Она слышала, как он приближался к ней со спины, на удивление очень быстро, она почувствовала его движение еще до того, как он схватил ее. Она резко развернулась в его руках, и они оба рухнули на землю. Исаак приземлился на нее, намертво прижимая к земле своим мощным торсом. Они находились лицом к лицу, на земле, и оба были застигнуты врасплох произошедшим.

— Какого хрена, Лилли?

Она старалась изо всех выбраться из-под его тела, но он был упорный, сильный и, скорее всего, фунтов на сто тяжелее ее. Он схватил ее запястья и пригвоздил их к земле с двух сторон от ее головы. Яростное пламя в его взгляде служило показателем совершенно других чувств, которых он к ней обычно испытывал. Он был взбешен.

— Почему ты борешься со мной? Ты что, знала, что Хобсон связан с МК? Именно поэтому все эти гребаные секреты с твоей стороны?

Она не понимала, почему она борется с ним. Но больше всего она не понимала, почему она не может прекратить делать это, даже не смотря на эти мысли, она все равно пыталась освободиться от его хватки. Сосредоточившись на своем сопротивлении, она оставила без ответа его вопрос. Одним рывком он поднял ее руки вверх и перехватил их одной своей рукой, удерживая в ладони ее запястья, другой рукой он крепко стиснул пятерней ее

челюсть. Она могла чувствовать злое напряжение, которое исходило от его пальцев, которые до боли впивались в ее щеки.

— Черт побери, Лилли. Поговори со мной. Ответь мне, ты знала?

— Нет, я не знала этого!

В тот же миг его грубая хватка покинула ее лицо, и затем он отпустил ее руки. Вот так просто он поверил ей. Она толкнула его плечи ладонями, но он не предпринял никаких действий, чтобы подняться с нее.

— Бл*дь, Спорти. Нам необходимо поговорить. Ты же понимаешь это, так?

Знакомое давление тела Исаака на ее тело начало успокаивать ее, и разум Лилли вновь заработал. Она могла чувствовать острый приступ паники, но понимала, что сама подпитывает это чувство. Она была в ужасе, но от убежденности в его голосе немного расслабилась. Лилли сделала вдох настолько глубокий, насколько могла, с учетом, что тело Исаака создавало давление на ее грудную клетку, и кивнула.

— Да. Хорошо. Ты прав.

— Точно?

— Да.

Он поднялся на колени, затем на ноги и подал ей руку. Она сжала ее, и он в тот же миг потянул ее вверх и крепко прижал к своей груди, заключая в свои крепкие объятия. Удивленная, она не обняла его в ответ, но она могла чувствовать спокойствие, что исходило волнами от его тела. Отвечая ему своим более спокойным состоянием, она принудила свое тело расслабиться и сжала в ладонях его жилетку. Она схватилась за нее так отчаянно, словно он был единственным спасением в этом наступающем урагане, грозящем уничтожить все, что они успели создать.

Он оставил поцелуй на ее виске.

— И больше никаких секретов и лжи, детка. Пришло время выложить все карты на стол. И пошел в задницу весь риск. Кажется, наши жизненные пути вновь переплелись. Так давай же попробуем их распутать так, чтобы мы не боялись и не ждали удара со стороны друг друга.

Разум Лилли заработал с отчаянной скоростью, пытаясь вникнуть в его слова и восстановиться после ужасающей паники. Если Хобсон был одним из братьев Исаака, значило ли это, что все грозило обернуться чертовой катастрофой. Он был прав. Все между ними должно быть разрешено. Ее голова все еще прижималась к его груди, лицо было спрятано в его жилетку, комфорт убаюкивал ее, и она кивнула.

— Вот так, это моя девочка, — он отстранился от нее и поднял ее голову. Глаза Лилли встретились с его, и он попался в ловушку этого взгляда так же крепко, как ранее он сжимал ее руки. Однако его взгляд был теплым, настолько теплым, что, выпустив ее, он как будто снял все цепи, сковавшие ей мышцы. — Я тебя люблю, не смотря ни на что, так что просто давай все решим.

Она кивнула вновь и взяла его за руку. Пришло время сесть и поговорить.

Когда они прошли в дом, она сразу же направилась на кухню и достала из холодильника для каждого по бутылке пива. Затем взглянула на часы с цифровым табло — оно показывало 12:15 дня. Нормально. Она хотела выпить вместо пива текилы, но голос разума подсказывал, что напиться сейчас было не самой хорошей идеей и, определенно, не улучшило бы ситуации. По крайней мере, пока.

Когда она прошла в гостиную, Исаак уже сидел на диване, его жилетка была снята и

аккуратно висела на спинке кресла. Он расположился в углу дивана, а его рука покоилась на его спинке. Лилли передала ему пиво и села рядом лицом к нему, скидывая свои ботинки и подбирая под себя ногу.

Он сделал длинный глоток из бутылки и проговорил:

— Скажи мне, почему ты охотишься за Реем.

— Не сейчас, — она покачала головой.

Жесткость мелькнула в глазах Исаака, он было открыл рот, чтобы протестовать, но она подняла руку.

— Ты первый, просто я уверена, что моя история длиннее. Он один из членов МК?

— Он не член МК. Он брат члена МК. Уаетта. Я думаю, ты с ним еще не знакома.

— Ты знаешь, где он сейчас находится?

— Точно нет. Я знаю, куда он отправился и когда вернется. Но ты не узнаешь этого, пока не расскажешь мне свою историю. Рассказывай, Спорти.

Что Лилли слышала прежде всего, то, что Хобсон был все еще в пределах этой местности. Она не должна была покидать Сигнал Бенд. Это так сильно облегчило тяжесть на ее сердце, что она практически на секунду забыла, что ее целью было убить ублюдка, и что она сейчас сильно приблизилась к выполнению плана. Но что она будет делать, если Исаак и его МК станут у нее на пути?

Нужно сосредоточиться на одной проблеме за раз. Она рассказала Исааку историю того дня, когда она не повиновалась прямому приказу и из-за этого была уничтожена целая команда, и что потом вину за произошедшее повесили на нее.

Он не перебивал ее, а она не останавливалась, пока вся история не была рассказана. Пиво в ее руке стало теплым. Она рассказала ему все именно так, как рассказала полковнику Корбетту в тот день, когда это произошло, так же, как она доложила это апелляционной комиссии, которой было поручено освободить ее от занимаемой должности, позволяя ей сохранить право на почетную отставку с сохранением звания, только для того, чтобы скрыть произошедшее. Они не желали, чтобы СМИ пронюхали о том, что опытный боевой пилот потерял самообладание в разгаре сложного задания и ослушался приказа, по причине чего погибла вся команда.

Она рассказала это спокойно, без тени эмоций на красивом лице. Ей пришлось сделать это. Эмоции были слишком сильными, даже сейчас было опасно выпускать их из-под контроля.

Когда она зашла далеко в своем рассказе, то остановилась и осушила бутылку с теплым пивом. Она знала, что рассказала не все, но оставшуюся информацию она не рассказывала никому, кто не был частью команды в их задании. И сейчас она собиралась нарушить данное себе обещание.

Исаак заговорил во время ее молчаливой паузы.

— Господи, Лилли. Это просто ужасно. Но я не могу понять, почему ты охотишься за Хобсом.

— Потому что он что-то сделал с моей Донной. Именно поэтому погибла вся моя команда. И он ушел от правосудия.

Исаак замер, глядя во все глаза на Лилли. Как бы она хотела знать его мысли в этот момент.

— Это очень серьезное обвинение. Тебе лучше бы знать, что произошло на самом деле, прежде чем бросаться такими обвинениями.

— Я знаю, что это правда, в этом-то все и дело, — она поднялась на ноги. — Пошло на хер это пиво. Мне нужно выпить текилы. Тебе налить? — Исаак медленно кивнул, она взяла две их пустые бутылки и направилась на кухню, чтобы налить им пару бокалов текилы Patrón. Когда она вернулась обратно, то передала ему бокал и села на то же место, где и сидела до этого. Исаак не сдвинулся со своего места.

После того, как сделала глоток обжигающего напитка, она вновь продолжила рассказ.

— Лопес, мой старший командир экипажа, рассказал мне, что он видел, как Хобсон крутился вокруг моего вертолета незадолго до задания. Он сказал, что упомянул об этом в своих свидетельских показаниях, но у Хобсона, скорее всего, нашлось какое-то веское оправдание, почему он это сделал, только так можно объяснить, почему этому не придали значения. Но спустя пару месяцев с момента моей отставки и жизни на гражданке, Лопес связался со мной. Это было прежде, чем я начала работать там, где работаю сейчас, поэтому связаться со мной было не так уж и сложно. Он только что сменился, а Хобсон пришел с вечеринки и признался ему, что вывел из строя двигатель, а затем починил его перед тем, как начальник управления технического обслуживания авиации и авиационной безопасности пришел проверять его. Было легко все исправить. Потому что он знал, что будет отвечать за расследование, он был страшим пилотом после меня, поэтому он был ОК.

В первый раз за весь рассказ Исаак прервал ее.

— ОК?

— Ответственный капитан. Чертовски идеальное преступление. Он был ответственен за расследование, отвечал за рапорты.

— Почему тогда Лопес не доложил, что Рей сказал ему это?

Их бокалы были пусты. Лилли поднялась, принесла текилу из кухни и наполнила их бокалы вновь.

— Пьяные признания о секретном деле? Признание, которое бы разбило на части авиационную часть? Тогда они пришли бы по задницу Лопеса. Он сделал правильно. Единственный способ восстановить правосудие — сделать это неофициально.

— Лилли, ты мне сейчас говоришь о том, что Рей позволил умереть целому отряду парней только потому, что ты не нравилась ему. Это за пределами моего понимания, что-то совершенно сумасшедшее. Я знаю этого человека.

— Я не думаю, что он полагал, что задание обернется такой катастрофой, когда он что-то сделал с Донной. Я даже не знаю, хотел ли он намеренно так охрененно разрушить мою карьеру. Все, что мне известно, он просто сводил со мной счеты. Это было его любимым занятием в прошлом. Но это уже не имеет никакого значения. Сейчас единственное, что имеет значение, что он повинен в смерти парней, — когда история была рассказана, она пришла к кое-какому выводу.

— Ты что пытаешься мне сказать, что ты не веришь мне?

Он без колебания ответил.

— Это не то, что я пытаюсь сказать. Я пытаюсь понять то, что ты рассказала мне. Мне нужно собрать все кусочки истории воедино.

— Нет, тебе не нужно делать этого. Это тебя не касается.

— А вот тут ты ошибаешься, Лилли. Ты мне рассказала о человеке, которого я знаю большую часть своей жизни, ты охотишься за ним. Это брат моего брата. Друг нашего клуба. Детка, он под защитой клуба. Ты понимаешь, что я тебе хочу сказать?

Она думала, что поняла, что именно он хотел сказать, и это понимание разбило ее

сердце. Она поднялась на ноги и взяла его пустой бокал.

— Ты говоришь, что сейчас ты мой враг, Исаак.

Она развернулась и направилась на кухню, где поставила пустые бокалы в раковину.

Затем он внезапно оказался позади нее, его ладонь легла на ее плечо и резко развернула ее к нему.

— Нет, ты неправильно поняла. Я не твой враг. Это последнее, кем хочу быть для тебя. Но мне нужно рассказать обо всем братьям в клубе.

Он легко поднял ее и усадил кухонную столешницу, прежде чем у нее появился бы шанс что-то возразить ему.

Текила обратила ее злость и печаль в своеобразный жар, она даже могла ощущать, как руки тряслись, переполненные им. Ей было необходимо, чтобы Исаак убрался отсюда.

— Значит, мы враги. Ты дал обещание молчать, и ты не можешь нарушить его. Или мне придется убить тебя до того, как ты сделаешь это. Под угрозой не только я.

Он обернул свою руку вокруг ее хвоста, пока его кулак не стал ощущаться у ее затылка. Она предприняла попытку нанести ему удар кулаком, но он перехватил его своей большой ладонью.

— Лилли, вся проблема в том, что ты слишком самоуверенна и берешь на себя то, что иногда не в силах выполнить. Ты должна мне доверять. Ты должна позволить мне попытаться решить эту проблему. Если ты убьешь Рея в то время, пока он находится под нашей защитой, то МК убьет тебя за это. И я не смогу тебе помочь или остановить это, потому что меня убьют следом. Это негласное правило. Позволь мне попытаться решить это. Позволь мне помочь тебе.

Исаак тяжело дышал, его лицо находилось в паре миллиметрах от ее; Лилли могла чувствовать его горячее дыхание у своей щеки и уха. Она была разъярена, но в тоже время была влажной и практически извивалась от желания. Она попыталась оттолкнуть его свободной рукой, чтобы немного увеличить расстояние между ними, чтобы иметь возможность пнуть его, но он почувствовал, что она хотела сделать, и резко отвел ногу в сторону, при этом она оказалась в позе с широко разведенными ногами и его бедрами, что находились на одном уровне с ее. Ох, бл*дь. Он жестко потянул ее за волосы, принуждая запрокинуть голову назад, следом он прижался своими губами к ее горлу, втягивая в рот кожу на шее и жестко посасывая. Задыхаясь, она подалась всем телом вперед, не уверенная в том, что именно она пыталась сделать этим движением — то ли оттолкнуть его, то ли прижаться к нему всем телом, ведомая желанием. Она пыталась вспомнить, что он угрожал погубить все ее планы, что грозился подвергнуть риску людей, что ввязались это и рисковали своими жизнями, но его запах... Ощущение его ног, обернутых грубой джинсовой тканью у ее обнаженных ног, его рук, что так жестко удерживали ее... и всему виной гребаная текила.

— Отвали от меня.

Она знала, что Исаак не поддавался так быстро влиянию алкоголя, как она. Лилли множество раз видела тому доказательство. Но что-то с ним происходило. Его взгляд практически опалял ее.

— Борись со мной

— Что?

— Я хочу, чтобы ты боролась со мной. Да ладно, Спорти. Ты пытаешься меня ударить еще с того момента, как я пришел сюда. Поэтому борись со мной.

Проблемы между ними не были решены. Они оба в большой заднице. Все, что у них получилось построить между собой, было под угрозой. Черт побери, скорее всего, к настоящему моменту все было кончено. Был велик риск того, что один из них мог убить другого в скором времени. А он хотел жестко потрахаться? Что за фигня?

Лилли могла чувствовать его твердый стояк у своей промежности. Ее сердце стучало так сильно, что отдавалось даже в голове, а киска была влажной под тканью шорт.

Она его ударила головой.

— Иисус! — она отшатнулась назад, он отпустил из захвата ее кулак и схватился рукой за свой лоб. Но вторая его рука все еще была крепко обернута вокруг ее хвостика. При помощи крепкой хватки вокруг него, он с силой развернул ее голову, но она нанесла ему удар рукой по щеке. Это заставило его полностью отпустить ее, и Лилли прыгнула с кухонной столешницы и побежала к выходу из кухни.

Но, не смотря на ее усилия, он настиг ее и потянулся к ее руке, в свою очередь она увернулась от него. Она заметила, что Исаак не пытался ударить ее, он старался просто удержать ее. И это дало ответ на ее вопрос, был ли это бой или же жесткая прелюдия. Она приспособила свои оборонительные удары под его выпады, игнорируя открытую возможность, которая была у нее для удара. Он попытался вновь схватить ее за руку, и она позволила ему. Он тут же завел ее руку за спину и притянул ее крепко к своей груди. Когда он обрушился в поцелуе на ее рот, Лилли прикусила его губу, пуская кровь.

— Ах! Черт! — взревел он, проводя языком по своей губе. Он потянулся к ее свободной руке, но она вновь развернулась, ускользая от него, вырываясь из его хватки. Она отходила назад, в то время как он наступал на нее. Яростная усмешка растянулась на его губах. — Ты маленькая бешеная сучка, тебе известно это? Я трахну тебя так, что ты не сможешь ходить до следующей недели.

Он схватил ее руку вновь, но теперь развернул ее так, чтобы она стояла спиной к нему. Она из-за всех сил старалась развернуться, но он схватил ее вторую руку тоже. Он хорошо узнал, насколько она была гибкой, за те недели, что они провели вместе, поэтому он завел обе руки ей за спину, удерживая за запястья своей большой ладонью, сжатой в кулак. Затем он толкнул ее к спинке дивана. Свободной рукой он стянул по ее ногам эластичные шорты и нижнее белье до щиколоток. Его грубые пальцы скользнули сзади к ней между ног, резко проникая в ее лоно.

— Господи Иисусе, малышка. Ты всегда такая влажная для меня. Я без ума от того, что тебе нравится грубый и жесткий секс.

Желая получить больше от него, она вновь начала вырываться из его хватки, но он лишь только поднял ее руки, что удерживал за спиной, чуть выше, тем самым затрудняя движения и пресекая ее попытки к сопротивлению.

— Нет, теперь тебе придется подождать, Спорти. Я не закончил с твоей прелестной киской.

Его пальцы прикоснулись к ее клитору. Он жестко потирал его, практически грубыми прерывистыми движениями, стараясь свести ее с ума. Хотя она и продолжала сражение, но чем больше она боролась, тем сильнее возрастала ее потребность. Его довольный смех показал, что он точно понял, что именно происходит, и к тому же его способность настолько легко понимать ее увеличила возбуждение. Черт возьми. Она почти сразу кончила. Лилли издала плач:

— Господи, да! Бл*дь, Исаак, да!

Когда он убрал свои пальцы, она могла слышать, как он расстегивал ремень одной рукой и следом стягивал джинсы. Несмотря на видимые неудобства, он не опустил ее руки и не ослабил силу, с которой удерживал ее запястья. Ее руки практически онемели от того, настолько сильно Исаак удерживал ее, но ей не было до этого дела. Она хотела, чтобы ее оттрахали, жестко и прямо сейчас. Наиболее сильно ее волновало, как он раскатает по члену презерватив одной рукой. Она повернула голову.

— Презерватив?

Склоняясь над ней, наваливаясь на мгновение своим телом на ее, он горячо прошептал ей на ухо:

— Для этого не понадобится.

Он приподнялся и проник рукой вновь между ее ног, вошел жестко в нее двумя пальцами и затем провел влажными пальцами, распределяя влагу между ее ягодиц, уделяя особое внимание тугому колечку мышц. Когда он проник в него пальцами — по крайней мере, двумя — решительно преодолевая напряженные мышцы ануса, она задохнулась, но все таки толкнулась, насаживаясь сильнее на его пальцы. Лилли испытала настолько острое удовольствие, что подстегнуло в ней желание к освобождению, что ей казалось, что неудовлетворенная потребность может практически стать ее гибелью.

Он вновь склонился над ней, его пальцы толкались и чуть сгибались в ней, и прошептал ей на ухо.

— Тебе нравится это, детка? Хочешь, чтобы я трахнул твою задницу?

— Да! Бл*дь! Пожалуйста, Исаак, мне нужно кончить!

Она вновь толкнулась на его пальцах, пытаясь получить достаточно стимуляции, чтобы кончить. Затем его пальцы вновь вышли из нее, и его член вошел в ее жаждущее ласк лоно. Он толкнулся пару раз — больше входить в нее было слишком рискованно, тем более, когда он находился внутри ее восхитительной киски без презерватива. Она пребывала в состоянии безумия, миллиметры или миллисекунды или любое другое измерение отделяло ее от освобождения, и даже если бы Лилли собралась с силами, чтобы сказать ему «нет», она не смогла бы остановить приближающийся оргазм. Затем он скользнул, преодолевая сопротивление мышц, в ее задницу. Он не действовал медленно на этот раз; теперь он действовал решительно и напористо, это было резко и немного больно. Она вскрикнула. И затем кончила, все ее тело, и даже голос, пульсировали от сильного оргазма. А он даже еще не начал двигаться в ней.

До нее донесся его шепот:

— О, Господи, детка. Господи, какая же узкая. Господи.

Но он не кончил. Когда на нее нахлынуло освобождение, он стремительно вышел из нее все еще абсолютно твердый, заставляя ее кричать вновь от боли и удовольствия.

Исаак отпустил ее запястья и взял Лилли на руки, направляясь вместе с ней в его руках вниз по коридору в спальню. Он положил ее на кровать и накрыл ее тело своим, захватывая ее рот в яростном, глубоком поцелуе. Она отвечала на его поцелуй так же отчаянно, наслаждаясь привкусом крови, что сочилась из его губы, где она прикусила ее. Он издал рычание и стал на колени, доставая презерватив из своего бумажника. Ее шорты и нижнее белье остались в гостиной, поэтому она лежала с широко разведенными ногами и терпеливо ждала его проникновения.

Когда он раскатал презерватив по члену, то погрузился быстро в ее лоно, во всю длину, от чего ее спина приподнялась над кроватью от ощущения наполненности в ее теле. Все ее

тело застыло от потрясения в этом положении, и она ахнула, когда киска растянулась, приспособливаясь к вторжению. Черт возьми, она никогда не чувствовала ничего похожего ни с кем.

Его глаза были пристально сосредоточены на ней.

— Трахать тебя не похоже ни на что остальное, что было в моей жизни. Тыходишь мне так, словно Господь специально создал тебя под меня. Я могу чувствовать тебя везде.

Он брал ее грубо, яростно врезаясь внутрь, потом поднял ее футболку и бюстгальтер вверх, обнажая грудь. Исаак вновь встал на колени, подтягивая ее за собой и практически усаживая к себе на колени из лежачего положения, в котором она находилась, и стал ласкать ее соски, как ей нравилось. Он еще с первого их раза знал, как ей именно нравится. Жесткое давление. Он потягивал и награждал возбужденные вершинки щипками до того момента, пока она не начала дублировать его движения, чувствуя, как нарастает еще одна волна желания. Даже грубость и дискомфорт увеличивали ее возбуждение, подталкивая к кульминации так, как она никогда не чувствовала раньше. Он не касался ее клитора, стимуляция шла только от его жесткой эрекции.

— Пососи его, Исаак. Я хочу твой рот.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Он издал рычание и сгреб ее в свои объятия. Она изогнулась в его руках, предоставляя ему доступ к своей роскошной груди, и его рот сомкнулся на соске, наслаждая им, словно голодный ребенок. Он облизывал ее сосок, языком вычерчивая на нем круги. Каждое его влажное прикосновение увеличивало жар внутри нее, все больше увлажняя складочки ее киски.

— Сильнее, жестче. Вот так, да, да! Бл*дь, да! — она подавалась своими бедрами к нему, насаживаясь на его член так глубоко, как только это было возможно, сжимая его внутренними мышцами так сильно, как только это было возможно, продолжая увеличивать свою силу движений. Воздух сгустился, пока она не стала вскрикивать с каждым проникновением его члена; каждый жесткий толчок, потрясающий и глубокий, удерживал ее балансирующей на самом краю. Он издал пронзительный стон, притягивая ее к себе, как можно ближе, когда его зубы сомкнулись, беспощадно захватывая ее сосок, она кончила. Ощущение его пульсирующего члена внутри ее лона и его зубы, что так искусно терзали ее сосок и заставили кончить — все это было для нее сверх того, что она могла вынести, поэтому глубоко впиалась ногтями в его плечи.

Когда они, наконец, могли расслабиться, Исаак бережно опустил ее тело на кровать и вышел из нее. Он поднялся с кровати и избавился от презерватива. Затем он разделся — на его ногах все еще были обуты ботинки — и вернулся к ней в кровать. Он помог ей снять футболку и бюстгальтер и притянул ее тело к себе, прижимая ее спину к своим твердым мышцам груди.

Устроившись поудобнее на кровати, они наслаждались объятиями друг друга. Лилли чувствовала себя намного спокойнее, чем (как она полагала) будет себя чувствовать после разговора, что у них состоялся, хотя, по сути, они все еще находились в середине его.

Затем, совершенно внезапно, Исаак проговорил:

— Я приведу тебя в клуб, — его голос согревал. Он провел своей широкой ладонью от ее груди вниз по животу; его движения были медленными и осторожными, словно он гладил кошку. — Ты и я обсудим все с Шоудауном. Он мой брат, и ему я доверяю больше всех; он единственный человек, с которым я советуюсь. Нам нужно мнение человека, который не так

сильно в этом всем увяз, нужно его видение со стороны. Потому что, Лилли, говори, что хочешь, сопротивляйся из последних сил, но, мать твою, не я не собираюсь потерять тебя. Мы найдем выход из этой ситуации. Мне нужно, чтобы ты мне доверяла, детка.

Лилли была измотана. Она знала, что ей не следует. Все ее обучение, ее преданность, все это показывало ей, что это был глупым решением — говорить еще кому-то, а тем более кому-то из его МК. Самый большой риск ее операции состоял в том, что мог узнать кто-нибудь еще. И каждый раз он увеличивался с каждым новым человеком. Что ей следовало бы сделать — уничтожить угрозу, убить и вычеркнуть все из памяти.

Что же она будет делать с тем, что ей предложил Исаак? Она так отчаянно желала этого мужчину, и не только в сексуальном плане. Если существовал вариант, что она могла сохранить его, значит, она пойдет на этот осознанный риск. Она послала безмолвную молитву, обращенную Господу, в которого она прекратила верить с того момента, как похоронила отца, спрашивая у него, права ли она в своем решении, не пострадают ли из-за ее любви другие люди.

Она развернулась к нему, у его груди, чтобы она могла видеть его лицо — его восхитительное лицо, которое она так сильно обожала, с этими пронзительными зелеными глазами. Она провела пальцем по его шраму на щеке.

— Хорошо. Но тогда хотя бы скажи мне, где он.

— Уаэтт и Рей отправились в самую глубь леса в поход. Поэтому он вне зоны доступа, но он вернется через пару недель. Тебе не нужно никуда уезжать. Он все еще тут.

Глава 14

Исаак припарковался перед клубом, и Лилли вместе с ним слезла с байка. Черт возьми, он обожал ездить с ней, обернутой вокруг него, крепко прижимающейся к его спине сзади. Даже несмотря на все происходящее дерьмо, все, чего он хотел на самом деле, так это затащить ее в ближайшую комнату и оттрахать до потери сознания. Вновь. Но он не мог, конечно же. Те проблемы, что заключили их в тиски, больше нельзя было откладывать. Но, когда она сняла шлем, который теперь принадлежал ей, и провела ладонью по хвосту, чтобы пригладить чуть взъерошенные волосы, он не смог противиться искушению притянуть ее к своему телу и целовать до тех пор, пока он не ощутил, что практически душил ее в своих объятиях.

Ему необходимо было разобраться с этим. Ему необходимо было найти способ расчистить дорогу для Лилли, чтобы она сделала то, что планировала сделать. Он верил в ее историю. Что он точно знал насчет нее, так это то, что она была честна с ним. Даже тогда, когда что-то держала в тайне, она стремилась изо всех сил быть с ним честной. Поэтому он даже не подвергал сомнениям ее слова; то, что сделал Рей, было ужасно. Исаак хотел, чтобы он поплатился своей жизнью за то, что он сотворил с Лилли. Ему не нужно было никакого другого повода, кроме этого. Но мог ли отряд погибших солдат убедить МК стать на сторону Лилли. Повернуться спиной к одному из своих братьев? А Уайетт? Уайетт никогда бы не отказался от Рэя.

Уайетт был самым старшим из братьев. Они росли в строгой атмосфере, с жестоким отцом и слабой матерью. В той же атмосфере, что царила дома у Исаака и еще во множестве домов в этой части штата. Деревенская жизнь могла быть жестокой и суровой. Мужчины работали до того момента, пока они не чувствовали крайнюю усталость и не были покрыты с головы до ног потом. Затем они напивались в стельку и думали о том, как они сделают то

же самое на следующий день. Потом они отправлялись домой озлобленные и снедаемые грузом множества проблем.

Но было различие между Рэем и Уайеттом. Рэй не мог держаться подальше от отца. Он, казалось, никогда не мог держаться подальше от надвигающихся проблем или же просто залечь на дно, чтобы переждать грядущую бурю. Иногда складывалось ощущение, что Рэй специально провоцировал отца. И тогда Уайетт, не раздумывая, вступался за брата и принимал весь удар на себя. Ему была предложена студенческая стипендия по футболу от университета штата Небраска, но он не мог оставить Рэя одного, поэтому он отказался от нее. Он остался со своим братом. Рэй же пошел в университет и затем поступил на службу подготовки офицеров резерва.

Уайетт работал на семейной ферме со своим отцом и жил в небольшом коттедже, который он построил своими руками на том же участке, что и их ферма. Его коттедж располагался недалеко от главного дома, в котором он вырос. Рэй находился на службе на протяжении шестнадцати лет, но вернулся домой как раз год назад или что-то около того. Он перебрался в ветхую хижину, которая находилась на расстоянии пары городов, и жил там, преимущественно сам по себе, перебиваясь случайными заработками и, по большому счету, позволяя Уайету заботиться о себе. Они виделись, когда тот доставлял ему продукты или вещи, которые могли понадобиться Рею. Исаак видел брата Уайетта всего пару раз, когда он приводил его на вечера пятницы, чтобы заставить того развеяться и повеселиться. Но Рэй вел всегда себя очень странно и большую часть времени был каким-то дерганным. Все полагали, что он был таким, потому что что-то произошло на войне. Но теперь Исааку была известна точная причина странного поведения Рея.

Он взял Лилли за руку и повел к двери. Почти все были там; рабочие смены как раз закончились, и все братья собирались в это время, чтобы пропустить по паре стаканчиков, по крайней мере, до того, пока у тех, у кого имелись семьи, не направлялись домой. Таким образом, Исааку было заранее известно, что он наделает шуму. Большинство часть братьев уже знали Лилли и видели ее с Исааком, но прошло, по крайней мере, лет пятнадцать с того момента, когда он приходил в клуб с женщиной. Он поднес ее руку к своему рту и оставил поцелуй на ее костяшках. Она улыбнулась Исааку.

— Все будет в порядке, Спорти. Мы все уладим.

Она сухо хмыкнула, это вышло совсем не похоже на смешок.

— Так или иначе, конечно же, уладим.

Нет. Ни за что. Никаких «так или иначе». Был только один способ. С братьями на ее стороне. Он не собирается терять ее. Он никогда и не помышлял о том, что встретит свою любовь, он никогда не помышлял, что вообще способен любить так отчаянно. Но у него было это сейчас; эта любовь, эта нерушимая связь с другой душой, и он сделал бы все, чтобы не упустить этого. Черт побери, нет. Он ни за что не предаст ее.

Но он также не мог предать и свой клуб. Этих парней, их семьи, его город — они все были под его ответственностью, а он бы никогда не предал то, что вверено ему. Поэтому тут был только один выход. Клуб должен был поверить ей, невзирая ни на что, и они должны были прийти к согласию, что Рэй должен умереть. Он сделает все, он приложит все усилия, чтобы сделать это.

Он подал Лилли руку, крепко стискивая ее в своей большой ладони, и открыл дверь клуба.

Когда он вошел, головы братьев, как обычно повернулись в его сторону, чтобы таким

образом поприветствовать своего президента. Но когда они увидели Лилли, в комнате воцарилась тишина. Братья, сучки и хэнгараунды, все в комнате замолчали, наблюдая, как Исаак входит в комнату. Он повернулся, чтобы посмотреть на Лилли, но она легко улыбалась, выглядя уверенно. Но, несмотря на это, она держала его за руку крепче, чем обычно. Он стиснул ее руку в ответ и решил, что они не приступят сразу же к решению проблем. Шоудаун был у бара, поэтому Исаак повел Лилли туда. Братья, уже знакомые с ней, приветствовали ее кивками или же просто поднимали в знак приветствия свои стаканы и бутылки с алкоголем. Медленно люди в комнате вернулись к тому, чем они занимались.

Ровер был за баром. Когда его не было там, парни сами брали и разливали себе по стаканам все, что им было нужно. Но Ровер знал, что должен был разливать и подавать выпивку, когда находился в комнате. Сейчас, он сразу же подошел к Исааку.

— Нам пару бутылок Буда, Ров, — Ровер коротко кивнул и повернулся к холодильнику бара. Все еще держа Лилли за руку, Исаак приблизился к Шоу.

— После того, как выпьем, нам нужно поговорить, — Шоу посмотрел на него недоуменным взглядом, но кивнул и сделал глоток своего пива. Ровер принес их пиво; когда Лилли взяла свое с сияющей улыбкой и мягко проговорила спасибо, она повернулась, чтобы прислониться спиной к бару. Исаак наблюдал за ней с того момента, как она вошла в комнату. На ее лице засияло выражение восторга, когда ее глаза были сосредоточены на дальнем углу комнаты. Он понял, на что она смотрела, и повернулся сам, чтобы взглянуть на то, что так очаровало ее.

По большому счету, эта комната выглядела, как огромная комната отдыха, где болталась кучка неотесанных парней. Барная стойка, которая была огромной, уродливой штукой, с боков обитая ярко оранжевой искусственной кожей (за это уродство Исаак никаким образом не нес ответственности — бар стоял тут уже на протяжении десятилетий) и барные стулья, обитые такой же оранжевой искусственной кожей; также там находился бильярдный стол внушительных размеров, покрытый голубым сукном; пара автоматов с аркадными видео-играми и старый автомат для игры в пинбол; пара больших кожаных диванов и ряды стульев перед восьмидесяти дюймовым телевизором, что висел на стене; четыре стола и стулья. Стену украшали пивные знаки с подсветкой, плакаты и постеры байков, сексуальных девушек в стиле пин-ап, а так же огромная доска объявлений, которая была усыпана снимками и рядом заключенных в рамку свидетельств и табличек с городскими благодарностями. Стены были отделаны недорогими панелями, бетонный пол покрывал ободраный, потертый от времени линолеум. Все было прилично подзатасканным, не было ничего примечательно, что могло бы привлечь ее внимание (Прим. Аркады — это монетные игровые автоматы, которые зачастую устанавливаются в публичных заведениях, в ресторанах, барах, а чаще всего в залах игровых автоматов).

Но в углу комнаты находилась шахматы, для которых доской служила поверхность стола. Пешки были пять дюймов в высоту. Короли и королевы, самые большие фигуры, по десять дюймов каждая. Игра была в процессе на шахматной доске. Исаак мог сказать, что Лилли догадалась, что этот шахматный набор сделал он. Ему было приятно увидеть ее замороженное восхищение; он был горд своей работой.

Шахматы среди его работ были теми, что приносили ему настоящие деньги. В зависимости от дерева, которое он использовал и как вырезал, какую форму им предавал, в итоге, он мог получить тысячи долларов за шахматы, на создание которых он тратил пару дней времени и менее ста баксов расходовал на материал. Он как-то делал специальный

заказ, который потребовал от него неделю на выполнение, и затем принес ему две тысячи чистого дохода. Но то, на что в данный момент так заворожено, смотрела Лилли, было, ни чем иным, как работой для души. Исаак думал об этом, как об искусстве. Фигуры были выполнены в абстрактном стиле, и на доске не было даже двух похожих фигур, все были отличными, даже пешки. Дерево, что было выбрано для работы, намеренно подобранно с зернистой текстурой, затем зашлифовано, а также Исаак потратил кучу времени, чтобы подобрать правильную текстуру древесины для каждой отдельной фигуры. Он делал этот набор много месяцев, когда у него было время возиться в своей мастерской. Это было чем-то вроде терапии, которая началась сразу же после смерти его отца, когда он возглавил стол на собрании и взял на себя обязанности президента.

Лилли развернулась к нему

— Иисус, Исаак. Это потрясающе. Могу я... — выражение лица Лилли явно говорило о том, как она хочет рассмотреть это поближе.

— Конечно, но игра находится в процессе, так что будет хорошо, если ты оставишь фигуры на своих местах. Он пошел вместе с ней, когда она направилась к столу, пересекая комнату.

— Кто играет? Ты? — она провела кончиками пальцев по белой королеве, которая была сделана из идеального куска канадской ели.

— Я уже говорил тебе, что шахматы — моя игра. Шоу и я играем много времени. Ни у кого из этих придурков не хватит мозгов для игры в шахматы, — он проговорил эти слова намеренно громко, чтобы все, кто находился в комнате, слышали его, он так говорил всегда, когда хотел укорить их. Многие из парней были достаточно умны, как он полагал, но в большинстве своем они были теми парнями, кто предпочитал шумные игры и алкоголь. Покер был их игрой. И они все знали, что нужно держать свои руки подальше от игровой доски.

Исаак встал позади Лилли и положил свободную ладонь ей на бедро. Он оставил поцелуй у основания шеи, и она прильнула к его телу. Он прекрасно знал, что люди в комнате видели это. Он не прикасался к ней таким образом ранее, и теперь был рад показаться всем. Он проложил неспешную дорожку из поцелуев вверх по ее шее, и она склонила голову набок, чтобы предоставить ему лучший доступ. Когда он достиг ее уха, то прошептал:

— Ты играешь?

Она подалась навстречу его поцелую, ее голова откинулась на его плечо.

— Я знаю, как ходят фигуры, но нет, по-настоящему никогда не играла.

— Тебе следовало бы, Спорти. Ты была бы хороша в этом. Твой разум работает соответствующе этой игре, — дерьмо, касающееся Рэя, вновь завладело его мыслями, он прижал губы к ее виску. — Пойдем, давай поговорим с Шоу, — он поднес бутылку к губам и осушил ее, затем взял ее за руку и повел обратно. Он кивком указал Шоу на кабинет, тот поднес бутылку пива к губам и поднялся с барного стула, последовав за ними.

Когда они втроем вошли в кабинет, Исаак подвел Лилли к дивану, который располагался у дальней стены, и сел рядом с ней. Оставляя Шоу выбор присесть третьим на диван, остаться стоять или же сесть за стол в кресло Исаака. Шоу после короткой заминки сел в кресло Исаака. Исаак относился к этому нормально. Ему не было нужды напоминать Шоу, кто был главным, и он хотел быть поближе к Лилли.

— У нас возникли некоторые проблемы, Шоу. Мне нужно, чтобы ты выслушал Лилли.

Но то, что ты услышишь не должно покинуть комнату. Это останется между нами тремя до того момента, пока мы не будем готовы что-то сделать по поводу этого.

Без лишних слов, Шоу кивнул и повернулся к Лилли, ожидая, когда она изложит свою часть информации. Бросив неуверенный взгляд на Исаака, она сделала, как он велел. Она рассказала в полном объеме историю, которую она рассказала Исааку. И у него возникло чувство, что это было единственным возможным способом, которым она могла делиться той историей, — отстраненно, будто читая копию.

Исаак наблюдал за Шоу, пока Лилли рассказывала. Его вице-президент был на несколько лет старше его, он являлся одним из умнейших людей, с кем был знаком Исаак. Из него вышел бы отличный президент, но он был слишком умен, чтобы хотеть этого. Уговорить его, чтобы тот стал его вице-президентом, отняло у Исаака много сил. Но еще с того времени, когда Исаак был подростком, Шоу был единственным, с кем он мог разговаривать и делиться проблемами, у Шоу было правильное видение вещей и проблем. Он был тем парнем, который садился и видел всю ситуацию со стороны. Но это не значило, что он был медленным на реакцию или действие, когда это было необходимо, но, в то же время, Шоу никогда не действовал только по той причине, потому что что-то было необходимо предпринять. Он был молчаливым и рассудительным. Он был в МК на протяжении долгого времени, а также ему довелось увидеть огромное количество жестокого дерьма. Кроме должности в клубе, Шоу управлял продовольственным магазином, после работы он уходил в свой небольшой дом, где проводил вечера со своей женой и тремя дочерьми.

Исаак был тоже рассудительным, но ему приходилось прилагать огромные усилия, чтобы руководствоваться своей головой, а не кулаками, и его характер был намного темпераментнее, чем у Шоу. Когда его провоцировали, он мог совершать такие опрометчивые вещи, как, например, воткнуть ножницы в руку гребанного риэлтора. К слову, риэлтор вел себя сейчас более приветливо, после того, как Шоу побеседовал с ним и привел ему Кэнди. Отвлеч его яркими вещами.

Теперь Шоу сидел спокойно и слушал, ни разу не перебив Лилли, когда она рассказывала ему всю историю и то, как она узнала, что это сделал Рэй. Исаак уловил перемену в его выражении лица — от простого любопытства к крайней заинтересованности, от сочувствия к явному шоку, и, наконец, к тому, что Исаак не мог объяснить, — чему он бы не смог подобрать слов. Шоу предопределял ход развития событий.

Наконец, он сосредоточился на Лилли и проговорил:

— Извини меня, милая, за то, что я сейчас скажу, — он повернулся к Исааку. — И ты во все это веришь? Это все невозможно уложить в голове без доказательств. Я буду честен и скажу прямо: нужно думать мозгами, а не другой частью тела.

Исаак бы избил любого до бессознательного состояния, кто посмелел бы сказать такое, но Шоу делал свою работу.

— Нет ни одного сомнения, Шоу. На все сто.

Шоудаун кивнул.

— Достаточно для меня. Но не будет достаточно для клуба. Я просто не могу представить этого. Лилли новенькая в городе, и клуб ее совершенно не знает. Ее слово против слова брата — этого не достаточно, — он подался к Исааку. — Брат, ты знаешь, что я прав, если бы она была с кем-то из нас и рассказала эту историю, тебе бы понадобилось больше информации.

Лилли кивнула и начала подниматься. Исаак вскинул руку, даже сам того не осознавая, и пригвоздил ее к месту, на котором она сидела. Он прекрасно знал, о чем она думала.

— Полегче, детка. Мы еще не закончили. Уайетт и Рэй уехали как минимум на две недели. Ты не сможешь сделать ничего до того времени. У нас есть достаточно времени, чтобы решить это все. Затем он повернулся к Шоу и обратился к нему:

— Ее слово и моего доверия должно быть достаточно для тебя. Это между мной и тобой, так же этого будет достаточно для Барта и Лэна. Нам не нужно анонимное голосование. Нам просто нужен еще голос.

Шоу откинулся на стуле назад.

— Ты понимаешь, что ты сейчас говоришь о том, чтобы совершить голосование за смерть. Это может расколоть клуб как раз в то время, когда происходит все это дерьмо с Эллисом. Ты готов пойти на этот риск?

— Рэй и так покойник, с голосованием или без него. Я готов пойти на риск, чтобы помочь Лилли совершить возмездие, да. Прямо сейчас.

Глаза Шоу распахнулись от услышанного, и он повернулся к Лилли.

— Не могла бы ты дать нам пару минут, Лилли?

Исаак не желал ничего от нее утаивать.

— Нет. Она останется. Говори.

— Тогда, ладно. Ты знаешь эту девчонку сколько, три недели? Месяц? И ты готов рискнуть клубом — и целым чертовым городом — ради нее? Исаак, ты сейчас думаешь своим членом.

Внезапно Исаак позабыл о том, что работа Шоу в данный момент заключалась в том, чтобы говорить настоящее положение вещей, озвучивать жестокое дерьмо и держать Исаака в узде. Его настроение резко сменилось гневом, и он начал подниматься, все его тело было напряженно. Но Лилли удержала его руку у себя на бедре, тем самым принуждая его оставаться на месте, и заговорила, полностью сосредоточившись на Шоу.

— Смотри. Я все понимаю. Вы не знаете меня. И то, что я собираюсь сделать, обязательно повлияет на ваш клуб и принесет вред члену вашего МК. Но Рэй — покойник, и это уже не обсуждается. Отряд мертв по его вине. Их тела осквернили, они были сожжены, и затем все, что осталось от трупов, было повешено на стену, чтобы поиздеваться над нами. И все это произошло, потому что Хобсон не желал меня видеть на месте офицера. Этот мудак уже мертв. Я прошу искреннее прощение за то, что это как-то повлияет на клуб, и я понимаю, что вы будете делать то, что вам придется. Черт возьми, это даже не какое-то там возмездие, это просто должно свершиться и все.

Исаак резко поднялся на ноги и грубо схватил ее за руку, какого хрена она несла — но она проигнорировала его жесткую хватку и продолжила.

— Нет шанса, что я смогу предоставить тебе доказательства. У меня есть только слова моего друга, который не хочет в это ввязываться. Но вот, как все было: Хобсон был пьян. И он напрямую признался моему другу, когда он был пьян. Давай посмотрим, может, он проколется на этом еще раз. И как уже сказал Исаак, он уже покойник, так или иначе. И все, что я могу предложить вам, — подождать немного, чтобы сделать это как можно честнее.

Шоу пристально посмотрел на нее, Лилли не отвела глаз.

— Ты еще та чертовка, не так ли, красотка? В твоих словах есть доля истины, — он повернулся к Исааку, который опустился на диван. — Мне кажется, она права, Исаак. Мы подождем, посмотрим, возможно, мы сможем разговорить Рэя. Затем мы поднимем этот

вопрос на собрании в клубе. Мы можем рассчитывать на голоса Сиджея, Виктора. По отдельности или же на них обоих. Они ветераны и, исходя из того, что сделал Рэй, они захотят, чтобы его казнили. С признанием Рэя мы можем рассчитывать на поддержку всех братьев, естественно, за исключением Уайетта. Вот мой совет.

У Исаака было другое на уме. Но он пребывал в ярости на данный момент и принял его совет. Ему было необходимо успокоиться. Он отрывисто кивнул Шоу, который все понял, похлопал Лилли по колену и покинул комнату, больше не проронив ни слова.

Когда Шоу покинул кабинет, Исаак поднялся с дивана и начал мерить комнату шагами. Он был в ярости, и ему необходимо было восстановить контроль над собой. Но почему он был так зол? Потому что Лилли заявила, что Рэй, так или иначе, покойник, невзирая на то, выживет ли она или нет. Да. Потому что Шоу чертовски оскорбил и его, и Лилли? Да. Потому что он был прав — что ради безопасности Лилли Исаак был готов пожертвовать своим клубом?

Да. То есть, нет. Черт побери. Он просто не мог сделать этого. Слишком много людей зависели от него. Он схватился за высокое черное кресло и одним ударом руки отправил его вращаться по комнате, пока оно не ударилось с силой о железный бар.

— Исаак.

Он повернулся к Лилли, которая сидела на диване, выглядя совершенно спокойно.

— Детка, прости меня. Все не так плохо, как кажется. Мы все уладим, я тебе обещаю.

Она поднялась на ноги и направилась к Исааку. Она была чертовски красива, ее длинный, темный хвост лежал на плечах, джинсы сидели на бедрах, но не слишком обтягивали, позволяя материалу немного приспустить, открывая примерно дюйм ее обнаженного живота, который виднелся из-под футболки. Она остановилась прямо перед ним и взяла его ладони в свои, заставляя его ослабить хватку и разжать кулаки, он даже не понимал, что его ладони сжались в кулаки.

— У нас есть план. И это самый лучший план, что может быть на данный момент, как мне кажется. Несмотря на то, сработает ли он или нет. Это значит, что нам придется подождать пару недель, правильно? Потому что давай это отложим в сторону. Это могут быть последние две недели, что мы можем провести вместе.

— Ни за что, Лилли. Ни за что. План сработает. Он должен, — он не мог даже думать о том, что это могли быть их последние две недели.

— Хорошо. У нас есть время. Но, на всякий случай, давай воспользуемся им. О'кей? — она положила ладонь на его щеку, поглаживая ее кончиками пальцев через его бороду. Таким способом часто проявлялась нежность с ее стороны, и это успокаивало его. Он прильнул к ее прикосновению.

— Ты сможешь сделать это?

Она улыбнулась.

— Ну конечно. Не принимай удачу за проблему.

Он посмотрел ей в глаза. Назвать их серыми было недостаточно, но у него не было другого слова. Он пытался думать о метафоре по поводу цвета ее глаз, но ему не удалось. Лучшее, что ему пришло на ум, что они напоминали ему небо в пасмурный день, но будь он проклят, если скажет что-то настолько напыщенное вслух. Они были прекрасны. Светлые. И так ярко сияли, когда она улыбалась.

— Господи, я так сильно люблю тебя, Спорти.

— И я тебя люблю, — она схватила его за ремень и растянула его. — Покажи мне, как

ты меня любишь.

Он был возбужден еще с того момента, как она положила руку ему на щеку. Теперь он рассмеялся и расстегнул ее джинсы.

— Хочешь нежно? — их секс ранее был очень грубым и жестким

— Ты же прекрасно знаешь, что мне не нравится, — она расстегнула его джинсы и скользнула руками по его бедрам, затем завела их назад, чтобы сжать в ладонях его подтянутую задницу. Их секс всегда был громким, но ему совершенно претила мысль о том, что все в соседней комнате могут слышать их. Это никогда не останавливало его ранее, но с Лилли все было по-другому.

Затем ее рука вновь оказалась спереди, она взяла в ладонь его яйца и крепко сжала их. Потом она переместила руку, обхватывая его член.

— Ох, мать твою, ты чертовский твердый, — прошептала она, прижимаясь лбом к его груди. — Я просто без ума от твоего члена.

Исаак подумал, что звуконепроницаемые стены кабинета были достаточно хороши.

Он приподнял ее лицо и поцеловал ее, его язык проник в ее рот, проходя по зубам и поглаживая ее язык. Она обвила руки вокруг его шеи и приподнялась высоко на носочках. Ничего — абсолютно ничего — не чувствовалось так, как ее тело, прижатое к его. Он хотел, чтобы они избавились от лишней одежды. От всей.

— Я хочу тебя обнаженной.

Даже Исааку свой собственный голос показался рычанием. Она сделала шаг назад, небольшая прекрасная улыбка играла на ее губах, она стянула футболку через голову, бросая ее на пол и подмигивая ему. Он направился к двери и запер ее; когда он вновь повернулся к ней, она уже скинула ботинки и в данный момент снимала джинсы. Он избавился от своей одежды так быстро, как только мог, едва ли уделяя время тому, чтобы повесить жилет на спинку стула.

Когда на ней не осталось ничего, кроме черных кружевных стрингов, ее груди были обнаженными и прекрасными, ее соски изнывали от желания к нему, он остановил ее.

— Оставь. Я сам сниму, — и она убрала пальцы из под резинки стрингов, покорно стояла и ждала.

Наконец, избавившись от всей своей одежды, он направился к ней и притянул ближе к себе, наслаждаясь шелковистостью ее обнаженной кожи на его грубом теле. Он снял резинку с ее волос, и она встряхнула распущенными волосами, шелковистые локоны рассыпались каскадом по его рукам и ее спине, заставляя его издать стон наслаждения. Он увлек ее на пол.

Она хотела грубого секса; она всегда хотела этого грубо. Потому что нежно было слишком интимно. Но в данный момент, Исаак решил, что он слишком переполнен любовью и многочисленными страхами, что может потерять ее, чтобы заниматься с ней грубым сексом, с женщиной, которая помогла ему осознать, что у него все еще было сердце, о наличии которого он совсем позабыл, и оно было способно любить. Он поцеловал ее, прижимая ее к своему телу, его руки были повсюду, но прикосновения были нежными, успокаивающими. Он неспешно стягивал ее нижнее белье, оставляя по всей длине ее ног дорожку из поцелуев вплоть до щиколоток. Затем он вновь поднялся вверх, возвышаясь над ее извивающимся телом и проникая ладонью между ее ног, чувствуя, насколько она была влажной и готовой для него. Впрочем, как и всегда. Он нежно кружил пальцами по ее клитору, между влажных складочек.

Она приподняла бедра и издала расстроенный стон.

— Исаак, ну давай же.

Он склонился и оставил поцелуй на ее груди, мягко щелкая языком по твердой вершинке соска. С его ртом на ее коже, он произнес:

— Нет, детка. Позволь мне наслаждаться неспешной любовью. Медленно тоже хорошо.

Поднявшись на колени, он потянулся к своим джинсам и взял презерватив. После того, как он раскатал его по члену, он накрыл ее своим телом и прижался к ней, мучительно медленно проникая в ее лоно так глубоко, как только мог. Она изогнула спину и закатила глаза. Лилли резко дернулась под ним, сжимая его мышцами лона. Но он приподнял ногу, располагая ее поверх ее бедра, не позволяя ей тем самым двинуться с места.

— Эй, я сказал нет. Мы будем заниматься этим медленно. Я хочу полностью насладиться тобой.

— Что?! На полу твоего кабинета мы будем делать это медленно? — она фыркнула и попыталась оказать сопротивление.

Исааку тоже нравилось трахаться грубо и жестко — он также был удивлен своей потребностью на этот раз заняться этим медленно и нежно — но ее нежелание нежности начинало казаться странным. Он поймал ее голову, сжал обеими руками и пристально вперился в нее взглядом.

— Детка, в этом есть какая-то проблема?

Она успокоилась и посмотрела на него. Затем она совершенно удивила его своим смехом. Он ощутил его вокруг своего члена, настолько глубоко он был внутри нее.

— Нет, прости. Привычка, — он не понял, про что она говорила, поэтому нахмурил брови. Она, заметив это, поспешила добавить: — Самозащита, я полагаю. Не заниматься любовью. Это будто правило, которое было у меня.

Он ласково провел кончиками пальцев по ее скулам.

— Было?

Взгляд, который она подарила ему, был чистым и добрым, он наполнил его сердце чувствами.

— Да, было.

— Хорошо, — он неспешно скользнул внутрь нее, пристально глядя ей в глаза. Она обвила руками его спину, ногами обхватила его талию, прижимая крепко к себе, и в первый раз со времени их знакомства они занялись любовью.

Даже когда все происходило нежно, он все равно заставлял ее кричать.

oOo

Исаак и Шоу наблюдали за тем, как Кеньен Берри и Маркус Грант, который являлся правой рукой Берри, остановились на стоянке МК «Ночная Банда». Голова Исаака гудела. Он повернулся к Шоу; непрекращающийся гнев, который он испытывал после разговора с Лилли, который произошел за день до этого, полностью испарился из его головы с визитом Кеньена.

Несмотря на то, что Кеньен все еще поддерживал МК «Ночная Банда», он приостановил поставки через канал, изменив маршрут доставок мета, пока все давление, исходящее от Эллиса, не утихнет. Эллис так же жестко насел и на Сент-Луис, заставляя во всю силу действовать «Северных Всадников», и был в поиске чего-то, что помогло бы полностью

уничтожить Неудержимых. В Сент-Луисе началась открытая война. Точка зрения Кеньона была такова — кстати, очень дельная — что риск был слишком велик для МК «Ночная банда» и Сигнал Бенд, в частности, чтобы продолжать перевозить продукт по такой нестабильной территории. Но Сент-Луис и города к востоку от него зависели по большей части от того продукта, а также сам МК и города, в которые ввозился продукт. На западе это были: Спрингфилд, Джоплин и Талса. Потеря Сент-Луиса причинила бы им неминуемый ущерб.

Но не это являлось самыми худшими новостями. Его попытки завладеть Сигнал Бенд законным путем не принесли плодов, воплощению его действий в жизнь мешал успех МК в отвлечении Мака Эванса от беззащитных владельцев собственности, которые были на данный момент более сильными, чтобы отказать, поэтому Эллис решил вместо этого прибегнуть к силовым методам. Он хотел пойти войной на их город. «Северные Всадники» набирали людей, как ненормальные, увеличивая свою численность. Разведка Кеньена донесла, что те собираются прибегнуть к физическому воздействию на Сигнал Бенд, вынудив людей убраться с территории. Кеньен полагал, что у них было в запасе еще пару месяцев, прежде чем война за раздел территории на ленивых улицах Сигнал Бенд наберет обороты, и враг превышал их по численности, по силе и по материальным средствам — на существенный порядок.

Шоу заговорил первым.

— Как мы с этим справимся, през?

Исааку было все понятно. Сделать это было практически невозможно, но этого было не избежать.

— Оказав сопротивление. Только так. Нам понадобится весь город в зоне действия, таким образом у нас будет хоть какой-то шанс. Но у нас мало времени. Кеньен будет держать нас в курсе происходящего. Первое, что мы должны сделать, это ввести смены патрулирования. Нужны мужчины, которые бы патрулировали город, фермерские дороги, все это. Нам нужны добровольцы, и им необходимо обучение и какие-то начальные правила.

Шоудаун медленно кивнул.

— Нам необходимо оружие. Эти ублюдки не придут с винтовками и дробовиками. У нас нет ни хрена, чем можно было бы вооружить людей.

Тут могли помочь Талса и Джоплин — и это бы смогло удержать их от зарождающегося пламени, как они хотели.

— Я свяжусь с Бекером и Данди. С оружейными приставами Талсы; попытаюсь получить «семейную скидку». А также я наберу Сэма. Пришло время попросить об ответной услуге «Скорпионов». Они выполняли множество просьб для международного МК за все эти годы и никогда не просили об ответной услуге. Теперь, кажется, пришло время им попросить (Прим. Оружейный пристав — отвечает за безопасность клуба, охрану и поддержание правопорядка во время клубных встреч. Ответственный за безопасность и защиту клуба, его членов и клиентов).

— Если ты приведешь их, то они в своем роде могут представлять собой правосудие, тем самым помогая разобраться со всем этим. Их специализация — преступники высокого уровня. Не то, что наша — ничтожное дерьмо.

— Могут и не помочь. Но мы не позволим «Северным Всадникам» истребить нас.

На этих словах Исаак развернулся и направился обратно в клуб. Все в один миг начало разваливаться.

Глава 15

Лилли почувствовала, как изменился воздух, когда в душевую кабинку вошел Исаак. Она была склонна оберегать свое уединение в ванной с особым рвением. Проведя множество лет в пустыне в окружении мужчин, она очень ценила и обожала время, которое она могла провести одна в ванной. Он оставался у нее и ранее, и они принимали душ вместе. Она смягчилась примерно неделю назад и совершенно не жалела об этом. Но она прекрасно понимала, что будет жалеть, если не установит вскоре основные правила, потому что он грозился стать душевым вампиром, ожидая от нее беспрепятственного доступа в душ после того, как она позволила ему раз принять его вместе с ней, после этого она начала стратегически рассчитывать время, когда может побыть там одна.

Как, к примеру, этим утром. У нее была отличная ночь без постоянных кошмаров, от которых она так часто просыпалась, и она проснулась раньше него, что само по себе было сложным для нее. Она изнывала от желания прижаться к нему и поспать чуть дольше, но затем в ее голове вспыхнула мысль о том, что она может принять душ одна. Поэтому девушка поднялась и проскользнула в свою ванную комнату.

Обычно она никогда не вела себя столь деликатно, как сейчас. Раньше она бы просто сказала ему развернуться и уносить свою обнаженную задницу отсюда и подождать своей долбанной очереди. Но вот, он был тут. Обнаженный и прекрасный в своей красоте, с густыми длинными распущенными волосами, с его грудью такой чертовски мощной и рельефной. И его членом. Его восхитительным членом, твердым и готовым для нее. Они не трахались в душе, но ласкали друг друга и находились там долгое количество времени, бесцельно тратя воду.

Она должна была с ним поговорить, когда они не были бы оба обнажены. Но сейчас он уже зашел к ней, и ее соски были твердыми камушками в предвкушении его прикосновения. Его большие ладони были на ее бедрах, он поцеловал ее щеку, не говоря ни слова. Затем он встал перед ней под поток горячей воды и намочил свои волосы, откидывая голову назад, позволяя воде каскадом литься на его лицо и стекать по его бороде. Это была одна из самых эротичных картин, которую ей когда-либо приходилось наблюдать. От этого зрелища киска между ее ног запульсировала, а лоно сжалось. Он возвышался над ней, с широкими плечами и грудью, массивной и твердой, как скала. Мышцы на его шее напрягались и сокращались, от чего кожа на шее напрягалась, его медальон Мьельнир покоился в выемке шеи, а цепочка туго обвивала его горло.

Да, на самом деле она не могла жалеть о недостатке личного пространства, когда дело доходило до этого соблазнительного тела.

Лилли подняла руки и скользнула пальцами в завитки волос на его груди, затем прошлась подушечками пальцев вниз, прикасаясь к его соскам — его бедра непроизвольно дернулись — затем еще ниже, по его рельефным кубикам пресса, затем по мышцам в самом низу живота, и, наконец, достигая темных волос в паху. Она обернула пальцы вокруг его члена, стискивая его двумя ладонями и начиная поглаживать его длину. Исаак издал хриплый утробный звук, и Лилли подняла на него взгляд.

— Мне больше не нравится просыпаться одному в твоей кровати. Или в любой другой кровати. Больше меня не устраивает, — он толкнулся бедрами в крепкой хватке ее ладоней, в ответ она сжала его лишь сильнее, до того момента, пока он не издал стон.

— Я просто хотела принять по-быстрому душ, пока ты спал, — она задохнулась, когда

он рукой проскользнул между ее ног, а пальцы нашли ее лоно, проникая в него. От прикосновения его мозолистой ладони к ее клитору она ощутила слабость в коленях, тогда он приобнял ее другой рукой, притягивая ее поближе к себе.

— Почему?

С его пальцами, которые непрерывно проникали в ее лоно и ладонью, которая потиралась о ее чувствительный клитор, она испытывала достаточные затруднения в том, чтобы четко выразить свои мысли, при этом она не забывала поглаживать его член. Лилли старалась вспомнить, какого хрена она так хотела немного личного пространства в душе. Почему она не сказала ранее? Так много почему и так много переполняющих ее ощущений. Поэтому она просто сказала первое, что пришло на ум.

— Иногда мне нравится принимать душ одной.

И почему ей было так сложно проговорить это?

В тот же миг он прекратил ее ласкать, и ей показалось, что она ранила его чувства. Ох, вот почему ей было так сложно сказать это ему. Она несмело подняла взгляд; он улыбался.

— Спорти, я тебе слишком надоедаю? Почему не сказала этого раньше? — он вытащил пальцы и убрал свою руку, она всхлипнула и сжала в ладонях его член только сильнее.

— Ты хочешь, чтобы я ушел? — его голос прозвучал с ноткой озорства, хриплым шепотом, который она ощутила даже своим позвоночником. Иисус, этот парень был словно наркотик.

Она начала поглаживать его член только сильнее, прижимаясь лбом к его сильной широкой груди, в то время, пока ласкала его.

— Ну, по крайней мере, не сейчас. Но иногда мне просто хочется зайти в ванную, принять душ, выйти и начать свой день

Она увидела, как желваки на его челюсти, скрытой бородой, дернулись от напряжения перед оргазмом, и отпрянула от него. Он издал звук и шагнул вперед, располагая ладони на задней стенке душа, заключая ее в клетку своего тела, между его сильных рук.

— Должен тебе сказать кое-что, Спорти. Я смог бы тебя оставить одну не больше, чем на пару минут, — последнюю пару слов он произнес, сопровождая тяжелыми, мучительными вздохами. Наблюдать за ним, изнывающим в предоргазменных мучениях, было почти так же восхитительно, как и видеть его, испытывающего освобождение. Когда удовольствие было только для него, он стремился к нему, вместо того, чтобы отталкивать, как когда он находился в ее теле.

Он был уже близко, издавая стоны каждый раз, когда она поглаживала ладонями его член. Она чувствовала, как его яйца подтянулись и напряглись, и в этот момент она опустилась на колени, удивляя его. Она обхватила его член губами, всасывая его так глубоко, как она только могла. Он сразу же кончил, выкрикивая ее имя и ударяя кулаками по задней стене, в то время как она проглатывала все, что он дал ей. Это было так эротично и невероятно чувствовать, какую власть она имела над ним, совершенно не задумываясь, оплатит ли он ей тем же.

Но он отплатил.

oOo

Позже, когда они убрали все после завтрака, — они вошли в привычный домашний ритм, в котором они проводили каждую ночь, — неспешно передвигаясь вокруг друг друга, в

то время как они избавлялись от остатков еды, мыли и споласкивали, затем вытирали тарелки. Внезапно Исаак остановился в дверном проеме кухни, резко хватая ее за талию.

— Поехали со мной на выходные в Талсу.

Это застигло ее врасплох. Она даже не подозревала, что он планировал поехать на выходные в Талсу, а выходные начинались уже завтра.

— Что? Зачем?

Он заправил локон ее волос за ухо и склонился, чтобы оставить поцелуй на ее шее.

— По двум причинам: мне необходимо сделать кое-какие дела для клуба. И мне предоставили палатку на художественной выставке, которая будет проходить в эти выходные. Ты могла бы со мной представлять мою палатку, малышка. И я не хочу проводить выходные отдельно от тебя, — он подмигнул, улыбаясь ей хитрой улыбочкой. — Я обычно останавливаюсь в своем жилом автофургоне, но ради тебя я сменю его на отель.

Вероятно, большинство людей подумали бы, что это невероятно абсурдная идея для проведения выходных, особенно в свете ее планов на убийство. Но как бы то ни было, Хобсон был вне пределов досягаемости на данный момент, и так будет на протяжении еще некоторого времени. А что касается ее фактической работы, она закончила последнее задание как раз сегодня и могла бы написать сообщение с просьбой не присылать ей новое до того, как выходные не подойдут к концу.

Она засунула руки в его карманы джинсов.

— Мне нравится идея с автофургоном. Это романтично.

Его смех был глубоким и теплым.

— Ты еще не видела автофургон. Но хорошо. Мы должны выехать рано утром.

— Конечно, — она встала на носочки, поднимая руки и оборачивая вокруг его шеи, он же притянул ее ближе к своему телу и крепко поцеловал.

oOo

Солнце уже зашло за горизонт, когда Лилли закончила работу, отправив обратно зашифрованный документ по многочисленным сложным секретным каналам Управления национальной безопасности. Она провела — Лилли проверила время на компьютере — практически десять часов за работой, но поскольку была в ударе, то даже не отвлекалась. Не ела, даже не ходила в туалет по малой нужде. Она чувствовала, словно ее плечи приросли к шее.

Она проверила свой телефон и обнаружила, что ей дважды звонил Исаак и один раз отправил сообщение. Он никогда не оставлял ей голосовые сообщения. Простое текстовое сообщение гласило: «Останься сегодня у меня». Оно было отправлено пару часов назад. Последний вызов, второй звонок, был произведен пятнадцать минут назад.

Она не отвечала на его попытки связаться с ней — ее телефон стоял на вибро-режиме, и она просто-напросто не слышала его. Исаак жил примерно в двадцати минутах езды от ее дома. Лилли вышла на веранду, и спустя минуту или две он уже ехал по гравийной дорожке, которая заменяла ей подъездную аллею.

Она спустилась по ступенькам крыльца и направилась навстречу ему через передний сад. Он быстро слез с байка, спешно направляясь к ней.

— Бл*дь, Спорти. Ты в порядке? — он потянулся к ней и дернул ее за руки в свои объятия.

— Я в порядке, любимый. Просто была с головой погружена в работу.

Он вздохнул от очевидного облегчения.

— Ты не можешь делать так, Лилли. Только не когда все это дерьмо происходит тут.

Мне необходимо знать, что ты в порядке.

Он не пояснил ей, что за «дерьмо» происходило в клубе, а она и не спрашивала. Если это стало бы у нее на пути, то им обязательно бы пришлось обсудить сложившуюся ситуацию, но сейчас она просто проговорила:

— Я и сама могу справиться со всем, Исаак.

Когда он взял ее лицо в свои большие мозолистые ладони, глаза Лилли закрылись от наслаждения.

— Я знаю это. Но мне необходимо поддерживать с тобой связь. Я не привык волноваться так по поводу кого-либо, но выходит, что мне не много нужно, чтобы начать сходить с ума. Поэтому просто проверяй свой телефон, хорошо?

— Хорошо. Прости меня.

Он склонился и поцеловал ее.

— Ты получила мое сообщение? Хочешь остаться у меня сегодня? Тогда мы сможем выехать рано утром.

Ей нужно было только собраться на выходные, потом она была бы готова поехать к нему домой.

— Конечно. Хочешь помочь мне собраться?

— Я соберу атласные и кружевные штучки, — он шлепнул ее по заднице, и они направились в дом.

oOo

Они остановились в «Мясном ресторанчике» на ужин. Только это кафе и еще «Лучшее место в городе» были открыты в это время на ужин, а так как Исаак совершенно не желал быть втянутым в какую-нибудь разборку у Така этим вечером, потому его выбор пал на «Мясной Ресторанчик». И по стандартам Сигнал Бенд это место было более высококлассным, с приглушенным освещением, выполнено в золотистых и красных тонах, и на столах находились свечи в красных стаканах, которые были покрыты белой кружевной сеточкой. Клиенты являлись в основном жителями городка, в большинство посетителей там были те самые люди, которых Лилли видела везде на протяжении всех недель, которые она жила здесь.

Теперь люди знали ее, и они знали ее как женщину Исаака, и подозрение, с которым они относились к ней в первое время, со временем сменилось на заискивание и симпатию. Хотя подозрение с их стороны заставляло чувствовать Лилли себя более комфортно. Потому как это чувство было честным. Отношение, близкое к заискиванию, которые исходило от них на данный момент, особенно от женщин, было перенесено на нее из-за их отношения к Исааку. На самом деле, у нее было ощущение, что в их отношении не было даже крупинки враждебности, и она полагала, что знала, почему. Если он был одинок на протяжении всего того времени, что он говорил, эти женщины просто задавались вопросом, что делало Лилли такой особенной. Она подозревала, что они открыто обсуждали, что думают на самом деле, в воскресенье в церкви или у заборов, когда они вешали свое выстиранное белье.

Была вещь, которая казалась Лилли удивительной, которая преимущественно

преобладала в Сигнал Бенд. Как будто в этом городе ни у кого не было сушилок для одежды, вещи и простыни колыхались на веревках для сушки белья по всем городу изо дня в день. Это место словно застряло во времени. Она поинтересовалась у Исаака насчет этого, и он улыбнулся ей в ответ кривой улыбочкой и просто ответил: «Солнце бесплатное».

Теперь они находились в ресторанчике, следуя за Молли, хозяйкой заведения, к угловой кабинке, которая нравилась Исааку больше всего. Понадобилось время, чтобы она провела их к столику, потому что каждый, мимо кого они проходили, здоровался с Исааком. Иногда люди хотели пообщаться, перекинуться парой слов или же поведать ему какую-то проблему — и практически все называли его Айк. Он каждый раз вздрагивал, когда они так называли его, но все же позволял им делать это. Лилли пришла к пониманию, что она была права насчет него — если и была власть в городе, то ею был Исаак. Даже мэр города советовался Исааком прежде чем вынести что-то на городской совет. «Ночная Банда» была одновременно и законом, и властью в этом городишке.

Наконец, Молли усадила их за столик, и они уселись.

— Вам нужны меню? — они оба отказались. — Хорошо, я скажу, чтобы Бет подошла к вам через секунду. Вы вдвоем будете «Буд»?

Исаак кивнул, но Лилли проговорила.

— Может быть, возьмем красного вина?

Молли взглянула на Лилли.

— Все, что у нас есть из вина, это то, что привозят в тетрапакетах. Будете такое?

На самом деле, Лилли было просто интересно, что будет делать Молли, поэтому она просто улыбнулась и покачала головой.

— Нет, спасибо. «Буд» устроит.

Когда Молли удалилась, Исаак легонько подтолкнул Лилли под столом.

— Провокаторша.

— Что? Я и правда полагала, что выпить немного вина за ужином будет неплохо.

Это было чистой правдой, но так же было правдой и то, что она пользовалась всеми доступными средствами, чтобы проверить лимит причуд этого города.

— Никогда не видел, чтобы ты пила вино, Спорти. Тебе просто доставляет удовольствие мешать работе заведения.

— Мне иногда нравится пить вино. Это сумасшествие, что люди здесь ожидают, что все должны брать всегда одно и то же. Это похоже на какой-то всеобщий психоз. Черт возьми, зачем им тут вообще меню? Или какой-то выбор? Они могли бы сделать просто что-то вроде комплексных обедов и не париться.

— Я не знаю, что это такое, городская девчонка. Просвети меня, — когда он проговорил это, то потянулся через стол и ласково погладил ее о руке. Ее сердце забилося быстрее за считанные мгновения.

— Это так называемая фиксированная цена за блюдо. Когда ресторан готовит обед, обычно из двух блюд. Они составляют меню на весь вечер, и все едят их весь вечер и при этом платят фиксированную цену.

— Ага, но так как сейчас я получаю свой бифштекс на косточке, а ты своего цыпленка, и всем нравится, что они получали, — он подался вперед, его зеленые глаза блеснули отблеском мигающего света небольшой свечи. — Мы должны работать усерднее, приучая тебя к деревенскому образу жизни, если ты хочешь остаться здесь.

— Не нужно, Исаак, — в их распоряжении было только это недолгое время, пока не

вернулся Хобсон. Она совершенно не хотела задумываться о том, что готовило или же, наоборот, чего не было в ее будущем. — Это не деревня, это сплошное сумасшествие. Я уверена, что так не везде.

Тень омрачила его лицо после ее слов, но в следующую секунду он уже улыбался.

— Возможно. Но в этом сумасшествии есть свои преимущества.

Когда Бет подошла, Лилли заказала цыпленка под сырным соусом, которого она уже заказывала все три раза, что бывала тут. Исаак заказал свой бифштекс на косточке, который был, по-видимому, его тысячным заказом. В то время, пока они ели свои овощные салаты, Исаак поднял глаза и выражение, которое воцарилось на его лице, заставило Лилли замереть. Она повернулась и увидела мужчину, которого до этого момента ни разу не встречала. Он выглядел знакомо, поэтому Лилли напрягла свою память, чтобы вспомнить его. Он был высоким и очень худым — такой тип парня, у которого первое, что бросается вам в глаза, это его кадык, с седеющими каштановыми волосами. Он был одет в джинсы и заправленную в них клетчатую рубашку, что было, скорее всего, повседневной формой одежды для этих мест.

Исаак заговорил первый.

— Уилл.

Мужчина, которого, очевидно, звали Уилл, проговорил:

— Исаак, мне необходимо поговорить с тобой.

Лилли все еще продолжала капаться в своей памяти. Она знала, что вспомнит его. Если она его видела, она обязательно его припомнит. И вот оно — он был тем самым парнем, которого ранили ножом у Така в ее первую ночь в городе.

Исаак положил свою вилку, но никуда не двинулся.

— Я ужинаю с моей женщиной, Уилл. Тебе придется подождать.

Уилл бросил взгляд на Лилли.

— Мэм, — она улыбнулась и кивнула ему в ответ, и он вновь посмотрел тяжелым взглядом на Исаака. — Не могу ждать.

Отрывисто кивая, Исаак проговорил:

— Прости меня, Спорти, — и поднялся на ноги. Он указал кивком на входную дверь, и двое мужчин пересекли зал ресторана и вышли на улицу.

Оставшись за столом наедине со своим салатом, Лилли воспользовалась временем, чтобы рассмотреть получше людей. Ресторан был рассчитан примерно на 20 столиков; шесть из них, расположенные рядом с ними, были заняты. Она увидела Дона Киза и его жену Лонни, сидящими в компании со священником Мортенсоном. Эд Фосс ел в одиночестве. Она также узнала людей за соседними столиками — фермеры, пару владельцев магазинов — и Мака Эванса, который смотрел на нее во все глаза. Она улыбнулась и в знак приветствия приподняла свой бокал.

Несмотря на это, он не прекратил пялиться на нее, и Лилли это обеспокоило. Ее инстинкты не должны были просыпаться от подобного агрессивного взгляда, но после двух неловких секунд, она кивнула, затем отвела свой взгляд в другую сторону комнаты, позволяя ему одержать победу в их странных, неожиданных гляделках.

Когда Исаак появился, то выглядел мрачным. Он напрямик направился к столу и присел на стул. Лилли не спрашивала его, потому как чем бы это ни было, новости явно были плохими, но он прекрасно знал, что если захочет рассказать, она с радостью его выслушает. Но он посмотрел на нее обеспокоенным взглядом и проговорил:

— Что такое?

Вопрос удивил ее.

— Что? Ничего.

— У тебя такой взгляд. Что-то произошло, пока меня не было.

Лилли подумала о странностях с Эвансом. Он что, смог понять это только по ее взгляду? Он что знал ее уже настолько хорошо? Эта мысль одновременно взволновала и встревожила ее.

Она пожала плечами.

— Просто был странный момент с Мак Эвансом, — Исаак быстро развернулся, но Лилли стремительно схватила его за руки и принудила его тем самым сосредоточить все свое внимание на ней. — Ничего особенного. Просто застала его плящимся на меня. Он меня приглашал на свидание, когда я только перебралась в город; возможно, он просто ревнует. Не парься насчет этого.

Но Исаак все же обернулся, его кулаки были сжаты. Лилли посмотрела на Мака и теперь он выглядел так, будто он был не в своей тарелке

— Я чертовски ненавижу этого парня, — презрение в голосе Исаака было угадывалось безошибочно. Лилли же была неприятно удивлена, что испытывала совершенно противоположные эмоции, а еще она была крайне удивлена, что какой-то там Мак Эванс, простой риэлтор, вызвал у Исаака такие чувства. Хотя она не сомневалась, что он мог их заслужить своими действиями.

— Ага, он скользкий тип. Хотя кажется совершенно безвредным.

— Это не так.

Когда Бет принесла их горячее, Исаак немного расслабился. Он больше не сказал ни слова насчет Мака Эванса. Они ели в тишине, казалось, Исаак был не в силах избавиться от напряжения после новостей, что он узнал. Им следовало бы остаться дома и приготовить ужин самим.

oOo

Лилли проснулась, стоя у кровати Исаака, ее сердце отчаянно стучало в груди. В комнате было темно. Когда она пришла в себя, то посмотрел на часы, которые стояли на прикроватной тумбочке. Время было 3:21. Затем она заметила, что Исаака в кровати не было. Поднимая его футболку с пола и надевая ее, она оправилась на его поиски.

После того, как она прошла весь первый этаж, то проверила двор и нашла его сидящим на железном шезлонге в саду — шезлонг мог бы, вероятно, показаться вам «винтажным» и «милым», если бы не стоял примерно последние 50 лет в этом саду. Он курил. Лилли вообще не курила, а Исаак не курил только в помещении, за исключением клуба, потому в его действиях не было ничего необычного. Но что на самом деле было необычно для него, что он покинул кровать для того, чтобы покурить. Он не любил просыпаться в одиночестве, когда был с ней, и он также не делал этого, оставляя ее одну в кровати.

Она толкнула дверь с проволочной сеткой, и та, распахнувшись, издала характерный ей звук. Он повернулся на звук и наблюдал за тем, как она приближается к нему в отблеске, который создавало предрассветное свечение, что придавало саду утонченное величие. Воздух ощущался тяжелым и влажным. Ночные животные стихли, а предрассветные еще не проснулись, тишина была гнетущей. Когда она подошла к нему, он бросил окурки на землю и

протянул свои руки в ее сторону. Она уселась к нему на колени, ее рука легла к нему на плечи, легко приобнимая его.

Одетый только в свои джинсы, он прижал ее ближе к себе, положив одну руку ей на бедро, другую на ногу.

— У тебя был кошмар, детка? — он положил голову ей на грудь, и она запуталась пальцами в его густых волосах.

— Ага. Ты в порядке?

— Прости меня, — вместе того, чтобы ответить на ее вопрос, он задал ей свой. — Ты когда-нибудь мне расскажешь, про что они? Про то, что произошло в Афганистане?

Она вздохнула. У нее не было желания разговаривать о них. Она хотела сказать ему то же, что и говорила постоянно, когда он спрашивал, что она совершенно не помнит, о чем они были, но это была бы ложь. И, в конце концов, если бы она ответила ему, то он бы прекратил расспросы.

— Полагаю да. Я имею в виду, они начались с того момента, как я вернулась в штаты. Но это не похоже на то, что я вновь переживаю воспоминания о том, что произошло там. Эти сны о смерти. Мне снится, что меня убивают. Жестоко. Я чувствую, как это происходит. Иногда эти кошмары наполнены насилием.

Он поднял голову, чтобы посмотреть на нее, как только она начала отвечать на его вопрос.

— Господи Иисусе, Лилли.

Страшась того, что она будет втянута в какой-нибудь любительский психоанализ, и прежде, чем он смог бы сказать больше, она задала ему встречный вопрос:

— Что тебя беспокоит, почему ты сидишь в темноте?

Он улыбнулся, но от Лилли не укрылось, что его улыбка была не такой уж и оптимистичной.

— Я обязательно скажу тебе, Спорти. Скоро я расскажу тебе все. Но не сейчас. На данный момент, скажу лишь, что от меня зависят множество людей, а я не знаю, как сделать так, чтобы не подвести их. Весь город смотрит на меня, а я чувствую себя неспособным сделать то, чего от меня ожидают. Я не тот, кем они хотят меня видеть.

— А кем они хотят, чтобы ты был?

Он шумно выдохнул.

— Гребаным спасителем.

— Я не знаю насчет них. Но мне кажется, меня ты спас, милый, — она положила ладонь ему на щеку, кончики ее пальцев прошли по его шраму. Она хотела спросить, как он получил его.

Все его тело в тот же момент отреагировало на ее слова, его руки стиснули ее в объятиях крепче, глаза впились в ее лицо.

— Ты должна остаться. Я не могу потерять тебя. Ты, черт побери, должна остаться.

Это, скорее всего, был не совсем подходящий момент, чтобы думать о том, что произойдет, когда Хобсон и его брат вернутся обратно, и что может значить голосование клуба для них.

— Исаак, мы не будем говорить об этом прямо сейчас.

— Черт, — он уронил голову ей на грудь. — Черт побери.

Чувствуя потребность изменить этот момент и восстановить хрупкий мир, которым они наслаждались, Лилли положила свою ладонь поверх его, там, где она покоилась, и

переместила ее к себе между ног. Он застонал, и вибрация от этого стоны отдалась у ее груди. Когда она переместила его пальцы так, чтобы они скользнули в ее влажность и прикоснулись к ее клитору, он издал еще более громкий стон и взял инициативу в свои руки.

Она держала свою руку поверх его, наслаждаясь тем, как его ладонь двигалась у ее ладони, когда его пальцы поглаживали и исследовали. Когда она начала чувствовать волну тепла между ног, что обозначало, что она подбегается все ближе и ближе к освобождению, он остановился и убрал свою руку в сторону, располагая ее на бедре Лилли. Она захныкала и потянулась, чтобы вернуть его ладонь на прежнее место, но и тогда он ототкнул ее руку прочь, усаживая ее спиной к себе. Он схватил край ее футболки, который едва прикрывал ее бедра, и приподнял его, вынуждая ее поднять руки, чтобы он мог стянуть ее. Когда она оказалась обнаженной, то повернулась и положила ладони на пряжку его ремня, но он сжал ее руки в своих ладонях и положил их себе на бедра.

— Сегодня удовольствие только для тебя детка. Я только хочу прикоснуться к тебе. Ляг на меня.

Как только она сделала это, и затем изогнула спину так сильно, как только могла, с пронзительным стоном, он вновь вернул свою руку между ее ног и взял ее грудь в другую ладонь. От волны ощущений ее рассудок затуманился, в то время как чувства обострились — его твердая грудь у ее спины, его грубые ладони накрывают ее нежнейшую плоть, его твердые и одновременно мягкие губы у ее шеи, ее челюсти, ее уха.

Пока он ласкал ее, его пальцы ощущали нужду чуть замедлить неистовое бурление ее крови, тогда он прошептал ей на ухо.

— Детка, твоя киска ощущается, как атлас, она такая гладкая и мягкая... Ах, я так люблю ее, когда она сжимает меня так крепко, как сейчас... — он выскользнул влажными пальцами из ее лона и поднял их, кружа ими вокруг ее клитора, заставляя бедра извиваться на его коленях... она могла чувствовать твердую эрекцию в его джинсах, которая прижималась к ее заднице и бедру. Он положил голову ей на плечо со стоном. Она так сильно хотела его внутри. Всего его. Она потянулась за спину и схватилась за его пряжку вновь, но его ладонь исчезла с ее груди и сомкнулась на ее запястье, убирая прочь.

Он широко развел пальцы в стороны, прижимая ладонь к ее животу, прижимая ее к себе.

— Просто дай мне почувствовать тебя, детка. Вот то, чего я хочу, — пробормотал он ей на ухо.

— Исаак, пожалуйста, я хочу, чтобы ты трахнул меня, я хочу почувствовать твой член.

Он рассмеялся, и этот сексуальный звук заставил ее сжаться и застонать.

— Я обязательно сделаю это. Когда я закончу тут, я занесу тебя в дом и войду в тебя своим членом. Ох, я именно так и сделаю. Я оттрахаю тебя по полной программе. Но сейчас я хочу, чтобы ты откинулась на меня и позволила мне прикасаться к тебе, — он поглаживал ее долгими плавными прикосновениями ладони, начиная от ее горла и до коленей, в то время как другая его рука продолжала исследовать и проникать внутрь нее. — Просто расслабься и позволь себе почувствовать это, детка.

И она позволила. Она пронзительно выдохнула и расслабилась, наслаждаясь рельефами его тела, позволяя ему ласкать ее. Его руки были везде — на ее груди, на руках, ногах, животе, его кончики пальцев нежно проходились по линии ключиц. Пальцы глубоко вонзались в ее лоно и ее задницу, щипали и кружили на ее клиторе. Его рот прижался к ее шее и посасывал вновь и вновь, без остановки, ее шелковистую кожу.

Она оставалась расслабленной и спокойной так долго, как только могла, отдаваясь полностью его прикосновениям, позволяя себе чувствовать, как ее потребность пронзает тело, обжигая и расслабляя все ее мышцы до пальчиков ног. Его пальцы были на ней, в ней, двигаясь быстрее и жестче, пока его тело не начало содрогаться из-за усилий, что он прикладывал. Когда ее оргазм приблизился, набирая скорость, она сжала его руку между ее ног и принудила его быть с ней жестче, быстрее, пока наслаждение не настигло ее, и она не предприняла попытку изогнуть свое тело, но он бы не позволил ей сделать это, он начал проникать в нее быстрее, шепча ей на ухо: «Давай, давай, давай, давай, детка». Она напряглась всем телом, невообразимое наслаждение пронзило ее, словно мощный электрический разряд, ее зрение затуманилось, в глазах засверкали мириады ярких звезд, и она закричала.

Когда все закончилось, она полностью расслабилась, и Исаак стиснул ее тело крепко, удерживая на своих коленях. Она была счастлива; она чувствовала, что если бы он не прижимал к себе, то она превратилась бы в лужицу у его ног. Он сделал это с ней — для нее — только при помощи своих рук.

Он оставил поцелуй на ее коже под ухом и прошептал.

— Я тебя люблю, Спорти. Ты моя, и я не собираюсь отпускать тебя.

Лилли знала, что ей необходимо было как-то возразить в ответ на его слова. Он не мог знать наперед, что принесут следующие пару недель. Но крепкие путы блаженства все еще удерживали ее, и когда он обернул свои руки сильнее вокруг ее тела и поднялся на ноги, поддерживая ее, все, о чем она могла беспокоиться, так это то, чтобы он воплотил в жизнь свои планы.

oOo

— Лилли... Лилли... Лилли.

Господи Иисусе, она собиралась убить его. Лилли только-только заснула. Теперь он водил пальцем вниз вверх по ее позвоночнику, произнося ее имя самым что ни на есть угрожающим мелодичным голосом.

Она издала стон и шлепнула его.

— Ни за что, — она попыталась натянуть одеяло себе на голову, но он не дал ей сделать этого.

— Нам нужно выдвигаться, детка. Ты можешь поспать в автофургоне, если хочешь. А теперь просыпайся и за дело, или как бы там ни было, но просыпайся. Кажется, за дело возьмешься ты еще не скоро.

— Сколько времени? — она повернулась и бросила хмурый взгляд в его сторону.

— 6:30.

Почти полтора часа назад они рухнули без сил, потные и изможденные. Как он может быть таким энергичным?

— Давай же, солдат, для тебя это практически уже, как полдень, ведь так? — он шлепнул ее по заднице и поднялся. — Эй... я собираюсь сделать кофе, если ты встанешь сейчас, ты можешь принять душ сама. И на кухонном столе тебя будет ждать совершенно новая пачка Cookie Crisp.

Улыбаясь, как идиот, он покинул комнату. Лилли поднялась. Она хотела немного личного пространства в душе сегодня.

Приняв душ, одевшись, напившись кофе и наевшись шоколадных хлопьев, Лилли почувствовала себя на удивление намного лучше. Когда она вошла в прицеп, то почувствовала себя еще лучше. Это было восхитительно. Он был небольшой и компактный, с передней частью, сделанной под фургон, небольшой кухонькой и гостиной, и чем-то вроде спальни в задней части. Самая восхитительной частью всего этого было то, что этому фургончику было почти 40 лет. Ковровое покрытие золотистого цвета. Мягкая мебель была рыжевато-золотистой с цветочным принтом цвета авокадо, который украшал обивку.

— Черт побери, он потрясающий! — она завизжала, открыла переднюю дверь и бросила свой рюкзак на пол рядом со столом. Исаак стоял на земле, прислонившись к водительской стороне, глядя на нее таким взглядом, который подразумевал под собой, что она, вероятно, была сумасшедшей, а она, в свою очередь, забралась на пассажирское сидение и усмехнулась.

— Нет, серьезно, мне очень нравится. Это будет охрененно!

То, как он улыбался ей сейчас, заставляло ее сердце трепетать, и она проговорила:

— Я тебя люблю.

Он поиграл бровями в ответ на ее слова. Ей нравилось, что он бездумно не повторял эти слова в ответ, когда она говорила так ему. Как и она, он придавал этим словам большое значение и использовал их дозированно.

— Эй, иди сюда и присядь за руль на секундочку, мне необходимо проверить, работают ли фары. Они прицепили грузовой прицеп позади жилого автофургона, в котором находились его вещи для выставки и инструменты, так же там был его байк. Она перебралась через консоль и уселась за руль.

После того, как фары были проверены, Лилли пересела на свое место, когда Исаак занял водительское сидение. Пока они отъезжали от его дома, Лилли поняла, что у нее отличное настроение. Несмотря на недосып, несмотря на тьму, которая наполняла каждый уголок ее прошлого, несмотря на то, что их ожидало в ближайшем будущем, она чувствовала себя легко. Она была по-настоящему счастлива.

Она не хотела терять это. Она не хотела терять его.

Прошлое: 2011 год

Лилли скользнула карточкой по электронному замку и открыла свою дверь в номер в «Резиденс Инн». Вот он, ее дом. Она была в США уже на протяжении трех месяцев, а ушла со службы больше трех недель назад. Ни работы, ни дома, ни семьи. У ее отца был оформлен щедрый полис страхования жизни, и он оставил его ей. И все то время, пока она служила, на него капали проценты, поэтому, на данный момент, ей совершенно не нужно было работать. Она ненавидела себя за то, что она использовала эти деньги, но она просто не могла представить себе свое воссоединение с миром вновь. Поэтому, пораскинув мозгами, она решила, что просто останется тут.

Пошло все на хер.

Когда пришло заключение о расследовании, и Большая Донна оказалась в порядке, Лилли боролась. О, как чертовски отчаянно она боролась поначалу. Если Большая Донна была в полном порядке, тогда она убила своих парней. Окаду, Миллера, Скарпона. И еще восьмерых бойцов. Им потребовался больше, чем один день, чтобы опознать их останки и вернуть тела после того, как им пришлось на протяжении двадцати девяти часов наблюдать за их сожжением, и затем за тем, как расчлененные тела висели на стене.

И все это сделала она. Начальник управления технического обслуживания самолично проверял Донну. Лилли не могла понять, что пошло не так, как она могла чувствовать явные неполадки, когда их не было. Может, все они были правы. Возможно, она потеряла контроль над собой, и у нее произошел какой-то странный срыв. Она была повинна в том, что убила своих парней.

Поэтому пошло все на хер еще раз.

Лампочка на ее телефоне моргала. Но она проигнорировала все; скорее всего, это был звонок со стойки регистрации, или же служба обслуживания номеров, или что-то еще. Не было никого, кто мог бы звонить ей.

Примерно в три часа ночи она все-таки решила проверить, но только для того, чтобы эта гребанная лампочка прекратила мигать. Она отвратительно спала, но этот непрерывно мигающий свет мешал даже на немного погрузиться в легкую дрему, чтобы сбежать от реальности.

Это не был звонок по внутренней линии. Сообщение было кратким.

«Мисс Аккардо, вы все еще можете служить вашей стране. Пожалуйста, перезвоните».

«Мисс Аккардо». Господи, это звучало чертовски хреново. Она узнала код штата и определила, что номер соответствовал округу Колумбия, а не военному министерству США.

Она удалила сообщение и просто забила на него. С этого дня и на протяжении каждого последующего дня в течение недели, тот же мужской голос оставлял то же самое сообщение. На восьмой день раздался стук в дверь ее номера.

Спустя неделю после этого она тренировалась, чтобы работать в Управлении национальной безопасности.

Глава 16

Исааку нравилось приезжать, когда начинались приготовления к открытию; место в один момент становилось наполненным огромным количеством продавцов, которые старались поставить свои палатки и прилавки. Но после их сексуального марафона прошлой ночью, он и Лилли начали день позже, чем он предполагал. Но это было не так уж и плохо, тем более, что подготовка шла хорошо.

Исааку нравились эти ежегодные выставки от начала и до конца. Некоторые выставки искусств, которые проходили при участии судей и проводились в таких больших городах, как Сент-Луис, были худшим кошмаром из всех существующих. Эта же выставка декоративно-прикладного искусства проводилась в Талсе, располагалась в большом городском парке на самой окраине пригорода, потому была его самой любимой. Она была большая, потому тут была хорошая возможность прилично подзаработать. Также в парке было выделена площадка для кемпинга, потому большинство продавцов ставили свои палатки и жилые автофургоны там, разводили большой костер каждую ночь и хорошо отдыхали. Тут подбиралась отличная компания людей — приятных, добродушных, которые привыкли зарабатывать деньги тяжелым трудом. Это были люди, с которыми предпочитал общаться Исаак.

Первым делом они сняли грузовой прицеп, затем припарковали на выбранном месте свой жилой автофургон и только потом принялись ставить свою палатку. Арендная плата за палатку включала в себя наличие самой палатки, белого натяжного тента размером десять на десять со съемными боковинами. У них заняло некоторое время, чтобы начать, потому что все были рады видеть друг друга. Тут было множество мужчин и женщин, которых Исаак

считал друзьями, но они видели друг друга только пару раз в году, во время этих выставок. Поэтому первым делом были объятия, приветствия в виде ударов кулаками и крепких рукопожатий с продавцами, которые уже находились тут, когда прибыли Лилли и Исаак. Только когда с приветствиями было покончено, и все перекинулись парой слов, они приступили к делу.

Исаак испытывал особенное удовольствие, представляя Лилли. Многие были удивлены. Исаак был известен как парень, который не любит долгосрочных отношений. Но они быстро меняли мнение после пары минут общения с Лилли. Она была легкой и приятной в общении, зная, как и в какой момент она могла использовать свое чувство юмора в компании этих людей. Она очаровала почти всех, с кем она познакомилась. Кажется, что даже она была очарована сама собой. Исаак был в отличном настроении. Он практически позабыл о своих заботах.

В то время, пока Лилли направилась в лагерь, чтобы проверить некоторые электроприборы и заплатить за вязанки дров для костра, Исаак был занят установкой своей палатки, вбивая столбики для креплений в последнее углубление, когда почувствовал прикосновение женских рук на своей спине. Это была не Лилли — аромат гардений был слишком сильным. Люсинда. Бл*дь. Он совершенно не подумал о ней

— Привет, любимый, — прошептала она своим самым мягким, сексуальным голосом ему на ухо. Ее ладони скользнули вниз по его спине, устремляясь в задние карманы джинсов. Он выпрямился, убирая ее пальцы от себя, и повернулся к ней.

— Привет, Син.

Люсинда делала симпатичные серебряные украшения с использованием драгоценных камней. Ее работа была в большей степени ремеслом, чем искусством, она не делала украшения для выставок с участием судей, но она была самой постоянной любовницей Исаака на таких ярмарках и выставках на протяжении пяти или шести лет. Она была красивой женщиной. Ей было чуть за сорок, ростом она была пять футов и шесть дюймов, ее длинные волосы были мелированы во все оттенки светлого, но это было выполнено искусно и красиво. Светло-карие, почти золотисто-карие глаза, узкие бедра, она не была обладательницей отменной задницы, но у нее была шикарная грудь. Она была одета в обтягивающие джинсы (Исаак точно знал, насколько ее джинсы были обтягивающими, он не раз стягивал их с нее) и струящуюся просвечивающуюся майку, которая обнажала ее плечи и грудь. Она знала свои достоинства. Так как она создавала украшения, на каждом пальце она носила по кольцу, в ушах было много серег, массивную цепочка и кулон, а каждое запястье обхватывали браслеты шириной в несколько дюймов. Ее приближение можно было услышать за пару миль. Но он не услышал ее приближения, он был слишком занят своими мыслями. Настолько, что он вообще позабыл о ней и о том, что нужно было предупредить Лилли о ее возможном появлении.

Теперь она вновь приблизилась к нему и обвила свои сильно увешенные украшениями руки вокруг его шеи, приподнимаясь на носочках, чтобы поцеловать его. К счастью, она не могла дотянуться до него, пока он сам бы не наклонился для поцелуя. В этот момент он увидел, как к нему направляется Лилли. Она шла по узкой тропинке между палаток. Он обернул свои руки вокруг талии Люсинды и отстранил ее тело от себя.

— Прости, Син. Я сюда приехал кое с кем.

Она фыркнула.

— Точно. Как и всегда, — она вновь сделала шаг в его сторону, но он удержал ее, глядя

на нее предостерегающим взглядом. Ее нахмуренные брови сошлись вместе. — Что...? Ты что, серьезно? Ты привез с собой свою потаскушку?

Его охватило неожиданное желание залепить ей пощечину за ее замечание, но он смог совладать с ним. Лилли подходила ближе, и, определенно, эта сцена привлекла ее внимание. Исаак приблизился к ней, чтобы прорычать:

— Нет, я привез с собой свою старуху. Между нами все кончено, Син.

Постойте-ка — старуху?! Его собственные слова ошеломили Исаака почти настолько же, как и Люсинду, которая отпрянула назад, глядя на него убийственный взглядом, и пробормотала:

— Мудак, — она развернулась и направилась навстречу Лилли.

Исаак наблюдал за тем, как Лилли улыбнулась ей ослепительной улыбкой и продолжила идти. Люсинда остановилась, развернулась и посмотрела, как Лилли подходит к нему. Он обнаружил, что живет в своей собственной мыльной опере, которая вот-вот грозила превратиться в гребанный ад.

Лилли подошла прямо к нему, пробормотав:

— Сделай это красиво, — и притянула его голову к себе, чтобы жестко поцеловать. Испытывая небольшую жалость к Син, он повиновался и обернул свои руки вокруг Лилли, наклоняя ее вперед и целуя до тех пор, пока она не начала задыхаться. Он приподнял свой взгляд посреди поцелуя, чтобы увидеть, как Син развернулась и направилась прочь.

Ну что ж, теперь он знал точно, что его женщина была ревнивой. Он хотел надеяться, что Син послушает его, и выходные не превратятся во что-то излишне драматичное.

Он отстранился и поставил ее на место.

— Чувствуешь себя лучше?

Лилли положила ладони на бедра.

— А кто она?

— Люсинда. Старая песня.

— Как только у тебя появится шанс, ты, вероятно, захочешь предупредить Люсинду Старая Песня, что я могу свернуть ей шею легким движением руки, — она вошла в его палатку и открыла коробку с вырезанными из дерева цветами. — Как думаешь, это больше придется ей по вкусу?

Исаак счел ревность Лилли чрезвычайно сексуальной. Он терпеть не мог ревнивых женщин. Он понял это еще давно. Исаак не менял любовниц на протяжении многих лет, но как только те начали проявлять ревность, он незамедлительно бросал их. Но ревность Лилли он счел восхитительной. Она дала понять ему, что он принадлежал ей — и поцелуй был таким же. Утверждающим. Он поправил свой возбужденный член в джинсах, пытаясь найти более удобное и менее заметное положение.

— Вряд ли. Прости меня, Спорти. Я, честно, даже не подумал о ней, — как бы все происходящее не было сексуально, он не хотел, чтобы это переросло в проблему. Желая направить их отношения в более спокойные русло, он подошел к ней сзади и притянул к себе. Он прижался ртом к ее уху, вдыхая носом ее запах, такой отличный, насколько более естественный, намного более приятный, чем удушающий аромат гардений Син, и пробормотал:

— Моя голова забита тобой настолько, что там просто нет места не для кого больше.

Она рассмеялась, поворачивая голову к его рту.

— Хитрец.

Он захватил ее губы в поцелуе, и то, как она сдалась ему, дало ему понять, что их небольшой инцидент исчерпан. Ее дыхание защекало его губы, когда она прошептала:

— Тебе следует знать, что я всегда была плоха в том, чтобы делиться.

Он развернул ее в своих объятиях и прижал к груди.

— Как и я, детка.

oOo

Первая ночь у костра, когда все чувствовали себя энергичными перед предстоящей выставкой и счастливыми из-за возможности воссоединиться со старыми друзьями, была весьма шумным мероприятием. Исаак несколько отвлекся, когда наблюдал, как Лилли стояла посреди жилого автофургона и меняла свои шорты на джинсы, поэтому, когда они добрались до костра со своим кулером, полным пива, костер уже разгорелся в полную силу, восхитительно пылая, а люди были заняты своими кружками с выпивкой. В этом парке было озеро и пляж, и костер разжигали недалеко от него, поэтому там же можно было видеть людей, что купались в озере, некоторые купались голышом, некоторые нет.

Также там всегда присутствовали музыканты, обычно те, что исполняли фолк. Этой ночью было три человека с гитарами, у кого-то была скрипка, а кто-то принес набор тамбуринов без тарелочек. Косяки с марихуаной и огромное количество галлюциногенных грибов свободно передавались от одного к другому, как пиво и другой алкоголь. Костер. Фолк-музыка. Ремесленники и художники. Выпивка и наркотики. Исаак бы выслушал непрекращающуюся лекцию от своих братьев, если бы они увидели, как ему нравится такое хиппи-дерьмо.

Они поздоровались, и Лилли расстелила их одеяло. Исаак сел около бревна, что располагалось у костра, и усадил Лилли между своих ног. Он передал ей пиво и отрыл одно для себя, затем откинулся спиной на бревно и привлек Лилли к себе. Он чувствовал себя расслабленно. Он практически желал, чтобы это было его жизнью, чтобы он мог разъезжать в старом жилом прицепе, продавая свои работы, общаясь с людьми на выставках, путешествуя глубокой ночью по извилистым деревенским дорогам в компании своей женщины. Он мог бы быть бродягой. Не парясь ни о чем. Дорога была тем местом, где он чувствовал себя хорошо.

Дункан, кожевник и его хороший друг, вместе с его женой Минди делили с ними длинное бревно. Также они делили вместе с ними косяк с марихуаной, а Исаак с Лилли делись с ними пивом. Лилли лежала спокойно на его груди, слушая, как Исаак говорил с Дунканом и Минди на профессиональные темы. Затем к ним подошел Стэн, следом Тоня, и их разговор набрал обороты. Исаак почувствовал, как Лилли стала скучать. Но он был в самой гуще беседы и не очень хотел выходить из него, по крайней мере, на данный момент. Он не виделся со своими друзьями уже весьма продолжительное время.

В конце концов, Лилли поднялась между его ног и покинула все пребывающую и пребывающую группу людей, которые говорили на темы, о которых она не имела ни малейшего представления. Исаак смотрел, как она поднялась на ноги, наблюдал за тем, как она направилась в сторону туалетов, ее слегка заносило вправо от выпитого алкоголя и выкуренных косяков. Зная, куда она направилась, он вернулся вновь к своему разговору, который становился с каждой минутой все интересней.

Но ее не было уже долгое время. Исаак осмотрелся по сторонам, замечая ее нетронутое

одеяло там, где она его и оставила, и сделал некоторые подсчеты. Она выпила шесть бутылок пива. И выкурила пару приличных по размеру косяков, которых они разделили на четверых.

Лилли была чертовски обдолбана.

Она уже была такой при нем, он знал, что это обозначало — она была абсолютно раскованной и немного сумасшедшей. И чертовски возбужденной. Когда он был с ней, это было потрясающе. Но он не знал, чего ожидать, пока она бродила по лагерю сама по себе.

— Просите меня, народ, мне кажется, я потерял свою, женщину, — никто толком и не обратил внимания на его слова, поэтому он поднялся и отправился на ее поиски.

Ее не было в туалете; он взял с собой Джули, ткачиху, и попросил ее проверить. Он посмотрел везде, наконец, просто выкрикивал ее имя, пока шел. Он начал испытывать настоящее волнение, которое граничило с безумием, задаваясь вопросом, могли ли проблемы клуба последовать за ним в Талсу и настигнуть Лилли, к тому времени он достиг озера. Сейчас там было больше купающихся, и многие были обнажены.

И она была одной из них.

Он тщательно оглядел озеро, только потому, что это было последнее место, где можно было ее искать, но он был уверен, что там ее быть не должно. Но она была там, стояла в воде по пояс, ее грудь была обнажена и мерцала в лунном свете и слабом отблеске костра. Она была красива. И полностью обнажена.

— ЛИЛЛИ! — прокричал он. Она увидела его, рассмеялась и нырнула в воду. Ее нижняя часть тела была тоже обнажена.

Гребаный Господи. Она была обдолбанна и при этом плавала. Она была обнажена перед всеми этими людьми. Его женщина. На виду у всех. Он не знал, стоит ли беспокоиться о ее безопасности потому, что она могла утонуть, или же потому, что он собирался ее придушить.

Когда она вынырнула, он прокричал:

— ЛИЛЛИ! БЫСТРО НЕСИ СВОЮ ЗАДНИЦУ НА БЕРЕГ!

Она рассмеялась, показывая ему средний палец, и вновь нырнула. На этот раз она оставалась под водой в течение мучительно долгого количества времени и оказалась на более далеком расстоянии, чем ранее, когда вынырнула на поверхность. Затем она вновь погрузилась под воду, и, когда она вынырнула на этот раз, то была еще дальше от берега.

Теперь она находилась в опасном месте для ныряльщиков, это грозило утоплением, если она была настолько обдолбана, насколько он подозревал.

Он собирался пойти и вытащить ее на берег. Бл*дь.

Исаак умел плавать, но он не собирался ставить себя в уязвимое положение. Раздеться до нижнего белья на людях, даже в толпе купающихся голышом, остаться безоружным и едва одетым? Он не станет делать этого.

Бл*дь, бл*дь, бл*дь.

Пару мгновений Исаак боролся со своим затруднительным положением, когда к нему подошел Дункан и стал рядом с ним.

— Я пойду и вытащу ее на берег, мужик.

НЕТ. Другой мужчина не будет вытаскивать его обнаженную женщину на берег. Он скинул свои ботинки.

— Я сам. Просто... принеси наше одеяло. Дункан кивнул и направился обратно к их бревну у костра.

Теперь, когда он решил на это безумие, Исаак быстро скинул одежду, оставшись

только в боксерах, затем направился прямо — в чертовски ледяную, к слову, — воду и нырнул. Он делал размашистые сильные гребки руками. Лилли не двигалась, она просто держалась на поверхности, двигая руками. Исаак принял это за плохой знак и приложил чуть больше усилий.

Она заплыла дальше, чем он предполагал. Когда он доплыл до нее, она тяжело дышала и выглядела очень утомленной, но она все еще держалась на поверхности. Когда он обернул свои руки вокруг нее, Исаак ощутил странную смесь эмоций: гнев, страх, любовь, облегчение. Он позволил любви и облегчению завладеть его чувствами.

— Эй, Спорти. Что ты тут делаешь?

— Тут глубоко, — задохнулась она, отвечая невпопад, с вымученной улыбкой на губах. — Вода холодная.

— Понял. Хочешь на берег? — она лишь кивнула, и он притянул ее ближе к себе и поплыл обратно к берегу. Она совершенно не сопротивлялась, и Исаак был рад этому, потому как мог полностью сконцентрироваться на их возвращении, на берег. Когда он достиг вод, где они могли уверенно стоять на ногах, она не смогла сделать этого. Она просто потеряла сознание. Бл*дь. Слава Господу, он мог чувствовать, как ее грудь двигается под его рукой, поэтому он знал, что она дышит. Он взял ее обнаженное тело на руки и направился к берегу.

Дункан и Минди ждали их обоих. Минди развернула широко одеяло, ожидая, чтобы завернуть в него Лилли. Когда она увидела, что Исаак несет ее, она чуть изменила положение одеяла, чтобы она могла укрыть Лилли. Дункан держал их одежду.

— Она в порядке?

Исаак издал стон.

— Не знаю. Собираюсь отнести ее в автофургон.

— Постой, Исаак, — Минди положила ладонь на его руку. — Она ледяная. Посиди у костра несколько минут, чтобы она согрелась. И ты тоже.

Он кивнул и присел туда, где они начали эту ночь. Сжимая Лилли в своих объятиях, он осмотрел ее. Она все еще дышала, поэтому не было похоже, что она утонула. У нее был нормальный пульс, если даже не сказать учащенный. Но даже в свете костра он мог видеть, что она была ужасно бледной. Он прижал губы к ее лбу; он был очень холодным. Завернул ее сильнее в одеяло. Он и сам сильно дрожал, но ему было на это наплевать.

— Лилли, детка. Давай же, приходи в себя. Что не так?

Он не понимал, какого долбанного хрена произошло. Она пошла в туалет, а затем она уже плавала, обдолбанная и обнаженная, в темноте, в середине озера? И она уплыла еще дальше, когда он стал звать ее. Она пыталась уплыть, сбежать от него. Он не понимал этого.

Он не имел понятия, сколько они здесь сидели. По большей части, оживленный вечер вокруг костра проходил вокруг них. Кто-то (Исаак не заметил, кто именно) набросил грубое шерстяное одеяло на него. Дункан отнес их одежду к ним в жилой автофургон. Таким образом, они остались наедине.

Когда она очнулась, или пришла в себя, или что там она сделала, она сделала это так яростно, как иногда просыпалась по ночам от кошмаров. Исаак получил жесткий удар по щеке, прежде чем смог покрепче прижать ее к себе. Он прижал ее ближе к себе, стискивая ее руки, пока она бы не успокоилась. Когда, наконец, она успокоилась, он отстранился, чтобы мог рассмотреть ее.

— Эй, Флиппер. Ты со мной? (Прим. «Флиппер» — приключенческий фильм, добрая и

захватывающая кинокартина режиссера Алана Шапиро. Увлекательная история о дружбе мальчика и дельфина по имени Флиппер).

После пары мгновений полной растерянности, она кивнула.

— Я не... я не зна... Я обнажена.

Успокоившийся, озадаченный, но уже совершенно не злой, Исаак рассмеялся.

— Так и сесть. Я возьму тебя и отнесу в наш фургон, хорошо? Мы поспим, а утром, нам предстоит серьезно поговорить.

Когда он поднял ее на руки, она обвила руки вокруг его шеи и положила голову ему на грудь.

оОо

Он притянул ее ближе, оборачивая свое тело вокруг нее. Лилли сразу же заснула, да она и у костра едва просыпалась, и Исаак сразу же уснул, как его голова коснулась подушки

Он проснулся на рассвете от звуков и запахов просыпающегося лагеря — люди по соседству тихо разговаривали, готовили завтраки, направлялись в туалет и душ. Его тело затекло. Они не двигались всю ночь, и кровать в автофургоне была не очень удобная. Он испытал невероятный страх, когда подумал, что с ней могло произойти что-то ужасное, но теперь Лилли крепко спала. Она заворочалась во сне, глубоко вдыхая, когда он приподнялся на локте.

Ее приключения на озере прошлой ночью по-настоящему разозлили его. Он не знал было ли это что-то важное, или ему не следовало придавать этому значения, но она могла умереть. По глупости. И он не знал, почему.

Им нужно было вставать. Он провел ладонью вверх и вниз по всей длине руки, оставил поцелуй на ее плече. Ее кожа на вкус ощущалась, как озеро и костер, и в тот же миг почувствовал, как его сердце отчаянно загрохотало от воспоминания об этом. О его страхе. Она вновь заворочалась, ее красивая задница легко скользнула по его возбужденному члену.

Он отодвинул свои бедра назад; она, вероятно, себя чувствовала очень дерьмово. Это было неподходящее утро, чтобы что-то начинать. Он легко потряс ее за плечо.

— Время вставать, Спорти.

Она тихо застонала и свернулась еще сильнее в клубок, ее задница вновь коснулась его члена. Господи, он хотел ее. Он чувствовал отчаянное желание, когда она была поблизости, это было похоже на гул, который раздавался на задворках его разума, но желание быть к ней кожа к коже практически переполняло его. Он напряг мышцы, не в силах не делать этого, затем резко развернулся и сел, увеличивая между ними расстояние.

Он шлепнул ее по заднице за то, что она причиняла ему такие мучения.

— Лилли, детка, время вставать.

На этот раз он перекатил ее на спину, и она открыла глаза, смотря на него злым взглядом.

— Оу. Черт.

Он не смог сдержать улыбку.

— Не удивлен. У тебя была полная приключений ночь. Как ты себя чувствуешь, за исключением твоей головы?

Она села и застонала. Ее волосы были в беспорядке, и на лице было болезненное выражение, но за исключением этого она выглядела отлично.

— Словно бежала марафон без подготовки, — она потерла руками лицо, затем опустила их и взглянула на Исаака. — Мы что, плавали?

— Я полагаю, что так можно сказать в некотором роде. Ты плавала нагишом и чуть не утонула, а я поплыл вслед за тобой, чтобы спасти тебя.

Она посмотрела на него в изумлении.

— Иисус. Что было в косяке?

— Это был обычный косяк, детка. Ты чувствуешь легкое головокружение, — он откинул волосы с ее плеч и убрал кусочек озерных водорослей. Перекатывая их между пальцами, он спросил: — С тобой что-то происходит? С нами?

Она нахмурила лоб, затем вздрогнула от боли и расслабила лицо.

— Что? Нет.

— А мне кажется, да. Что у трезвого на уме, у пьяного на языке. Так же и с действиями. Ты уплывала от меня прошлой ночью, прямо навстречу опасности.

— Нет, Исаак. Я не... — она замолчала и прикрыла глаза. — Честно. Нет. И моя голова сильно болит для серьезного разговора.

Это дало ему понять, что в ее голове назревал важный разговор. Естественно, что-то происходило с ней, с ними. Они должны столкнуться с огромным дерьмом, когда вернуться в Сигнал Бенд. Он все еще не знал то, что произошло прошлой ночью. Было ли это просто невинной забавой или же каким-то образом связано с их неопределенным мрачным будущим, но он решил отпустить этот разговор. Они не будут говорить об этом дерьме сейчас.

— Я могу помочь тебе с похмельем. Пойду приготовлю завтрак. Почему бы тебе, пока я буду готовить, не принять душ?

Она согласилась, а Исаак поднялся на ноги и помог ей сделать то же самое. Он был все еще твердым, как гранит, и она бросила на его промежность насмешливый взгляд. Он рассмеялся.

— Что я могу сказать? Ты выглядишь сексуально, даже когда ты в ужасном состоянии. Но я взрослый мальчик; я могу выжить и без секса.

Она выглядела намного лучше, когда вышла из душа, но Лилли все еще двигалась медленно. И теперь Исаак видел отчетливый синяк на ее предплечье, словно кто-то с силой схватил ее. Это было его рук дело? Он взял ее за руку и приблизил ее к себе, чтобы рассмотреть получше — нет; его рука была больше.

— Где ты это заработала?

Лилли опустила взгляд, по-видимому, чувствуя растерянность.

— Я даже и не знаю. Случайный пьяный синяк, как мне кажется, — она посмотрела на свою правую руку, на которой был синяк, в этот момент Исаак заметил, что ее костяшки на руке были красными и воспаленными. Она кого-то ударила. Она, казалось, совершенно не замечала этого, поэтому Исаак решил не спрашивать больше. Но он собирался найти человека с синяком на лице, тогда у него будут идеи, откуда начинать.

Но, для начала, завтрак.

Он указал ей рукой присесть за столик для пикников, который располагался на месте их стоянки.

— Присядь, — он накрыл на стол и положил ей омлет и тост медом. А так же поставил томатный сок. И четыре таблетки ибупрофена. — Начни с сока и таблеток, затем тост. Яйца последними.

Она изумленно посмотрела на него.

— Такой властный.

— Эй, поверь мне. Хлеб и сок помогут. Подготовят тебя к яйцам. Когда ты съешь это, будешь готова к ним.

Она улыбнулась и сделала так, как он сказал. Исаак положил себе на тарелку то же самое и уселся рядом с ней, его рука была на ее бедре.

oOo

Выставка в этом году проходила особенно хорошо, и поэтому у Исаака и Лилли не было много времени, чтобы разговаривать в течение дня. Она была отличной помощницей. Она узнала много чего о его работе за последние недели, что они провели вместе, и теперь говорила с большим воодушевлением об этом. Она была не очень хороша в продаже, поэтому эту часть он взял на себя. Людям нравилось торговаться при покупке таких вещей.

Когда она отлучилась в туалет во время затишья, он направился в палатку к Син. На ее лице были большие солнечные очки, даже несмотря на то, что день был пасмурным. Она находилась одна в своей палатке, поэтому он вошел, сразу направился к ней и снял очки с ее лица. Синяк. На самом деле отличный синяк. Лилли все делала на совесть.

— Ты заварила всю кашу, Син?

Она забрала свои очки обратно и надела их.

— Пошел на хрен, Исаак. Вы двое можете подавиться друг другом. У маленькой суч... — она замолчала, вероятно, думая о лучшем выборе слов, и затем продолжила, — у этой девчонки нет чувства юмора.

Ее слова заполнили достаточно пробелов для Исаака. Син сказала что-то обидное, возможно, схватила Лилли за руку, чтобы привлечь ее внимание, — и Лилли... ответила яростью на слова Син, или, возможно, Син напала на нее. Он мог четко видеть это. Он облокотился на ее небольшой прилавок и подался вперед.

— Я знаю то, что произошло, было для тебя шоком, и я прошу прощения за это. Но, Люсинда, услышь меня, когда я тебе говорю, что тебе нужно успокоиться прямо сейчас. У нас были хорошие времена, но мы не были вместе. Тебе это известно.

Она надула губы.

— Если бы я знала, что ты был способен на отношения, я бы заявила на тебя права.

— Я не был, Син. Вот, что я пытаюсь тебе сказать. Давай расстанемся на хорошей ноте. Я не хочу, чтобы тебе было больно, — он взял ее за руку и сжал.

— Слишком поздно, придурок, — она отошла к противоположной стороне прилавка, и Исаак покинул ее палатку.

oOo

Первый день выставки прошел на самом деле хорошо. Погода была отличная — в течении дня она колебалась от солнечной до пасмурной, но не было никакого намека на дождь, хотя было прохладно для разгара лета — и облака плотно затянули небо. Исаак продавал дорогие предметы искусства, получая многообещающие вопросы о мебели, а также он побеседовал с парнем, который говорил достаточно серьезно, что заплатит отличные деньги за предметы мебели. Только время могло показать, выгорит ли эта затея, но он не мог

ничего поделать. Исаак чувствовал себя немного взволнованным по этому поводу.

Его обычные вырезанные из дерева изделия, которые всегда продавались на таких выставках хорошо, сегодня просто разлетались. Исаак стал немного беспокоиться, хватит ли у него запаса изделий на второй день. Но не сказать, что это была такая уж и плохая проблема. Когда небольшая компания пожилых леди покинула его палатку, унося с собой только что приобретенные вырезанные из дерева цветы и птиц, а также скворечник, который он сделал неожиданно для себя, он развернулся к Лилли и обнаружил, что она смотрит на него так, словно она поймала его, когда он делал что-то милое.

— Что?

Она подошла к нему и скользнула руками под его черную футболку, пока не коснулась ладонями сосков, совершенно не общая внимания на людей, которые посматривали в сторону их палатки.

— Мой большой мачо-байкер флиртует с пожилыми леди. Прямо как настоящий бабник — заставлял их смеяться. Бесстыдно хихикать.

Он улыбнулся, не обращая внимания на прохожих, прижал ладони к ее ребрам, подушечками больших пальцев касаясь ее нижней части груди. Она сделала пронзительный вздох и на мгновение закрыла глаза.

— Что я могу сказать? — прошептал он. — Я ценю женщин, которые ценят мое обаяние.

— Тогда ты должен иметь чертовски сильное желание боготворить меня.

— Ох, так и делаю, Спорти. Чертовки хочу тебя иметь, — он оставил поцелуй в уголке ее рта и отпустил ее.

Глава 17

Когда первый день выставки-ярмарки подошел к концу, Лилли помогла Исааку занести внутрь оставшуюся часть его товара и затем убрать прилавки. Поначалу ее шокировало, что он ничего не унес отсюда в грузовой прицеп и не запер все на ночь там, но он объяснил, что земли здесь охраняемые, и в палатку очень сложно проникнуть, пока один из охранников постоянно ходит вокруг. Поэтому они плотно прикрыли ее с боков и направились обратно в лагерь.

Она получала невероятное наслаждение, наблюдая, как работает Исаак на этой выставке-ярмарке или шоу, чем бы это ни было. Ей тоже нравилось помогать ему. Она любила его работы и обожала слушать и наблюдать, как он говорит об этом. Он был намного больше, чем просто байкер или же бандит. Она чувствовала гордость и заботу о нем, что немного мешало ему. Через пару часов, он вмешался и настоял, что он сам закончит продажи. Она хотела избить всех тех людей, которые старались сбить цену на товар. Пошли они в задницу за то, что хотели выгадать на его таланте и умениях.

Он притянул и прижал ее к себе, шепча ей на ухо:

— Полегче, Убийца. Это всего-навсего игра. Все оценивается в соответствии с ней. Я завышаю цену тем, кто не умеет играть.

Но ей было все равно. Это злило ее. Таким образом, Исаак мягко настоял, чтобы она предоставила покупателей ему. Она так и сделала, все еще испытывая невыносимое желание убить их всех, но старалась сдерживаться.

Он был здесь совершенно другим — все тот же Исаак, но более расслабленный. Намного больше. До Лилли на самом деле дошло, какую ответственность он нес на себе и

Сигнал Бенд. Здесь его заботы немного отошли на задний план и предоставили ему возможность немного расслабиться. Он непринужденно болтал с людьми, которые рассматривали товар на его прилавке, флиртовал с пожилыми леди, которые охали и ахали, восторгаясь вещами, которые он делал. Черт, и они флиртовали с ним в ответ.

Тут было много гуляющих по парку компаний пожилых людей. Лилли понятия не имела, приехали ли они на автобусах или же это было обычное место для прогулок пожилых пар. Некоторые женщины в ярких одноцветных брюках и блузках, с широкополыми шляпами на головах активно флиртовали с Исааком, используя любую возможность, чтобы прикоснуться к нему, потрогать бицепсы на его руках, погладить кубики его пресса. Одна сгорбленная пожилая леди небольшого роста, в фиолетовом брючном костюме и красной шляпке, которой, должно быть, было, по крайней мере, около 85-ти лет, погладила ладонью его живот и восторженно воскликнула:

— Ох, Мэйв, да у него тут больше шести кубиков! — в результате чего ее подружки, одетые в такие же брючные костюмы, захихикали и начали подталкивать друг дружку локтями, как девочки-второкурсницы.

Исаак не преминул этим воспользоваться, отвечая на ее флирт, улыбаясь ей самой сексуальной однобокой улыбкой, убирая руку леди в красной шляпке со своего пресса и поднося ее к губам, где оставил поцелуй на кончиках ее пальцев. Когда она уходила, держа работы Исаака, она прижала их как трофеи к своей костлявой груди и сжала ладонью его задницу.

Это его шокировало. Он даже покраснел. А Лилли это так рассмешило, что она чуть не обмочилась.

Он не носил здесь свой жилет, но все равно был огромным мускулистым парнем с длинными волосами и густой бородой. Из-под его рубашки выглядывала только нижняя часть его татуировки, но он все равно не выглядел опасно. Обычно люди, которые не знали его, — и те многие, кто имел честь знать его, — смотрели на него со страхом и уважением. Но не здесь. Здесь он улыбался практически постоянно, и его улыбка была удивительной. Когда Лилли замечала ее, сердце наполняла любовь. Вокруг него царила аура тепла и доброго расположения духа, поэтому люди тянулись к нему.

Ей также нравились его друзья, все те творческие люди и продавцы. Они вместе составляли настоящую компанию. Они были во многом похожи на Исаака, вели себя тут так же, как и он. Они приехали сюда настоящими, оставив неискренность и притворство. Такие люди были по душе Лилли. Она терпеть не могла большинство людей, которые, казалось, были поглощены не имеющими особой важности мелочами, которые тратили большинство своих сил на то, чтобы казаться теми, кем они на самом деле не являлись. Лилли нравились люди, которые говорили все, как есть. Она поняла, что может найти таких людей на окраинах страны. В их жизнях, по тем или иным причинам, не было места для малодушия и мелочности. Солдаты. Преступники. Ремесленники. Путешественники.

Она провела некоторое время тут, общаясь с людьми, особенно она сблизилась с Дунканом и Минди, чья палатка находилась рядом с палаткой Исаака, и с кем, судя по всему, Исаак общался ближе всего. Дункан делал потрясающие работы из кожи. Как и Исаак, он создавал предметы искусства, а также более доступные и дешевые предметы ручной работы, вроде обложек для ежедневников, для которых Минди изготавливала бумажные блоки. Наряду с предметами искусства, она также изготавливала более доступные предметы. Лилли испытывала острую потребность купить потрясающий предмет искусства, который с

первого взгляда показался ей простым лоскутным одеялом. Оно было невообразимо милым на первый взгляд, но когда Лилли рассмотрела его получше, то она поняла всю тонкость работы. Оно было выполнено из бумаги, изготовленной ручным методом с использованием природных красителей. Лилли практически разразилась слезами. Но она была не в том положении, чтобы приобретать какие-то вещи. Она должна была быть в состоянии сложить все, что у нее было, в военный рюкзак и быть готовой отправиться в путь в скором времени после того, как получит приказ.

Но не все время на выставке было таким счастливым, как могло показаться на первый взгляд. Лилли удивилась, когда узнала, что у него была тут девушка. Ее позвоночник пронзил острый укол ревности, когда она увидела так называемую девушку — ну, по большому счету, уже женщину; она была старше Исаака и почти на целое поколение старше Лилли — это ее удивило еще больше. Она полагала, что никогда до этого момента вообще не испытывала ревность, но увидев эту милую блондиночку, обнимающую Исаака за шею, — да, она абсолютно точно испытала ревность.

Хотя предыдущая ночь у костра пришла в алкогольном забытии от пива и выкуренной марихуанны, часть ее памяти все-таки прояснилась в течение дня. Сначала она вспомнила то невероятное ощущение уюта, которое она испытывала в руках Исаака у костра, затем был большой провал в памяти. Она смутно помнила, как плавала в озере. Но с течением дня она почувствовала, как упущенный кусочек памяти, словно потерянный пазл, становится на место. Она вспомнила, как испытывала скуку, когда ее и Исаака окружили все ремесленники, которые говорили наперебой, словно прачки, черт знает о чем, и поэтому она направилась в туалет и потом намеревалась побродить, немного по окрестностям.

Затем еще один кусочек воспоминания встал на место — купание нагишом. Ну, это точно было в ее стиле. Купание нагишом на публике в то время, как она была в состоянии алкогольного опьянения. Наверное, в университете даже была мемориальная доска в ее честь, в которой упоминался этот ее грешок. Именно поэтому она не пила вместе со своим отрядом. Когда она была пьяна, она делала все, что взбредет ей в голову. Исаак сказал, что она почти утонула, но она все равно не могла вспомнить, почему она была там без него. Возможно, просто потому что она проходила мимо озера.

Затем, примерно под вечер, когда она возвращалась с позднего ужина от одного из продавцов еды, она прошла мимо палатки мисс Люсинды Старая Песня, и они пересеклись взглядами. Ее прелестные светлые волосы были убраны назад, их удерживали солнцезащитные очки. У нее был ужасный синяк под глазом. А у Лилли жутко болела правая рука, что, как она полагала, было последствием того, что она ударила по чему-то. И, скорее всего, этим чем-то стал левый глаз Люсинды.

И затем Лилли вспомнила. Она выходила из туалета и встретила Люсинду, которая направлялась туда. Когда Лилли попыталась обойти ее, Люсинда сделала шаг в ее стону, загородив проход. Она мило улыбнулась Лилли, которая была выше нее на три или четыре дюйма, и проговорила слащавым голосом:

— Ты мила, с этим не поспоришь. Ты думаешь, что сейчас он твой, но не заблуждайся на его счет, сладенькая. У меня ушли годы, чтобы понять его. Я прекрасно знаю, что ему нужно. А ты очередная милая молоденькая штучка, что привлекла его. Что скажешь, если мы заключим пари, кому он в итоге достанется?

Чувствуя себя пьяной, расслабленной и совершенно беззаботной, Лилли просто улыбнулась и обошла ее, но та стерва схватила ее за руку, когда она проходила мимо и

попыталась притянуть ее обратно, издавая мерзкое шипение:

— Не игнорируй меня, маленькая шлюшка.

Лилли не могла вспомнить, о чем подумала в ту секунду. Она просто развернулась, инстинкты взяли над ней верх, и она ударила Люсинду кулаком в лицо. Та упала на землю, и затем Лилли отчетливо помнила, как она возвышалась над ней, рыча:

— Ты проиграешь, стерва.

Вспоминая об остальной части прошлой ночи были словно в тумане, за исключением того, как она плавала в озере. Но, стоя на травянистом проходе между палатками, глядя на Люсинду и ее синяк, Лилли вспомнила достаточно, чтобы осознать, что сегодня у костра ей нужно быть внимательней. Наконец, одаривая Люсинду небольшой уверенной улыбочкой, она развернулась и продолжила движение по проходу с фалафелью и содовой для нее и Исаака. Она не испытывала восторга по поводу того, что обнаружила тот факт, что может быть ужасно ревнивой и ехидной.

Вернувшись обратно в палатку, она сняла пленку с тарелки Исаака и передала ее ему. Он устоял на содержимое тарелки на пару секунд:

— Ээ, Спорти? Что вообще это такое?

— Фалафель. Никогда не пробовал это? (Прим. Фалафель — обжаренные во фритюре шарики из нута и пряностей).

Он покачал головой.

— Я спрашиваю еще раз: что это?

— Это жаренные шарики из измельченного нута, которые подаются в пите, с добавлением зелени и острого соуса. Это вкусно, — она откусила кусочек своей фалафели. Это и правда было вкусно, и от острого соуса, который был добавлен, у нее слегка пощипывало язык.

— Ничего из этого не говорит мне, что это мясо, — он отставил свою тарелку в сторону и открыл Mountain Dew (Прим. Mountain Dew безалкогольный сильногазированный прохладительный напиток).

Она рассмеялась и закатила глаза.

— Ты что, даже не попробуешь? Я спросила, что тебе принести, и ты мне сказал, чтобы я удивила тебя. Ну вот, сюрприз!

— Я думал, что ты будешь выбирать между сэндвичем со стейком и жареными на грилле сосисками. Кто вообще придумал такое тупое слово, как фалафель? Похоже на звуки лягушки, которая болеет ангиной.

— Это ближневосточное блюдо, а ты просто большой ребенок. По крайней мере, просто попробуй это. Я обещаю, что ты не превратишься в вегетарианца, если попробуешь одно блюдо в своей жизни без мяса убитого животного в нем.

Он взял свою тарелку обратно.

— Ага. Что-то говорит мне, что это может напоминать сэндвич на вынос, — с явным нежеланием пробовать что-то новое, он откусил кусочек. Она наблюдала за тем, что он скажет о том, что было у него во рту и на его языке. Он несмело улыбнулся и откусил еще кусочек и проговорил с набитым ртом: — Я останавливаюсь на мнении, что это напоминает тофу. Ни фиги, это не может быть едой.

Она рассмеялась и подала ему салфетку. В его бороде виднелись остатки соуса, она показала ему туда, где нужно было вытереть.

— Буду знать на будущее.

Когда Лилли и Исаак пришли к костру во вторую ночь, со своим одеялом и холодным пивом, Лилли приняла решение, что сегодня она будет пытаться лучше контролировать себя. Как и в предыдущую ночь, тут были люди, которые играли музыку и пели, косяк с марихуаной и галлюциногенные грибы передавались по кругу, люди разговаривали и смеялись, на бревне в этот раз сидели музыканты, поэтому они нашли другое место на покрытом травой участке земли, чуть в стороне от костра. На этот раз они не были окружены толпой ремесленников. Складывалось впечатление, что их оставили в покое намеренно. Лилли задалась вопросом, не сказал ли им чего Исаак.

Тут не на что было откинуться спиной, поэтому Исаак лег на бок и притянул Лилли к себе, чтобы она могла откинуться на него. Он стянул резинку с ее волос и запустил свои пальцы в ее шелковистые волосы, проводя по ним, она закрыла глаза и расслабилась.

Ощущая себя расслабленно, она позволила своим чувствам устремиться к нему. Большие языки пламени танцевали, создавая золотистое свечение вокруг них; разнообразные образы проносились под ее прикрытыми веками. Теплый древесный запах горящей сосны казался ей ароматической смесью. Звук потрескивающих бревен в костре, казалось, полностью гармонировал с музыкой, которая звучала, — сейчас это была «There but for Fortune». И затем прикосновение рук Исаака — одной он играл с ее локонами, а большим пальцем другой руки, той, что приобнимал ее, легко проглаживал ее по руке. Она любила эти руки, большие и мозолистые, грубые и сильные, нежные и любящие.

— Детка, ты что, собираешься уснуть? — его голос был слегка грубоватым, немного больше, чем обычный хриплый звук. Он откинул волосы с ее плеча, провел тыльной стороной ладони по ее щеке. Иисус, что его прикосновение делало с ней. Все тело от плеч и до коленей накрыла волна желания. А он только прикоснулся к ее щеке.

— Нет, — она подвинулась, чтобы лечь около него на спину, чтобы он мог нависнуть над ней. Он притянул ее тело ближе к себе и пристально посмотрел на нее, его хвостик свисал с его плеча. Лилли потянулась и взяла его в свою руку, запутываясь в его волосах пальцами.

— Ты выглядишь достаточно соблазнительно, чтобы захотеть проглотить тебя, — прорычал Исаак. — Я более чем склоняюсь к тому, чтобы заставить тебя кричать около костра.

Она улыбнулась и потянула его за хвостик, притягивая его ближе к себе для поцелуя. Она выпила только пару бутылок пива, но чувствовала себя переполненной нуждой ощутить его внутри себя, поэтому она сама испытывала отчаянное желание позволить ему взять ее прямо здесь, у костра. Вместо того, она повернула голову чуть в сторону, избегая поцелуя, и прошептала:

— Я люблю тебя, Исаак. Я люблю тебя видеть таким.

Он улыбнулся, но его брови немного нахмурились.

— Каким?

— Расслабленным. Простым. Получившим возможность на минуту отпустить свой тяжкий груз.

В мерцающем золотистом свете, она не могла прочитать взгляд, но затем он просто улыбнулся.

— Благодаря тебе я чувствую себя расслабленным, детка. Ты заставляешь меня чувствовать себя сильным. Он поцеловал ее, и она отрыла свой рот шире, позволяя ему скользнуть более глубоко своим языком. Он издал рычание и накрыл ее своим телом; она могла чувствовать его толстую и твердую эрекцию, которая прижималась к ее животу. Внезапно он отстранился, приподнимаясь на локтях, и пристально посмотрел ей в глаза.

— Давай-ка свалим отсюда. Я хочу прокатиться сегодня с тобой.

Это пришло из ниоткуда. Лилли нравилось ездить с ним, это было чертовски сексуально, но сейчас она думала про другого рода «поездку». Она приподняла бедра и потерлась промежностью о его член, от чего он вздрогнул и застонал.

— Я думала, что ты хочешь заставить меня кричать. И я хочу, чтобы ты заставил меня кричать.

— В свое время, детка. Прокатись со мной. Я не останусь в долгу, — он поднялся на ноги и протянул ей руку. Смущенная и растерянная, она позволила ему помочь ей подняться. Они подхватили одеяло и холодное пиво и направились обратно в лагерь за его байком.

оОо

Он выехал далеко за пределы территории, отдавая предпочтение извилистым дорогам, которые в основном проходили через поля и десятки ферм. Они ехали по какой-то лесистой местности, но не такой, какая окружала Сигнал Бенд. Она почувствовала, как рука, одетая в печатку, стиснула ее переплетенные пальцы, и в ответ поцеловала его спину, глубоко вдыхая запах кожи его жилета.

Наконец, глубоко в чаще леса Исаак свернул на гравийную дорогу. Когда они подъехали к воротам, он слез с байка и открыл их. Лилли было интересно, и она посмотрела на него взглядом, который выдавал откровенное любопытство. Но он ничего не ответил, просто вернулся к байку, и они вновь поехали по дороге, оставляя позади себя открытые ворота.

Он остановился возле небольшого озера и припарковал свой байк. Она слезла, и Исаак, взяв ее за руку, направился к берегу. Сосновый бор окружал озеро, узенькая, светлая песчаная тропинка красиво обрамляла озеро. Это было восхитительно, в бледном свете луны озеро мерцало, словно жидкое серебро, но Лилли была растеряна.

Интерес переполнял ее, и она дернула его за руку. Когда он повернулся к ней, она спросила:

— Почему мы здесь? И где мы?

— Мой друг владеет этим местом. Это просто небольшое частное озеро. Упор на слово «частное». Потому как тебе очень нравится купаться нагишом, я подумал, что мог бы отвезти тебя куда-то, где мы могли делать это вдвоем, — пока он говорил, то приподнял край ее толстовки и стянул ее с тела Лилли... Удивленная и восхищенная, она подняла руки вверх и позволила ему сделать это — стянуть толстовку вместе с ее футболкой. Затем она сняла остальную одежду, Исаак тоже разделся.

Поблизости виднелся небольшой причал. Когда они были полностью обнажены, его глаза заблестели. Он поднял Лилли на руки и побежал вниз по направлению причала. Лилли засмеялась и закричала: — О, черт! — когда поняла, что было у него на уме. Он подпрыгнул, она запищала, и они оба оказались в озере.

Озеро было глубоким и холодным, и они оба поднялись на поверхность, задыхаясь. Смеясь, Лилли отплыла прочь от него и плыла некоторое время на спине, привыкая к

ощущению воды, которая ласкала ее обнаженную кожу. Она развела ноги в стороны, и холодная волна коснулась ее разгоряченной плоти. Лилли прикрыла глаза, она позволила волнам укачивать ее, волосы были распущенны и мягко плавали на поверхности воды вокруг нее, словно ореол.

Исаак вынырнул из воды и обернул свои руки вокруг нее, прижимая ее спину к своей груди. Он плыл вместе с ней, увлекая ее вместе с собой на мелководье. Когда он мог уверенно стать на озерном дне, а вода в озере достигала уровня его груди, он резко развернул ее к себе, принуждая обернуть ноги вокруг его талии. Его член уже стоял по стойке смирно, жестко и гордо, несмотря на холодную воду, и прижался к ее лону. Лилли была полностью возбуждена и расслаблена, она нетерпеливо двинулась, помогая ему проскользнуть ему внутрь нее. Со стоном он сжал ее задницу в своих ладонях и вошел на всю длину.

— Господи Иисусе, ты ощущаешься так хорошо, — выдохнул он. Она не ответила, так как была слишком поглощена восхитительным ощущением этой ночи, ощущением его,двигающегося в ней. Издав протяжный стон, она слегка откинула голову назад, и он приник губами к ее горлу, втягивая кожу в рот и посасывая ее, затем он проложил дорожку из поцелуев на ее плече, где вода прекращала покрывать ее тело.

Она не могла прекратить стонать. Рукой он ласкал ее грудь под водой. Из-за холодной воды ее соски были твердыми вершинками, и каждый раз, когда он проводил по ним большим пальцем, она извивалась и задыхалась от невероятного удовольствия, а он издавал рычание. Он двигался быстро внутри нее, рука, которая не ласкала ее грудь, крепко сжимала ее задницу. Господи, она могла ощущать всего его. Всего его, такого горячего и гладкого внутри ее, и... стоп!

Она замерла, сопротивляясь его толчкам.

— Исаак, — ахнула она, из-за всех сил стараясь сосредоточиться на происходящем, в то время, как она хотела продолжать двигаться вместе с ним. Она оказалось в том положении, когда вода оказалась между ними и сделала их движения более легкими. Она хотела большего. Но она принудила себя сосредоточиться. — Исаак, стой. У нас нет презерватива. Стой. Прекрати.

Он замер и пристально посмотрел ей в глаза. Он тяжело дышал, каждый выдох выходил практически рычанием. Отпуская ее грудь, он поднял руку, чтобы положить ладонь ей на щеку, лаская большим пальцем кожу ее лица.

— Я не хочу останавливаться, детка. Это слишком хорошо ощущается, чтобы останавливаться.

Он чуть согнул колени, проникая в нее жестко и глубоко, и она издала отчаянный всхлип.

Это было не честно. Она тоже не хотела останавливаться, но кому-то из них нужно было быть ответственным. Она захныкала.

— Исаак, хватит.

Но он был настойчив.

— Нет. Мы что-нибудь купим тебе в аптеке. Я так хочу чувствовать тебя. Такую шелковистую и горячую на моем члене. Господи, позволь мне тебя почувствовать, — она разрывалась на части. Она не должна была допускать это. Она должна была в тот же момент освободиться от него и направиться обратно к берегу и одеться. И затем надрать его задницу за то, что он вел себя, как полный кретин. Но она любила его, она любила то, что между ними было, и она не хотела, не взирая ни на что, останавливаться. Все еще находясь глубоко

внутри ее лона, он сделал несколько шагов по мелководью. Когда вода доходила им чуть больше чем по пояс, он убрал ее руки, что обнимали его и уложил ее спиной на водную гладь. Она лежала на воде на спине, ее ноги были обернуты вокруг его талии, а член неистово наполнял ее лоно. Он врывался в ее тело с пронзительным стоном, и ее решительность ослабла. Она просто позволила этому случиться.

Она развела руки в стороны в воде и расслабилась, и то, как она сжимала свои бедра вокруг его талии, позволяя ему двигаться так, как он того хотел. Она всегда желала жесткого секса; ласка и нежность оставляли ее нетерпеливой и неудовлетворенной. Иногда ее секс граничил с драками. Так было и в случае с Исааком. Они буквально боролись, чтобы заняться сексом. Но она кое-чему научилась с ним за это время. Чего она желала больше всего, что заводило ее больше всего на свете, так это доверие к мужчине в достаточной степени, чтобы отдать себя на его милость. Она хотела, чтобы его сильные руки принуждали ее, требовали ее покорности. Мило и нежно чувствовалось восхитительно, когда он заставил ее хотеть этого. Сейчас, покачиваясь на волнах, находясь в невообразимо интимной позе перед ним, когда его большие ладони крепко удерживали ее, поглаживали, заставляя ее скользить по плавной глади прохладной воды, когда он двигался внутри нее, она подвергала себя ужасному риску, но ощущала что-то невероятное в своей душе, своем сердце. Лилли чувствовала себя полностью открытой для него.

Когда ее оргазм начал приближаться, он задвигался, словно скоростной поезд. Она задохнулась и приподнялась над водой, прижимаясь своим телом к нему, крепко держась за него, двигаясь в унисон с ним. Исаак скрестил его руки на ее спине и захватил ее голову своими большими ладонями. Его рот прижался к ее, поглощая, но в то же время она не уступала ему.

Он разорвал их поцелуй и прижал ее голову к своему плечу. Она приподнялась на его члене, привлекая его мощное тело к своему. Издавая рык ей на ухо, он уговаривал ее поторопиться:

— Ага. Вот так. Да, детка. Давай, давай, ну же.

Он направился вместе с ней в его руках к берегу, член оставался внутри нее, с каждым следующим шагом он проникал в нее все глубже, и именно в тот момент оргазм настиг ее. Она издала крик, впиваясь своими ногтями в его спину, в то время, пока волны удовольствия продолжали укачивать ее.

Затем она очутилась на земле, чувствуя траву, песок и сосновые иголки под своим все еще сотрясающимся от удовольствия телом. Исаак обернул свои руки вокруг ее коленей и прижал их к своей груди.

— Бл*дь, Лилли, — издал он стон, — ох, бл***дь, это невозможно сравнить ни с чем, что я когда-либо испытывал. Это ощущается, как все вместе взятое пережитое удовольствие.

Их тела яростно двигались в унисон, звуки их соединения — их крики и стоны, шлепающие звуки их влажной плоти — заставили ночных животных замолчать. Исаак даже не пытался быть нежным в данный момент, и она была счастлива, она желала испытать его жесткую, невообразимую нужду. Она могла чувствовать, как еще один оргазм начинал с отчаянной скоростью образовываться внутри нее, и она подалась к нему, чтобы завладеть им.

Внезапно она почувствовала, как его член набух внутри нее, все еще продолжая глубоко толкаться в ее киску. Он приподнялся на руках, смотря на нее, так словно он был крайне ошеломлен.

— О Господи, Лилли! Иисус... черт побери... ох, бл**дь.

Он кончил, его тело напряглось, каждая мышца сжалась и сократилась с неистовой силой. Она была тоже близко, наблюдение за его мучительным наслаждением подтолкнуло ее еще ближе к освобождению. Лилли крепко обернула вокруг него свои руки и позволила своим бедрам с неистовой скоростью двигаться на его члене, до того момента, пока она не достигла освобождения и не закричала.

Исаак рухнул на землю рядом с Лилли, его дыхание было грубым и прерывистым. Лилли чувствовала опьянение и невероятную наполненность. Его ладонь находилась на ее животе, легко поглаживая ее кожу. Она чувствовала себя удовлетворенной. Любимой. Счастливой. Черт, черт, черт. Это ощущалось слишком хорошо. Как только она осознала, что это было за чувство, мрачные мысли о том, что их ожидало, начали неспешно подбираться к этому светлому чувству. Но она быстро захлопнула дверь, удерживая их на расстоянии. Отворачиваясь от этих мыслей, она прижалась ближе к нему, ища приют в его объятиях.

— Я так люблю тебя, Лилли. Так сильно, что опьянен этим чувством.

Лилли знала, что ей не нужно ничего отвечать. Она просто прижалась к нему ближе и позволила себе утонуть в его объятиях, желая остаться там навечно.

Но, естественно, они не могли. Наконец, они поднялись, ополоснулись в озере и оделись. Как раз перед тем, как Исаак был готов перекинуть ногу через свой байк, Лилли проговорила:

— Давай, найдем аптеку, хорошо?

Исаак опустил ногу и повернулся к ней. У него был такой взгляд, который она могла абсолютно точно прочесть, но это ее пугало. Подняв руку и прижав к ее щеке, он проговорил:

— Это будет так плохо?

Милостивый Господи. Она даже не сомневалась.

— Да, Исаак. Черт возьми, ты прекрасно знаешь, что это будет так плохо. Какого хрена ты вообще предлагаешь?

Он опустил руку, и на краткое мгновение выглядел так, словно его сильно задела ее слова. Затем он проговорил:

— Ты права. Я не знаю... ты права. Знаю, где находится аптека. Поехали, — он оставил легкий поцелуй на ее щеке и уселся на байк.

Сердце Лилли стучало. Они пересекли линию, которая вела неизвестно куда, и теперь она находилась на территории, для которой у нее было карты.

oOo

В воскресенье угрожал пойти дождь, и по этой причине выставка-ярмарка была не такой активной, как накануне. Потому как в субботу все прошло хорошо, казалось, что никто даже сильно и не возражал. Они все просто наблюдали за облаками, готовые защищать свои работы, если внезапно начнется дождь. Который, к слову, так и не начался.

Выставка закончилось двумя часами ранее, за час до закрытия они прицепили к жилому автофургону грузовой прицеп с небольшим запасом товара, что у них остался. Хотя множество людей оставались в лагере еще на одну ночь и собирались отправиться в путь утром, Исаак и Лилли решили отправиться домой этим вечером. Но у Исаака были дела связанные с МК в Талсе, поэтому он оставил Лилли собирать их лагерь, пока сам отправился

решать их.

В то время, когда она собирала посуду для приготовления еды на костре, почувствовала покалывание в затылке и обернулась. Ее новая подружка Люсинда стояла на дороге у их лагеря, сложив руки на бедрах и зло глядя на нее. Лилли подошла к ней.

— Тебе что-то нужно? — она указала на лицо Люсинды. — Может, пару для того, что уже имеется? Я так же хорошо бью левой, как и правой.

Взрослая женщина фыркнула.

— Просто подумала, что должна предупредить тебя — если ты намерена сохранить его, то тогда тебе лучше приезжать на каждую из этих выставок. Потому что я обязательно верну его обратно.

Лилли надоела эта мерзкая женщина. Она улыбнулась и развернулась, надеясь, что Люсина схватит ее вновь за руку, но та не сделала этого.

В этот момент они услышали рев приближающегося харлея, и Лилли развернулась, когда Исаак подъехал к лагерю. Люсинда топталась на месте, когда он остановился и слез с байка, вешая свой шлем на руль байка. Он сразу же посмотрел на Лилли, направился к ней и поцеловал ее крепко и глубоко, сжимая в ладонях ее задницу. Когда Исаак отстранился, он подмигнул ей, затем повернулся к женщине, которая все еще стояла на том же месте и проговорил:

— Син.

Люсинда круто развернулась и направилась прочь. Лилли заметила выражение боли на ее лице, и ее захлестнуло чувство жалости. Она могла понять чувство собственности, которое женщина испытывала к Исааку. Он был чем-то большим. Но он принадлежал ей. Яростное чувство, которое она ощутила от этой мысли, поразило ее.

Исаак вновь повернулся к ней, его ладони лежали на ее бедрах. Он привлек ее ближе к себе.

— Не хочешь мне рассказать, что произошло между вами двумя в этот уик-энд?

Лилли задумалась над его словами на мгновение. Она хотела просто проигнорировать его слова, но решила быть честной с ним.

— Твоя подружка Син еще не готова попрощаться с тобой. Она поставила меня в известность о своих планах вернуть тебя. Мы, скорее всего, не станем лучшими подружками.

Исаак покачал головой, его губы растянулись в кривой усмешке.

— Ну, до меня дошло, что синяк под глазом появился не от дружеского поцелуя, — его лицо на мгновение омрачилось, обнажая его гнев. — Прости меня, Спорти. Но я никогда не был ее. Ты же знаешь это, так? Я поговорю с ней, чтобы она, наконец, отвалила.

— Нет, Исаак. Все в порядке. Я знаю, что нас не разлучить. Я зла, но я не чувствую угрозы. Я сама с этим справлюсь.

Он, казалось, не был удовлетворен ее словами, поэтому она повторила.

— Все на самом деле хорошо. Я имею в виду, что если она вновь решит заявить на тебя права, я сломаю ей пару важных костей, но ты не должен вмешиваться, по крайней мере, не сейчас. Я сама смогу разобраться.

Смеясь, он оставил поцелуй на ее голове.

— Люсинда еще не знает, в какое осиное гнездо она сунула свою руку, ты права.

Лилли кивнула.

— Точно, — она вспомнила, что он уезжал на встречу клуба. — Эй, все нормально с делами, по которым ты отлучался?

— Нормально. Все прошло вполне прилично.

Она больше ничего не спросила, а он больше и не добавил.

Исаак обнял ее за талию.

— Ну, что, ты готова отправляться в дорогу, Спорти?

То, что произошло между ними тогда на озере, казалось, было позабыто. Или же, не позабыто — Лилли определенно не забыла, просто отодвинула в сторону размышления о произошедшем. Она приняла таблетки, и между ней и Исааком вновь все было по-прежнему.

— Да. Все собрала.

Оставив еще один поцелуй на ее голове, он направился, чтобы убрать свой мотоцикл. Они обошли лагерь, чтобы попрощаться со всеми. Лилли была задумчивой. Ей нравилось здесь. Ей нравились эти люди — с одним пояснением — ей так же нравилось, как они общались тут с Исааком. Она не хотела встречаться с тем, что ждало их в Сигнал Бенд.

Глава 18

Исаак проснулся, но не почувствовал рядом Лилли. Он поднял голову, обуреваемый беспокойством, и обнаружил ее спящей на одеяле, ее голова находилась в изножье кровати, а ноги на подушке. Иногда она была очень даже приличной соней, когда среди ночи случались кошмары. Это же было в первые, и если ей и снился кошмар, то она не разбудила его, что тоже было впервые. Она выглядела расслабленной, поэтому он просто поменял свое положение и лег рядом с ней, оборачивая свои руки вокруг ее талии и пряча свое лицо в ее волосах.

Он выспался, но он не насладился достаточно близостью с ней. Она даже не шелохнулась, когда он притянул ее тело к своему, поэтому он расслабился и позволил своему разуму включиться в работу. Его встреча с Бекером в Талсе прошла лучше, чем он мог ожидать. Возможно, Бекер не очень горел желанием оказывать ему помощь, но они заключили выгодную сделку насчет оружия, так же он должен был обеспечить транспортировку, освобождая его МК от пустой траты времени и лишнего риска. Затем, когда он и Лилли были в дороге по пути домой, ему позвонил Шоу с двумя важными новостями: первое, его собственная встреча с Данди в Джоплине была ошибкой, и вторая, что Уайетт звонил и сказал, что они с Реем направляются домой.

Это было вчера. Он и Лилли приехали домой поздно, разложили вещи из прицепа и фургона и отправились отдыхать. Он не сказал ей о том, что сообщил ему Шоу. Он хотел провести с ней как можно больше времени, держа проблемы с Реем в стороне. Было уже достаточно поздно, когда они улеглись, и они оба очень устали, поэтому просто крепко обнялись и уснули.

Она вздохнула и прижалась поближе к нему. Эрекция Исаака была в полной боевой готовности — твердой — еще с того момента, как он лег позади нее, но он просто наслаждался ощущением целостности, которое он испытывал каждый раз, когда находился рядом с ней, как, к примеру, сейчас, зная, что она полностью доверяла ему. Он скользнул рукой, прижимая ладонь к ее плоскому животу и разводя пальцы широко в стороны. Выходные, проведенные вместе, дали ему понять, что Лилли была его истинной парой. Он хотел прожить с ней жизнь. Долгую жизнь. Хотел завести с ней семью. Он был удивлен, там, на озере, когда от мысли о ней, беременной его ребенком, его сердце преисполнилось любовью. И тогда он понял четко и ясно, какую именно он хотел жизнь. Он хотел, чтобы у него была полноценная семья и ребенок. Чтобы любовь наполняла каждый уголок их дома,

чего он никогда не испытывал в детстве.

Им нужно был разобраться с Реем. А так же уладить дела с Эллисом. Но он дал себе клятву, что он сможет провести их через все это дерьмо или же умрет, стараясь.

Он больше не мог лежать спокойно, потому он позволил своей руке, той, что находилась сверху, скользнуть по ее гибкому, сильному телу, поглаживая ее изящные линии ног и рук, обводя ладонью изгиб ее бедер, груди. Он сжал между пальцами сосок, и она издала стон и легко развела ноги в стороны

Прижимаясь к ее затылку, он прошептал:

— Вот это моя девочка, — и затем чуть подвинулся, чтобы мог просунуть руку ей под голову. Он почувствовал, как она прильнула к нему — она проснулась

— Ты что, притворяешься? — прошептал он.

— Я никогда не притворяюсь, — он мог слышать улыбку в ее сонном голосе.

Исаак рассмеялся.

— Приятно знать, — он сжал в ладони ее грудь, а той рукой, которой ласкал ее тело, скользнул ей между ног. Она была влажной и готовой для него, и изогнула свою спину, отводя ногу назад, чтобы закинуть ее поверх его ног, таким образом, предоставляя ему более открытый доступ для его прикосновения. Она потянулась между своих ног, чтобы взять в ладонь его член, стараясь сделать так, чтобы он вошел в нее.

Он отвел ее руку в сторону и перекатился на нее, накрывая ее своим телом.

— Полегче, Спорти. Я собираюсь подольше насладиться тобой этим утром.

Она фыркнула.

— Я думала, тебе нравятся наш грубый секс.

Он проследил едва ощутимым прикосновением носа и губ по контурам ее красивого, ясного лица, опускаясь к боковой стороне шеи. Он любил небольшую выемку в основании ее шеи, и он задержался там, чтобы оставить поцелуй в ней.

— Ты же знаешь, что люблю, детка. Я люблю заниматься жестким сексом с тобой. Между нами это всегда взрывоопасно. Ты сексуальная и сильная и можешь принять все, что я могу дать тебе, — он издал стон и вздрогнул от этой мысли. Но вокруг них и так все грозило разразиться взрывом. Он уже знал это, но она — еще нет. Поэтому он не хотел спешить. Исаак отчаянно хотел поглощать, любить ее. Когда он осыпал все ее тело поцелуями: ее руки, живот, ее грудь, он едва слышно прошептал ей. — Но сейчас я не хочу никуда спешить и просто хочу насладиться нашим единением. Я хочу, чтобы желание зарождалось постепенно. Я хочу наполнять тебя вновь и вновь, я так отчаянно хочу чувствовать, как твоя кожа скользит по моей.

Она замерла, как и он сам. Он взглянул на нее, желая узнать ее ответ.

— Господи Иисусе, Исаак, — она затаила дыхание.

Он пребывал в состоянии растерянности, небольшая улыбка растянулась на его губах.

— Ты согласна, Спорти?

Он заметил, как она напряженно сглотнула.

— Да. Это чертовски сексуально. Сделай это. Я хочу, чтобы ты оттрахал меня таким образом, — его губы прижались к ее животу, и он покачал головой в ответ на ее слова.

— Я не собираюсь трахать тебя, детка. Я собираюсь заняться с тобой любовью. Позволь мне. Позволь мне взять тебя.

Она кивнула, не способная проговорить в ответ ни слова, чувствуя себя постностью расслабленной, словно она только что утратила над собой контроль.

В то утро он заставлял ее кончать вновь и вновь, медленно, своим ртом, руками и великолепным членом. Он заставлял ее кончать до тех пор, пока она не стала просить его о пощаде. Затем они приняли вместе душ, и он взял ее вновь. На протяжении всего этого времени на задворках его разума пульсировала лишь одна мысль, что это мог быть их последний раз, и он делал все, что бы извлечь пользу из их возможно последнего раза.

Затем он отвез ее к «У Мари» на завтрак. Они поздоровались с постоянными клиентами, и Лилли сделала свой обычный заказ, как и Исаак. Он наблюдал за тем, как она ела свои вафли на завтрак, тщательно полив сиропом, прежде чем приняться за них. Когда она подняла свой взгляд и заметила, что он пристально смотрит на ее губы, блестящие от сиропа, он мягко и тепло улыбнулся.

— Я люблю тебя, Спорти. Ты заполняешь во мне пустоту, о которой я даже и не подозревал.

Она самоуверенно улыбнулась и положила в рот кусочек вафли. Она выглядела счастливо и беззаботно. Она была идеальна. Она не знала, что будущее уже ждало на пороге, чтобы разорвать их связь на части.

Когда они закончили, он отвез ее обратно к ее маленькому домику. Даже не подозревая, что Рей вернулся, она планировала провести день за работой.

оОо

В первый раз на своей памяти Исаак не желал входить в клуб.

Даже прежде чем он пересечь порог, он почувствовал, как на его плечи, словно мантия, опустился незримый груз ответственности и проблем. Рей Хобсон. Лоуренс Эллис. Огромное множество проблем, которые свалились на клуб. Он не мог стряхнуть ощущение, что те краткие выходные, которые он провел с Лилли, были чем-то вроде последнего парада. Решения, которые ему предстояло принять сегодня, могли иметь поворотное значение для клуба и его города, от них могла зависеть его собственная жизнь, а также и жизнь Лилли.

Когда Исаак вошел в главную комнату, Дэн стоял у бара. Он был готов оправляться на свою смену по патрулированию города, Исаак знал это. Уайетт тоже находился у бара; он и Дэн потягивали кофе и общались.

— Подожди, Ди. Дай мне перекинуться парой слов с Уайеттом. Я отправлю его вместе с тобой.

Шоудаун обдумывал шахматный ход, но теперь его глаза были прикованы к Исааку.

— Шоу, а почему бы тебе не пройти в офис со мной и Уайеттом. Мы могли бы побыстрому ему рассказать все, что он пропустил.

Исаак и Шоу усадили Уайетта в кабинете и рассказали ему об Эллисе и МК «Северные всадники», и новом плане вести наблюдение за городом, чтобы хоть как-то избежать проблем. Когда Уайетт все понял и разобрался в плане по патрулированию города и его окрестных ферм, Исаак откинулся на спинку кресла и спросил:

— Как прошла поездка? Рей нормально? — Шоу бросил резкий взгляд в сторону Исаака, но не стал говорить ничего.

Уайетт пожал плечами, выглядя хмуро.

— Поездка прошла хорошо. Поймали достаточно рыбы до следующей рыбалки. Рей как Рей. Он никогда не был в порядке с того самого момента, как вернулся обратно. Думал, что если вывезу его на озеро, что если мы займемся тем, что мы всегда делали, чем-то вроде

нашей общей традиции, то это заставит его немного расслабиться. Но я ошибался. В его голове продолжает кипеть все тоже дерьмо.

Исаак подался вперед.

— Какое еще дерьмо?

Уайетт просто пожал плечами и проговорил:

— Военное дерьмо, — но было что-то еще его глазах. Исаак видел это и знал: Уайетту было известно, что произошло. Рей рассказал своему брату. Исаак точно не знал, как это произошло и меняло ли это каким-то образом их план, но этого следовало бы опасаться.

Он оправил патрулировать Уайетта с Дэном. Когда он и Шоу остались одни в кабинете, он спросил своего вице-президента:

— Ну что, брат, ты готов к этому?

Шоу кивнул.

— А ты?

Исаак немного нервничал по поводу этого.

— У нас есть четыре часа. Давай сделаем это, брат.

Они дождались момента, когда Дэн с Уайеттом уехали на патрулирование, затем взяли грузовик, принадлежащий клубу, и отправились к Рею.

oOo

Они нашли Рея в нижнем белье, уже на половину пьяного, хотя только миновал полдень. Они заставили его одеться и привезли в клуб, обещая ему, что он там сможет хорошо выпить и расслабиться.

Но чего на самом деле хотел Исаак, так это заставить его пожалеть, выволочь его пьяную задницу в комнату и пытаться до тех пор, пока он не выложит правду. Исаак не желал, чтобы это делал Виктор. Он был бы более чем счастлив замарать свои руки в его крови. Но Шоу отговорил его от этой идеи. Они решили придерживаться плана. Накачать придурка алкоголем под завязку, заставить его заговорить. Эта мысль заставила Исаака испытать тошноту. Было абсолютно ясно, что Рей испытывал вину за то, что сделал. Он был лишь тенью мужчины. Отлично. Ему было похрен на него. Как бы там ни было. Его вина, что он никогда даже не пытался признаться в том, что натворил, и узнать, какие у него были шансы на дальнейшую жизнь и искупление согласно законам.

Исаак не представлял, как он вообще мог спокойно сидеть рядом с этим парнем и выпивать с ним. Но он должен был сделать это, и ему было необходимо делать это как можно более дружелюбно. Поэтому Шоу и Исаак посадили между собой Рея и начинали выпивать.

На протяжении сравнительно долгого времени Рей нес бессмысленную чепуху. Он говорил об их с братом поездке. Он говорил об Уайетте. Он говорил без остановки о цыпочках, которых хочет трахнуть. А также он много рассказывал об Афганистане, но это все, по большому счету, была выпендренная херня. Затем, когда уже Исаак начал волноваться о том, что этот мудака отрубится раньше, чем они успеют вытянуть хоть что-то из него, он начал ныть о том, что лишился своей воинской должности и был уволен из армии после того, как дважды не смог добиться повышения в звании офицера.

Посреди его жалостливого нытья, Рей пробормотал:

— Преподнесли «Дубовые листья» этой долбанной суке на гребаной тарелочке.

Исаак наострил уши и его кулаки сжались. Он посмотрел на Шоу, который в свою очередь чуть склонил голову к плечу и медленно, едва заметно покачал головой, его взгляд устремился к кулакам Исаака, которые покоились напряженно на баре (Прим. В Соединённых Штатах Америки дубовые листья используются в военной символике: являются элементом наград и знаков различия. Согласно действующим в США правилам, при повторном награждении военной наградой второй знак награды (медаль) не вручается, а второе и последующие награждения обозначаются дополнительными знаками награды, которые носится на орденской колодке или планке награды. Одним из таких дополнительных знаков, обозначающих повторные награждения являются «Дубовые листья» используемые преимущественно в Армии США и Военно-воздушных силах).

Исаак расслабил свои руки и сделал глубокий, неспешный вдох.

— Что ты имеешь в виду, Рей?

Рей устался на свой наполовину пустой стакан. Шоу поднял взгляд, ошеломленный, именно в тот момент, когда Исаак задал вопрос. Он, кажется, пытался понять, что только что он сказал, когда, наконец, он понял и пожал плечами.

— Горячая цыпочка, пилот, получала повышения только потому, что ублажала начальство, ну, вы понимаете, о чем я. Поднялась выше меня до того, как пришло ее время. Она должна была стать важной шишкой в ВВС, но закончила в итоге, стоя на коленях, где и было ее гребаное место, гарантирую вам.

Как бы ни так. Исаак больше не мог мириться с этим. Внезапно единственным возможным вариантом добиться правды стало выбить ее из этого придурка. Он стремительно поднялся с барного стула, удивляя Рея и Шоу. Шоу быстро скрыл свое удивление, стреляя с Исаака взглядом, в котором читалось «ты можешь провалить все, если не сможешь совладать с собой». Потом он обратился к Рею:

— Звучит хреново, приятель. Смог сделать что-нибудь с этим?

И тут Рей начал плакать. Исаак стоял там, его гнев быстро несся по венам, и ожидал, когда, наконец, Рей закончит этот фарс и перейдет к делу.

— Я пытался, мужик, но все полетело к чертям. Там должна была быть только она и трусливый пацан, который только начал летать с ней. Она должна была просто доставить груз. Только она и пацан. Никаких больших потерь. Но затем произошло нападение противников... и все пошло прахом.

Исаак сделал шаг назад, обогнул бар, заходя за него, чтобы достать нераспечатанную бутылку виски. То, что он услышал, вызвало в нем желание пробить Рею голову; ему нужно было восстановить некоторое расстояние, чтобы не натворить глупостей. Он позволил Шоу взять все в свои руки.

Шоу положил вою большую ладонь на спину Рея.

— Мм, мужик, это жестко. Ты говоришь, что ты сделал что-то, чтобы она потерпела крушение?

Сейчас Рей рыдал, он кивнул.

— Предполагалось, что на борту будет только она и парень! Это бы не привело к ее смерти, просто бы сорвало ее полет, чтобы ее отстранили от полетов. Все, чего я хотел, чтобы она больше не летала. Она не должна была в тот день кого-то доставлять.

Голос Шоу был легким, поощряющим, когда он проворил:

— Доставлять кого-то?

И в тот момент Рей уронил голову на бар. Он сотрясался в рыданиях, его голова

покоилась на руках, повернувшись к Шоу, он рассказал ту же самую историю, что поведала ему Лилли. Кулак Исаак жестко сжался вокруг бутылки виски, которую он все еще держал, его руки дрожали. Этот ублюдок пил в последний раз в МК.

Он обошел бар и похлопал рукой по ссутуленным плечам Рея.

— Эй, приятель. Что скажешь, если мы тебя отведем в комнату, где ты сможешь немного вздремнуть, дождавшись прихода Уайетта?

Рей ответил жалким кивком головы, и Шоу отвел его в одну из комнат.

Когда Шоу вышел, Исаак проговорил:

— Мы пришли к согласию?

Шоу кивнул.

— Я уже и так был в деле, брат. Того, что он сказал, будет достаточно для Виктора и Сиджея. Барта и Лэна тоже. Возможно, для всех, за исключением Уайетта. Он натворил приличное дерьмо. Он должен заплатить. Я бы захотел убить его и без того, что сказала твоя женщина.

— Нам нужно собрать всех, чтобы решить это, — Исаак хотел разобраться с этим всем прежде, чем покинет МК.

Облокачиваясь на бар, Шоу проговорил:

— Что мы собираемся делать с Уайеттом? С ним будет не так уж и легко все уладить.

— Мы будем удерживать Рея, чтобы Лилли смогла с ним разобраться здесь. Так мы нейтрализуем Уайетта и уберем его от того, чтобы он не сделал ничего против клуба и не натворил проблем, — Исаак достал телефон и кивком указал на карман Шоу. — Ты собери парней Мне нужно позвонить Лилли.

Она ответила после второго гудка.

— Привет, Спорти. У меня кое-какие новости.

— Что такое? — он мог сказать по ее ответу, что она была немного рассеянной, возможно была занята какой-то работой, которую она выполняла.

— Рей вернулся. Мы сделали, как ты и сказала — напоили его, и он признался во всем том ненормальном дерьме

В трубке повисла долгая тишина, прежде чем она ответила.

— Где он сейчас?

— Он вырубился здесь. Мы собираем парней, чтобы провести голосование прямо сейчас. Тебе следует выезжать, детка. Мы будем удерживать его здесь, и я позову тебя, когда голосование подойдет к концу. Чтобы ты смогла с ним разобраться здесь.

На это раз на том конце телефона не было никакого сомнения, когда она ответила, ее голос был жестким и властным. И Исаак услышал то, каким она была офицером.

— Ни за что. Нет, Исаак. Этого не произойдет в твоём клубе. Ты должен быть как можно дальше от всего происходящего. Отправь его домой. Я разберусь с ним там.

— Лилли, уже и так задействовано много людей. Все должно произойти здесь, — все, о чем он мог думать, это как удержать Уайетта подальше от проблем и держать его и его брата в пределах видения.

Но Лилли была непреклонна.

— Я не буду делать этого, Исаак. Нет. Это втянет клуб еще больше во все это дерьмо. Я не собираюсь делать того.

Он попытался вновь уговорить ее.

— Лилли... — но затем он осознал, что он находился один на линии. Она положила

трубку. Бл*дь. Он также знал, что она ни за что не возьмет трубку, если он позвонит ей вновь. Она приняла свое решение. БЛ*ДЬ.

— Шоу. Постой. Планы меняются, — Ровер находился в углу, играя в Galaga на старом аркадном игровом автомате. — Ровер отвезет Рея домой и побудет там с ним, пока он не получит других приказов от меня или от тебя, — он повернулся к Роверу. — Просто отвези его домой, приятель. Это твоя работа на сегодня. Доставь его домой и побудь с ним там до того момента, пока или я или Шоу не позвоним тебе, хорошо? (Прим. Galaga — видеоигра в жанре фиксированного шутера, разработанная компанией Namco в виде аркадного игрового автомата в 1981 году. Издана в Японии компанией-разработчиком и в США компанией Midway).

Ровер понял, что от него требовалось. Он и Шоу отправились в комнату, чтобы привести Рея в сознание. Когда они загрузили его в фургон, и Ровер тронулся с места, Шоу подошел к Исааку.

— Что за херня, през?

Он обреченно покачал головой.

— Господи, сохрани меня от женщин, которые считают, что знают что-то лучше, чем мы. Лилли не хочет кончать его в клубе. Она пытается сделать так, чтобы мы вышли сухими из воды.

— Я понимаю это. Она хорошая женщина, но мы не сможем остаться в стороне. Нет ни единого шанса, что мы смогли бы.

— Я знаю.

Но его женщина была упряма, и она имела право на это.

оОо

К тому времени, когда весь клуб собрался в комнате, вокруг черного стола, Шоу и Исаак смогли поговорить уже с Бартом, Лэном, Виктором и Сиджеем. Все были потрясены тем что сделал Рей и какое ко всему этому имеет отношение Лилли. Все были встревожены, как это может воспринять их брат, а так же им было жаль, что он вообще должен столкнуться с этим. Но все парни пришли к согласию, что никто не должен стоять у Лилли на пути. Дэн был в данный момент на патрулировании города вместе с Уайеттом, и Хаос был в ремонтной мастерской и должен был поздно прийти в клуб, поэтому все это они услышат в первый раз за столом с Уайеттом. Их реакция была непредсказуемой. Реакция Уайетта известна. Это будет тяжелым голосованием.

Исаак воспользовался мгновением, чтобы собраться с мыслями, затем он осмотрел лица своих братьев.

— У нас сегодня будет тяжелое голосование, братья. Но для этого мне сначала нужно вам рассказать историю, поэтому потерпите, — без упоминания имен Рея и Лилли, он рассказал им всем историю, которую она рассказала ему. Он наблюдал за реакцией каждого брата. Большинство ее уже слышали. Для Дэна и Хаоса это было впервые, и он мог сказать уже сейчас по реакции, что они проголосуют, как и остальные — не мешать Лилли делать свою работу. Но Исаак был особенно заинтересован, наблюдая за реакцией Уайетта. Он выглядел удивленным, как и все остальные, кто сидел за столом, но чуть по-другому. Уайетт выглядел удивленно тем, что эта история была раскрыта.

Исаак был прав. Уайетт уже знал, что совершил его брат.

Когда Исаак закончил свою историю, он проговорил.

— Именно по этой причине, мы собрались сегодня за этим столом. Девушка-пилот, о которой я рассказывал вам ранее, это моя Лилли. А мудака, который что-то сделал с ее вертолетом, это Рей Хобсон. Он признался мне и Шоу сегодня днем. И Лилли здесь, чтобы совершить правосудие. Но так как Рей приходится нашему брату семьей, нужно проголосовать, останется ли он под защитой клуба или нет.

Уайетт подался вперед всем телом, ошеломленный.

— Черт побери, Исаак. Ты не можешь говорить, что ты выступаешь жизнь моего брата на голосование. Он не сделал ничего такого клубу. И это не относится к делам клуба — а если бы и относилось, то в этом случае он должен быть нашим делом. Моим делом и моей ответственностью.

Исаак также подался вперед.

— Это не наша месть, это правда. И мы не и не говорим об этом. Но мы должны решить стоит ли нам защищать мужчину, который убил практически двенадцать человек, потому как он думал, что служить под командованием женщины это то же самое, что иметь маленький член. Защищать его от моей старухи — тоже дело клуба.

В комнате воцарился шок. Насчет этого он поторопил события; он даже не говорил об этом с Лилли. Но ставки были высоки, и ему было необходимо поставить все на кон. Возможно, покер не был его игрой, но иногда случалось и ему играть.

Уайетт практически подскочил с его стула.

— Твоей старухи? Как вообще она может быть твоей старухой? Ты знаешь ее сколько, месяц? Или чуть больше? Блядь, да я даже еще не видел эту суку. Она мне не семья!

Исаак тоже в данный момент резко поднялся со стула, готовый к борьбе. Шоу крепко схватил его. Дэн удерживал Уайетта. Шоу заставил Исаака опуститься вновь на кресло, но он не опускался до того момента, пока Дэн не усадил Уайетта. Когда Исаак опустился на стул, Шоу, наконец, заговорил.

— Как мне кажется, положение Лилли — это их дело, Исаака и ее, и сейчас мы это не рассматриваем. Сейчас мы обсуждаем Рея: я слышал его признание. Рассказанная им история полностью совпадает с историей, которую рассказала мне Лилли. Это правда, парни, и то, что он сделал, это ужасно. Он ушел безнаказанно и позволил Лилли принять весь удар на себя. И не важно, как распределяться голоса при голосовании, я не стану стоять на дороге правосудия. Ничего не вернет уже тех парней, которые умерли из-за того, что Рей не мог стерпеть, что над ним командует женщина, — он посмотрел в упор на Уайетта. — Прости, брат. Но ты знаешь, как это работает. Мужик должен ответить за все, что он натворил.

Уайетт посмотрел на них каменным взглядом и лишь проговорил в ответ.

— Голосуем.

Шоу опустился на стул.

Исаак обошел стол, результат голосования был 8 «за» и 1 «против». Рей потерял защиту клуба. Уайетт выскочил из комнаты. Исаак кивком головы указал на Дэна и Хаоса.

— Присматривайте за ним, пусть остается тут. Я не хочу, чтобы он натворил глупостей и вырыл себе могилу.

Хаос спешно вышел вслед за Уайеттом.

Дэн двинулся за ним, но затем заговорил СиДжей, его грубый голос заполнил комнату. СиДжей и Уайетт были особенно близки.

— Направьте к нему девчонку. Уай, никогда не отвергает киски, особенно когда он в бешенстве.

Исаак кинул, зная, что Сиджей был прав.

— ЛаВон здесь. Ей нравится Уайетт.

Ответив лишь резким кивком головы, Дэн спешно направился в общую комнату.

Исаак задержал Шоу и Лэна. Ему нужно было решить пару вопросов со своим ВП и Оружейным приставом. Теперь, когда Лилли отказалась выполнять свою работу в клубе, им нужно было наметить их дальнейшие действия. Они полностью обсудили это, Шоу предложил пару планов действия. Он был предусмотрительным парнем.

Но у Лэна был самый простой путь решения, поэтому они решили придерживаться его.

— А почему бы нам просто не позволить сделать ей то, чего она так хочет. Просто держаться от этого подальше. Если ей понадобится помощь, мне кажется, она попросит ее у тебя, През. Тогда и будем решать, действуя по ситуации.

Шоу кивнул.

— Он прав, Исаак. Она хочет, чтобы мы были как можно дальше от ее дел. То, что происходит сейчас, как раз укладывается в это определение. Дай ей свободу действий. Она приехала сюда с определенным планом. Давайте ей позволим его осуществить.

Исаак прекрасно знал, что они были правы. Это правильные действия со стороны клуба. Они и так будут заняты тем, что попытаются удержать Уайетта от дерьма, что он может натворить в попытке спасти брата. Но Лилли была его женщиной. И до этого он совершенно не задумывался над тем, что она — его жизнь. Он просто не мог представить, как он может просто сесть и позволить ей делать свою работу, не предлагая своей помощи. Но он разберется в этом.

— Хорошо. Вы правы. Мне нужно позвонить ей и сказать, что мы не будем стоять у нее на пути.

Она не отвечала. Он набрал Ровера. Он тоже не отвечал. Тогда он набрал Рея. Третья попытка была успешной.

Исаак посмотрел на Шоу.

— Мне нужно знать, что Уайетт будет делать, начиная с того момента, как он покинул эту комнату.

Глава 19

Как только она закончила разговор с Исааком, сразу принялась за работу. Лилли быстро вышла из сети и завершила работу, которую делала, сменила одежду на шорты для бега, легкую майку и кроссовки, и быстро собрала свою сумку — запас патронов, подходящий глушитель к ее Сиг-Зауэр. Она буквально побежала к машине, где она хранила винтовку М25 со снайперским прицелом, которая также шла с глушителем. Все происходило при свете дня, что сразу же отметало ее план А, потому как она не была уверена, что сможет использовать свою М25. Ситуация должна была быть подходящей, чтобы она могла застигнуть Хобсона с винтовкой за спиной, в то время, пока он будет передвигаться пешим ходом. Но, несмотря на это, она все же решила взять ее.

Скорее всего, миссия должна будет перейти к плану В — убийство с близкого расстояния и при личном контакте, в этом плане задействован Сиг-Зауэр. Он был надежно спрятан в ее сумке, позволяя ей двигаться свободно.

Времени было мало. Лилли предстояло пройти приличное расстояние от машины,

которая находилась в надежном убежище, чтобы добраться до хижины Хобсона. Как минимум семь миль — и последние пару миль ей необходимо было не высовываться и передвигаться практически ползком, что в значительной мере бы замедлило ее движение. Если Исаак сделал в точности все, как она просила, Хобсон будет здесь, в ее полном распоряжении. Ей необходимо было предварительно разобраться, когда и каким образом она могла воплотить в жизнь задуманное. Она даже не могла и думать о том, что у нее было время за исключением сегодня, в лучшем случае, это должно было произойти, прежде чем он доберется до нее.

Здание клуба было бы более безопасным местом действия для нее. Но она не собиралась убивать мужчину посреди клуба Исаака, потому как клуб был для него большим домом, чем земля его прадедов. Ее дальнейшие действия не требовали дополнительных размышлений, особенно теперь, когда ее планы были известны всему клубу — и в особенности брату Хобсона — ее время было на исходе, пора было действовать.

Она припарковалась на ухабистой стоянке, от которой начинался хорошо известный пеший маршрут. На стоянке помимо ее машины находилось еще девять. Слишком много лишних свидетелей для использования снайперской винтовки M25. Она схватила свой рюкзак и начала подъем, затем перешла на бег трусцой. Лилли двигалась так быстро, как только могла, чтобы не привлечь внимание посторонних туристов. Она свернула с дорожки при первой возможности и спешно направилась в лес, который стал для нее знакомым местом за прошедшие недели.

Когда она находилась в паре миль от хижины Хобсона, она замедлила свой шаг и стала прислушиваться к звукам, которые издавала. Ей нужно было быть начеку и готовой в любой момент прятаться. Оказывается, Хобсон, как ей удалось узнать к окончанию своей слежки, любил бродить по лесу; дважды она практически чуть не столкнулась с ним, или же он с ней, поэтому ей пришлось прятаться. В один из дней ее слежки он прошел так близко от нее, что она могла практически прикоснуться к нему.

Она его с трудом узнала. У него была густая борода, она была длинной и неухоженной, как и его волосы. Волосы на голове и борода были совершенно седыми. Он был тощим — на самом деле изможденным — и у него больше не было великолепной выправки военного. Вместо этого его плечи были сутулыми. Он выглядел, как мужчина, который нес на своих плечах тяжкий груз вины. Но ему и следовало нести ее. Его вид не заставил Лилли смягчиться. Мучения от чувства вины были бессмысленными, пока он дышал, а те парни, которые погибли по его милости, не могли.

В тот день, когда он прошел мимо нее, она из-за всех сил старалась стоять спокойно и не взять уже в тот момент ситуацию в свои руки. Но у них был план, и ей необходимо было придерживаться его. Частью плана было и то, что она поселится в этом небольшом городке, прежде чем начнет действовать. Другая часть плана состояла в том, чтобы не стрелять в него из оружия без глушителя, с расстояния не меньше чем в четверть мили от рабочей фермы. Даже в сельской местности это был ужасный риск. Поэтому она осталась в укрытии и позволила ему пройти мимо.

Это было в то время, пока план А был еще в силе; но все пошло кувырком с того времени. План В был более смертоносным, чем план А с использованием винтовки. По многим причинам, она предпочитала именно его. Да, план А несомненно привел бы к его смерти, но она была бы насколько стремительной, что он бы даже не почувствовал ничего. В то время как план В должен был столкнуть их лицом к лицу, дать точное понимание, что он

знает, что именно должно было бы произойти, почему и от рук кого. Она говорила себе и Исааку множество раз, что это было лишь правосудием, которого желала она и ее команда, а никак не мстью. Но месть ощущалась бы слаще, если бы она могла получить ее.

Наконец, она должна была чуть приподняться, чтобы суметь рассмотреть его мерзкую небольшую хижину. Ее даже едва можно было назвать хижинкой, потому как внутри его развалюхи, возможно, даже не было туалета. Дом был странно приподнят над землей за счет бревен, примерно на высоту 18–24 дюйма. Лилли предполагала, что небольшой ручей, который протекал мимо хижины, должно быть, иногда разливался, хотя в данный момент он представлял собой едва ли тоненькую струйку воды. Видавшая виды дощатая кабинка с отверстием в виде полумесяца, вырезанным на двери, находилась недалеко от дома. Это постройка, вероятно, была уличным туалетом. Это место на самом деле было полной дырой.

Рядом с побитым пикапом Хобсона был припаркован серый грузовик. Она прекрасно знала этот грузовик. Она взяла камеру и увеличила изображение. Да, этот грузовик принадлежал МК. Кто-то из клуба все еще был там. Бл*дь. Она легла на бок на небольшую возвышенность и начала ждать.

На протяжении некоторого времени не было ни звука — двадцать минут или около того — и потом она услышала громкий хлопок выстрела. И больше ничего. Тишина. Один выстрел, и затем вновь воцарилась полная тишина. Пряча свой рюкзак за камнями и травой, она взяла свой Сиг и крадучись направилась к дому.

Она проверила свободное пространство под домом, когда незаметно подобралась к нему — чисто. В комнате, которая находилась в центре дома, было огромное окно, которое практически доходило до пола. Шторы были задернуты, кроме небольшого пространства посередине. Ее спина плотно прижималась к разрушенной, покрытой сплошь трещинами деревянной стене дома. Лилли пыталась заглянуть в комнату. Но она едва ли могла разглядеть тело, что лежало на полу. Она не могла разглядеть, кто это был, был ли это сам Хобсон или же это был кто-то с МК, возможно, что даже это был его брат? Она не была знакома с его братом. Но она даже не могла представить, чтобы Исаак мог позволить двум братьям одновременно покинуть МК.

У нее та же не было предположения насчет того, кем был этот стрелок — другом или же врагом. Когда она продолжила аккуратно передвигаться вдоль стены дома, она что-то услышала — хруст или треск. Она замерла и прислушалась, пытаясь понять, откуда исходит звук. Звук не повторился. Она сделала еще один беззвучный шаг — и затем кто-то сильно дернул ее за ноги, из-за чего она потеряла равновесие. Ее голова сильно ударилась о жесткую каменистую землю, и мир вокруг нее неистово закружился, оглушая ее громким шумом и ослепляя темнотой, что заволокла ее взор. Прежде, чем она смогла прийти полностью в себя, Хобсон навис над ней, грязный, полностью покрытый паутиной, с безумным взглядом в его глазах. Ее сознание немного прояснилось, и она поняла, что он забрался под дом, чтобы добраться до нее. Она повела себя невообразимо глупо, что не проверила пространство под домом еще раз.

Теперь он уселся на нее, одна его рука крепко удерживала ее запястье, не давая воспользоваться ее оружием. Его колено крепко прижимало к земле ее вторую руку. Свободной рукой он прижал пистолет ей под подбородком.

— Ты, гребаная сука! Ты что, пришла за мной? Какого хрена ты не выходишь меня из головы? — он взвел курок.

В следующее мгновение Лилли приняла решение. Она могла бы попытаться скинуть

его, или она могла бы противостоять ему. Ее шансы на выживание были равны нулю в любом случае. Сегодня один из них погибнет. Возможно, даже в следующую пару секунд.

Она резко подняла свои ноги и приложила все силы, которые у нее были, чтобы скинуть его с нее и оседлать его.

Ей это удалось, но он спустил курок. Они начали бороться за оружие, и вместо того, чтобы пуля прошла через мягкую часть под ее подбородком и пробила в конечном итоге ее мозг, она прострелила боковую часть ее шеи, принося вместе с собой болезненное, обжигающее ощущение. Она могла чувствовать, как кровь стремительно покрывала лицевую часть ее майки, но она приложила все силы, чтобы не обращать на это внимания. Она обрушила вниз сильный дар рукой, и пистолет выпал из его хватки. Он все еще продолжает удерживать ее запястье в неумолимых, железных тисках своей руки, поэтому она нанесла удар сбоку ему в голову. Она почувствовала, что что-то сломалось в ее руке, но, несмотря на это, она оглушила его, по крайней мере, на мгновение. Он предпринял попытку скинуть ее с себя.

Но он все еще был оглушен ее ударом, поэтому не смог приложить необходимую силу, которая бы потребовалась, чтобы избавиться от нее и скинуть с себя. В то время, пока он пытался повалить ее на спину, его хватка начала слабеть, и Лилли воспользовалась возможностью: скатилась с него и двинулась в сторону. Она очутилась на коленях, полностью избавившись от его хватки, но в тоже время абсолютно разоруженная им. Он выбил Сиг из ее руки; ее правая сторона шеи была прострелена и пуля застряла в ее горле, от ранения она постепенно слабела. Она теряла кровь, и борьба только ухудшила это. Лилли была потрясена случившимся. Она попыталась сосредоточиться на происходящем, не заботясь о том, насколько трудно это было. Она увидела его пистолет — старый Кольт — и поднялась на ноги, чтобы добраться до него.

И это добило ее. Она вновь рухнула на колени, испытывая головокружение, и в ее глазах потемнело. Она опустила взгляд и был загипнотизирована темно-красной жидкостью, что окрасила перед ее майки.

Кажется, она будет той, кто умрет.

Она даже не попыталась подняться с коленей.

Хобсон доковылял до нее.

— Знаешь, что? Я не хочу, чтобы умирала быстрой смертью. Ты пытала меня годами, сука. Я хочу, чтобы ты умирала медленно. Это ты мне задолжала, мразь, — он склонился над ней и что-то крепко перетянул вокруг ее шеи, это что-то напоминало тугую повязку.

Ее последняя мысль была — разочарование.

Глава 20

Исаак ворвался в комнату отдыха, когда Лэн и Уайетт были у стены. ЛаВонн вжалась в угол, прикрывая ладонью сильно кровоточащий рот. Исаак бросил на нее взгляд, затем повернулся к Дэну, который подошел к нему сзади.

— Дэн, выведи ее отсюда. Дай ей лед или что-то еще, — он посмотрел на Уайетта. — Какого хрена ты натворил, Уайетт?

— Ударил женщину... отвали от меня, я сказал! — Уайетт попытался вырваться из крепкой хватки Лэна, но Лэн был намного сильнее и больше него.

Лэн передал Исааку телефон; скорее всего, Уайетта. Исаак проверил входящие звонки — недавних исходящих не было. Он проверил исходящие сообщения — было одно, Рею. Он

прочел: «Срочно уходи из дома, за тобой пришла девушка-пилот. Не могу объяснить. Направляйся сразу в лагерь».

Он бросил телефон на кровать позади него. Приблизившись к лицу Уайетта, нависая над ним, Исаак прорычал:

— От глупого дерьма, подобно этому, я хотел тебя уберечь. Если Лилли пострадает из-за этого, я прикончу тебя медленно, — он перевел взгляд на Лэна. — Помести его в нашу «комнату для дорогих гостей». Прикуй его цепями. Мы разберемся с ним позже.

Исаак почувствовал отчаянный страх. Он не думал, что до когда-либо до этого ощущал страх, подобный этому, но сейчас он завладел им. Страх заставлял его двигаться, и двигаться прямо сейчас, не теряя ни минуты, нужно было срочно найти Лилли, спасти ее. Но ему необходимо было подумать. Он попытался дозвониться до нее несколько раз, все тщетно. Произошло что-то плохое, он мог чувствовать это каждой клеточкой своего тела. Вопрос все еще висел в воздухе.

Сообщение Уайетта не давало Рею никакой информации о том, где была Лилли. Но Ровер отвез его обратно к нему домой. Скорее всего, произошло что-то плохое. Но он должен был быть уверен. Его парни находились все позади него, ожидая услышать его решение. Ни кто не делал никаких предположений, даже Шоу. Они ждали, пока он сам примет решение. Когда Лэн вернулся из комнаты, Исаак уже знал, чего он хотел.

— Сиджей, ты остаешься с Уайеттом, будешь следить, чтобы он никуда не делся. Шоу и Барт, вы едите к Лилли домой. Я не думаю, что она там, но нужно на всякий случай убедиться. Будьте осторожны — она сейчас будет в состоянии боевой готовности и может относиться подозрительно ко всем, кроме меня, на данный момент. Она же не знает, как прошло голосование. Остальные поедут вместе со мной к Рею. Мне, кажется, там что-то случилось, — он посмотрел в глаза каждому брату. — Все ясно?

Все кивнули в ответ и направились на выход.

оОо

Они совершенно не парились насчет того, чтобы быть незаметными; вместо этого они все подъехали к дому Рея и побежали к двери, полностью вооруженные. У Исаака не было терпения, чтобы быть незаметным.

Дверь была распахнута. Исаак вошел первым. Ровер лежал в дальнем углу небольшого коридора, густая лужа крови образовала темно-красный ореол вокруг его головы и плечей. Исаак подошел к нему и склонился, чтобы проверить пульс. Остальная часть МК разошлась, чтобы осмотреть небольшой домик. Ровер был мертв, выстрел пришелся прямо в угол его правого глаза. Исаак надеялся, что он умер быстро, не мучаясь.

Лэн стоял позади Исаака.

— Мы все тут осмотрели.

Исаак поднял на него взгляд, и Лэн кивком указал на тело Ровера.

— Ты думаешь, это был Рей или Лилли?

Поднимаясь на ноги и стремительно разворачиваясь, Исаак практически схватил Лэна.

— Это был Рей, и тебе это известно. Лилли ни за что бы не убила молодого парня.

— Не специально. Но мы же не знаем, что здесь произошло.

Но Исаак знал. Он мог видеть это абсолютно точно. Он послал Ровера, чтобы тот присмотрел за ним, а Рей убил его после того, как Уайетт предупредил его о Лилли. Господи

Иисусе, это была настоящая катастрофа.

Он должен был как можно быстрее найти Лилли. Ее не было в доме, и машины Рея также не было в саду. Он знал определенно точно, что она бы не подъехала сюда на машине. Она посвятила его в достаточное количество подробностей о ее слежке, чтобы он знал, что ее машина была, скорее всего, в паре миль отсюда. И это все говорило о том, что ситуация обстояла дерьмово, но Исаак был абсолютно точно уверен, что она была где-то рядом. Но где? Отгоняя свою панику и волнение, чтобы иметь возможность разумно рассуждать, он направился к узкому черному выходу из домика, который вел прямиков в заросший сад.

Как любой коренной деревенский житель, Исаак был опытным охотником. Это делало его хорошим следопытом. Но хорошая наблюдательность была не нужна, чтобы определить, как прошла борьба у дальнего угла дома. Высокая трава была примята и спутана, так же он увидел, что кровь была втоптана в почву под его ногами. Затем там же он заметил несколько более мелких по размеру, но все же заметных, пятен крови, затем след из капель и полос размазанной крови, и затем более объемное по размеру кровавое пятно, которое определенно было лужей крови прежде, чем оно впиталось во влажную почву.

Сидя на пятках над самым большим пятном крови, Исаак медленно выдохнул, стараясь вернуть себе спокойствие. Это была кровь Лилли. Ни каким точным путем он не мог этого знать наверняка, но он чувствовал это определенно точно, как и землю под своими ногами. Если бы эта кровь принадлежала Рею, если бы Лилли нанесла ему такие раны, то МК бы обнаружил совершенно другую картину. Он просто знал это.

Рей добрался до Лилли первой. Она была серьезно ранена. Она или уже была мертва, и он уже избавлялся от ее тела, или же, возможно, она должна была умереть в скором времени. Отчаяние заключило его в тиски, наполняя все большей паникой и страхом. Исаак уронил голову на колени, но тут же оттолкнул эти чувства подальше. Ему нужно было сосредоточиться. Если бы он забрал ее, где бы они находились? Сделав глубокий вздох, он поднял голову и осмотрелся вокруг. На земле был оставлен едва заметный след от примятой травы и сорняков. Он направился в его сторону и увидел, что это смотрелось так, словно кого-то волокли по земле в том направлении. Возможно, это было лишь принятие желаемого за действительное, может, Исаак видел подсказку там, где на самом деле ничего не было, но у него не было другого выхода, поэтому он пошел по этой дорожке из примятой травы. Он даже не позвал с собой своих братьев.

Но Лэн увидел, что тот уходит, и Исаак слышал, как он позвал остальных братьев следовать за ним. Теперь он хотел быть осторожным. Если был шанс, что Лилли могла быть жива, Исаак не хотел упустить его, потому что Рей увидит, что большая часть МК охотится за ним. Исаак развернулся и жестом показал своим братьям, чтобы они сохраняли тишину.

Они следовали за ним в течение десяти минут прежде, чем он окончательно понял, куда они направились. К тому моменту след, оставленный им, стал более отчетливым и тянулся по этой травянистой и порытой полевыми цветами лесистой местности. Вскоре они оказались в густом насаждении деревьев, теперь Исаак с легкостью следовал за Реем. Он обошел вокруг одного из кроссовок для бега, что принадлежали Лилли, и его сердце пропустило удар.

Они прошли на территорию старой оленьей засидки. Исаак знал это, потому что он охотился в этих лесах на протяжении всей своей жизни, как и все остальные мужчины позади него. Засидка находилась в собственности Корин Петерсон, которая, в данный момент, была собственностью банка... Когда они прошли еще пару минут, Исаак спрятался

за куст дикого кустарника и жестом показал, чтобы все остановились и притаились. Он взвел курок своего Глока. Остальная часть МК последовала его примеру.

Засидка была рассчитана на четырех мужчин и несколько дней ожидания. Она была приподнята над землей примерно на четыре фунта, а так же была когда-то окрашена под камуфляж. Время, погода и заброшенность сделали свое дело, тем не менее, ее цвет был почти равномерно серым цветом выцветшей древесины. Большинство окон были все еще закрыты, их ставни были заперты на крючки. Сорняки разрослись вокруг хижины, и именно они и сигнализировали, что Рей находился там. Их рост был нарушен именно в том месте, где были расположены ступеньки, которые вели к засидке. Высокие, сильные сорняки были сломаны в тех местах, где виднелись зазоры между каждой ступенью лестницы.

Поначалу Исаак ничего не видел и не слышал. Затем, как раз в тот момент, когда он был готов выйти из укрытия и направиться к засидке, ее пол слегка скрипнул, и от его взгляда не укрылось, как само строение слегка качнулось. Он замер. Ему было необходимо добраться туда, ему необходимо было шокировать Рея своим появлением. Он не имел ни малейшего понятия, в каком состоянии он обнаружит Лилли. Ему необходимо было подумать.

Лэн незаметно подобрался к Исааку и прошептал:

— Хаос и я отвлечем его. Когда мы начнем создавать шум, ты подберешься к засидке.

Исаак кивнул. Это был хороший план.

Но у них не была шанса привести их план в действие, потому что в следующий момент Рей прокричал, достаточно громко, что все парни могли услышать его слова:

— Кричи, гребаная, тварь! Кричи!

Все планы пошли прахом, и Исаак просто побежал.

Переполненный волнением, он вбежал по ступенькам и с силой ударил по двери; сухая гнилая древесина поддалась ему почти в тот же момент, а Исаак практически потерял равновесие. Но он восстановил его, прицелился и выстрелил дважды прежде, чем Рей смог поднять свой пистолет. Рей упал, два пулевых отверстия виднелись в его груди. Он почти не двигался.

Отшвырнув его оружие в сторону, Исаак больше совершенно не обратил на него никакого внимания и направился сразу же к Лилли. Она лежала на полу, ее руки были перетянуты ремнем Рея, ее одежда была ужасно разорвана, как если бы... Исаак заставил себя не думать об этом. Кровь была повсюду, медленно стекая темно красной жидкостью по ее шее, где была завязана, пропитанная кровью, его бандана. Кроме тех мест на ее теле, что были покрыты кровью или же сильными ушибами, ее кожа была практически белой, почти синеватого оттенка. Но она была в сознании и смотрела прямо на него. Она казалась... спокойной и умиротворенной. Он опустился на колени, убрал ремень с ее запястий и приподнял ее. Она была холодной. Господи.

— Детка... Господи, детка, — она моргнула, смотря на него. Было так чертовски много крови. Она улыбнулась крошечной улыбкой и попыталась поднять свою руку, но та всего лишь приподнялась на несколько дюймов, а затем упала на пол со стуком. Ее глаза закрылись. — Лилли! — он начал трясти ее тело, морщинка пересела ее лоб, но она не открыла глаза.

Он проверил ее пульс. Нитевидный. Разворачиваясь к Дэну, который стоял у двери — каким-то образом они уже вынесли тело Рея — Исаак проговорил:

— Мы должны оказать ей помощь! СЕЙЧАС!

Дэн кивнул и прокричал.

— Нам нужен грузовик сюда — так близко, как только у нас получится.

Исаак обезумел от горя: он не мог ждать ни минутой больше.

— Она истекает кровью. Ее слишком много — ее так чертовски много! — Дэн склонился рядом с ним и положил ладонь на его плечо. Он протянул руку и проверил пульс Лилли, нежно удерживая ее запястье в своих руках.

— Она в состоянии шока, Исаак. Никто сюда не вызовет скорую помощь, поэтому нам нужно как можно быстрее поместить ее в грузовик, — он скинул свою жилетку и быстро стянул свою спортивную рубашку с пуговицами на горле, оставаясь только в широкой футболке. Затем он быстро накинул свою жилетку вновь на плечи и сделал повязку из спортивной рубашки, обвязывая ее вокруг шеи девушки. — Нам необходимо быстро поместить ее в грузовик и поднять ее ноги вверх, чтобы кровь поступала к ее органам. Ты держишь ее, През. Я обеспечиваю поддержание давления. Она уже потеряла слишком много крови. Она должна сохранить ту, что у нее еще осталась.

Исаак слышал, что грузовик двигался быстро, пробираясь через заросли кустов. Он стоял там, с обмякшим телом Лилли в его руках. Дэн поднимался спиной по ступенькам грузовика, прижимая руку к ране на шее Лилли. Они забрались в грузовик, оставляя Лэна и Хаоса убрать все следы их пребывания здесь, а также для того, чтобы избавиться от того, что осталась от Рея Хобсона.

Больница находилась в двадцати милях езды. Сидя на полу грузовика, с Дэном, сидящим напротив него, пережимая ее рану, Исаак склонился над неподвижным телом своей старухи и в первый раз с того момента, как его сестра сбежала, оставив его с отцом, он молился.

oOo

Он сказал людям в больнице, что она его жена. Он абсолютно не колебался, когда говорил это. Он прекрасно знал, что они не будут расспрашивать его, а ему нужно было, чтобы они предоставили ему беспрепятственный доступ к ней. Но они сразу же унесли ее от него, и теперь он и Дэн сидели в комнате ожидания. Исаак не мог найти себе места от беспокойства.

Он практически протоптал дорожку в приемном покое от постоянного хождения взад и вперед за три часа без каких-либо новостей от врачей, затем вернулись Шоу и Лэн. Шоу подошел к нему в середине его уже натопанного маршрута и отвел его в сторону.

— С Реем все улажено, все чисто, твой байк у клуба. Я знаю, что это дерьмовое время, но нам необходимо поговорить об Уайетте.

Исаак мог сказать только одно об Уайетте.

— Этот мудака — покойник. Оставьте его мне.

Шоу покачал головой.

— Без голосования, нет, През. Тебе нужно мыслить разумно.

Тугая проволока контроля, что каким-то образом до этого момента сдерживала Исаака, лопнула, он в то же мгновение схватил Шоу за его байкерский жилет и пригвоздил его тело, жестким ударом, к ближайшей стене.

— Ты видишь эту кровь? Там было так много крови! Она может умереть — она могла бы быть уже мертва — и Уайетт сделал это! Я разорву его на части своими собственными руками. Я уничтожу его.

Дэн подбежал к нему сзади, и попытался оттащить его прочь. Исаак отпустил Шоу и

стремительно отошел в дальний конец комнаты. Он просто не мог думать об этом дерьме прямо сейчас. Он мог думать только о Лилли. Что произошло? Почему они не говорят ему ничего? Он опустился на стул и уронил голову в ладони.

Спокойный, как всегда, Шоу подошел вновь к нему и присел рядом.

— Сосредоточься на ней в данный момент, През. Я позабочусь о том, чтобы Уайетта удерживали до тех, пока ты не будешь готов. Я позабочусь об остальном. А ты сосредоточься на своей старухе.

Исаак кивнул и вновь вернулся к ожиданию.

oOo

Когда, наконец, доктор вышел и прокричал: «Кто тут семья Лилли?», Исаак был так сильно погружен в одолевавшие его тревожные мысли о своей вине, что Дэнну пришлось его подтолкнуть. Он поднялся на ноги, и доктор, которая выглядела слишком чертовки молодой, чтобы ей доверили жизнь его старухи, указала взглядом на стулья в углу.

Когда он посвящал ее в произошедшее, он сказал ей лишь только то, что обнаружил ее на полу, истекающую кровью, что было правдой. Теперь доктор Р. Инглетон, чье имя было вышито на правой стороне ее халата, спросила его:

— И вы больше не можете ничего добавить по поводу произошедшего?

Исаак покачал головой.

— Простите, док. Она лежала на полу, истекая кровью. Она была в сознании, но едва ли. И она была холодной.

Доктор Инглетон кивнула.

— Она впала в шоковое состояние, — она вздохнула. — Позвольте мне рассказать в каком состоянии она теперь находится, потому как, полагаю, для вас это имеет очень важное значение, и затем я вас введу в курс дела, чего можно ожидать от ее травм — мои догадки, по крайней мере.

Исаак кивнул, но не ответил ей ни слова. Он не хотел отвлекать ее от объяснений, какого хрена происходило.

— Она потеряла много крови — почти 40 %. Это очень опасная ситуация, которая может нанести серьезный вред внутренним органам. Но она очень спортивная — на самом деле, в очень хорошей форме, с хорошей сердечно-сосудистой системой, поэтому это, определенно, помогает ей. Но, в данный момент, она в коме. Она дышит сама, ее жизненные показатели показывают все признаки улучшения, что обозначает, что ее функции внутренних органов постепенно приходят в норму и восстанавливаются. Но мы не можем сказать с определенной точностью, повлияет ли это на работу ее мозга, пока она не придет в себя, если, конечно, она придет в себя.

— Она может умереть? — Исаак принудил себя, чтобы его горло, в конце концов, вытолкнуло эти слова, и они были произнесены.

Доктор была с ним честна.

— Да. Мне жаль говорить вам это, но ее состояние в данный момент является критическим. Но, опять же, она показывает некоторые признаки улучшения.

— Могу я быть с ней?

— Она пробудет еще как минимум несколько дней в палате интенсивной терапии. Приемные часы там проходят по очень строгому расписанию. Мне очень жаль.

— Пошло нахрен это. Я не оставлю ее. Ни за что. Попробуйте, выведите меня, если сумеете.

Она вздохнула и задумалась.

— Я смогу кое-что сделать на сегодня и завтра. А затем мы погорим, — внезапно она почувствовала себя очень неловко, смотря на его байкерскую жилетку, она прочистила горло, откашливаясь. — Есть еще некоторые вопросы, которые мне необходимо обсудить с вами. И мне необходимо будет позвонить в управление шерифа.

Он ожидал этого. Травмы Лилли, определенно, были очень серьезными. Но шериф не будет проблемой.

— Все хорошо. Зачем?

— Рванная рана на ее шее, вероятнее всего, от пули. Но у нее имеются и другие раны — сломанные кости руки, сильный вывих лодыжки, серьезные ушибы и другие небольшие повреждения. Выглядит так, будто она была связана и избита. И некоторые раны носят характер того, что может говорить о том, что над ней... издевались.

Исаак закрыл ладонью глаза. Он видел ее, лежащую на гнилом деревянном полу в оленьей засидке, ее одежда была разорвана, а она сама была вся покрыта кровью. Он не должен был удивляться ее словам. Но он и не сильно удивился. От тошноты его желудок резко скрутило. Он ощутил острое желание выкопать тело Рея и убить его вновь. Он должен был сделать так, чтобы Уайетт заплатил за все что сделал.

Но ведь он был тем, кто раскрыл ее планы. Это был он. Возможно, если бы он позволил ей сделать все так, как она изначально планировала, она просто сделала так, чтобы Рей исчез, и МК никогда и ничего бы не узнал. В конце концов, вся вина была целиком и полностью на нем.

— Мы взяли анализы на изнасилование.

Он опустил беспомощно руки и посмотрел на доктора. Она покачала головой.

— Он был отрицательным. Но мне нужно, чтобы вы поняли, что ее травмы очень обширные. Следующие полдня или около того будут решающими. Ей будет проводиться переливание крови, по крайней мере, завтра, и если мы сумеем стабилизировать ее состояние, то это будет просто вопрос времени, придет ли она в сознание. И если это произойдет, то мы узнаем точно, привела ли существенная потеря крови к травме головного мозга.

Если. Если и она очнется.

Исаак сел и позволил информации улечься в его голове. Он старался, не смотря ни на что. Но все, о чем он мог думать в данный момент, это то, что Лилли могла умереть.

— Мне нужно быть с ней, док.

Доктор Игнетон кивнула.

— Она в скором времени будет переведена в палату интенсивной терапии. Я попрошу кого-нибудь провести вас к ней, как только она будет переведена туда.

oOo

Прошло еще полчаса, прежде чем кто-то пришел и отвел Исаака в небольшую комнату со стеклянными стенами. Он остановился в дверном проеме, пораженный ее видом. Она была такой крошечной и уязвимой, со всеми этими проводами и трубками, подключенными к ее телу от различной аппаратуры.

Она была такой бледной. Словно она уже умерла.

В комнате находился лишь один стул. Исаак подвинул его как можно ближе к кровати и присел на него. Беря ее холодную, не реагирующую ни на какие прикосновения ладонь в свои две больших руки, он положил голову на их руки.

— Останься со мной, Спорти. Ты должна остаться со мной.

Он не получил совершенно никакого ответа за исключением шума и звуковых сигналов от аппаратов, что окружали ее.

оОо

На следующее утро Шоу подошел к двери палаты Лилли. Исаак сидел и наблюдал за движением ее груди, находя в этом успокоение. Шоу постучал о стеклянный дверной косяк, и Исаак повернулся.

— Есть какие-нибудь изменения?

Исаак покачал головой.

— Что произошло?

— Все приехали сюда, През, ждут вас в часовне внизу. Мы решили приехать со встречей к тебе. Мы не можем удерживать Уайетта в пыточной постоянно.

— Все?! А кто тогда охраняет его?

— Я поручил это доверенному лицу Виктора. Он охраняет его.

Исаак не хотел покидать Лилли, если даже это значило всего-навсего спуститься вниз в часовню и провести встречу, но он прекрасно знал, что Шоу прав. Противоречивые чувства разрывали его, он поднялся на ноги, оставил поцелуй на ее все еще холодном лбу и направился за Шоу к выходу из палаты.

Мужчины сидели на церковных скамьях в небольшой часовне, строго в том же порядке, что они занимали за столом. Исаак и Шоу вышли вперед. Шоу присел, а Исаак развернулся лицом к своим братьям.

— Мне нужно возвращаться, поэтому я перейду непосредственно у делу. Мы должны проголосовать насчет Уайетта. Два голосования: насчет его нашивок и его жизни. Он пошел против решения голосования клуба. Его действия привели к смерти Ровера и к тому, что моя старуха серьезно пострадала. Она может умереть, — его голос надломился, и он замолчал, чтобы вновь собраться с силами. — Бл*дь, возможно, она умирает в эту самую минуту, так что давайте покончим побыстрее со всем. Кто за то, чтобы забрать нашивки у Уайетта.

Голосование должно было быть анонимным. Никто не возражал против этого.

— Принято. Следующее голосование. Он должен умереть? Предал клуб, послужил причиной смерти двадцатичетырехлетнего парня, нашего проспекта Ровера, повинен в том, что Лилли подстрелили и пытали. Все это — причины, по которым Уайетт должен понести заслуженное наказание. Голосование анонимное.

Оно было таковым, но СиДжей опустил голову, словно произнося молитву, прежде чем поднять глаза, и с жестким взглядом проговорил:

— Я «за».

Несмотря на беспокойство, которое обернулось вокруг его позвоночника словно железные пруты, Исаак чувствовал облегчение. Он не знал, что бы он делал, если бы голосование прошло не так, как он того ожидал.

— Принято. Он мой. Держите его до тех пор, пока я не смогу добраться до него.

— През, постой, — Шоу поднялся на ноги, и Исаак повернулся к нему, готовый к борьбе. Шоу поднял свои руки вверх. — Я знаю, что ты хочешь покарать его. Я понимаю твоё желание. Но я хочу попросить тебя перевести дух. Мы убрали девочек и хэнгараундов из клуба. Только так мы можем удерживать его в ожидании наказания. Но чем дольше мы удерживаем его, тем больше возрастает риск. Ты хочешь разобраться с ним и оставить Лилли? Или же ты предпочтешь остаться с ней и позволить нам разобраться с ним? Выбор за тобой.

Работа Шоу состояла в том, чтобы возвращать Исаака в реальность. Именно поэтому он хотел именно его на должность ВП, чтобы тот укрощал его неумный нрав. И он был прав. Но сейчас все, чего хотел Исаак, это разбить его лицо. Он резко повернулся и схватил вазу с цветами, бросая ее через всю часовню. Брошенная ваза достигла стены и ударилась об нее, разлетаясь на мелкие кусочки. Опираясь рукой на небольшой алтарь, Исаак попытался вернуть себе контроль. Он должен был убить его. Он нуждался в том, чтобы чувствовать, как жизнь по капле покидает тело этого предателя. Он отчаянно желал отнять его жизнь для Лилли.

Он не смог бы оставить ее. Он не сделает этого.

Исаак вновь повернулся к своим братьям. Его взгляд остановился на Лэне, а не на Шоу, и он проговорил:

— Ты и Виктор убьете его. Я хочу, чтобы он умер медленно и в мучениях. Срежьте его чертовы нашивки с жилета. Я хочу, чтобы он смотрел, как его татуировку принадлежности к клубу вырезают с его кожи. А также я не хочу, чтобы он был похоронен рядом с его братом. И сожгите его гребаный жилет.

Лэн коротко кивнул, а Исаак вышел из помещения церкви и направился обратно к постели Лилли. Он больше не оставит ее. Ни за что.

oOo

Дни пролетали, а Лилли все не приходила в себя. Он не отходил от нее дальше, чем до приемного покоя, который находился в конце коридора. Его братья приносили ему еду, но большую ее часть он оставлял нетронутой. Медсестры — большая группа медсестер — заставляли его иногда пить и время от времени есть, но он не чувствовал вкуса еды.

Дважды МК собирался на краткую встречу в приемном покое, и ежедневно Шоу приходил к нему, чтобы посвятить в происходящее. Виктор и Лэн позаботились о Уайетте. Оружие с Талсы было доставлено. МК повысило трех хэнгэраундов до должности проспектов. У них никогда прежде еще не было три проспекта одновременно — у них редко было даже больше, чем один — но проспекту можно было поручить выполнение таких вещей, которых они не могли поручить хэнгараунду, откровенно говоря, им была нужна рабочая сила. Они были небольшим клубом, и им предстояло столкнуться с сильным врагом.

Мак Эванс, на данный момент, перешел на сторону «хозяев поля» и вслед за этим получил резкий телефонный звонок от одного из помощников Эллиса, но Мак на этот раз сразу же позвонил Шоу. На следующий день детей Уилла Келлера преследовали от дома до остановки школьного автобуса на джипе с тонированными стеклами, который никто не мог узнать. Уилл твердо стоял на своем, и МК оплатил поездку для его жены и детей во Флориду к родителям его жены. Ситуация набирала зловещий оборот.

А Исаак едва находил место в голове, чтобы хоть на мгновение задумываться об этом.

Шоу посвящал его в происходящее, и Исаак просто кивал. Шоу предполагал новые варианты действий, Исаак просто кивал. Он наблюдал за тем, как поднимается и опускается грудная клетка Лилли, и просто кивал. Затем Шоу стискивал его плечо и покидал его.

Они перевели ее из палаты интенсивной терапии, как только ее состояние нормализовалось. Почти на протяжении трех дней они находились в отдельно палате, и работники больницы принесли ему раскладное кресло. Он не стал заморачиваться и пользоваться им. Он сидел как можно ближе к ней и ждал, желая, чтобы она очнулась. Когда он спал, то всего-навсего дремал с краю ее кровати, не выпуская ее руку.

Первый день или несколько дней доктор Инглетон останавливалась, чтобы поговорить с ним после того, как она осматривала Лилли. Она объясняла ему, что она видела, что это значило, говорила о том, какие прогнозы были, по ее мнению. Но последние пару дней она только лишь мрачно улыбалась и покидала палату, как будто было нечего больше сказать.

А сказать было, на самом деле, нечего. Никаких изменений. Она просто не приходила в себя.

Он занимал свой разум и не падал духом благодаря тому, что представлял свое будущее вместе с ней. Он собирался жениться на ней, сделать так, чтобы она набила его татуировку, привести ее в свой дом. Он представлял, как приходит домой к ней, как они обнимаются и читают книги, или же смотрят фильмы. Как он относит ее к себе в кровать, к ним в кровать, как он оставляет в ней свое семя, чтобы она носила его ребенка. Он был занят мыслями о том, как она сидит на высоком стуле в его мастерской и наблюдает за тем, как он придает форму куску дерева и вырезает. Он погружался в мечты о том, как он путешествует с ней на старом жилом автофургоне, который ей так пришелся по душе, наблюдает за тем, как она бросает гневные взгляды на людей, которые стараются занизить стоимость его деревянной вазы. Он старался занимать свои мысли мечтами, как она держит их ребенка в своих руках.

Это была единственная жизнь, которую он желал. И для этого нужно было, чтобы она пришла в себя, чтобы он мог воплотить это в реальность.

Поздно вечером, на четвертый день, незадолго до того, как он начал бы отсчет начала пятого дня, рука Лилли дернулась в его ладони. Он пребывал в дреме на границе между сознанием и сном, и резко встрепенулся, приходя в сознание, когда это произошло. Потом он стал сомневаться, что это произошло на самом деле. Он присел на стуле и стал ждать, когда она сделает это еще раз. На протяжении долгих напряженных мгновений, за которые он старался охватить взглядом все ее тело, чтобы он не смог упустить ни единого изменения, он ожидал каких-либо изменений.

И затем она сделала глубокий вдох.

— Лилли?

Она была неподвижна.

Господи Иисусе, Спорти. Очнись. Очнись, очнись.

Глава 21

Лилли казалось, что она прибывала в сознании некоторое время, потому что ни один из звуков, что она слышала, не казался ей знакомым. Она знала, что находилась в больнице. Она прекрасно понимала, что была подсоединена к аппаратам, чувствовала легкое неудобство от фиксирующего пластыря на ее запястьях и жесткое проникновение внутривенных катетеров, тянущее ощущение от лейкопластыря на ее груди, который удерживал датчики кардиомонитора. Она могла слышать необычные звуки больницы, в

которой кипела работа, плачущие звуки мониторов в ее палате, разговоры за пределами ее. Определенно точно, это была больница. Но она только не была уверена, почему.

Прежде, чем она открыла глаза, она знала, что Исаак — тот, кто держит ее за руку, его жесткие, грубые ладони, ощущались тепло и нежно на ее коже. Исаак. Ее любовь. Он был здесь; он был с ней. Она старалась понять, что это могло значить. Было что-то, что она должна была знать, что ей было необходимо знать, что-то важное. Но это ускользало от нее.

Комната начала медленно приобретать четкие очертания. Свет в палате был ярким и резал ей глаза, но прежде, чем она могла закрыть их вновь, ладони Исаака сжались на ее щеках.

— Лилли? Ах, Спорти. Ты со мной? Ты пришла в себя? — она слышала нотки отчаяния в его голосе и попыталась ответить ему, но у нее не получишь выдавить из горла ни звука. Она попыталась кивнуть, но ее шея не желала ей подчиняться. Вместо того, чтобы попытаться еще сильнее распахнуть глаза и посмотреть на него, она крепко сжала свои пальцы вокруг его.

— О, Господи. Лилли, слава Господи. Ох, младенец Иисус, — он придвинулся к ней ближе и поцеловал лоб. Он улыбнулся ей; затем, как если бы его первый поцелуй не удовлетворил его потребность, он начал осыпать дождем из поцелуев ее щеки, нос, подбородок, губы и вновь ее тело. К тому времени, когда он закончил и посмотрел на нее снова, она уже могла четко видеть. Он выглядел ужасно, под его прекрасными глазами залегли темные круги. Она подняла руку, которую он не держал, и удивилась, увидев ее в гипсе.

Когда она полностью пришла в сознание, вместе с ним вернулась нестерпимая боль. Она поняла, что она чувствовала боль по всему телу. Она старалась понять, что произошло. Автомобильная авария? Каким ее было последнее воспоминание? Исаак ласково гладил ее лицо и затем взял что-то в руку возле ее плеча.

Голос раздался через динамик, который был расположен где-то в комнате, спросил:

— Вам что-то нужно?

Исаак прокричал:

— Она пришла в себя!

Голос ответил ему:

— Кто-нибудь сейчас подойдет.

Он поднес ее руку к своим губам, все повторяя:

— Ты будешь в порядке, Спорти. Ты будешь в полном порядке.

И у нее не было причин не верить ему. Поэтому она просто прикрыла глаза.

оОо

Лилли проснулась с Исааком, практически лежащим на ней, его ладони крепко прижимались к ее плечам, его грудь тяжело прижималась к ее.

— Проснись, детка. Все в порядке. Ш-ш-ш-ш. Не причини себе боль.

Сон быстро расселся, оставляя после себя только кусочки образов, когда она поняла, где находилась. Она извивалась под весом Исаака, чувствуя нарастающее раздражение от его слов, которые звучали снисходительно. Она чувствовала себя беспомощной и достаточно слабой и без того, что Исаак обращался с ней как с ребенком.

— Я в порядке, — она попыталась избавиться от него, и он, наконец, отпустил ее и

опустился на стул рядом с ее кроватью.

— Сны стали хуже — сейчас намного хуже, Спорти.

Она только пожала плечами вновь. Он был прав — они стали намного хуже. Это были все еще кошмары о смерти, но теперь в них всплывали моменты из ее памяти, и смерть приобрела свои окончательные очертания в лице Хобсона. Но они обычно не задерживались надолго в ее памяти, как только она просыпалась. Она научилась справляться с ними так же, как научилась справляться со всем остальным в ее жизни.

К концу второго дня ее пребывания в полном сознании, Лилли, наконец, вспомнила причины, которые привели ее сюда. Хобсон. Она позволила ему взять над собой вверх. Вновь, она позволила ему причинить ей боль. Она облажалась.

Она знала, что он умер. Исаак убил его. Поэтому, так или иначе, ее цель была достигнута. Но, как бы то ни было, она облажалась. Хобсону удалось, несмотря ни на что, отобрать у нее все. Он хотел отобрать у нее намного больше, но он был не способен на то, чего он так желал. Она помнила каждую секунду, пока Исаак не заключил ее в свои объятия. И после этого четыре дня полного мрака.

Хобсон нанес ей много травм. Но Лилли поправлялась. После трех дней ее пребывания в сознании — неделю спустя ее ранения — она почувствовала, как ее силы стали возвращаться. Она уже могла проводить в сознании большее количество времени, не чувствуя головокружения, даже когда она лежала в постели. Она не могла стоять больше чем пару секунд, потому как мир вокруг нее сразу начинал погружаться в серую дымку, но она знала, что скоро у нее все получится. Хотя ее все еще беспокоила лодыжка.

У нее была ужасна рана на ее шее, которая оказалась там по причине ее слабости. Различные порезы и ушибы, что виднелись на ее коже, постепенно исчезали, хотя из ее памяти они не исчезнут никогда. Ее левая рука была в гипсе, и это, вероятно, станет той вещью, которая будет вызывать неудобство на протяжении долгого времени. Все это, несмотря ни на что, заживет. Она ожидала, когда полностью выздоровеет.

Чего она не знала, так это того, как сохранить присутствие духа. Судьба отняла у нее семью. Хобсон отнял у нее все остальное, даже ее силы. Она не знала, что осталось у нее.

оОо

— Где ты, Спорти? — они сидели снаружи дерьмого небольшого больничного «дворика». Лилли была в инвалидном кресле, которое было больше предосторожностью, чтобы у нее вдруг не закружилась голова, и она не упала в обморок, но все же это заставляло ее чувствовать себя инвалидом. Ладонь Исаака покоилась на ее колене, и он легко сжал его, когда говорил.

Она пришла в себя и улыбнулась ему.

— Нигде. Просто отключилась.

— Твой мозг работает не настолько медленно, чтобы просто отключиться. Там что-то происходит, Лилли. Я вижу это. И это происходит с того момента, как ты пришла в себя. Поговори со мной, — он придвинул ее кресло так, что оно развернулось под углом, и она оказалась лицом к нему. — Поговори со мной.

Он внимательно смотрел в ее глаза, словно там старался разглядеть то, что она держала в себе. С того момента, как она очнулась, он смотрел на нее по-другому. Этот взгляд... обнажал, он не сдерживал ничего, словно он предлагал ей все. Это пугало ее, потому что у

нее не было ничего, что могла бы дать ему в ответ. Она чувствовала пустоту.

Когда ее мать покончила с собой, у нее был ее отец, и он был у нее, когда умерла ее бабушка. Когда умер отец, у нее была армия. Когда ее вышвырнули из армии, нее была ее месть. У нее всегда было что-то, что могло отвлечь ее от утраты. Во временном отрезке, в котором она существовала после увольнения из армии и прежде, чем она узнала о поступке Хобсона, она чувствовала себя такой же опустошенной, и она просто остановилась на месте, ее жизнь замерла. Чувство потери, от которого она бежала с того момента, как ей исполнилось десять, начало настигать ее. И затем с ней связался Лопез, и она вновь запихнула это чувство подальше.

Теперь у нее был Исаак. Но с того момента, как она очнулась, она могла только видеть его сквозь дымку своих неудач и поражений. Ее связь с ним усложнила выполнение ее миссии. Она приняла решения, руководствуясь чувствами к нему, которые подвергли его и остальных большому риску. И затем она облажалась. Ей понадобилось, чтобы ее спасли. Она была в полной власти Хобсона. Вновь. Погибло двое мужчин, которые не должны были погибнуть, если бы она держалась подальше от Исаака и МК.

— Лилли. Прошу тебя поговори со мной, — Исаак повторил свою мольбу, ласково поглаживая ее по бедру.

Громкий голос в ее голове все вторил ей, что это ее возможность освободиться от него. Она могла покончить с этим сейчас, сказать ему, что произошедшее в корне изменило ее мышление. Она могла затаиться на время и затем вновь начать двигаться. Она уже открыла рот для того, чтобы ответить ему, но...

Она любила его. Она не хотела покидать его. Она не знала, что осталось от нее, но если что-то и осталось, это находилось здесь. Между ними. Он улыбнулся ей и прижал ладонь к ее щеке, проскальзывая пальцами в ее волосы.

— Я люблю тебя, Спорти. Лилли. Я прекрасно понимаю, что у тебя есть секреты. Я понимаю это. Но не отгораживайся от меня.

Чувствуя себя эгоистичной и потерянной, она не стала. Она открылась. Она нуждалась в нем только для того, чтобы избежать сокрушительной пустоты. Нет. Это было намного большим. Она нуждалась в нем из него самого, из-за того, что было между ними. Она доверилась ему, и он никогда не предавал ее доверия. Теперь она должна была основываться на этом. Она сказала ему, о чем она думает, что она чувствует. Она впустила его. Она впустила его в свою душу еще с того момента, как они встретились

Когда она выговорилась, он крепко сжал ее ладони в своих.

— Лилли, ты ошибаешься. Рей не забрал ничего. Не позволяй ему одержать победу сейчас. Я еще не знал ни одной женщины, похожей на тебя, — такой же сильной, такой же умной. Ты сделала меня сильнее. Когда мы действуем по отдельности, тогда мы слабы. Когда мы прячемся, боимся сказать правду, тогда мы слабы. А вместе мы — отличная команда. Мы дополняем друг друга. Мы подходим друг другу. Я чувствую это. А ты?

Она чувствовала, что они подходят друг другу, что дополняют друг друга таким образом, как ни с кем прежде. Поэтому она испытывала такие чувства?

— Я не знаю, где мое место, Исаак. Что я дополняю? Или же куда я подхожу. Я не знаю, что будет дальше. Большую часть сознательной жизни моим постоянным адресом был шкафчик на военной базе.

— Здесь, Лилли. Ты подходишь этому месту. Создай свой дом со мной.

Она покачала головой. Это место было лишь придуманной легендой.

— Я здесь даже не под своим настоящим именем. Я даже не могу воспользоваться своим именем.

Он улыбнулся и сжал в его больших ладонях ее бедра.

— Ну, тогда возьми себе новое. Возьми мое.

Ошеломленная, Лилли не ответила ему ничего. Она просто уставилась на него в ответ, но его взгляд оставался решительным.

— Исаак, что...?

— Прошу тебя выйти за меня замуж, Спорти. Стать моей старухой. Черт возьми, ты уже и так моя старуха. Я хочу, чтобы ты была со мной.

Ее сердце отчаянно забилося от этой мысли. Но это не было правильным решением.

— Нет. Раствориться в тебе — никак не поможет мне понять, кто я такая. Ни за что.

Исаак откинулся спиной на скамейку и отвел взгляд в сторону. Это был первый раз с того момента, как она пришла в себя, его руки не сжимали ее, и она жалела об утрате его прикосновения.

— Ты ошибаешься, Спорти. Для такой умной женщины, ты упускаешь что-то очень важное. Я не знаю никого с таким сильным самоощущением себя, которое есть у тебя. Ты прекрасно знаешь, кто ты. Это все четко проявляется во всем, что ты делаешь. Единственная вещь, которую ты не знаешь, это то, что тебе известно о самой себе.

Теперь она чувствовала себя усталой и расстроенной. Не понимая того, что он говорит, плюс ко всему, в данный момент она явно не была в настроении для загадок, она вздохнула.

— Не говори загадками. Как я могу не знать, что я знаю о себе? Это не имеет никакого гребаного смысла.

Он вновь повернулся к ней.

— Ты права. Но мне кажется, что ты провела слишком много времени, сосредоточившись на следующих вещах: на твоей миссии или что там еще тебя вело вперед, ты даже никогда не останавливалась, чтобы подумать, насколько ты восхитительная. А также ты никогда не останавливалась, чтобы задуматься о том, сколько замечательных вещей ты можешь делать. Потому что ты просто знала, что можешь делать это, и все. Потому что ты знала себя достаточно, чтобы просто знать, на что ты способна. Ты никогда не сомневалась в этом. Мне кажется, именно поэтому Рей поступил с тобой таким образом. Но, Лилли, он мертв, а ты жива. Мы сделали это вместе. Ты выдержала. Ты не позволила ему победить.

Беря ее ладони в свои вновь, он подался вперед.

— У нас есть нечто общее, у тебя и у меня. У нас на самом деле много общего. Но, что самое важное, мы делаем то, что хотим делать. Мы получаем то, что мы хотим. Поэтому, Спорти, ответь себе на вопрос: чего ты на самом деле хочешь?

Лилли прикрыла глаза. Она была усталой, но больше всего она хотела привести в порядок мысли, что путались в ее голове. Она не знала. Она не знала. И затем одна мысль возникла на фоне какофонии остальных и приобрела более четкие очертания. Это даже была не мысль — это был образ, воспоминание. Она вспомнила, как она сидела, откинувшись спиной на его тело, когда он лежал на их одеяле во время второго дня вечернего костра в Талсе, его прикосновение рук к ее. Она чувствовала себя целостной, спокойной и счастливой.

Она чувствовала себя дома.

Она открыла глаза: его зеленые глаза все еще были сосредоточены на ней. С улыбкой

на губах, она ответила:

— Тебя. Я хочу тебя.

Его односторонняя улыбка была открытой и счастливой, его ощущение облегчения было буквально осязаемым.

— Ну, тогда все ясно. Я спрашиваю опять, Спорти. Ты выйдешь за меня?

Она кивнула.

oOo

Она ходила сама и достаточно хорошо шла на поправку к тому времени, как ее выписали. Только гипс на ее руке и темный шрам на шее служили ей постоянными напоминаниями. Она чувствовала, как ее переполняло нетерпение от желания побыстрее вернуться к пробежкам и тренировкам, но она знала, что должно пройти какое-то время, прежде чем она могла начать делать это.

Исаак привез ее к себе домой, где он мог заботиться о ней. Это был переезд на постоянной основе. Он смог упаковать все ее вещи — по крайней мере, те, которые находились здесь, в городе, в ее Камаро, — и перевести в дом. Она больше не жила в том небольшом домике. Теперь она жила в семейном доме Исаака.

Работа была проблемой, которую предстояло решить. Она отдала ему ключ от своего кабинета, и он привез и установил все на втором этаже его дома. Она доверяла ему, что он не станет совать нос в ее дела, и плюс ко всему, там не было никаких конфиденциальных документов, но это все равно было нарушением основного протокола. Но у нее были срочные дела, которые нужно было решить в самое короткое время. Ее отсутствие в то время, пока она находилась в больнице, вызвало тревогу, и она больше не могла ждать, чтобы уладить происходящие проблемы.

Решить проблемы с Управление национальной безопасности было просто — потому как оказалось, что они не связывались с ней до того момента, пока не осталось пару дней до ее выписки, поэтому в ход не была пущена «тяжелая артиллерия». Просто они хорошенько задумались о причине ее молчания. Рик же, который был ее связным в деле с Хобсоном, был в десяти секундах от того, чтобы удалить их файловый сервер высокой доступности, когда она, наконец, связалась с ним. Она была должна купить этому парню что-нибудь, чтобы успокоить его нервы.

Все было кончено. Хобсон подвергся правосудию — единственному виду правосудия, который был для них доступен. Смерти. Это было странно для Лилли — задумываться над тем, чтобы встретиться лицом к лицу с чем-то похожим на нормальную жизнь — дом, постоянный партнер, общество. Она не имела ни малейшего понятия, будет ли ей это под силу.

Но ей очень хотелось выяснить это.

Глава 22

Он припарковался возле дома и прошел внутрь. В доме было тихо, что обычно означало, что Лилли работает. Он повесил свой байкерский жилет на напольную вешалку и направился на кухню, чтобы взять пару бутылок пива, затем поднялся наверх.

На протяжении всех этих лет, с того момента, как он переехал обратно домой, после смерти его отца и до момента, когда он перевез Лилли сюда пару недель назад, Исаак мог

пересчитать по пальцам количество раз, когда он бывал на втором этаже дома. Там находилось пара спален, а также небольшая ванная комнатка, которая располагалась под самым карнизом. Он и его сестра выросли на этом этаже. Для Исаака, чье детство насчитывало всего несколько счастливых воспоминаний, не было ничего хорошего, связанного с этими комнатами. Поэтому он просто закрыл комнаты и не обращал на их существование никакого внимания.

Но Лилли была сейчас здесь, поэтому ей необходимо было ее личное место для работы. Поэтому он отдал ей под кабинет свою старую комнату. За исключением того, что с кровати было снято все постельное белье, был только голый матрас, она выглядела так же, как и тогда, когда он жил в ней. Лилли была поражена аскетизмом остановки. Как и он. Его больно задела воспоминания, о которых он старался не думать. Его отец был нетерпим к несерьезным вещам, поэтому у него не было никаких плакатов или же альбомов, никаких моделей машин или же других увлекательных хобби. За исключением книг. Книг, которых он позволял, но Исааку не позволялось держать их в комнате. Он учился работать с мотоциклами и вырезать по дереву, потому что это было работой, а не напрасной тратой времени. Выполненная работа обязательно подвергалась его отцом тщательной проверке. Он не должен был получать удовольствия от работы. Или же от выпитого алкоголя. По крайней мере, так полагал его отец.

Исаак получал удовольствие, помогая Лилли превращать эту комнату в нечто большее и лучшее. Он сделал большое количество работы, когда она поправлялась, но она сидела там, рядом с ним, на высоком стуле и управляла им. Он избавился от всей старой мебели и сделал для нее стол и полки для книг. Вообще-то, ей не нужны были книжные полки для ее работы, но ему нравилось делать для комнаты все, что она хотела, тем более, он прекрасно знал, что у нее имелось множество книг, которые она где-то хранила. Он также покрасил их цветом, которым она выбрала из цветовой палитры Pantone book, которая находилась в его мастерской. Это был серовато-зеленый (Прим. Pantone book — цветовая модель Пантон, это широко используемая стандартизованная система идентификации и подбора цвета, общепризнанный международный стандарт в издательском деле и офсетном производстве).

Он не хотел делать ничего больше, по крайней мере, сейчас, потому что он даже не знал, какой у нее вкус, а ему хотелось, чтобы она сама изъявила желание и попросила его сделать что-либо. Она впервые за свою жизнь жила с кем-то в своем доме. У него вызывало это горьковато-радостные чувства. Даже у него был дом, каким бы он не был. Думать, что Лилли была лишена этого, заставляло его сердце сжиматься от боли. Но она создаст с ним свой дом, и они изменят неприятные воспоминания, чтобы создать его. Исаак чувствовал сосредоточенность и ясность насчет его дальнейшей жизни. Такого он еще прежде не испытывал ни разу.

Он постучал в закрытую дверь. Она рассказала ему больше, чем следовало, насчет своей работы, но, не смотря на это, она держала свою дверь закрытой. Когда она не работала, она всегда была рада видеть его в этой комнате. Обычно он не поднимался в ее кабинет, но ему нужно было срочно поговорить с ней.

Это заняло пару минут, он знал, что она закрывает все, что у нее было открыто на компьютере, чтобы впустить. Когда она открыла, то улыбалась ему.

— Привет. Ты сегодня раньше, чем я предполагала.

— Да. Я хотел поговорить насчет кое-чего, если, конечно, у тебя есть время, — он протянул ей пиво.

— Для тебя время есть всегда, любимый. Давай все же спустимся вниз.

Они вдвоем спустились в гостиную и сели вместе на старинный диван. Исаак взял ее за руку и переплел их пальцы.

Гипс с ее руки сняли на прошлой неделе, и она практически вернулась в свою прежнюю форму. К настоящему моменту прошла пара месяцев после столкновения с Реем. Она начала вновь бегать месяц назад, чем вызывало у доктора Инглетон негодование, но Лилли справилась. Исаак был крайне удивлен, что она смогла вытерпеть так долго. Но большая потеря крови не прошла без последствий, она была расстроена и по сей день, думая о том, сколько у нее займет времени, чтобы вернуть все ее силы обратно. Сегодня утром она возвратилась после своей пробежки одновременно расстроенная и взволнованная; она впервые пробежала с того времени пять миль.

Он всегда был свидетелем того, как она возмущалась, что хочет быть сильной, что хочет создать свой дом, что желает быть независимой, поэтому он просто отошел с ее пути и позволил ей это. Он позволил ей быть самой собой. Он хотел жениться на ней сразу же, но не потому, что он был не уверен в ее решении, а просто потому, что он чертовски хотел жениться на ней. Но она выйдет за него, только будучи самой собой, Лилли Аккардо, а не Лилли Карсон. Это значило, что им пришлось бы тайно сбежать, чтобы сделать это, а Исаак не мог в данный момент покинуть Сигнал Бенд. Эллис собирался предпринять реальное наступление, и МК, и город должны были быть готовы отразить его натиск, если, конечно, им будет это под силу это.

И именно об этом он должен был с ней поговорить. Он должен был рассказать ей все, ввести ее в курс дела. Ему нужна была ее помощь. Потому что он был напуган.

— Я хочу рассказать тебе, что происходит у нас в МК. Это серьезное дерьмо. Слишком серьезное для меня. Ты мне нужна.

Она подняла их переплетенные ладони и поцеловала его костяшки на руках.

— Я здесь. Я помогу тебе, чем смогу.

— Мне просто нужен взгляд со стороны. У Шоу есть свои идеи, у меня свои, но, как мне кажется, мы смотрим на вещи несколько ограниченного, — она знала о перевозке мета, потому что пробила по своим собственным каналам некоторую информацию насчет его клуба, когда они только начали бывать вместе. Но теперь он объяснил ей, почему они приняли решение заниматься перевозкой мета. Он рассказал ей больше историй о городе, и затем он рассказал все о Лоуренсе Эллисе и что он был намерен сделать в Сингал Бенд.

Когда он закончил рассказ, Лилли молчала, пристально смотря в окно на сад. Она хотела цыплят, и он задался вопросом, представляла ли она, как они бродят по саду. Кроме нескольких почти диких кошек, которые питались мышами, у него больше не было никаких животных на его собственности с того момента, как он вступил во владение. Но Лилли, у которой никогда не было даже рыбки, обнаружила в себе страсть к животным. Исаак был практически уверен, что одна из кошек была беременна, и он боялся, что скоро весь дом будет переполнен котятками. А Лилли при этом еще хотела и кур, и собак. Она также хотела лошадей. Но и на этом она не хотела останавливаться. Он отверг эту идею поначалу, это была его автоматическая реакция на ее слова, потому что он не хотел бытьотягощен ответственностью еще и за животных. Но ведь в этом-то и был смысл создания общего дома — принимать решения вместе. И теперь он хотел этого.

И он любил ездить на лошади, почти так же, как и на Харлее. Он хотел ей купить собственный байк, хотя ему нравилось, когда она сидела позади него на его байке.

На протяжении пары мгновений, в течение которых она сосредоточенно размышляла, Лилли поглаживала длинный, розоватый шрам сбоку на шее. Это была привычка, которую она приобрела. Исаак даже был уверен, что она не знала, что делала это, но он замечал это каждый раз. Затем она вновь развернулась к нему.

— А что произойдет, если Эллису удастся сделать то, что хочет?

Исаак много думал об этом, поэтому он был готов ответить.

— Он наладит полномасштабное производство по производству мета на территории леса, который принадлежит Уиллу Келлеру, и превратит Сингнал Бенд в ужасный промышленный город. «Северные Всадники» свергнут власть нашего МК, убив нас, таким образом, власть над улицами будет в их распоряжении. Хорошие люди, которые держались до сих пор, падут духом и покинут городок. А те, кто останутся, будут или изготавливать, или продавать. Возможно, и то, и другое. Таким образом, Эллис возьмет под контроль весь канал перевозки мета по всему Среднему Западу. А люди, которые старались контролировать это, старались относиться к этому благоразумно, будут уничтожены.

Она медленно кивнула, обдумывая то, что он сказал.

— Я собираюсь сказать тебе кое-что, и я хочу, чтобы ты выслушал это и отнесся нормально, хорошо? Не обижайся, — Исаак кивнул, зная наперед, что бы она не сказала, это будут грамотные слова. — Мет — отвратительное дерьмо. Есть ли возможность полностью избавиться от него? Чтобы город не участвовал больше в этом?

— Мне хотелось, чтобы была. Я ненавижу это. Именно поэтому у нас нет этого дерьма в городе. Мы провозим его через города и позволяем им заниматься этим, — он и правда ненавидел это. Он раздосадовано провел рукой по бороде. — Просто больше ничего не приносит реальных денег в город. Это отвратительное дерьмо помогает держаться на плаву заведению Така, а также Мари и остальным торговым точкам города. Прибыль от кафе и от перевозок МК позволяет городу сводить концы с концами. МК «Ночная Банда» никогда не отличалась особой любовью к властям и закону, но мы бы не стали заниматься этим дерьмом, если бы был другой вариант заработка. Лучшее, что мы можем сделать, это вывозить эту хрень из города, чтобы наши люди вели честный образ жизни.

Она поверила ему и не стала давить на него дальше своими расспросами. И он любил ее еще больше за это. Она никогда не судила; она просто подмечала детали. Она не выносила решений; она советовалась.

— Хорошо. А если ты одержишь победу. Что остановит Эллиса от создания такого производства в пятидесяти милях вниз по дороге, уничтожая вас таким образом?

— Он объявил охоту на нас только потому, что «Северные Всадники» делят с нами территорию, они заменят нас на него. У Сингнал Бенд особое месторасположение. Мы находимся на приличном расстоянии от шоссе, а также мы находимся в отдалении от ближайшего управления шерифа. Черт возьми, мы просто расположены в глухой провинции. Никто даже не проезжает мимо Сингнал Бенда, чтобы добраться куда-то еще.

С его губ слетел горький смешок.

— Чертовски идеальный ход. Мы исключительно подходим для ведения незаконной деятельности. А у собственности Уилла имеются самые идеальные условия для этого. И как ни крути, даже территория, которая находится пятидесяти милях ниже по дороге, относится к собственности МК. Нам принадлежит весь коридор от Сент-Луиса до Талсы, поэтому, в любом случае, нам придется вступать с ними в борьбу.

— Ваш МК не настолько большой, чтобы совладать с такой весомой угрозой.

Исаак кивнул. Действительно. Эта угроза была слишком большой для МК, слишком большой для него.

— И вот тут-то и начинаются наши проблемы. Мы не настолько сильны. Когда вещи обстоят более спокойно, мы еще можем справиться, это не так серьезно. Но мы не настолько сильный МК, чтобы обезвредить этого парня. У нас есть друзья, которые могут нам помочь, но у них есть и свои проблемы. У нас получилось собрать рабочую силу, а так же мы приобрели оружие со скидкой, но одолжения, о которых я прошу, не распространяются дальше того, что им не выгодно. Проблема была высказана, Исаак подался вперед, взял хвост Лилли в свою руку и пропустил через ее волосы свои пальцы. — Есть какие-нибудь идеи, солдат?

Она, почти не задумываясь, ответила:

— Да. Тебе нужно застигнуть врасплох этого парня. Ты не сможешь уничтожить его. Ты просишь не о тех одолжениях. Оружие — это хорошо, для патруля, который ты организовал. Но перестрелка на Главной улице просто взорвет спокойные улицы Сигнал Бенд. Я собираюсь связаться с Риком. Возможно, моя команда разошлась слишком быстро.

Она дала ему ответ, которого он совершенно не ожидал. Она собиралась втянуть себя в эту разборку. Его первым порывом было отвергнуть ее затею, но он понимал — она была хорошо подготовленной, умной и опытной. Ей было больше известно об этом больше, чем ему. Ему нужно было нечто большее, чем ее мнение. Он нуждался в ней.

— Что ты имеешь в виду?

— Ты понятия не имеешь, какой урон может нанести высококлассный хакер. Самый лучший может переписать личную информацию. Рик — лучший из лучших. Если он в игре — а он точно в игре, все получится. Он обожает это дерьмо — я сведу его с Бартом. Барт хорош, но он не играет по крупному.

Еще один ответ, которого он не ожидал, который совершенно шел в разрез с его привычными суждениями.

— Что... ты что, предлагаешь уничтожить Эллиса при помощи интернета?

Она улыбнулась, вероятно, слыша нотки разочарования в его голосе.

— А ты что думал, что прилечу на своем Black Hawk, зависну над его домом и взорву его? Нет. Я говорю тебе, что ты можешь узнать его слабые места и тем самым ослабить его. Если он важная шишка, это сработает против него, потому что с ним повязано очень много людей. И он это знает. И не важно, как хорошо он защищает себя, каждый человек, который догадывается об этом, уже потенциальная брешь в его крепости. В этом случае, тебе на руку, что вас мало. Атакуй его с другой стороны. Он не увидит твоего приближения.

В ее словах был смысл, и Исаак хотел, чтобы ее точку зрения услышали и другие.

— Я хочу, чтобы ты обсудила это с Шоу, Лэном и Бартом.

— Отлично. Я все равно хочу заниматься в вашем «спортзале» в МК.

Он рассмеялся над тем, как она со знанием дела сменила тему разговора. Мало что могло испугать ее.

— Ты уверена, что ты готова тягать железо?

Она закатила глаза.

— Да. Да. У меня есть эластичная повязка для руки. Я готова. Я даже готова бити боксерскую грушу. Хватит уже мне сидеть, как вялое дерьмо. Позволь мне привлечь Рика в дело Эллиса, прежде чем мы скажем парням что-либо.

Впервые с того момента, как Кенъен Берри сказал ему насколько серьезной угрозой

Эллис является для города, Исаак почувствовал маленький проблеск надежды, что у них все-таки получится уберечь город.

— Я люблю тебя, Спорти. Я хочу, чтобы ты носила мое кольцо, хочу, чтобы ты сделала татуировку с моим именем. Я хочу, чтобы мы завели ребенка.

Когда он произнес эти слова, она вдруг стала очень серьезной. Он знал, что давил на нее каждый раз, когда упоминал про ребенка. Она никогда не думала о детях прежде, и она уже сказала ему, что ей необходимо некоторое время. Он понимал это, и он сказал, что будет ждать, сколько потребуется, но он так отчаянно хотел этого. Она захватила крепко пальцами его подбородок и посмотрела пристально в его глаза. Взгляд ее серых глаз вспыхнул.

— Тебе нужно немного притормозить, любимый. Я почувствую, когда я буду готова.

Он взял ее ладонь в свою и поцеловал ее.

— Я знаю. Я просто расставил свои фигуры на доску. Теперь ты можешь разыграть свой гамбит.

— Твои шахматные метафоры иногда сбивают меня с толку. Ты же знаешь, что я не знаю, как играть.

— Я научу тебя. У тебя, определенно, подходящий склад ума для этого, — он схватил ее за ноги и уложил на спину на диван, накрывая ее своим телом. — Но прямо сейчас, я должен признаться, что заинтересован больше в остальной части тебя.

Конец

Больше книг на сайте - Knigolub.net